182
376

Л. А. БУЛАХОВСКИЙ

182
376

КУРС РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„РАДЯНСЬКА ШКОЛА" • ХАРЬКОВ • 1935

Л. А. БУЛАХОВСКИЙ
ПРОФЕССОР ХАРЬКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

182/376

КУРС РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Разрешен НКП УССР в качестве пособия для студентов университетов, педвузов и для преподавателей средней школы

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„РАДЯНСЬКА ШКОЛА"
ХАРЬКОВ — 1935

Библиографическое описание этого издания помещено в „Літописі Укр. друку" „Картковому репертуарі" и других показателях Украинской Книжной Палаты

ГОСУДАРСТВ. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
965454

Редактор *А. Петренко* Техредактор *М. Сидоренко*

„Радянська школа". Издание № 484. Зак. 4209. Уполн. Главлита № 2881. Тир. 7.600. Печатн. листов 19³/₄. Формат бумаги 62 × 94 /₁₆. Знаков в 1 бум. листе 104.000. Сдано в производство 26/VII-35 г. Подписано к печати 26/X-35 г.
Цена 3 р. 60 коп. Переплет 75 коп.

Книжная ф-ка ДВРШ им. Г. И. Петровского. Харьков.

ОТ АВТОРА

В основе предлагаемого „Курса“ лежат лекции (9 выпусков) автора, печатавшиеся в 1929—1931 гг. ВЗИНО (Всеукраинским заочным институтом народного образования)—ВИПКП (Всеукраинским институтом повышения квалификации педагогов). Данное издание представляет собой их переработку, с значительными изменениями и дополнениями.

Вторую часть „Курса“ должен составить „Исторический комментарий к литературному русскому языку“, сданный издательству „Радянська Школа“.

Критике, которая уделит внимание его учебнику, автор будет особенно благодарен за указания к главам первой и третьей: проблема образования и развития русского литературного языка ждет своего глубокого анализа с позиций марксистского языкознания, и в условиях недостаточной разработанности эта задача вряд ли могла быть вполне успешно разрешена автором; точно так же слабая разработанность вопросов лексики в науке, первые шаги, которые здесь делаются, не позволяют автору думать, что он достаточно убедительно разрешил задачу построения и этой части курса.

У автора нет также уверенности, что в отделах морфологии и синтаксиса ему удалось счастливо избежать всех опасностей формалистической трактовки соответствующих явлений, и он надеется и в этом отношении воспользоваться указаниями товарищей по работе.

Л. Булаховский.

2/XII 1935 г.

ГЛАВА I

СОСТАВ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Содержание: 1. Литературный язык. 2. Древнеболгарские элементы 3. Русские наречия. 4. Заимствования из иностранных языков.— Из литературы.
Приложения: Образцы языка XIV, XVII и XVIII вв. и северно- и южнорусского диалектов.

1. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК.

Под понятием „русский язык" следует разуметь, с одной стороны, русский литературный язык, с другой — различные диалекты.

Литературный язык — это язык государственных и общественных учреждений, школы, науки, прессы, художественной литературы.

Однако, поскольку литературный язык обслуживает такие сложные культурные потребности главным образом в письменном (печатном) виде, понятие „литературный язык" часто применяется только к языку печатных произведений. В этом значении литературный язык противопоставляется городскому разговорному языку, как языку обиходного устного общения. В свою очередь этот городской разговорный язык, соответственно общественным группировкам, представляет собой разновидности (социальные диалекты).

Роль и значение современного русского литературного языка как языка государственных и общественных учреждений, школы, науки и прессы огромны. Язык этот стал могучим орудием культурного строительства. Октябрьская революция покончила с позорной империалистической политикой, существовавшей при царизме, когда русский язык был в руках дворянства и буржуазии орудием порабощения и руссификации других национальностей старой России. После Октября развитие русского языка направляется пролетариатом. Русский язык стал с этого времени орудием выполнения огромной важности задач социалистического строительства. В СССР свободно развиваются все национальные языки. Развивается и обогащается новыми средствами и русский язык.

Современный русский литературный язык — результат длительного развития. Каждый класс, воспринимая наследие предшествовавшей культуры и языка, идеологически его преодолевает. И в современном русском литературном языке лингви-

стический анализ легко обнаруживает наследие предшествовавших эпох. Преодоление этого старого языкового наследства совершается не только в области лексики и фразеологии, но и в языке в целом,— языковой материал получает новое идеологическое содержание [1].

2. ДРЕВНЕБОЛГАРСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ

Говоры русского языка объединяются в два больших наречия — **северное и южное.** Между тем и другим лежит широкая полоса переходных говоров, соединяющих в себе те или другие особенности обоих (говоры **среднерусские**). Один из таких говоров, говор **московский**, в силу государственного и культурного значения Москвы, получил исключительное влияние среди всех других и лег в значительной мере в основу русского литературного языка. Было бы, однако, ошибкой думать, что понятия „говор города Москвы" и „литературный русский язык "вполне совпадают друг с другом. Дело в том, что, кроме живого русского говора, в состав русского литературного языка вошли еще в очень значительной мере элементы другого славянского, близкого русскому, но вместе с тем с ним непосредственно не связанного языка — **древнеболгарского.** Начатки влияния древнеболгарского языка как языка книги восходят еще к концу X века, когда македонское наречие болгарского языка было еще единственным литературным славянским наречием, пригодным служить орудием письменности для других славян с близким к нему языком. Свидетельства летописи указывают на Киев как на тот центр, который сосредоточил в себе первоначальное книжное влияние. Чужой язык, сделавшийся языком церкви, законодательства, школы, естественно, не мог не подвергнуться во многом влиянию живого языка воспринявшей его народности. Исторические процессы, вызвавшие передвижение восточнославянских племен на север и позже (с XIV века) приведшие к исключительному усилению Москвы, в области языка имели следствием то, что в традиционный литературный язык постепенно стали проникать со все увеличивающейся силой элементы тех говоров, в области которых сосредоточивалась политическая и культурная жизнь страны.

В конце XIV века в делах церкви оказались влиятельными выходцы из южных славянских стран — Болгарии [2] и Сербии. В условиях феодального общества церковное влияние определяло вместе с тем в большой мере характер всей школы [3]. Немудрено,

---

[1] К понятию русского литературного языка ср. *„Программы - задания для заочных пединститутов.* Современный русский литературный язык",— составила Е. С. Истрина. М. 1934 г.

[3] По вопросу о причинах и характере болгарского влияния см. М. Сперанский, „История древне-русской литературы", изд. 3-е, 1921 г. стр. 287 — 292. В. Истрин, „Очерк истории древне-русской литературы", 1922 г., стр. 65 и след.

[2] Об общественно - политической роли церкви в феодальный период см. М. Покровский, „Русская история с древнейших времен", I, изд. 7-е, стр. 163 и след.

поэтому, что относительно небольшое число южных славян, считавших себя носителями „правильного", „образцового" церковного языка, могло исключительно сильно влиять на язык еще очень мало самостоятельной русской письменности, поворачивая его вспять к чужому источнику. Традиция в литературных языках, языках, закрепленных на письме, вообще чрезвычайно сильна. Однако, элементы живых русских говоров пролагали себе путь в унаследованный письменный язык; особенно естественно это было в тех видах письменности, которые не были связаны с церковностью и тесно соприкасались с бытом и потребностями культурно-политическими—как, например, во всем, относящемся к деловым отношениям: в договорных документах, постановлениях судов и под. Язык документной письменности почти с начатков русской письменности вообще характеризуется значительно большею близостью к восточнославянским говорам, чем другие виды литературного языка. Но, как ни жизненно было это влияние, как ни широк был его приток, разрушить до конца унаследованные особенности книжного языка, совершенно порвать с традицией оказалось невозможным [1]. Мы можем без особого труда проследить по памятникам, как постепенно, несмотря на временные колебания, слабеют в них южнославянские традиционные элементы; можем констатировать резкую линию перелома, приходящуюся на начало XVIII века, правда, далеко не во всех сферах применения литературного языка (жанры, напр., повествовательные, слог научно-философский еще остаются на старых путях); можем легко отметить очень большую разницу в количестве церковно-славянских элементов даже между писателями первой трети и двух других XIX века; но и сейчас нам трудно составить фразу в десяток слов, в которой бы не попалось слова, так или иначе не проникшего в наш язык из старого книжного источника или не созданного по старинным образцам. Мы даже и не чувствуем уже, что *время, сладкий, жажда, враг, нужда, плен* — это чужие слова, и только научный анализ может нас в этом убедить. Наоборот, мы, конечно, были бы удивлены, если бы нам предложили вернуться к их настоящей русской форме — *солодкий, веремя, жажа, ворог, нужа, полон* (см. приложение к главам 1 и 2).

Говоря о силе традиционного влияния чужого языка, нельзя упускать из виду того, что оно далеко не во всем оставалось только книжным. Не нужно думать, что к нему через школу приобщались только грамотеи, а более широкие народные массы не испытывали влияния литературного языка. Ясно, что в большей или меньшей мере литературный язык в свою очередь влиял на язык массы, особенно в таких крупных центрах, как

[1] Генрих Лудольф свидетельствует, например, для конца XVII века: „Без помощи славянского языка никто из русских не может писать или рассуждать об ученых предметах, напр., в домашней жизни не употребляется один славянский язык, потому что многих слов из житейского быта нет в тех книгах, из которых почерпается язык славянский. Поэтому считается правилом: говорить по-русски, а писать по-славянски".

Москва. Поэтому и язык городского населения, не проходившего школы, так или иначе сближался с литературной речью, и между ними не создавалось слишком резких отличий; ни о какой „бездне" во всяком случае говорить не приходится.

Нужно также принять во внимание, что древнеболгарский язык не оказался на русской почве до конца и во всем инородным телом. Дело в том, что многие его особенности сделались отправными пунктами дальнейшего языкового творчества: многое, чем мы теперь пользуемся в литературном русском языке как привычным и даже необходимым, не что другое, как заимствованные из древнеболгарского книжного языка образцы-шаблоны: ср. такие формы, как причастия на **-мый**: *несомый, любимый,* на **-щий**: *ведущий, гладящий,* на **-ший, -вший**: *шедший, видевший* и подобные; отглагольные имена существительные на **-ние**: *похождение, возмущение*; превосходную степень прилагательных на **-ейший**: *сильнейший, честнейший*; образование существительных на **-тель**: *любитель, мучитель*; на **-ство**: *художество, убожество*; на **-ость**: *слабость, пряность* и т. д., и т. д.

3. РУССКИЕ НАРЕЧИЯ [1]

За вычетом древнеболгарского (старославянского) влияния, наложившего свой отпечаток и на синтаксис, многое внесшего в лексику и, как увидим дальше, сыгравшего громадную роль в стиле русских писателей,— остальное принадлежит главным образом говору г. Москвы.

Уже упоминалось, что говор этот входит в состав среднерусских. Относительно широкая полоса последних проходит по бывшим губерниям Псковской, Новгородской, Тверской, Московской, малой части Владимирской, Рязанской, Тамбовской и Саратовской [2].

Среднерусские говоры по своему происхождению представляют потомков тех севернорусских говоров, которые развили в себе под влиянием южнорусских их типическую особенность — так называемое аканье, то-есть в существенном — произношение неударяемого **о** как **а**: *вода́* — вада́, *нога́* — нага́ и под. или в отдельных положениях — особые редуцированные оттенки, и утратили таким образом одну из наиболее выразительных черт северного наречия [3].

---

[1] В некоторых очерках русской диалектологии, выходивших даже после Октября, говорится о „белорусском наречии" и „малорусском наречии" русского языка (в скобках — „украинский язык") — Е. Карский, „Русская диалектология", 1924, или, напр., о трех больших „отделах" русского языка — „великорусском, белорусском и малорусском, который в последнее время чаще называют украинским" — И. Голанов „Русская диалектология", 1929. Такие утверждения стремятся истолковать факт близости восточнославянских языков, развивавшихся в историческом взаимодействии, как их единство, что является великодержавной трактовкой вопроса.

В нашем курсе речь идет, конечно, только о русских говорах.

[2] Точное обозначение границ среднерусских говоров дает И. Фалев в книге „Русская диалектология" (составили С. Еремин и И. Фалев), 1928, стр. 30.

[3] Русские ученые термин „севернорусское наречие" обыкновенно употребляют вслед за А. А. Шахматовым в историческом и специальном значении,

Употребляя термин „русский язык“ только по отношению к русским говорам и к возглавляющему их литературному языку, мы, естественно, можем упростить терминологию, пользуясь названиями „севернорусское наречие“, „южнорусское наречие“ и под.

Сопоставляя особенности севернорусские с южнорусскими, мы найдем в говоре Москвы только известное количество тех или других, причем во всем существенном факты московского говора окажутся вместе с тем и литературными или довольно к ним близкими.

Вот перечень **важнейших особенностей северного наречия**:

1. Оканье. Так условно называется сохранение различия между неударяемыми **о** и **а**, т. е. *водá, говорúть, полосá* не произносятся с **а** и редуцированными звуковыми оттенками, а звучат в соответствии орфографическим написаниям.

В ряде говоров оканье в данном смысле существует только после твердых согласных.

2. Произношение **г** взрывного (латин. **g**), т. е. в латинской транскрипции: *nogá, gorá, togú*.

3. Выпадение **й** между гласными и, как результат такого выпадения, стяжение гласных: *бываэт*, откуда — *бывāт* и *быват*; *знаэм*, откуда *знāм* и *знам*; *хозяэва* и *хозя̄ва* — *хозява*; *кроэт* и *кро̄т* — *крот*.

4. Формы род.-вин. ед. ч. *меня, тебя, себя*.

5. Окончание **т** в 3 лице обоих чисел у глаголов: *несет, хвалит, несут, хвалят* (хвалют) [1].

Типичны для северного наречия, но не охватывают его целиком: 1. Переход **а** после мягких согласных (орфограф. **я**) в **э** (орфогр. **е**). Переход этот бывает ограничен дополнительными условиями: неударяемостью данного гласного, наличием последующих мягких согласных и под.: *в грези́, грезна́*, но *грязь*; или *грезь, преник*, но *грязно* и под.

2. Произношение старого звука **ѣ** (во всех случаях или в определенных условиях, напр., перед последующим мягким согласным) как **и** или как узкое **э** (**ê**): *мисто, лито, тинь, сить*; *мêсто, лêто* и под.

3. Произношение неударяемого **е** как **ё** (**о** с предшествующей мягкостью): *будёт, полё, сёстра*. Такое произношение (ёканье) ограничено обыкновенно концом слова или положением перед твердыми согласными.

4. Различные виды совпадения **ч** и **ц**: или только в **ц**, или только в **ц**^{ь}, реже — в **ч** или шепелеватом звуке, среднем между **ц**^{ь} и **ч**; иногда в виде мены звуков **ц** и **ч**, т. е. употребления их в ненадлежащих (с точки зрения свидетельств всех славянских языков) словах: *цас, цыстой, цяс, цёрепок; ц*^{ч}*истой, ц*^{ч}*яс*.

---

[1] Отсутствует эта особенность лишь в части говоров Олонецкой губернии, где встречаются формы *несуть, ведуть*, но *несёт, ведёт*.

5. Изменение **дн** в **нн**: *ме́нной, бе́нной* (= литературным: *медный, бедный*).

6. Сохранение мягкости, параллельной украинской, в согласном перед суффиксом **-ск-** (ср. ст.-слав. *-ьск-*) и смягчение **с**: *деревенськой, женьской, руськой*, а также мягкость **с** в суффиксе **-ство** (сравн. ст.-слав. *-ьство*): *отецесьво, царсьво, сиросьво.*

7. Произношение „что" как *чё* (*чо*), *щё* (*що*), *штё* и под.

8. Окончание сравнительной степени на **-яе** (**-ае**): *сильняе, добряе, громчае.* — Шире распространено оно в восточно-севернорусских говорах.

9. Постпозитивный член *-от, -та, -то* (по происхождению примкнувшие к существительным формы *тъ*, — сравн.: *тот, та, то, те*), во многих случаях сохраняющий еще следы былого склонения: *мужик-от, мужика-то, мужику-ту, вода-та, воду-ту, люди-те.*

10. Творительный падеж множ. числа на **м**, совпадающий таким образом с дательным множ. ч.: *с сундукам, с рукам, с ногам*, или на **-мя, -ма, -мы** (*мя* у местоимений — *имя́, всемя́*).

11. Род. пад. ед. числа муж. рода — на **-во** у прилагательных: *доброво, синево.*

12. Архаизмы ударения, иногда обнаруживающие совпадение с украинским: *говорите́, спите́.*

13. Некоторые синтаксические особенности:

а) Употребление в роли сказуемых окаменелых форм причастий: *брат ушодчи* (= ушел), *ищо не отошодши служба* (= не отошла), *он был проспавши.*

б) Именительный падеж имен женского рода в соответствии винительному литературного языка при неопределенных глагольных формах: *надо душа спасти, своя голова подставлять не хотно, трудно тебе у царь-девицы живая вода достать.*

в) Страдательные безличные обороты: *с молоду много битограблено; доучёнось до того; уйдёно.*

Основные особенности южнорусского наречия следующие:

1. Аканье, т. е. совпадение неударяемых **о** и **а** в звуке **а** вообще или в редуцированных оттенках в зависимости от положения.

2. Иканье или яканье, т. е. переход неударяемых **э** (орфогр. **е**) и **а** (орфогр. **я**) с предшествующим мягким согласным или шипящим в **и** или **а** с предшествующей мягкостью (орфогр. **я**). Переход бывает зачастую ограничен специальными условиями: „несу" переходит в *нису* или *нясу*; „десять" — в *десить*, или сохраняется как *десять*; *отреза́ть* произносится как *атриза́ть* или *атряза́ть.*

3. Рефлексация старославянского звука **ѣ** в виде **е** под ударением: *вера, бел, бедный, лекарь* (ср. др.-болгарск. **вѣра, бѣлъ, бѣдьнъ** и под.).

4. Переход **г** (латин. **g**) в звук длительный, похожий на укр. **г**, но более по сравнению с ним передний (задненебный, а не гортанный).

5. Род.-вин. пад. *мине, тибе, сибе.*

6. Имен. множ. ч.: *аны.*

7. Там, где 3 л. ед. и множ. числа в глаголах имеют окончание с **т**, оно мягко: *ходить, виземь* (или *визе*), *ходють, визуть* и под.

8. Под влиянием отношений в глаголах „ношу́: но́сишь, кошу́: ко́сишь", звучащих *нашу́*: *но́сиш, кашу́*: *ко́сиш,* ряд глаголов, имевших раньше ударение „дари́шь, вари́шь, плати́шь" и под., стал звучать *дарю: до́риш, варю: во́риш, плачу́: пло́тиш* и под.

Типичны для южнорусского наречия, но не охватывают его в настоящее время целиком:

1. Переход **к** в **к** мягкое после мягких согласных: *Танькя, ачкё* (очко).

2. Сохранение **г** в род. ед. ч. муж. и средн. рода прилагательных: *слипо́га* (*сляпо́га*), *таго́.*

3. Род. пад. женск. рода: *ее́* (не *её*), *таи́, самаи́* и под.

В говоре Москвы мы найдем в настоящее время последовательно проведенными отдельные северные и отдельные южные черты: к севернорусским относятся взрывное произношение **г**; *меня, тебя, себя*; окончание **во** в родит. падеже ед. числа прилагательных мужского и среднего рода; твердое **т** в 3 лице единств. и множ. чисел глаголов; южнорусское влияние обнаруживают аканье и иканье, а также окончание **-ее** в сравнительной степени[1].

Стоит отметить, что говор Москвы лишен как-раз специфической черты, отличающей значительную часть среднерусских говоров от обоих основных наречий: он не знает перехода мягких **к** и **г** в **т**ь и **д**ь, широко распространенных в среднерусской полосе (т. е. в говоре Москвы, как и в литературном языке, — *кислый, гибнуть,* а не *тислый, дибнуть*). Из типичных для говора Москвы особенностей, не имеющих широкого распространения в основных наречиях, надо упомянуть произношение щ как долгого мягкого **ш**: „щи" — *ш̄ьи,* „еще" — *иш̄ьо.*

Параллельно долгое мягкое **ж** звучит в словах: „уезжать, приезжать" — *уиж̄ьать, прииж̄ьать*; „дождик" — *дож̄ьик* и под.

Являясь продуктом влияния ряда говоров, литературный язык при внимательном анализе обнаруживает следы отдельных диалектных влияний в форме тех или других слов, попавших в него из говоров, вообще говоря, не игравших заметной роли в его образовании: так, *щ* произносится как твердое *ш* в говоре Москвы

---

[1] В XVIII веке у писателей еще не редки севернорусские формы на *-яе.* Их пытаются ввести в определенные рамки (мнимо-эстетического порядка), но уже Ломоносов высказывается в пользу предпочительности форм на *-ее:* „Не рѣдко ради двухъ или трехъ *е*, первые склады составляющихъ, вмѣсто ѣе употребляется -яе: *блекляе, свѣтляе.* Однако и *блеклѣе, свѣтлѣе* равное, или и лутчее достоинство имѣютъ",— „Россійская грамматика", 1755 г.

в слове *Польша* (ср. укр. *Польща*, русск. *польский*). Литературное *цапля*, как показывают укр., белор. и южнорусск. „чапля", а также другие славянские языки, имеющие в этом слове звук *ч*, заимствовано из цокающих севернорусских говоров. *Тёща* с *ё* (*о* с предшествующей мягкостью) попало из говоров с твердым долгим *ш*; *крыло* — из говоров с переходом *гриб* в *грыб*, *скрипеть* в *скрыпеть* (ср. ст.-слав. *крило*) и т. д.

3. Заимствования из иностранных языков

Элементы народные — среднерусские и церковнославянские (древнеболгарские) — являются основными в русском литературном языке. Наряду с ними, однако, лингвистический анализ вскрывает и другие, сыгравшие бóльшую или меньшую роль в его формировании. Устанавливая силу и характер этих элементов меньшего значения, мы прежде всего должны упомянуть о лексике, наиболее открытой во всяком языке влияниям со стороны других языков. Если оставить в стороне влияния очень слабые или специфические (напр., **голландское**, относящееся почти только к сфере морской терминологии — *верфь, кильватер, фарватер, руль*[1] и т. д., **финское**, представленное несколькими словами, связанными с особенностями быта севера: *нарты, салакушка* (рыба), *пьексы* (обувь для ходьбы на беговых лыжах), *пурга*, или **скандинавское**[2], то из неславянских лексических потоков относительно большого значения надо будет отметить **греческий, тюркский, латинский, немецкий** и **французский.**

О **тюркском** влиянии мы должны говорить как о специфически-устном, устно входившем в язык различных общественных классов и уже вместе с ним воспринятом языком литературным. Проникновение тюркизмов (слов татарских и таких, которые были получены через посредство татар — монгольских, арабских, персидских и под.) относится уже к XIII веку; спадает это влияние к XVI веку вместе с началом роста обратного влияния — русского на татарский и другие близкие к нему языки. В это и позднейшее время к старым татарским элементам присоединяются еще татарские-крымские и турецкие. Короткий список бесспорных тюркизмов показывает силу и характер этого влияния: это по преимуществу названия одежды и материй, примитивного вооружения и вообще военного дела, разной утвари, животных и их мастей, растений, торговых понятий, презрительных наименований и т. д.:

азям, армяк, кушак, башмак, башлык, кисея, зипун, войлок, кошма, сарафан, тулуп, кумач, чулок, камка, каракуль; сарай, амбар, балаган, чулан, очаг, сундук, набалдачник, чубук, кибитка, тюфяк; караул, кистень,

[1] Из слов другого рода можно упомянуть, напр., *дюйм, зонтик, конфорка, ситец.*

[2] *акула, скат* (рыба), *сиг, треска; кипа, клеймо, кнут, крюк, якорь*, может быть, *костер, ябеда*, др.-русск. *тиун.*

темляк, колчан, чапрак, аркан; аргамак, сайгак, табун, лошадь, караковый, чалый, буланый, бирюк, барсук; карандаш, жесть (монг.), *сурьма, кизяк, лапша, арбуз; алтын, барыш, могорыч, базар, казна, аршин, бакалея; ералаш, „ни бельмеса", балда, болван, каюк, кавардак, кутерьма, якшаться.*

Греческое влияние непосредственным было лишь в небольшой мере; шло оно в первые века русской письменности почти исключительно через южнославянское посредство и может быть включено поэтому в понятие книжного влияния церковнославянского. Грецизмы этой поры носят на себе выразительные следы языка византийского периода. Большею частью это все понятия, относящиеся к церкви: *евангелие, икона, амвон, панихида, литургия, иерей* и под.

В разное время, частью изустно, частью книжным же путем, попадали в русский язык из греческого различные названия бытовых предметов. Сюда относятся, напр., такие слова, как *лохань* (засвидетельствовано с XII в.), *кукла* (засвидетельствовано с XII в.), *лента, оладья, каторга* (первоначально род судна), *парус, фонарь* и др. Совершенно иной характер имеют греческие элементы, ставшие достоянием русского языка, как элементы общеевропейской культуры, корнями уходящей в античную. Вместе с латинскими они широким потоком вливаются в язык русской науки и техники, причем пути их нередко лежат через промежуточные для русской культуры книжные инстанции — немецкую и французскую. Ср.: *оптика, патология, склероз, тактика, период, теорема, математика, фонетика, театр, оркестр* и т. д.

Немецкое влияние четко сказывается в бытовом и литературном русском языке со средины XVII века, когда впервые отчетливым делается проникновение в Россию западноевропейского капитализма, и особенно с начала XVIII века, времени встречного движения на запад молодого капитализма русского. Сферы немецкого влияния широки и разнообразны. Оно охватывает военное дело: *штаб, солдат, гауптвахта, офицер, унтер-офицер, фейерверкер, ефрейтор, лагерь, плац, мундир, аксельбант, шпора, штуцер, лафет, штурм, фельдъегерь, болверк, штык*[1], *муштровать, провиант* (из итал.), *цапфы, цейхгауз, фланг, юнкер, вахтер*; ремесла и под.: *кнопка, шпунт, шпунтубель, шпандырь, штукатур* (из итал.), *парикмахер, штабель, штатив, штейгер, клейстер, кран, верстак, шмуклер, стамезка, лобзик, фуганок, формат, филенка, штамп, шина*; торговлю и под.: *бухгалтер, вексель, маклер, кассир, фрахт*; управление и под.: *полицеймейстер, брандмейстер, почтмейстер, штраф, штат*; многие бытовые предметы и понятия: *галстук, лацкан, штиблеты, фалды, панель, мундштук, ширма, футляр, фляжка, китель, обшлаг, бутерброд, крендель*; наездническую и охотничью терминологию и под.: *ягдташ, патрон-*

[1] Может быть, и из голландского.

таш, егерь, шенкель, краги, мундштук, шпоры; медицинскую: *лазарет, фельдшер, бинт, пластырь, шрам, курорт, клистир* (в нем. из греческого), *провизор* (в нем.— из лат.), *фонтанель* (в нем. из франц.), *шприц, хина* (по происх. перуанское слово), *гоголь-моголь* (*гогель-могель*); игры и развлечения: *кегли, кегельбан, танец, фант;* терминологию различных искусств: *гастроль, ландшафт, мольберт, капельмейстер, блик, волторна, флейта.* Известная часть заимствованных из немецкого языка слов прошла, вероятно, через польскую передачу, но не всегда приметы этой передачи достаточно четки.

Классовые пути усвоения немецкого влияния различны. В петровское время, например, играли большую роль в этом отношении верхи бюрократии, усваивавшие немецкие элементы отчасти через книгу, отчасти изустно; характерно, однако, что в отличие, напр., от влияния французского, передатчиками немецкого во многом являлись ремесленники, торговцы и проч.

Французское книжное влияние относится ко времени, сравнительно мало отдаленному от книжного же немецкого. Разница в хронологии между заимствованиями французскими и немецкими приходится собственно на тот не очень продолжительный и не очень значительный в культурном отношении промежуток времени, который падает на XVII век и характеризуется устным перениманием германизмов, в большой мере, повидимому, через польское посредство. Французское влияние в русской лексике неуклонно крепнет до самого конца XVIII века и заходит, как одна из самых влиятельных струй, в первые десятилетия XIX-го. Влияние и рост французского языка при этом несомненно зависят еще от той громадной роли, которая принадлежит ему во второй половине XVIII века и в продолжающей влиять на Россию Германии.

Как почти монопольный проводник этого влияния до второй четверти XIX века выступает дворянская верхушка, и только после этого времени, с проникновением в литературу новых общественных групп (разночинцев), передатчиками его, главным образом в области политической терминологии, становится создающаяся буржуазная интеллигенция.

Сферы заимствований из французского языка во многом соприкасаются с указанными относительно немецкого — военное дело: *маневры, манеж, сапер, партизан, фураж, флеш, жандарм, траншея, батарея атака, блиндаж, брешь, авангард, арьергард, кокарда, команда*; ремесла: *монтер, ретушер, гравер*; общественно-политическая терминология: *бюрократ, дебаты, бюджет, премьер, режим, саботаж.* Но, приглядываясь к характеру заимствований, не трудно заметить, что среди них относительно мало терминов ремесел, заимствованных из немецкого изустно работниками физического труда, но зато решительно преобладает терминология искусств[1]. Мно-

[1] Картуш, виньетка, пилястр, жанр, силуэт, макет, пуант, тапер, фарс, водевиль, солист, трель, тембр, сурдинка („под сурдинку"), мотив, ноктюрн, актер, костюмер, репертуар, суфлер, амплуа, конферансье, романс, роман, рояль.

гочисленны названия материй, одежды и под.[1]. Предметы быта[2] и терминология нравов[3] обнаруживают черты дворянского аристократического обихода.

Типичны как синтаксические галлицизмы у писателей XIX в. теперь не разрешаемые литературным языком обороты вроде: Маша не обратила никакого внимания на учителя. *Воспитанная в аристократических предрассудках, учитель был для нее род слуги или мастерового* (Пушкин, „Дубровский"). *Быть предметом клеветы унижает нас в собственном мнении* (Пушк.). *Представлен был паше, который присудил его быть посажену на кол* (Пушк., „Кирджали")... *Бежал от радостей, бежал от милых муз, и — слезы на глазах — со славою прощался* (Пушк., „К ней"). *Тоска в душе и скорбь на лике, вошел правитель Иоанн* (Ал. Толстой, „Иоанн Дамаскин")... *Злословил... сей пол* (вин. пад.), *которому служил* (Пушкин, „Ответ А. Н. Готовцовой"). *Покровительствовать кого-нибудь* (Герц.). *К этому много способствовал мир*, в который он попал (Герцен, „Кто виноват?").

Сродни французскому лексическому влиянию по его характеру **английское**: *пикник, коттедж, робер, клуб, дог, сеттер, пойнтер, мопс, денди, джентльмен, раут, спич, тост, флирт, кольдкрем, ростбиф, сандвич, рипс, плед, макинтош, смокинг; бойкот, митинг, лидер, блеф;* — с тою разницею, однако, что оно значительно слабее и что ему принадлежит и одна более или менее специфическая сфера — спорта; ср. само название *спорт, спортсмен, бокс, лаун-теннис, крокет, киксовать, крикет, чемпион, хокей, жокей, старт* и т. д.

Общеизвестно английское влияние в сфере морской терминологии. Ср. еще многочисленные понятия из сферы техники: *рельсы, шпалы, картер* и т. д.

Много политических, философских и экономических терминов из немецкого, французского и английского языков заимствовано русским языком при посредстве переводной политической и научной литературы.

Заслуживает внимания, что после Октября немецкое, французское и английское влияния продолжают действовать едва ли не только в области технической терминологии. В области лексики политической, наоборот, влияющим делается русский язык.

Струя **польская**, главным образом как передатчик западноевропейских воздействий, влиятельна с конца XVI века до средины XVII, после чего она заметно спадает, так как Россия вступ-

[1] Трико, пике, корсаж, корсет, костюм, пелерина, креп, люстрин, капот, саржа, пальто, жилет, жакет, фетр, плюш, тюль, вуаль, плюмаж, кринолин, плерез, плиссе, панаш, муар, муслин.

[2] Трельяж, бокал, бонбоньерка, бордюр, боскет, люстра, пудра, фиксатуар, ридикюль, несессер, плафон, куверт, парфюмерия, пенсне, флакон, розетка, бульон, лимонад, суп, сосиски, крем, пломбир, паштет и т. д.

[3] Салон, кортеж, котильон, бомонд, визит, жетон, манера, пансион, маникюр, педикюр, шик, маскарад, будуар, бонна, пижон, бонвиван, фат, вивер, пикантный, фланировать, жантильничать, каприз, деликатный, симпатичный (из греч.), кокотка, сальный, скабрезный.

пает уже в непосредственный довольно интенсивный контакт с Европой. Нет никакого сомнения, что громадную роль в проведении польского влияния в Россию играют в Москве ученые украинцы. Многие полонизмы, занесенные до XVIII века, с течением времени вышли из употребления, но немало их и до сих пор составляют достояние литературного языка. Часть из них вышла из употребления только с Октябрьской революцией, в связи с изменениями в номенклатуре должностей, административной терминологии и под. Если исключить некоторое количество слов, специально относящихся к польскому быту и нравам (*краковяк, полька, мазурка, жупан, ксендз, пан* и под.), то старый слой заимствований из польского охватывает главным образом терминологию военного дела: *вахмистр, рота, ротмистр, гарцовать, вербовать* (в пол. из нем.), *шеренга* (источник слова — венгерский), может быть — *пушка, курок, манерка, хорунжий, палаш* (в пол. из венгерского), *кивер* (из венг.), *бердыш*; административные понятия: *урядник, писарь, опека, местечко, метрика* (лат.), *цех, бурмистр; почта, канцелярия, реестр* (нем. из латин.); многочисленные понятия, относящиеся к верховой езде, экипажам и упряжке (большею частью, немецкого происхождения): *трензель, рейтузы, нашильник, бричка, дышло, збруя* (сбруя), *козлы, орчик, постромки, карета, люшня, рыдван*, по всей вероятности, *коляска*; терминологию ремесел (главным образом, немецкую): *маляр, дратва, шлифовать, шпулька*; названия некоторых бытовых предметов: *булка, бляха, гарус, кофта, клавиш*; некоторые названия растений: *барвинок, инбирь, петрушка*; понятия, так или иначе связанные с охотой: *гончая, легавая, арапник* и др.

Повидимому, к позднейшему времени (XIX и XX вв.) относятся заимствования с определенной окраской пренебрежительности или дурного тона: *фортель* (нем.), *грубиян* (нем.), *клянчить, шалберить, манатки, скарб, фигляр, шпик, забияка, финтить, парша, заядлый, завзятый, панибратство, франт* (в пол. из евр.-нем.), *фанаберия* (в пол. из евр.), *спровадить, шпаргалка* и др.[1]

Из **украинского** в литературный русский язык проникли, вероятно, слова: *школяр, детвора, вареник, галушка, бублик, корж, борщ, плюгавый, хутор*[2] (последнее в украинском из венг.), после Октября: *незаможник, недобиток* и др.

Вместе с непосредственным лексическим влиянием несомненно входили в русский литературный язык так называемые кальки — новые слова, создаваемые по образцу иностранных. Уже церковнославянская письменность пестрела кальками, образуемыми

---

[1] Как указано Н. А. Смирновым („Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху", Сборн. Отдел русск. яз. и слов. Академ. Наук, том 88, 1910, стр. 5), полонизмами является значительная часть имен существительных европейского происхождения на **-ия** (*амнистия, вакансия* и под.) и глаголов-инфинитивов на **-овать** (*адресовать, штрафовать* и др.).

[2] К. Рылеев дает к этому слову, как к непонятному, при „Войнаровском" объяснение.

в подражание церковным, философским и риторическим понятиям греческого языка. Оттуда идут многочисленные образования, вроде: *целомудрие, добродетель, милосердие, благолепие, мздоимство, сквернословие, словопрение, песнопение, остроумие, благословение, летописец, живописец, правосудие.* Далее уже по их образцу, без непосредственного воздействия греческих оригиналов, вводились в литературный обиход многочисленные сложные слова: *благотворительность, летоисчисление, словосочетание, жизнеописание* и под.

Слабее и по объему и по глубине влияния была струя греческого воздействия, прошедшего через немецкие переводы. Ее мы находим в особенности у классиков XVIII века и В. А. Жуковского („Одиссея"). Вместе с предшествующей она, однако, до сих пор еще составляет заметный фонд литературного языка, из которого иногда охотно черпают и поэзия и научная проза.

С именем Н. М. Карамзина (1766—1826) и его последователей связывается ряд калек с французского языка, получивших очень широкое распространение и настолько вросших в наш словесный обиход, что мы с трудом верим в их искусственное и относительно недавнее происхождение. Таковы: *склонность* (inclination), *предрассудок* (préjugé), *утонченный* (raffiné), *влияние* (influence) — *на* кого-нибудь или что-нибудь (ср. франц. faire influence *sur* les esprits), *переворот* (révolution, révolte), *сосредоточить* (concentrer), *трогательный* (touchant) и под. А еще, между тем, в начале XIX века кальки эти были предметом негодования известного пуриста А. С. Шишкова, видевшего в них порчу русского языка („Рассуждение о старом и новом слоге российского языка" (1803 года). Не говорим уже о калькáх преходящего значения, таких, напр., как: „Хохот чистого веселья, неподвижный, тусклый взор *Изменяли* чад похмелья, Сладкий Вакха заговор"=„обнаруживали", ср. значение франц. trahir (Пушкин, „Воспоминание"); *делать* впечатление (=производить впечатление) — faire une impression (Пушкин, Герцен и др.). Со второй четверти XIX века решительно преобладают кальки с немецкого языка: *образование*—Bildung, *мировоззрение*—Weltanschauung, *зубрить* — büffeln, ochsen и под.[1].

Немногочисленны, но заслуживают внимания вошедшие с лексическими заимствованиями словопроизводственные элементы иностранных языков. Если оставить в стороне довольно заметные церковнославянские, то надо будет упомянуть прежде всего получивший большое распространение суффикс -*ир* - (овать). Он перешел в русский язык из немецкого (ier - en), где употребляется при заимствованных из французского корнях: *маршировать* (marschieren), *командировать* (kommandieren), *аккомпанировать* (akkompanieren)—франц. marcher, commander, accompagner и под. — и стал ощущаться как примета „европейских", большею частью французских же слов, даже таких, которые могли не проходить

[1] Ср. В. Unbegaun. Le calque dans les langues slaves littéraires. „Revue des étud. slaves", XII, 1—2, 19—49 (1932).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

через немецкое посредство: *протежировать, манкировать, дезавуировать, завуалировать*; позже создались такие, как *украинизировать* и под. Сродни этим образованиям формы на **-фицировать**: *электрифицировать, руссифицировать* и пр.

Хорошо осмысливается как формальный элемент, восходящий к греческому языку, но воспринятый главным образом в словах, прошедших через европейское посредство, суффикс **-ист**. Суффикс этот стал продуктивным: ср. современные образования: *активист, правдист* („правдистом первого призыва" назвал себя Демьян Бедный в юбилейном приветствии „Правде"), *очеркист*, сотрудник газеты или журнала, пишущий очерки. Не стал еще продуктивным, но тоже осознается как формальная примета французский суффикс **eur (ёр)**: *антрепренер, режиссер, суфлер* (ср. *антреприза, режиссировать, суфлировать*) (впрочем, существует уже вульгарное — *ухажер* от „ухаживать"). Очень велико в русском языке число слов с суффиксом **-изм** (по происхождению греческим), ср.: *ленинизм, большевизм* и под.

Возможно, что М. В. Ломоносов, считавший префикс **наи-** заимствованным из польского („Российская грамматика" 1755 года, § 211: „Новыя превосходныя, съ Польскаго языка взятыя, съ приложеніемъ **наи**, наилутчій, наичистѣйшій, Россійскому слуху непріятны"), отчасти был прав: польско-украинские влияния могли поддержать употребление префикса, известного и из церковно-славянского языка [1].

Очень сильное влияние нужно признать за иностранными языками в области русского синтаксиса. Памятники живой речи масс, поскольку она вообще проникала в письменность и разговорный язык, в сопоставлении с нашей письменной речью обнаруживают черты очень заметного различия. Громадное влияние древнеболгарского книжного языка, синтаксис которого формировался в свою очередь под непосредственным воздействием греческого, наложило на русский литературный язык черты специфической книжности, особенно в построении сложного предложения.

Латинское влияние как самостоятельное заметным в синтаксисе не было и проявляется главным образом в языке отдельных писателей XVIII в., прошедших более или менее основательную латинскую выучку. Частично оно поддерживалось и систематическими влияниями немецкими: в немецком языке оно отразилось заметнее и сильнее [2]. Роль его, однако, как уже замечено, в целом, следует считать преходящей и в современном литературном языке почти вполне изжитой.

---

[1] Karl H. Meyer, Historische Grammatik der russischen Sprache, 1923, стр. 167, ссылаясь на употребление *наи*, а не *най*, отрицает польское влияние.

[2] Вот, напр., выдержки из письма Ломоносова к графу И. И. Шувалову по поводу трагической смерти академика Г. В. Рихмана — с типично-латинским порядком слов: „... что я ныне к вашему превосходительству пишу, за чудо почитайте для того, что мертвые не пишут. Я не знаю еще, или, по крайней мере, сомневаюсь, жив ли я или мертв. Я вижу, что господина профессора Рихмана громом убило, в тех же точно обстоятельствах, в которых я был в то же самое время.

Некоторое значение нужно признать в формировании литературного синтаксиса за немецкими образцами. С немецкого на русский всегда много переводилось, и особенно в XVIII веке, когда переводческая культура не могла еще стоять на достаточной высоте: несмотря на очень большие различия в синтаксической структуре русского и немецкого языков, многое при переводе почти рабски копировалось.

Через французское влияние вообще, и в синтаксисе в частности, прошел ряд замечательнейших русских писателей, вроде Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого.

Из установившихся в русском языке галлицизмов характерны: *благодаря кому или чему* (фр. grâce à; менее вероятно, что это калька с нем. dank dem); *раз* в значении „если"; *иметь место*; „мы вас *слишком* мало знаем, *чтобы* дать вашу характеристику"; может быть: *тем не менее* (фр. néanmoins; если не из нем. nichtsdestoweniger) и под.

Исторически несомненно имело место в XVI—XVIII веке польское синтаксическое влияние; полонизмы нередки, напр., в речи Петра I: „Я на то позволил", „Предложения, до общей нашей пользы служащея", — но оно никаких заметных следов в дальнейшем развитии русского языка не оставило.

Своеобразное, но вместе с тем только индивидуальное место в истории русского синтаксиса принадлежит Н. В. Гоголю. Это единственный из крупных русских писателей, отразивший в своем языке украинское влияние, не вышедшее, однако, за пределы его собственных произведений.

ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ

(Для критического использования)

О древнеболгарских элементах в русском языке:

Е. Ф. Будде. Очерк истории современного литературного русского языка (XVII—XIX вв). 1908. Энциклопедия славян. филол. Вып. 12.

А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. 1934 г.

А. В. Михайлов. Опыт введения в изучение русского языка и письма. арш. 1911.

С. П. Обнорский. К истории словообразования в русском литературном языке. „Русская речь", 1927. № 1.

В. В. Виноградов. К истории лексики русского литературного языка. Там же.

Очерки русской диалектологии, все, однако, требующие к себе критического отношения и полезные главным образом со стороны фактического материала:

Е. Ф. Карский. Русская диалектология. 1924 (см. выше, стр. 8).

С. Еремин и *И. Фалев.* Русская диалектология. 1928.

... Пока кушанье на стол ставили, дождался я нарочитых электрических из проволоки искр, и к тому пришла жена моя, и как я, так и она беспрестанно до проволоки и привешенного прута дотыкались за тем, что я хотел иметь свидетелей разных цветов огня, против которых покойный профессор Рихман со мною споривал. Внезапно гром чрезвычайно грянул в самое в то время, как я руку держал у железа и искры трещали...

В самой возможной скорости, как сил было можно, приехав, увидел, что он лежит бездыханен..." (Для упрощения набора орфография Ломоносова заменена современной).

Для освещения материала с марксистской точки зрения см.: *А. Иванов* и *Л. Якубинский.* Очерки по языку. Л. — М. 1932.

Об иноязычных элементах в русском языке:

Лучший систематический очерк дает книга проф. *В. А. Богородицкого* — Общий курс русской грамматики. Изд. 4-е. 1913 г. Глава XVI, стр. 460 — 519.

Очень полезный справочник представляет „Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык", составленный *К. Кузьминским, М. Каушанским, Я. Рохлиным* и *С. Бровкиным*, М. 1933, с прекрасным очерком *Н. В. Юшманова*, „Грамматика иностранных слов". Популярный очерк *Н. Коварского* „Иностранные слова в русском языке" напечатан в „Литерат. учебе", 1932 г., №№ 7-8 и 9-10.

ПРИЛОЖЕНИЯ

а) Образец языка московских документов XIV века

Отрывок из „Духовной" вел. кн. Семена Ивановича Московского (1341 — 1353)

„ ... а сю грамоту пи( )лъ есмь пере(д) своими о(т)ци, пере(д) влд(д)кою володимерськимъ пере(д) олексѣемъ пере(д) влдкою переяславьскимъ офонасеемъ, пере(д) влдкою коломеньскимъ офонасьем. пере(д) архимандритомъ петромъ, пере(д) архимандритомъ пере(д) филимономъ. пере(д) своимъ оцемъ д( )шевнымъ попомъ евсевьемъ, а все есмь с еположилъ на б( )зѣ и на своеи братьѣ на князи на иванѣ на князи на андрѣи. а по о( )ца нашего бл( )гвнью что намъ приказа(л) жити за одинъ, такоже и язъ вамъ приказываю своеи братьи жити за одинъ, а лихихъ бы есте люд... и не слуша(л) и хто иметь васъ сваживати. слушали бы е... о( )ца нашего влд( )ки олексѣя. такоже старыхъ бояръ хто хот... лъ о( )цю нашему добра и намъ, а пишу вамъ се слово того дѣля что бы не перестала память родилии нашихъ и наша и свѣча бы не угасла, а хто сю грамоту иметь рушити. судить ему б( )ъ в семь вѣцѣ и в будущемъ.

(Церковнославянские буквы для упрощения набора заменены русскими. Титла заменены скобками. Знаки препинания оригинала сохранены. Многоточия обозначают стершиеся и под. части текста).

Примечание. Р о д и л и и — описка (родители).

б) Образец русского литературного языка второй половины XVII века

Отрывок из „Жития" протопопа Аввакума (1621 — 1682), написанного около 1672 — 1673 г.

... Таже съ Нерчи рѣки паки назадъ возвратились къ Русѣ. Пять недѣль по льду голому ѣхали на нартахъ. Мнѣ подъ робятъ и подъ рухлядишко далъ двѣ клячи, а самъ и протопопица брели пѣшіе, убивающеся о ледъ. Страна варварская, иноземцы не мирные: отстать отъ лошадей не смѣемъ, а за лошадьми итти не поспѣемъ; голодные и томные люди. Протопопица бѣдная бредетъ, да и повалится; скользко гораздо; в иную пору бредучи повалилась, а иной томной же человѣкъ на нее набрелъ, тут же и повалился; оба кричатъ, а встать не могутъ. Мужикъ

кричитъ: „Матушко государыня, прости!“ А протопопица: „Что ты, батько, меня задавилъ?“ Я пришелъ. На меня бѣдная пеняетъ, говоря: „Долго-ли муки сея, протопопъ, будетъ?“ И я говорю: „Марковна, до самые смерти“. Она, воздохня, отвѣщала: „Добро, Петровичъ: ино еще побредемъ“.

(Перепечатывается по „Историко-литературной хрестоматии“ Бродского, Мендельсона и Сидорова, ч. II, 1916 г., стр. 300. Ср. и текст, воспроизведенный в книге А. Бороздина „Протопоп Аввакум“, 1900 г., Приложения, стр. 89. В нем характерно „Нерьчи“).

в) Образец языка начала XVIII века

Письмо Петра I во французскую Академию Наук 11 февраля 1721 г.

„... Объявляем королевской французской академии наук милостивое наше поздравление.

Нам не инако, как зело приятно быть могло, что вы нас членом в свою кампанию избрали. Мы також не хотели оставить, не оказав вам за то сим нашего признания и не обнадежа вас, что мы с великим удовольством то место, которое вы нам представляете, приемлем, и что мы ничего больше не желаем, как чрез прилежность, которую мы прилагать будем, науки в лучший цвет привесть, себя, яко достойного вашей кампании члена показать. Мы повелели нашему первому лейб-медику Блюментросту вам от времени до времени сообщать о том, что в государствах и землях наших нового и рассуждения академии достойного случится, и нам зело будет приятно, ежели вы с ним корреспонденцию содержать и от времени до времени оному взаимно сообщать будете, какие новые декуверты от академии учинены будут“.

(Перепечатано из „Введения в историю просвещения в России XVIII столетия“ П. Пекарского, 1862 г., стр. 532—533. Орфография изменена).

Примечание. Декуверты — открытия (франц. découvertes).

г) Образец севернорусского говора

„А ведомо, к слову да к рече топере, Дидушко,... — скаж-ко нам, почем ты эвто узнаёш — колды какуоё будёт лето? Лико, ты веснусь бачил нам: не красно будёт нонче лито. Ну так и есь. Лико, по сам Ильин день вёдреча не бывало! Эко диво: а коля какая жара стоит об эвту пору: так варом те и варит. А колды опеть баёш по веснам: красно будёт нонче лето, так и бываёт завсёлда. Скаж-ко нам, — по чему ты эвто примечеёш, дак и мы знать станём.

— Покма станёш знать, скоро состаришша... Однак послушайтё, пожалуй: скажу я вам и про эвту примету. На штё веть старики, штёбы калякать. Я слыхал от старых людей, штё весной ежеле из муравишшов переж красные муровьи выхуодят, — будёт лето красноё, а коля чорныё переж, — лето будёт черноё,

замуочливо. Я весной эвто замечею — пере́ж и узнаю, коля́ какуоё будёт лето.

Вуот штё... Эка, парень! подумаш, какиё досель были мудрёныё старики-ти: всё веть замечели. А тибе, Дидушко, матёроё спасибо, штё ты нас уму-разуму научаёш!

(Говор Котельнического уезда Вятской губ. по рукописи пятидесятых годов XIX столетия, перепечатанной в выдержках акад. А. А. Шахматовым в „Сборнике Отдел. русск. языка и словесн. Акад. Наук", том XCV, № 1, стр. 72—73. — Орфография заменена новой).

Объяснение слов: *колды* — когда.
лико — смотри-ка.
бачить — сказывать, предрекать.
завсёлда — всегда.
покма — много.
калякать — разговаривать, болтать.
переж — раньше.
матёрой — большой, огромный.

д) Образец южнорусского говора

Был у нас станавой, ни тем яго паминать: теперь уш ён памёр. Любил ён больна денишку. Вот даслыхалси ён, што у аднаго багатага мужыка была тысяча рублёв дених, и давай придумывать, как бы йих палажыть у свой карман. Ня долга ён думал; смикалка-та у ниво здаровая на все праделки. Вялел ён сваиму рассыльнаму, такому ш выжаги, изделать чилавечью чучилу, замазать йие кровью и падбросить к мужыку на гарот. А сам ночью прижжаить у то сяло и кричить: Давайтя мне хватеру! — Иде прикажытя, ваша благародья? успрашивая соцкай. — Ну, хоч у такога-та мужыка. Привёл яго соцкай на хватеру, и мужык пришол к няму на паклон. Станавой и приказываить соцкаму узять у каго нибуть сена дли яго лашадей. А хазяин и кажа: Зачем жа, ваша благародья, хадить далёка за сенам? мы сами ради служыть вашай миласти, — ни у первой вы у мине астанавливаитись: чем багаты, тем и ради. Узял мужик хванарь и пашол с рассыльным за сенам. Рассыльнай, как толькя пришол у сарай, и хватил сена пряма у том местя, иде лижала чучила, и закричал: Ах, батюшки, тут мёртвай ляжыть чилэк! Мужик, как глянул, так и абамлел. Што тут делать? Прибех у хату и бух станавому у ноги: Батюшка, такой-сякой, стань за атца, за матиря! знать ни знаю и ведать ня ведаю, аткуля на мине такая напасть. Станавой закричал, залапел, вялел было грамаду збивать, а даля збил с мужычка тысичку и паехал; и чучилу с сабою узял. Да што казать! ни ув адном сяле пабывала ета чучила; пабралси станавой за ние дених.

(Текст в Обоянском уезде Курск. губ. записан в 1850-х годах А. С. Машкиным. При перепечатке внесены следующие изменения: вм. γ везде печатается *г*, которое следует читать как звук фрикативный; яти заменены буквой *е*; вместо йота — *й*; вместо *i* — *и*. Исправлены явные ошибки оригинала).

ГЛАВА II

ФОНЕТИКА

Содержание: 1. Фонемы и их звуковые вариации. 2. Чередования гласных. 3. Чередования согласных. 4. Деление на слоги. 5. Общие замечания об ударении.— Из литературы.

Приложения: а) Образец литературного произношения. б) Список ударений, против которых особенно часто погрешают. в) Приложение к главам I и II: Важнейшие особенности вошедших в русский литературный язык южнославянизмов.

I. ФОНЕМЫ И ИХ ЗВУКОВЫЕ ВАРИАЦИИ

Русский литературный язык располагает следующими **фонемами**, или основными типами звуков, при помощи которых можно различать значения слов:

Гласные: **и, э, (ы), у, о, а.**

Согласные: 1. **д, т, з, с, д', т', з', с', ц, ж, ш, ж', ш', ч**;[1] 2а) **г, к, х**; 2б) **г', к', х'**; 3. **б, п, в, ф, б', п', в', ф'** — Шумные

р, л, н, р', л', н', й, м, м' — Сонорные

Из них первая группа — **небнозубные**, вторая — а) **задненебные** (велярные) и б) **средненебные**, третья — **губные**. **В, ф** и **в', ф'** — **губозубные**.

Русское письмо, продолжающее во многом традиционное древнеболгарское (церковнославянское), пользуется системою букв, расходящеюся с требованиями письма, последовательного в передаче фонем. Письмо наше нефонетическое и далеко от строгого соответствия между звуками и обозначаемыми ими буквами: мы говорим *рош*, а пишем *рожь*, т. е. употребляем для передачи согласного букву, обычно соответствующую другому звуку, и ставим при этом еще мягкий знак, которому в произношении ровно ничто не соответствует. Говорим *каза́ца* или *каза́цъ*[2], а пишем *казаться*. Один звук, мягкое (палатальное)

[1] Транскрипцию мягких согласных при помощи **ь** (мягкого знака сверху), вм. обычной — черточки вверху сбоку, избираем по мотивам техническим.

[2] **ъ** — тут знак особого редуцированного звука (см. ниже). Произношение с **ц** долгим и **ц** коротким у москвичей встречается в этой категории параллельно.

н, т и под., мы обозначаем при помощи двух знаков **нь, ть,** и таких несоответствий в нашем письме очень много.

Важнейшие различия между системою фонем литературного языка и их типическими обозначениями сводятся к следующему.

Для гласных русское письмо располагает, кроме пяти указанных выше без скобок (**и, э, у, о, а**), еще буквами: **ы, е, ю, ё, я.** Из них **ы** представляет по существу вариант фонемы **и** после твердых согласных: сравн. *коли* (= приблизительно *кал ы*) и *колы, бил* (= приблизительно *б ыл*) и *был,* причем нет случаев, где бы возможно было в русском языке употребить **ы** после мягкого согласного, а **и** — после твердого. Совпадение в русском языке **ы** и **и** в одной фонеме сказывается особенно отчетливо в таких постоянных отношениях, как: *синий — красный, синих — красных, своих, других — иных.*

Практически, однако, удобнее **ы** трактовать как самостоятельную фонему. „В виду того,— говорит Л. Щерба,— что случаи, где со смысловой точки зрения **ы** и **и** являются тождественными, крайне немногочисленны...— то **ы** является все-таки самостоятельной фонемой, хоть, может, и не в такой мере, как **а, е, и, о, у**". („Русские гласные в качественном и количественном отношении", 1912 г., стр. 50).

Буквы **е, ю, ё, я** имеют двоякое основное значение: это или сочетания **йэ, йу, йо, йа** в начале слога — *есть, ехать, юг, стою, её, своё, я, моя, зная* и под., или **э, у, о, а,** предшествующий которым согласный смягчен — *вера, лес, любить, люди, нёс, вёдра, лять, рявкнуть* и под.— Украинский язык, как известно, сохраняет принципиально такую же систему обозначений, за исключением малоупотребительного и в русском языке знака **ё,** которому по значению соответствуют украинские **йо** в начале слога: *йорж, йойк, йолоп* и **ьо** после согласных: *сьомий, прокльон, сльоза.*

Для обозначения согласных характерно, что ряд мягких (палатальных) имеет свое обозначение или при помощи добавочной буквы („мягкого знака"— **ь**) в конце слога: *встань, тетрадь, глянь, кровь,* или при помощи букв **е, ю, е, я, и,** следующих за ними: *нет, лесть, люк, рюмка, рев, плел, слякоть, мята, тих, липа* = нэт, лэст, лук, румкъ, роф, плол, слакът, матъ, тих, липъ[1], — отношения, принципиально те же, что и в украинском языке.

Буква **щ** обозначает фонему *ш̲*, т. е. долгое мягкое **ш** произношения г. Москвы: *ищу* = ишу, *щека* = шика, *щуплый* = шуплый.

[1] **ь** над согласным употребляем тут как знак его мягкости.

Параллельная звонкая фонема ж̄ь, т. е. долгое мягкое *ж* произношения г. Москвы, выражается комбинацией букв: *йэж̄ьу* передается в письме через *езжу*, *дажд́а* — через *дождя*.

Мягких шипящих не долгих (кроме **ч**) ни как фонем, ни как звуковых вариантов[1] русский литературный язык не в заимствованных словах (*жюри*, *брошюра*) не знает. Поэтому традиционные написания вроде *шило*, *жизнь*, *шелест*, *жезл* имеют только этимологическое значение: *ши*, *жи*, *ше*, *же* следует читать как *шы*, *жы*, *шэ*, *жэ*. Точно так же московскому произношению неизвестно мягкое **ц**. Поэтому написания *целый*, *на крыльце*, *цирк*, *революция* в московском произношении звучат как: *цэлый*, *крылцэ*, *цырк*, *ривалуцыйъ*. Наоборот, только мягким является русское **ч**. Соответственная украинская фонема звучит твердо, и лишь как разновидность ее (перед **і**) в украинском известно мягкое **ч** (*мовчіть*, *викладачі*). В русском письме мягкость **ч** ничем не отмечается, кроме того, что после **ч** не пишутся ни **э**, ни **ы**.

Некоторые из указанных фонем русского языка имеют варианты, зависящие от специальных условий.

В неударяемых слогах русские этимологические гласные подвержены очень значительным изменениям: напр., **о** (ē) в русском литературном языке, вообще говоря, возможно только под ударением; также только под ударением существует **э** (е). Но и фонемы **а**, **и**, выступающие вместо них в неударяемых слогах („вадá, касúй, нисúй, видý“ вместо орфографических *вода*, *коси*, *неси*, *веду*), в известных положениях допускают разновидности литературного произношения, напр., в московском произношении неударяемое **а** употребляется вообще только в слоге, непосредственно предшествующем ударяемому, т. е. *покажем* произносится „пакáжым“, *коса* — „касá“, так же, как и *хвалá*, *далá* и под.; но *поросенок* читается уже как „пърасонък“, *показать* — как „пъказат“, *дело* — как „дэлъ“, *пароход* — как „пърахот“ со звуком **ъ**, напоминающим несколько **ы**. Физиологически это звук среднего ряда среднего подъема, произносимый с ослабленным голосом и очень коротко. Особенно велико ослабление голоса при произношении его между двумя глухими согласными: „пътаму, пъкарит“ (*потому*, *покорит*) и под., ослабление, лишающее данный звук почти всякой определенности. (Кроме положения перед ударением, как **а** звучат еще начинающие слово **о** и **а**). Однако, у значительной части русских наряду с подобным произношением употребляется вместо звука **ъ** — обыкновенное **а**, т. е. произносится: „парасóнак, паказáт, дэла, парахóт“.

[1] В украинском **ш**, **ж** мягкие как варианты фонем (перед і) существуют: *товариші*, *пишіть*, *скажіть* и под.

Правописному **е** без ударения в литературном произношении соответствует обычно **и**, но рядом возможно э, т. е. закрытое, напряженное э: „нисош“ (*несеш*) и „нэсо́ш“, „висна́“ (*весна*) и „вэсна́“.

Отметим из таких вариантов фонем, кроме указанных, важнейшие:

Неударяемое **и** в литературном произношении г. Москвы соответствует правописному **а** после **щ, ч**: *счастливый* произносится „шисливый“, *чахотка* — „чихо́ткъ“, *очаровать* — „ачирава́т“, *щадит* — „шида́т“. Под влиянием письма широко распространено произношение **и** с сохранением звука **а**.

Неударяемое **ы**[1] является в параллельных условиях после **ж, ш**: „шылу́н“ (пишется *шалун*), „жыркойъ“ (пишется *жаркое*). Под влиянием письма широко распространено, однако, вне Москвы произношение „шалун, жаркойэ“ и под.

Правописному **я** в неударяемом слоге соответствует в московском произношении **и**: „за́нил“ (= *занял*), „лидино́й“ (= *ледяной*); но возможно и напряженное э, главным образом, у представителей старшего поколения.

Влиянию письма обязано широкое употребление произношения а с предшествующей мягкостью, т. е. „за́нал, лидано́й“.

В качестве общего явления, типичного для литературного произношения г. Москвы, нужно, наконец, указать, что сравнительно с ударными гласными гласные безударные произносятся неполным голосом. Распространенное среди украинцев и севернороссов произношение без такой редукции, по свидетельству Д. Н. Ушакова („Русская речь“, III, стр. 23), производит на москвичей впечатление „отчеканивания“.

Литературное русское произношение в настоящее время знает по существу только фонему взрывное **г** (= лат. g); ее фрикативный вариант, очень близкий к украинскому **г** (но не гортанный, а задненебный), еще недавно широко распространенный в нескольких словах — *богатый, благодарить, господствовать* и др., повидимому, вымирает[2]. На юге, в области южнорусского наречия и в зоне украинского и белорусского языков, широко распространено произношение русского правописного **г** как украинского **г** или близких к нему оттенков. Такое произношение следует признать бесспорно нелитературным.

Буква **щ** в произношении г. Москвы читается как долгое мягкое **ш** (см. выше); но такое произношение нельзя считать общелитературным. Рядом с ним существует едва ли не более

[1] О том, что оно по существу вариант фонемы, упоминалось выше.

[2] Ср. Е. Поливанов, О литературном (стандартном) языке современности. Родной язык в школе", 1927, № 1, стр. 226. Специальную характеристику распределения фактов см. в статье Д. Ушакова „Звук *г* фрикативный в русском литер. языке в настоящее время“. Сборн. Отд. р. яз. и слов. Ак. Наук. CI. 1928.

распространенное литературное произношение: **шч**: *роща — рошча*" (московское — рошъ), *гуща — „гушча*" (московское — гушъ) и под. Наряду с московским долгим мягким **ж** в случаях, вроде *уезжать, дождя, позже,* распространено и произношение, близкое к орфографическому — долгое твердое **ж** (уижáт), **жд** (даждá) и под.

Говоря об образцовом литературном произношении, т. е. по сути о произношении г. Москвы, как это произношение установилось в ораторской речи, на сцене и т. д., никак нельзя упускать из виду, как отчасти ясно из сказанного, что оно полностью не было и не может быть, несмотря на все старания орфоэпистов, достоянием всех говорящих литературно по-русски. Московское произношение до Октябрьской революции не было общелитературным уже в силу того, что Москва не была единственным господствующим культурным центром, а роль государственного центра принадлежала имевшему свою окраску литературного языка Петербургу.

После Октябрьской революции говор г. Москвы, ввиду новой роли Москвы, как столицы Союза, все время вбирающей в себя многочисленных представителей других диалектов, заметно меняется. Однако, в пользу орфоэпии, установки на фонетическую норму, говорят мотивы, с которыми нельзя не считаться, и важнейший из них — забота об общепонятности языка.

2. ЧЕРЕДОВАНИЯ ГЛАСНЫХ.

Кроме чередований гласных, которые русский язык наравне с остальными славянскими языками получил в конечном счете еще из древнейшего славянского[1], ему принадлежат несколько новых, зависящих от специальных характерных для него фонетических законов.

Это прежде всего переход **е** в **ё**[2] (точнее **э** с предшествующей мягкостью согласного в **о** с предшествующей мягкостью). Так как неударяемое **е** переходит в литературном русском языке в **и** или звук, к нему близкий, то по существу чередование сводится к отношению „неударяемое **и**, **е**: ударяемое **ё**": *весло: вёсла, несу: нёс, метла: мётлы,* т. е. „вислó: вóслы, нисý: нос, митлá: мóтлы". Исходный пункт перехода **е** в **ё** заключается, кроме указанного условия — ударяемости, еще в положении **е** перед т в е р д ы м согласным; поэтому: *мелешь,* а не *мёлешь, весело,* а не *вёсело, стелешь,* а не *стёлешь, постель,* а не *постёль,* но *замёл, весёлый, мёд.*

---

[1] Таковы чередования **е** и **о** независимо от ударения (*везу: воз*), чередования **о** и **а** (*поить: спаивать*), **у** и **ы** (*приучать: привычка*) и пр.

[2] Для упрощения так в этом отделе и будем писать.

При этом надо, однако, иметь в виду, что в абсолютном конце слова ударяемое **е** обычно тоже переходит в **ё**: *бельё, гнильё, моё*. После отвердевших в русском языке **ш, ж** естественно вместо **ё** будет выступать **о**: *шорох, жоны, жолудь* и под.

Комбинируя примеры положения ударяемого **е** перед мягким согласным, перед твердым согласным и неударяемого **е**, получаем типичные для русского литературного языка чередования: *перья : пёрышко : перо*; *веселье : весёлый : весел*, т. е. „пе́рйъ: по́рышкъ: пиро́; висе́лйъ: висо́лый: вэ́сил“. Наряду с этим, особенно распространенным чередованием существует еще другое, основные особенности которого принадлежат и украинскому языку: **е** (ё) и отсутствие гласного звука, обычно при мягкости согласного, за которым он выпал: *день — дня, пень — пня, лён — льна, козырёк — козырька*.

После отвердевших шипящих вместо **ё** в этой категории **о**: *пирожок — пирожка, пушок — пушка*.

Как выразительно показывает, напр., украинский язык, кроме русского **е** (ё), которому в украинском соответствует **е** (но с твердостью предшествующего согласного: *веселий, села, мед*), русский язык знает еще и другое **е** — чередующееся только с **и** в неударяемом положении, но не переходящее в **ё** под ударением перед твердыми согласными: *мера, дело, сено, лето* (в дореволюционном правописании в таких случаях употреблялась буква ѣ: мѣра, дѣло, сѣно, лѣто); такому **е** в литературном украинском языке соответствует **і**, т. е. *міра, діло, сіно, літо*. Правда, и первому **е**, чередующемуся с **ё**, в украинском языке часто соответствует **і**, но это бывает при определенном дополнительном условии — в закрытых слогах: *ніс, вів, лід* (при *льод*) и др.

Физиологически теперь между **е** (**э** с предшествующей мягкостью согласного), чередующимся с **ё** (ь**о**), и **е** (ь**э**), с ним не чередующимся, никакой разницы нет; причины такого различия исторические — оба упомянутых **е**, а также **е** „беглое“, исчезающее в отдельных формах того же самого слова, произошли из различных звуков древнейшего славянского языка.

Всякие **э (е)**, независимо от своего происхождения, подвергаются еще одному характерному, но менее заметному изменению: они произносятся напряженней перед мягкими согласными: ср. *тесто* и (*в*) *тесте, эта* и *эти, спет* и *спеть, честный* и *честь*.

Чтобы уяснить себе все типические особенности, относящиеся к русскому **е**, нужно, наконец, принять во внимание еще несколько специальных условий.

Характерны вариации группы **-ер-** между согласными. В этой группе **е** переходит под ударением в **ё** только тогда, если

---

[1] Звук **е**, не чередующийся с **ё**, восходит к особому звуку древнейшего периода славянских языков — *ъ*: лѣто, мѣра и под.; звук **е**, переходящий в **ё**, — к **е**: *веселый, неслъ* и под.; звук **е** „беглое“ — к очень короткому звуку — **ь**: *весь, вся* из *вьсь, вься*.

за **р** следует твердый зубной, т. е. *твёрдый, чёрный, мёрзнуть, мёртвый, зёрна,* но *четверг, первый, верх, церковь, верба, смерть* (ср. произношение „вэрх, читвэрк, цэркъф, вэрба, пэрвый“ и под.). Заметим, что произношение „читвэрк, вэрх“ и под. как литературное не узаконено. Смягчение перед губными встречается еще реже. Ср. Е. Будде: „Очерк истории современного русского языка. XVII — XIX век“, 1908: „Ныне мы уже не пишем и не печатаем **ь** после **р** в этих и подобных словах, хотя и произносим **р** мягко, наблюдая в то же время и произношение твердого **р** в этих случаях у лиц с литературным образованием и даже у уроженцев города Москвы“ (стр. 32 — 33).

Далее, хотя звук **ц** теперь в русском языке (в отличие от украинского) всегда тверд независимо от положения, в прошлом он был мягок и действует на предшествующее **е** именно как мягкий. Поэтому мы имеем *молодец*, а не „молодёц“, *скупец*, а не „скупёц“, *сердец* (род. мн.), а не „сердёц“ и под. С другой стороны, тоже бывшие в прошлом мягкими звуками **ш, ж**, память о мягкости которых отчасти сохраняет до сих пор орфография (**ши, жи, шь, жь**), влияют на предшествующее **е**, как твердые: мы читаем **ё** в *везёшь, вернёшь, грабёж, лёжа, дёшев*[1]. К влиянию диалектного твердого **ш** следует отнести и литературное *тёща*: перед долгим мягким **ш** в произношении г. Москвы ожидалось бы **е**, но в ряде говоров, где **щ** произносится как долгое твердое **ш**, **е** вполне естественно; из них-то оно, повидимому, и заимствовано.

По поводу нашего произношения *женский, деревенский, смоленский* следует припомнить, что отвердение **с** здесь относительно новая черта, чуждая, напр., многим севернорусским говорам (ср. и укр. *бабський, сільський* и под.).

Слоги *ги, ки, хи* влияют на предшествующее подударное **е** как твердые, т. е. соответственно своему древнему произношению *гы, кы, хы*; поэтому имеем *щёки* (форму, повлиявшую и на *пощёчина*). Менее доказательны случаи вроде *кровоподтёки, жохи*, где возможно также влияние единственного числа.

Нет перехода **е** в **ё** в начальном *не* — в префиксальных существительных и под. и в случаях переноса на него ударения в глаголах: *нéхотя, нé дал*. Отчасти тут могли сыграть роль слова с *не* — из *нѣ*: *негде, некогда, нечего* и под. В случаях вроде *не дал* и под., вероятно, издревле ударение не отличалось устойчивостью. Ср. также *нéдуг* и *недýг*. Нужно также принять во внимание, что в словах *нéнависть, нéдоросль* мы имеем продукты старославянского влияния.

До сих пор упоминались особенности в изменениях **е**, характерные для русского языка в его, так сказать, чистом виде. Но

[1] Отдельные отступления—*чешет, брешет, тешет* (ср. диалект. *чошет*) — могут отражать влияние родственного типа — *мечет, трепещет*, поддержанное говорами, где *ж, ш* отвердели поздно и не влияют как твердые на предшествующее *е* (ср. диал. *нисэш* и под.). Из подобных диалектов в литературный язык попало, вероятно, *головешка*.

русский литературный язык имеет в своем составе очень значительную примесь церковно-славянского языка. Древнеболгарский (церковно-славянский) язык не знал изменения подударного **е** в **о** с предшествующей мягкостью (**ё**). Поэтому многочисленные заимствованные из него слова произносятся до сих пор на древнеболгарский лад, с тем, однако, отличием, что **е** смягчает, как вообще в русском, предшествующий согласный и неударяемое **е** произносится близко к **и**. Таковы: *небо, пещера, полезный, лев* (но собственное имя иногда произносится как *Лёв*)[1], *перст* (но *напёрсток*), *дерзость, серна.*

В старом литературном языке (почти вплоть до половины XIX века) церковно-славянское произношение было в употреблении значительно большем, чем теперь. В ряде слов, где, напр., Пушкин произносил (или мог произносить) **е**, теперь, подчиняясь общей фонетической тенденции русского языка, мы произносим только **ё** (о): „На холмах пушки, *присмирев*, Прервали свой голодный *рев*“ („Полтава“). „И ты пришел, сын лени *вдохновенный*, О Дельвиг мой, твой голос пробудил Сердечный жар, так долго *усыпленный*, И бодро я судьбу благословил“ (19 окт. 1825). Особенно многочисленны случаи такого чтения в его юношеских стихах. Ср. также у его современников рифмы вроде: *Лафайэт* и *кладет* (Д. Давыдов), *небес* и *нес* (Ф. Тютчев) и под. У Батюшкова в том же самом стихотворении („В обители ничтожества унылой“) рифмы: *слез — роз* и *небес — слез.*

Довольно консервативными мы остаемся в произношении некоторых слов книжного происхождения, вероятно, непосредственно не восходящих к старославянскому: ср. *учебный, врачебный, душевный, плачевный.* Правда, А. И. Соболевский (Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, XXVIII т., стр. 398) толкует их как правильные русские формы перед былым **ьн** (стар. *тьмьный*), но широкое распространение произношения *тёмный* (ср. еще, напр., народн. *неуёмный*) и книжный характер приведенных им примеров не позволяют считать его мнение убедительным.

Сказанное об **е** в словах, заимствованных из церковно-славянского, относится к заимствованиям и из других языков: *пекарь, опека, конверт* (канвэрт), *газета* (газэтъ), *рента* (рэнтъ), *лента* (лэнтъ), *момент* (мамэнт), *пресса* (прэсъ), *секция* (сэкцыйъ), *тема* (тэмъ), *проблема* (праблэмъ), *метр* (мэтр), *спектр* (спэктр) и под.

Наряду с отмеченными особенностями фонетического происхождения или объясняемыми заимствованием мы найдем известное количество случаев, обязанных действию смысловых ассоциаций и производящих впечатление отклонений от общих фонетических законов. Таковы:

---

[1] Пушкин рифмует „Лев“ (имя своего брата) с „плов“.

1. Переход **е** в **ё** (о) перед мягким согласным в дательном и местном падеже, оканчивающемся на **е**: *омёла* и так же *омёле* (вместо фонетического „омеле“), *обжора* (*обжоре*), *берёза* (*берёзе*), *подоплёка* (*подоплёке*). Ясно, что фонетические формы утрачены под влиянием остальных форм склонения, где **е** находилось перед твердым согласным.

2. Другой тип выравнивания имел место в творительном падеже единственного числа женского склонения на **-я**: под влиянием „стороною“, „рекою“ и под. вместо ожидаемого „землею“, „свечею“, „вожжею“ имеем *землёю, свечою, вожжою*. Ср. фонетические формы *моею, твоею*.

3. Под влиянием „несёт“, „несём“ и под. вместо фонетических „несете“, „плетете“, „рвете“ явились и получили в литературном языке исключительное господство — *несёте, плетёте, рвёте*.

4. Иногда **е** проникало в близко родственные слова: *тётя* — под влиянием *тётка, горшочек* — под влиянием *горшок, мешочек* — под влиянием *мешок, околёсица* — под влиянием *околёсная* (ср. „понес околёсную“) и под.

5. Там, где, по показаниям украинского и других родственных языков, ожидалось бы **е**, не чередующееся с **ё** (из ѣ), в нескольких случаях выступает **ё** аналогического происхождения: *гнёзда, звёзды* (при *звезды*), *приобрёл, позёвывать, зёв*. Слова эти уподобились отношениям: весло́: вёсла, село́: сёла, метла́: мётлы, ветла́: вётлы, брела́: брёл, плела́: плёл, плева́ть: поплёвывать, клева́ть: поклёвывать, клева́ть — клёв.

6. В формах „запрёг“ [1] (пишется *запряг*) и „трёс“ (пишется *тряс*) **е** на месте **я** обязано влиянию отношений „нёс: несла́, вёз: везла́“. Ср. произношение „запригла́, трисла́“, параллельное „нисла́, визла́“ [2]. Под влиянием „запрёг“ является и „запречь“ (пишется *запрячь*) [3]. В переносном значении, напр., „потряс слушателей“, произношение **я** сохраняется.

7. Под влиянием *дёрнуть* явилось нефонетическое *дёргать*. Новое литературное *подчёркивать* (ср. параллельное *подчеркивать*) могло возникнуть по аналогии с *отдёргивать* и под.

8. В литературном произношении г. Москвы в зависимости от места ударения чередуются **о**:**а**:**ъ**: во́ды: вада́: въдано́й, ко́лъс: кало́сйъ: къласо́к (*воды*: *вода*: *водяной, колос*: *колосья*: *колосок*). В том же положении, в котором **о** переходит в **ъ**, переходит в **ъ** и **а**, т. е. имеем: пъраго́т, зъмарат — *пароход, замарать* и под.

Под влиянием этого чередования принято в литературном

---

[1] Иногда произносят „запряг“ и под. Ср. рифму „напряг“ — „овраг“ у Некрасова („Про холопа примерного — Якова верного“).

[2] Но *лягу*: *лечь, сяду*: *сесть* — наследие древнейшего периода славянских языков.

[3] Ср., напр., у Пушкина („Зимнее утро“) рифму: „Трещит затопленная печь“ и „Кобылку бурую запречь“.

языке, южнорусское произношение в глаголе „плотиш, плотит“ и в производных от него „уплочинъ“ и под. (пишется *платишь, платит, уплачено*).

9. После слова, оканчивающегося на согласный, и следующего слова, если оно тесно связано с предыдущим, изменяется в **ы**: „с Иваном“ звучит „сыванъм“,—„с икрой“ — „сыкрой“, „брат и сестра“ — „братысистра“. Ср. и абревиатуры: *Госиздат* — произносится „госыздат“, *горизбирком* — „горызбирком“. После гласных и мягких согласных **и** сохраняется; ср. произношение „ты и я“, „ночь и день“ и под. Наблюдение Д. Н. Ушакова („Русская Речь“, III, 24): „Среди немосквичей часто можно встретить таких, которые произносят в указанных случаях вообще **ы**, но после **г, к, х** произносят **и**: „изызбы“, но: „человек идет“ — целиком соответствует фактам распространенного на Украине русского произношения.

3. ЧЕРЕДОВАНИЯ СОГЛАСНЫХ

1. Конечные звонкие согласные, если не стоят перед другим словом, начинающимся с звонкого же согласного, переходят в глухие: *боб* изменяется в „боп“, *род* — в „рот“, *рог* — в „рок“. Интересные данные о рифмах у поэтов, главным образом южного происхождения, с произношением, конечного **г** как х см. у Чернышева „Законы и правила...“, стр. 39—40.

2. Глухие согласные в положении перед звонкими изменяются в звонкие, а звонкие перед глухими — в глухие: *просьба* звучит „прозбъ“, *молотьба* — „мъладба“, *книжка* — „книшкъ“, *бабка* — „бапкъ“. Последняя ассимиляция отсутствует в литературном украинском. На конце слова перед следующим звонким в русском возникают даже аффрикаты **дз, дж**: „атэдз был, додж была“ (*отец был, дочь была*).

3. **С** и **з** ассимилируются последующим шипящим: *сшить* — шыт, *с шипением* — шыпэнийъм, сшиб — шып, *с жадностью* — жаднъстйу, с *жиру* — жыру.

4. **К** и **г** изменяются в **х** перед **к** и **т**: *к кусту* произносится иногда „х кусту“, *к коню* — „х кану“, *мягкий* — „махкъй“, *ногти* — „нохти“, *когти* — „кохти“ (откуда в контаминации с „ноготь“, „коготь“, — нохът, кохът), *деготь* — „дохът“ (ср. „дохтя“). При „нохти“ существует, однако, в Москве и произношение „нокти“ (Ушаков, op. cit., 25). Точно так же *кто* употребительнее, чем „хто“, орфоэпичность которого оспаривается. Параллельно **г** изменяется в **h** (звук, близкий к украинскому **г**) перед **д**: *когда, тогда* произносятся „kahда“, „tahда“ (наряду с *кагда, тагда*).

1) Сонорные: **р, л, н, м**, а также **й** и **в**, не ассимилируют себе

по звонкости предшествующих глухих согласных, так же, как подобного ассимилирующего воздействия не производят гласные: ср. „отбор“, „отдых“, произносящиеся как „адбор, одых“, но рядом: „атарват, атрыф, атлогъй, атмыкат, атнос, атвор, атйэхат“ (*оторвать, отрыв, отлогий, отмыкать, отнес, отвор, отъехать*).

Любопытно, что это как раз те звуки, которые не имеют пар, звонкого и глухого, вроде, напр., **б : п**, **г : к** и под.; **в**, правда, имеет соответственный глухой **ф**, но он перед гласными встречается только в словах, заимствованных из иностранных языков. Как показывают данные русских диалектов, а также факты украинского и белорусского языков, в прошлом он произносился как губогубной звук и пары себе вовсе не имел.

5. **Ч** переходит в **ш** перед **н**: *конечно* звучит „канэшнъ“, *кузнечный* в произношении г. Москвы — „кузнэшнъй“ и под.

В словах книжного происхождения **ч**, однако, удерживается: *научный, точный, приличный, вторичный, публичный* и под.[1]. Известную роль здесь, вероятно, играет и отталкивание от омонимов: *точный — тошный, научный — наушный.*

6. Согласные, которые могут в литературном языке быть мягкими перед мягкими согласными, обыкновенно произносятся мягко — Д. Ушаков (op. cit., 25) считает орфоэпическими формами, напр.: „банщик, дверь, денщик, дефки, естественно, зверь, кормить, корни, лафки, нынче, первенец, разбить, стих“ и др. Однако, далеко не все приведенные им примеры могут считаться обще-литературно-русскими. А. Пешковский, напр., затруднялся, какому произношению отдать преимущество: „армия“ или „армия“, „вместе“ или „вместе“, „общественный“ или „общественный“[2]. Повидимому, не у всех предшествующие согласные подвергаются влиянию мягких губных: „дверь, общественный, естественный“; не у всех же под влиянием последующих мягких согласных смягчаются губные: „дефки“, „лафки“ и под.

По наблюдениям Чернышева, „Законы и правила русского произношения“, стр. 46, губные смягчаются перед мягкими губными же или **к**, **г**, **х**, но не имеют полной мягкости перед мягкими сонорными и **т**, **д**, **з**, **с**; мало способны к смягчению **к**, **г**, **х**. О. Брок, „Очерк физиологии славянской речи“, 1910, стр. 155 — 156, в качестве общего правила признает мягкость зубного перед мягким зубным же. О других положениях он высказывается не вполне решительно: в описанном им северно-русском говоре „зубной правильно смягчается перед мягким губным, между тем как губной и велярный чаще не поддаются

[1] Для колебания в самой Москве характерно расхождение между произношением „облачный“ и „облашный“.

[2] Сборник статей, 1925, стр. 172.

влиянию следующего мягкого зубного; в прочих сочетаниях (зубной перед „гортанным", губной перед таким же и обратно) является колебание. Эти черты, кажется, во всем существенном общие для великорусской речи". (Ср. и замечания И. Фалева, Русская диалектология, 1928, стр. 13—14).

7. **Д** и **т** в сочетаниях **зд, ст** выпадают перед **н**: *праздник* произносится — „празник", *лестный* произносится „лэснъй" и под.

Точно также имеем выпадения в группах в три зубных согласных: *счастливый, сердце, солнце* произносятся „шисливый, сэрцъ, сонцъ" (ср. *счастье, сердечный, солнечный*, где **т, д, л** произносятся); ср. еще иностранное „ланшафт" (*ландшафт*).

8. Другие чередования согласных, наблюдаемые в русском языке, относятся по преимуществу к более ранним эпохам жизни языка. Часть из них обща и другим славянским языкам, или только восточнославянским.

Ограничимся их перечнем и самыми короткими замечаниями:

к : ч — на/ук/а : уч/ить; волк : волч/ий;
ц : ч — заяц : заяч/ий; отец : отеч/ество;
к : ч : ц — лик : лич/ный : лиц/о;
г : ж — лог/овище : ложе; лг/ать : ложь;
г : ж : з — друг : друж/ба : друзь/я;
х : ш — ухо; уш/и; дух/ота : душ/ный;
с : х — тряс/у : трях/нуть;
с : ш — пис/ать : пиш/у; чес/ать : чеш/у;
з : ж — рассказ : расскаж/у; воз/ить : вож/у;
д : ж — буд/ить : буж/у; вод/ить : вож/у.

Примечание. Если наряду со словами, имеющими подобные **д** и **ж**, встречается еще родственное слово, имеющее **жд**, то последнее всегда является не русским, а заимствованным из старославянского; ср. *о/перед/ить — о/переж/ать — прежд/е, преду/преж/ать; суд/ить — о/сужд/ать; саж/ать — на/сажд/ать; у/год/ить — у/гож/у — у/гожд/ать.*

т : ч — свет : свеча; плат/ить : плач/у.

Примечание. Если наряду со словами, имеющими подобные **т** и **ч**, выступает еще родственное слово со **щ**, то оно является заимствованным из старославянского; сравн. *ворот/ить, по/ворач/ивать — из/вращ/ать, воз/вращ/ать.*

Слова с **жд, щ** относятся обычно к кругу более книжных, отвлеченных понятий, чем родственные с **ж, ч**; сравн.: *рож/ать — рожд/ать; саж/ать — на/сажд/ать; вороч/у — воз/вращ/у.*

к/т, г/т : ч — пек/у; печь из пек/ть/; мог/у : мочь (из мог/ть):

ст : щ — *прост/ить : прощ/у, у/гост/ить : угощ/у.*
ск : щ — *пуск/ать : пущ/у; треск : трещ/ать.*
б, п, м, в, ф : бл, пл, мл, вл, фл (с **л** мягким):
люб/ить : любл/ю; сп/ать : спл/ю;
лом/ить : ломл/ю; лов/ить : ловл/ю;
граф/ить : графл/ю.

Многие из указанных изменений произошли по причине того, что за звуками **к, г, д, т** и др. был раньше, а отчасти сохранился

и теперь, один из так называемых мягких гласных: **и, е, ь**[1] или согласный **й**. При этом надо заметить, однако, что для каждого изменения были свои, особые условия, которые, ввиду их сложности, мы здесь не описываем. Ограничимся только единичными примерами: *Свет-и-шь*. 1 лицо ед. ч. было „свет-и-у", перешедшее в „свет-й-у", а **тй** перешло в **ч**. *Буд-и-шь*, 1 лицо ед. ч. звучало „буд-и-у", затем „будйу"; **дй** дало **ж**. *Люб-и-шь*, 1 лицо ед. ч. в древности — „люб-и-у"[2], откуда „любйу", а из **бй** — **бл** (с мягким **л**).

Полезно заметить некоторые выпадения согласных:

в выпало после **б** — *волок|у* : *об|олоч|ка*.

д, т выпадали перед **л** — *вед|у* : *ве|л* (из *вед|л*), *плет|у* : *плел* (из — *плет|л*).

Возможны еще случаи выпадения перед **н** согласных **г, к, д, т, б, п**; *трог|ать* : *тро|нуть*; *треск* : *трес|нуть; кид|ать* : *ки||нуть*; *блист|ать* : *блес|нуть*; *сгиб|ать* : *сог|нуть*; *у|топ|ать* : *у|то|нуть*.

Благодаря действию ассоциаций по смыслу соответственный звук иногда сохраняется; напр.: „топ|нуть" — под влиянием „топ|ать", „обволакивать" под влиянием „волочить" и под.

4. ДЕЛЕНИЕ НА СЛОГИ (СЛОГОРАЗДЕЛ)

Старое правило переноса из строки в строку, при наличии двух согласных между гласными, только одного из них создавало впечатление, будто русскому языку свойственно подобное слогоразделение: *прав-да, свеч-ка, проб-ка, реч-ной* и под. На самом деле, как легко убедиться на опыте с детьми или людьми, которым еще не внушено подобного правила, слогораздел в русском языке обыкновенно приходится после гласного[3], и противоположные случаи следует рассматривать скорей как отступления, т. е. нормальное распадение на слоги: *пра-вда, све-чка, про-бка, ре-чной*.

Уже Ломоносовым („Российская грамматика", 1755 г., § 102) было сделано очень интересное наблюдение, забытое впоследствии, что „началом слога" (по его терминологии, „склада") „причитаются те согласные буквы к последующей самогласной, с которых есть начинающееся какое-нибудь речение в российском языке, тем же порядком согласных; например: *у-жа-сный, чу-дный, дря-хлый, то-пчу*: ибо от согласных **сн, дн, хл, пч,** начинаются речения: *снег, дно, хлеб, пчела*".

Брок, „Очерк физиологии славянской речи", § 216, воздерживаясь от окончательного решения вопроса, ссылается на правила, сформулированные А. Потебнею в „Записках Акад. Наук" т. 33, прил., стр. 820—824, для русского и украинского: к сле-

---

[1] Теперь **ь** только знак мягкости предшествующего согласного, а раньше он обозначал особый, отдельный гласный звук.

[2] В интересах простоты обозначаем флексию как **у**. В древнейшую эпоху здесь был особый носовой звук.

[3] Написания для упрощения набора берем орфографические.

дующему слогу относится шумный согласный со следующим **л, р**, известные сочетания, как **ск, ст, зд** и под., со следующими **л, р** или без них, может быть также согласный (кроме **м, р**) со следующим **в**; к предшествующему слогу — **р, л** перед другим согласным, далее согласный, за которым в старину следовал **ъ** или **ь** суффикса (т. е. *шап-ка, дум-ка, шед-ший*). Мои наблюдения над детьми не позволяют мне признать выводы Потебни полностью имеющими общее значение: в большинстве случаев у детей дошкольного возраста, производивших разбивку, я констатировал[1]: *ко-шка, тря-пка, мя-тный, пу-стыня, ме-дный, гра-жда-нин, пе-сня, чи-стить* и под. К предшествующему слогу отходили обыкновенно только **р**: *гор-ка, вер-ный, кор-ка, пер-цу*; **л**: *и-гол-ка, шел-ку, пал-ка, пол-ный*; **й**: *ко-пей-ка, бой-ко, кой-ка*; **м, н**: *рюм-ка, зим-ний, тем-ный, кон-ду-ктор* (при *ко-нду-ктор*), т. е. сплошь сонорные. Из шумных относились к предшествующему слогу иногда мягкие: *прось-ба, Вась-ка,* но, повидимому, известную роль при такой разбивке играли упоминаемые и Потебнею „психологические“ моменты (привычное „Вася“ и под.).

5. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ УДАРЕНИИ

Основа русского литературного ударения, как и вообще литературного языка, — говор Москвы. Старославянские элементы вошли в русский язык, разумеется, с ударением, зачастую отличным от живого русского и только частично ассимилировались типичным для русского языка явлениям. Так, напр., исконные русские *ворóтишь, горóдишь* указывают на ударение 2 лица ед. ч. и далее на слоге перед приметой класса, но старославянизмы *возврати́шь, награди́шь* мы произносим с ударением на **и**. Старославянское влияние, при его значительности в литературном языке, должно было оставить немалый след и в ударении, и, говоря о последнем, приходится серьезно считаться, что в живой ткани русских особенностей окажутся нити языка близко родственного, но тем не менее чужого. Особенно, конечно, этого следует ожидать по отношению к языку старых писателей.

Иностранные слова (заимствования в широком смысле слова) — часть лексики, допускающая наибольшие колебания. В общем в их ударении отражается стремление сохранить особенности, которые принадлежат слову на его родной почве; но тот факт, что заимствование слов происходит нередко не прямым путем, а через языки-посредники, зачастую по два и даже по три раза, что и после люди, знающие иностранные языки, иногда невольно, а иногда сознательно, меняют установившееся ударение на ударение языка-источника, приводит к более или менее значительным колебаниям. Это во-первых. Во-вторых, при перенимании

[1] Э. Бернекер категорически утверждает: „...Граница слога никогда в русском не приходится между согласными, а всегда лежит после гласного: согласный всегда принадлежит следующему слогу“ (Russische Grammatik, изд. 2, 1906, стр. 37); но это утверждение нельзя принять безоговорочно.

чужих слов почти всегда с известной силой проявляется стремление так или иначе ассимилировать элементы чужие привычному, что́ создает столкновение или колебание между ударением первоисточника и новой для него почвы. И в-третьих, значительная часть книжных заимствований, с которыми знакомятся читая, а не слушая, подвержены вообще, в отношении ударения, случайностям такого рода восприятия.

Вот несколько иллюстраций к сказанному:

При распространенном ударении *магази́н*[1] иногда употребляется и ударение *ма́газин*. Если первое соответствует ударению французского и немецкого источника, то второе следует, повидимому, отнести к влиянию польского посредства — *magazyn*. Старое ударение слова *музы́ка* в русском падало на второй слог. Писатели XVIII и начала XIX века произносили именно так и следовали в этом отношении ударению, установившемуся уже в конце XVI — начале XVII века („муси́ка“ в „Лексиконе вокабулам новым“ времени Петра I) и отражающему, повидимому, французское и немецкое влияние. Пушкин, вообще употреблявший только „музыка“ (ср., напр. „Моцарт и Сальери“, где это слово с таким ударением повторено несколько раз), около 30 года переходит на новое для него „музыка“, с ударением лат. и итал. „musica“, пол. „muzyka“ (в польском группа слов на *-yka-* отступает от общего правила о предконечном ударении).

Заимствованное из английского *репо́ртер* (repórter), „сотрудник, доставляющий в газету местные новости“, в настоящее время под влиянием многочисленных у нас заимствований из французского (*режиссёр*, *антрепренёр* и под.) произносится обычно с конечным ударением — *репорте́р*.

Французское ударение *паспо́рт*, несколько десятилетий назад допускавшееся в литературном языке, уступило место ударению *па́спорт*, отражающему, вероятно, польское влияние (ср. и произношение „пашпорт“—пол. „paszport“). Утверждение Я. Грота: „паспорт (фр. „passe-port“), — так это слово обыкновенно пишется, но произносится *пашпорт* (польск. „paszport“)“, надо признать, однако, слишком категорическим. Бодуэн де-Куртенэ, напр., в словаре Даля в первую очередь ставил *паспорт*. Ср. и у Некрасова: *Надышавшись классической пылью В Петербурге, паспорт мы берем И чихать уезжаем в Севилью*. Польскому же влиянию мы обязаны, вероятно, ударением *документ* при образцовом *докуме́нт* (лат. documéntum), — ср. народное *инструме́нт* при литературном *инстру́мент* (лат. instrúméntum). Следует, впрочем, заметить, что и влияние польского языка само по себе заключало уже условия для колебания: имен. падеж *dokument*, но родительный *dokumentu* и под.

Грецизмы поступали в русский язык обычно в латинской оболочке; поэтому у нас обычны ударения *демокра́тия*, *эпиде́мия* и под. Людей более высокого образования мы узнаем,

[1] Жирным шрифтом показан ударный звук.

однако, по ударениям *демократия*, *эпидемия* и под., отчасти восходящим к прямым греческим образцам, отчасти отражающим французское и немецкое произношение ученых кругов.

Не приходится и говорить о том, что в ряде случаев ударение заимствованного слова отражает принадлежность говорящего к определенной среде и типичные именно для нее влияния; ср. ударения лиц, прошедших духовную школу, — *педагог*, *кафедра* (обычные литературные — *педагог*, *кафедра*), ударения моряков: *компас*, *рапорт* и под. Было бы ошибкой, однако, думать, что колебание ударения — особенность только заносных слов и что в словах издавна русских мы найдем в литературном языке вопрос вполне унормированным. Дело в том, что ударение, ввиду того, что оно в книге обыкновенно не обозначается, что ему очень мало внимания уделяли школьные грамматики, а в связи с этим и школа вообще, было в практике устной литературной речи более предоставлено и живым тенденциям ассоциативного порядка (выравниваниям в пределах этимологических групп и под.) и влиянию диалектов. Особенно последние заявили свои права со времени Октября. Ясно, напр., что такая пестрая система ударения, какую мы имеем в результате действия давних фонетических причин в русском глаголе, не могла не подвергаться сильному действию грамматической аналогии — разным „выравниваниям“; тенденция говорить *взяла* вм. *взяла*, *жрала* вм. *жрала*, *звала* вм. *звала*, *упёрся* вм. *уперся*, *взялся* вм. *взялся* и многое другое — могла зависеть не только от того, что так уже говорили в диалектном окружении, но и от того, что к этому все время вели многочисленные влиятельные формы самой системы, ср.: *взял*, *взяли*, *жрал*, *жрали*, ... *упёр*, *взял*.

Велика, однако, была и значительной остается и поныне в русском литературном языке роль ударений, господствующих в определенной диалектной среде.

Севернорусское и южнорусское наречия имеют заметные различия в ударении. Так, в первом господствуют формы вроде *варишь*, *солишь*, *спите*, *говорите*; *отдал*, *пролил*; *на землю*, *на берег*; *землю*, *зиму* и др.; во втором — *варишь*, *солишь*; *спите*, *говорите*; *отдал*, *пролил*; *на землю*, *на берег*; *землю*, *зиму* и т. д.

Ударение литературное в целом ближе к северному (более архаичному), и северные влияния поддерживались в дореволюционный период географическим положением г. Москвы. Но южные влияния имели за себя в ряде черт бóльшую выравненность, и это открывало им зачастую дорогу в литературный язык, куда труднее проникали иные особенности специфически-южнорусской фонетики и морфологии, встречавшие, как уже упоминалось, кроме того, и большое противодействие школы.

Сфера заметного проявления в книжной речи литературных ударений — стихотворный язык. Это источник, допускающий наиболее объективный контроль того, в какой мере литературное ударение едино и до какой степени возможны в нем диалектные отклонения. В целом относящий я сюда материал, хотя бы в объеме собранного В. Чернышевым („Рус-

ское ударение"; о диалектных особенностях, стр. 56—65), свидетельствует, что отклонения от обычного у писателей с литературной основой речи хотя и нередки, но, в большинстве случаев, не представляют чересчур резко бросающихся в глаза особенностей. Диалектизмы поэтов проходят исключительно по линии живых колебаний, в основе которых лежат выразительные влияния грамматической аналогии и зачастую прогрессивные тенденции. Вот почему так распространены считающиеся диалектизмами ударения существительных без переноса на предлоги — *на берег* и под. (ср. Чернышев, § 31), ударения глаголов в прошедшем времени без переноса на префикс *назвал, разлил* и под., колебания в ударении глаголов типа — *кружиться — кружится* (ср. *кружусь, кружиться*) и под. По этой же, прежде всего, причине „диалектизмы" многих поэтов-южан оказываются, напр., в языке поэтов — уроженцев севера. Правда, Чернышев (§ 34) склонен думать, что „если эти поэты употребляют ударения, которых нет в тех говорах, среди которых они родились и росли, то, очевидно, они взяли такие ударения из литературного языка: или из живого говора образованного общества, испытывающего влияние и северных и южных русских наречий, или же непосредственно — из языка поэтов-великоруссов", но в этом утверждении, при всей его справедливости, недооценивается роль выравниваний в пределах самих грамматических групп, с которыми прежде всего приходится считаться там, где влияния школы не выступали резко. Диалектизмы иного рода (ударения узкой сферы аналогических влияний) — явление крайне редкое, почти столь же редкое, как диалектизмы лексические: их мы видим по преимуществу, напр., у Кольцова (*сержуся, кует*), у Никитина (*обнял*[1], *в кувшине, кафтаны*, вин. пад. *свечу*) и под.

Особых замечаний требует один широко распространенный предрассудок. Многие думают, будто поэты по требованиям ритма разрешают себе вольное обращение с ударением, доходящее иногда до искажений. На самом деле ни один культурный поэт никогда себе не позволял и не позволяет колебаний бо́льших, чем те, которые реально существуют в литературном употреблении его времени. Наталкиваясь у поэтов на непривычные для нас ударения, мы забываем о том, что ударения эти могут быть традиционными, перенятыми из языка учителей данных писателей, т. е. восходящими к эпохе, с которой у нас уже нет живой связи, и что сохраняющееся теперь как диалектизмы раньше могло еще бороться за свое существование в литературном языке. Не поэтической вольностью Пушкина является, напр., упомянутое выше *музыка*, хотя некоторые его современники (напр. И. Крылов) уже раньше его усвоили себе более новое *музыка*. Не нарочито выдумано К. Рылеевым такое странное для нас теперь ударение, как

[1] Здесь ввиду отсутствия простого глагола для аналогии вроде *прожил — жил* были более узкие условия, и *начал, обнял* — формы поэтому менее распространенные, чем „*прожил*" и под.

битва (*Почто, почто в битве кровавой, Летая гордо на коне, Не встретил смерти под Полтавой?* — „Войнаровский“); ударение *битва* образцовым могло считаться в годы учения Рылеева, напр., потому хотя бы, что его рекомендовала „Российская грамматика, сочиненная Российской Академией“ (изд. 3-е, 1819 г.). С удивлением мы слышим ударение *девочка* в арии Томского в „Пиковой даме“, но это попавшие в либретто стихи Г. Р. Державина[1], который так это слово, до сих пор живущее с этим ударением на севере и встречающееся у Некрасова, действительно произносил, и под. Чем ближе к нашему времени, тем все реже попадаются нам подобные отклонения, и это является лучшим доказательством того, что дело здесь не в произволе того или другого поэта, а во влияниях среды, нам теперь чуждой.

Совсем иное дело колебания ударений в языке современников, а иногда даже у того самого поэта, и притом на протяжении нескольких строк того самого стихотворения. Колебание такое — не редкость (ср., напр.: *Придут с песнью на устах наши дети, — А не дети, так придут с песнью внуки.* — Фет; *А дружок мой милый далеко, далёко.* — А. Толст.; *Ай далеко, далёко ты, Загреб!* — Бунин. *Вдруг дальний колокола звон раздался снова в тишине* и: *Не раздался В торжественный моленья час Лишь человека гордый глас.* — Лермонтов, „Мцыри“. *Шлейф, забрызганный звездами* и *Вся окутана звёздами вьюг.* — А. Блок. *Поволжскому сердцу ветер над мостом Дул многоверстным гудком* и *Над мостом же полотняный голубь Ширь клевал у неба на краю. Над мостом же часовой веселый Пел про злую молодость свою.* — Н. Тихонов). Но колебание это совершается, как мы уже заметили, всегда в пределах существующих в живом литературном языке расхождений, таких именно, которые не кажутся носителям этого языка странными, необычными. Причем, конечно, приходится принимать во внимание для ряда слов и форм и то, что отдельные ударения могут продолжать культивироваться, выйдя из разговорной речи, — как специально поэтические, с несколько архаизирующей окраской. Такого рода ударений немало, напр., у Вал. Брюсова.

Для полноты стоит еще отметить, что в речениях и поговорках, попавших в литературный язык из областных говоров, могут сохраняться диалектные ударения: „Не мытьем — так катаньем“, „Не пила — не ела“, „Куда конь с копытом, туда и рак с клешнею“, „Губа не дура“ и под.

ПРИЛОЖЕНИЯ

а) Образец литературного произношения

Ста́ръй апшырнъй, тинуфшъйсъ пъзади́ до́мъ сат, выхади́фшъй зъ сило́ и пато́м пръпада́фшъй ф по́ли, зарошъй и загло́хшъй, ка-

[1] „Я желал бы быть сучочком, Чтобы тысячам *девочкам* На моих сидеть ветвях“ („Шуточное желание“).

за́лъс, ади́н асвижа́л эту апшырну́ю дирэ́вну и ади́н был фпалнэ́ жывапи́сън ф свайо́м карти́нъм запустэ́нии. Зилоны́ми аблака́ми и нипра́вилными трэпитали́сными купала́ми лижа́ли нъ нибэ́снъм гаризо́нти съидино́ныи виршыны разро́шыхсъ нъ свабо́ди дирóф. Бэ́лъй къласа́лнъй ствол биро́зы, лишо́нъй вирху́шки, атло́млинъй бу́рийу или гразо́йу, пъдыма́лсъ из э́тъй зило́нъй гу́ши и кругли́лсъ на во́здухи, как пра́вилнъйъ мра́мърнъйъ свирка́йушъйъ кало́нъ; касо́й астръканэ́чнъй изло́м ыво, като́рым он ака́нчивалсъ квэ́рху вмэ́стъ къпитэ́ли, тимнэ́л на снэ́жнъй билизнэ́ иво, как ша́пкъ или чо́рнъйъ птицъ. Хмэл, глушыфшъй внизу́ кусты бузины, риби́ны и лисно́въ арэ́шникъ и пръбижа́фшъй пато́м пъ вирху́шки фсиво́ чистако́лъ взбига́л, нъканэ́ц, вэ́рх ы абвива́л дъ пълави́ны сло́млинуйу биро́зу. Дасти́гнуф сириди́ны ийо́, он ату́дъ свэ́шывалсъ внис и нъчина́л ужэ́ цыпла́т виршыны других дирóф и́ли жы висэ́л на во́здухи, зъвиза́фшы ко́лцъми сваи́ то́нкии цэ́пкии кру́чйъ, лихко́ калэ́блимыи во́здухъм. (Н. Го́гъл).

Примечания к записи. Буква *ъ* здесь обозначает редуцированный звук среднего ряда, среднего подъема, нелабиализованный.

Мягкий знак *ь* в обычном своем значении поставлен над соответственными согласными. Напомним, что *г* следует читать как латинское *g*. *Ч* в русском языке всегда мягко, и потому здесь мягкость его не обозначается. Неударяемые гласные следует читать, несколько их редуцируя. Разбивки фразы на фонетические группы здесь не дается: слова даны отдельно в соответствии обычному правописанию. Формы вроде „вверх“ записаны с твердым *р*. В прилагательных наряду со *старъй* возможно произношение *старый*, и под.

Тот же текст обычным письмом

Старый обширный, тянувшийся позади дома сад, выходивший за село и потом пропадавший в поле, заросший и заглохший, казалось, один освежал эту обширную деревню и один был вполне живописен в своем картинном опустошении. Зелеными облаками и неправильными трепетолистными куполами лежали на небесном горизонте соединенные вершины разросшихся на свободе деревьев. Белый колоссальный ствол березы, лишенный верхушки, отломленной бурею или грозою, подымался из этой зеленой гущи и круглился на воздухе, как правильная мраморная, сверкающая колонна; косой остроконечный излом его, которым он оканчивался кверху вместо капители, темнел на снежной белизне

его, как шапка или черная птица. Хмель, глушивший внизу кусты бузины, рябины и лесного орешника и пробежавший потом по верхушке всего частокола, взбегал, наконец, вверх и обвивал до половины сломленную березу. Достигнув середины ее, он оттуда свешивался вниз и начинал уже цеплять вершины других дерев или висел на воздухе, завязавши кольцами свои тонкие, цепкие кручья, легко колеблемые воздухом.

(Н. В. Гоголь, „Мертвые души")

б) Список ударений, против которых особенно часто погрешают

В литературном языке приняты ударения:

Арбуз. Арест. Баловать. Барана (род. ед.), барану и т. д. Безмен. Безделушка. Безденежье. Братья. Верба. Волк, род. волка и т. д., но волки, волков, волкам и т. д. Вор, род. вора и т. д. Воры (но воров и т. д.). Гусеница. Давнишний. Договор (ср. приговор). Жёрнов. Заиндеветь (индеветь). Запыхаться. Заржаветь (ржаветь). Засучить (рукава). Защитить. Звонишь, звонит и т. д. Злоба. Квартал. Кирка. Кишки, кишок и т. д. Кожевенный. Колосс. Конюх. Коромысло. Крапива. Красивее. Красивейший. Кремень. Кубарем. Кувшина, кувшину и т. д. Кухонный. Лаптя, лаптю и т. д. Лубочный. Лупа (увеличительное стекло). Медведь, род. медведя и т. д. Мельком. Милостивый. Мозоля (род. пад. ед. ч.), мозоли (им. пад. мн. ч.). Молодёжь. Мылить. Наменье. Нарочно. Ногтя (род. ед.), ногтю и т. д. Обезуметь. Оборванец. Образчик. Одновременный, Озорник, озорничать. Олень. Опустошить. Осведомить. Остов. Откупорить. Отчасти. Отщепенец. Партер. Пенька. Пилёный (сахар). Плесневеть. Побудить. Поваренная (соль). Повернёшься и т. д. Подбочениться. Пожар, род. пожара и т. д. По-людски. Поперёк. Портфель. Принудить. Приспособить. Приданое. Просрочить. Проясниться (о погоде), прояснить (объяснить). Раскошелиться. Распоясаться. Ремень. Роман. Сапа. Своевременно. Сердиться (но „он сердится" и под.). Случай. Снадобье. Спорынья. Ступень. Таможня. Товарищество. Топлёное (масло). Уведомить. Угля, углю и т. д. Урод. Фарфор. Хлопок. Ходатай, Ходатайство. Хозяева. Цыган. Чернослив. Чистильщик. Чихать. Шакал. Щавель. Языки.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВАМ I и II

Важнейшие особенности вошедших в русский литературный язык южнославянизмов

В качестве южнославянизмов (церковнославянизмов, старославянизмов), устанавливаемых по фонетическим приметам, должны быть отмечены такие:

1) Слова с рефлексами *ра, ла, рѣ, лѣ* в случаях соответствия древнейшим славянским *ор, ол, ер, ел* между согласными

и русскому полногласию (*оро, ере, оло*): *град* — русск. *город* (в родстве с литовск. gardas, нем. Garten); *прах* — русск. *порох*; *глава* — русск. *голова* (литовск. и латышск. galva); *власть*—русск. *волость* (в родстве с лит. valdýti „владеть"); *пръдъ, пред* — русск. *перед*; *връдъ, вред* — русск. *веред*; *плънъ, плен* — русск. *полон* (в родстве с литовск. pelnas); *вльку, влеку* — русск. *волоку* и под.

2) Слова с рефлексами *ра, ла,* в соответствии древнейшим славянским начальным *ор, ол,* с так называемой циркумфлектированной интонацией[1] перед согласным в начале слова и вост.-славянским *ро, ло: раб, работа, расти, разум, разный, ладья*; ср. русск. *роб-ость,* сев.-русск. *робота, рост,* укр. *розум,* др.-русск. *розный,* совр. *порознь, лодка* (сравн. с *работа* — нем. Arbeit, с *лодка* — литовск. aldija).

3) Слова с **жд** в соответствии древнейшей славянской группе **dj** (dj) и русскому **ж**: *рождать* (ср. *родить*) — русск. *рожать*; *насаждать* (ср. *садить*) — русск. *сажать*; *невежда* (ср. *ведать*) — русск. *невежа.*

4) Слова с **щ** в соответствии древнейшей славянской группе **tj** (tj) и русскому **ч**: *возвращать* (ср. *возвратить*) — русск. *ворочать*; *просвещение, освещение* (ср. *светить*) — русск. *свеча.*

5) Подавляющее большинство славянских слов с подударным **е** перед твердым согласным или на конце слова, в которых **е**, не восходящее к старому **ѣ**, произносится не как **о** со смягчением предшествующего согласного, а как **э**: *небо* (ср. русск. *нёбо* в другом значении), *хребет, лев, вертеп, бытие* и под.

6) Слова с **ер** (из **ьр**) между двумя согласными, из которых второй — твердый зубной, имеющие под ударением произношение **е** как **э**, а не **о** со смягчением предшествующего согласного: *перст, дерзкий, серна.*

7) Славянские слова с начальным **ю**: *юг, юный, юродивый.*

8) Слова с твердым **з** из **г** после бывших перед ним в древнейший период славянских языков гласных переднего ряда: *польза* (ср. русск. *легок* и *не-льзя*), *состязаться, непритязательный* (ср. русск. *тягаться*), *осязать* (ср. русск. *посягать*).

9) Многие слова с переходом **ъ** в **о, ь** в **е** в открытых в прошлом слогах (в слогах, за которыми не следовали слоги с **ъ, ь** слабыми, впоследствии отпадавшими и выпадавшими), отражающие искусственное сохранение старых глухих (особенно в префиксах и суффиксах): *вопить* (ст.-сл. *въпити*), *уповать* (ст.-сл. *упъвати* при *„уповати"*, явившемся аналогически), *собор* (ср. ст.-слав. предлог **съ**), *собирать, воплощать, восклицать, вознаграждать* (ср. ст.-слав префикс **въз-**), *множество, художество* (ср. ст.-слав. *множьство* и под.).

10) Многие слова и формы с **ы, и** в соответствии древнейшим славянским **ъ, ь** перед j: *выя, убийца, желание, явление, воин, достоин.*

---

[1] Устанавливается эта интонация на основании показаний главным образом языков сербо-хорватского и словинского.

В области словообразования церковнославянское влияние и прямое и косвенное (образование новых слов по южнославянским образцам) исключительно велико. Так, по крайней мере для большинства слов южнославянский источник несомненен при суффиксах: **-тай** (*ходатай, глашатай*), **-тель** (*утешитель, ревнитель, воспитатель*), **-ч(ий)** (*кормчий, зодчий*), **-ен(е)ц** (*младенец, птенец, первенец*), **-стви(е)** (*благоденствие, путешествие, бедствие*), **-еств(о)** (*количество, убожество*), **-енств(о)** (*главенство, верховенство*), **-ани(е)**, **-ени(е)** (*желание, состязание, соревнование, терпение, умение*), **-изн(а)** (*отчизна, укоризна*), **-знь** (*жизнь, казнь*), **-ын(я)** в абстрактном значении (*милостыня, гордыня*), **-тв(а)** (*ловитва, жатва, битва*); **-ебн-ый** (*враждебный, учебный, лечебный*); **-ейш(ий)**, **-айш(ий)** (*добрейший, сильнейший, величайший*).

Причастные образования на **-щий, -ший, -вший, -мый.**

Из префиксов надо, опять-таки для большинства случаев, церковнославянскими считать: **воз-** (ср. „выше“): *воспитать, возрастить* (по-русск. *выростить*), *вставать* (из „вс-ставать“) и **из-**: *испачкать* (ср. „выпачкать“), *изругать* (ср. „выругать“), *испепелить* и под.

Меньше привилось даже в искусственном употреблении церковнославянизмов, относящихся к флексии. Таковы:

1. Отдельные звательные формы. 2. Писавшийся и многими произносившийся род. п. ед. ч. женск. рода **ея**. 3. Уже в конце XVIII и в начале XIX века архаичный род. ед. ч. жен. рода прилагательных на **-ыя, -ия**: *из земныя неволи, на пажитях кровавыя войны.* 4. Имен.-вин. падеж. мн. ч. женск. и средн. рода на **-ыя, -ия**: *старыя башни, дальнiя дороги,* формы, так писавшиеся и изредка так произносившиеся до 1917 г. 5. Правописание **-аго, -яго** в род. п. ед. ч. муж. и среднего рода прилагательных. 6. Формы нечленных прилагательных и причастий в роли определений у писателей начала XIX в.: *Хотел на прежний лад построить* ***резву*** *лиру; Отдай же мне* ***протекши*** *дни* (Пушкин).

7. К церковнославянскому влиянию надо, вероятно, отнести и творительный пад. ед. ч. женского рода на **-ою, -ею**: *своею рукою, чужою землею* и под.

Синтаксическими церковнославянизмами являются:

1. Употребление *есть* и *суть* в роли связки.
2. Все обороты, связанные с употреблением причастий.
3. Союзы *ибо, дабы* и др.

ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ

(Для критического использования).

В. Богородицкий. Опыт физиологии общерусского произношения в связи с экспериментально-фонетическими данными. Казань, 1909.

Его же. Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных. Казань. 1930.

О. Брок. Очерк физиологии славянской речи. Энциклопедия славянской филологии, вып. 5. 2. Пет. 1910.

Л. Щерба. Русские гласные в качественном и количественном отношении. Пет. 1912.

В. Богородицкий. Общий курс русск. грамматики. Изд. 4-е. Каз. 1913.
В. Чернышев. Законы и правила русского произношения. Из. 3-е. П. 1915.
Е. Карский. Русская диалектология. Л. 1924.
А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. Ленингр. 1934.
Д. Ушаков. Русская орфоэпия и ее задачи. „Русская речь". III. М. Л. 1928.
С. Еремин и И. Фалев (под ред. акад. Е. Карского). Русская диалектология. М. Л. 1928.
М. Ушаков. Научно-лингвистические основы методики обучения правописанию. „Русск. язык в советск. школе". 1930. № 2.
Ср. также курсы по общему языковедению — *А. Томсона, Е. Поливанова, Д. Ушакова* и др.
В. Чернышев. Русское ударение. Пособие к его изучению и употреблению. С.-П. 1912.

ГЛАВА III

ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГІЯ

Содержание: 1. Вводные замечания. 2. Состав русской лексики в стилистическом отношении. 3. Областная и социальнодиалектная лексика. 4. Архаизирующая лексика. 5. Неологизмы. 6. Борьба с варваризмами. Замечания об аббревиатурах. 7. Об источниках литературной фразеологии. 8. Замечания о супплетивных формах и омонимах. 9. Лексикография.— Из литературы.

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Характеризуя состав русской лексики, необходимо иметь в виду, что так называемые значения слов во всех языках не представляют собою фактов большой устойчивости и ограниченности: природа слова чуть ли не в каждой новой фразе дает о себе знать новыми оттенками по отношению к другим сочетаниям, в которых слово это уже воспринималось. Если слово, отдельно взятое, справедливо называли „мертвым препаратом", то слово во фразе, контексте, и притом в зависимости от установки контекста,— факт самой жизни, нередко ставящей нас перед антитезою в отношении внешне ближайше-родственного. *Живой*, напр., в предложении: *Он был еще живой, когда по ступеням больничной лестницы поднимался его сын,* имеет значение „проявляющий жизнь, не мертвый"; в сочетании *живой звук* — „относящийся к живому существу, принадлежащей живому существу": *Вдруг из-за однообразного шума ветра он явственно услышал какой-то новый, живой звук* (Л. Толстой); во фразе: *Места живого нет, так избили — живой* значит „целый, не поврежденный"; в предложениях: *Она была живая, подвижная, как ртуть* (Гончар.), *Жива, как порох, весела, умна* (Гург.) *живой* получает значение „проворный, подвижный" и т. д.

Если *легкий* чаще всего значит „имеющий малый вес", то оно же может значить в других сочетаниях вообще „небольшой, малый, слабый", ср.: *легкое замешательство, легкая проседь, легкая зыбь* и т. д.; в контекстах вроде: *носиться на легком скакуне, легкая кавалерия, Легкая, как лань, лезбиянка вошла* (Фет.) — *легкий* имеет смысл „быстрый, проворный"; *легкий слог* значит „плавный и понимаемый без затруднений", и под.

Любопытный в фразе: *Мы ленивы и не любопытны* (Пушкин) значит „не склонны к любопытству, не любознательны", а в фразе: *Тут выяснилось любопытное обстоятельство* — уже обо-

значает „возбуждающий любопытство, интересный". Подобным образом *терпимый* в одном контексте может иметь смысл „снисходительный" — ср.: *терпимый к чужим мнениям*, в другом — „тот, которого терпят" или „то, что терпят": *Такого рода поступки не могут быть терпимы.*

Кроме контекстуальных сдвигов в значениях, в языках нередко приходится считаться с внешним совпадением в одном слове несколько раз повторявшихся названий новых понятий с использованием того же корня и тех же словообразовательных средств. В таких случаях роль контекста для понимания еще значительнее, еще определеннее. Если отсутствует материальная ситуация, то лишь из фразного контекста можно узнать, идет ли речь о *ломе* как орудии, о *ломе* ли в костях, или о *ломе* золота и под. Особенно многочисленны разветвления значений, выражаемые префиксальными образованиями, ср., напр., *завести*: 1. Привести куда-нибудь в сторону от надлежащего пути: *Он... описал край, куда завела меня судьба* (Пушк.). 2. Завести машину и под.: *Все в доме шло, как заведенные часы* (Л. Толст.). 3. Завести порядок, обыкновение и мн. др. Или *перевести*: 1. Переправить, руководя, помогая, поддерживая за руку и под.: *Он перевел меня через ручей.* 2. Сделать перевод с одного языка на другой. 3. Даром истратить, испортить: *Только переводит бумагу*, и под.; *просмотреть*: 1. Бегло прочесть и под.; напр.: *Просмотреть вчерашнюю газету.* 2. Не увидеть то, на что глядел (и): *Мы просмотрели ряд существенных ошибок в книге.*

Вместе с ролью контекста, отражающего сочетание понятий в новых и новых комбинациях, необходимо считаться с переносностью употребления слов, явлением, теснейшим образом связанным с первым. Граница между так называемым прямым употреблением слов и употреблением переносным в большой мере условна. В общем можно сказать, что существо различия здесь только в той степени сознательности, которую говорящий и слушающий связывают тут с установкой на новое, на перенесение слова из той сферы, где оно бытовало без специальной выразительности, в сферу иную, осознанную в ее выразительности и отличии. Ясно, напр., что в фразе *Знаю, надо взметнуть головой мне Не разрезанный „Капитал"* (А. Жаров) — *взметнуть головой* можно понимать только переносно, или в том же стихотворении: *Я пришел солнцеглазым парнем в переломленный надвое мир — переломленный* употреблено не в его прямом смысле.

Полнозначных слов, которые вовсе не употреблялись бы переносно, вообще говоря, не бывает.

Количество слов, получивших после Октября новые, переносные значения широкого употребления, огромно: *чистка, передышка, ячейка, фронт, легкая кавалерия, низовые звенья* — лишь отдельные примеры ежечасно и повсюду осуществляемого процесса перенесения значений на рождающееся в жизни новое, требующее своего названия.

Резки сдвиги значений в том, что относится к оценочному моменту, сопровождающему понятия. Лингвистика констатирует

в большом числе явления так называемой „энантиосемии", перехода слов, имевших некоторое значение, в слова со значением противоположным. Но разве не факты этой самой энантиосемии мы имеем хотя бы в употреблении слов в ироническом смысле, в снижении „высокого" в оценке одного класса и „низменного", „презренного" в оценке другого класса?

Характеристика лексики даже литературного языка, исторически в большей мере, чем диалекты, являвшегося достоянием классов господствующих, предполагает констатацию, что дифференциация имела место и среди них и что значения многих слов окажутся окрашенными по-разному для разных причастных к литературному языку общественных групп. Еще в большей мере это нужно предполагать для русского литературного языка послеоктябрьского времени. Как класс-гегемон, пролетариат, критически усваивая литературный язык ранее господствовавших классов в качестве организованного средства культурного строительства, должен был, естественно, приспособить его для новых, своих задач, и в процессе этого приспособления не мог, не говоря уже об интенсивном творчестве в области словообразования, не внести в восприятие перенимаемого лексического состава многого из того, чем он уже в своем языке располагал, языковых фактов своей идеологии.

Особенно типичны в этом отношении сдвиги в окраске, сопровождающей слова, относящиеся к социальным или сильно окрашенным социально понятиям: *господин* (теперь обыкновенно употребляющееся с эмоцией враждебности и иронии), *дворянин* (эмоция враждебности), *торговец* (презрительно), не говоря уже о таких понятиях, как *благородный, чернь, милостыня, миловать,* сохраняющих в своей этимологии отчетливые следы иной идеологии, иных социальных устремлений.

Приняв во внимание сделанные ограничения, условно можно лексику русского языка XIX и начала XX века свести к таким категориям.

2. СОСТАВ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ В СТИЛИСТИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ

В составе нашего литературного словаря мы можем выделить прежде всего основной фонд общеупотребительных и общепонятных слов, составляющих достояние каждого носителя литературного языка. Эта группа наименее нуждается в характеристике. Она охватывает такие общие чуть ли не любому языку понятия, как *мясо, глаз, рука, дом, палка, красный, белый, медленный, скорый, я, ты, два, три, медленно, быстро, к, при, да* и под. По своему происхождению она почти сплошь принадлежит самым широким массам и такою ощущается. Но при этом надо иметь в виду, что она пополнялась в течение веков многочисленными наименованиями предметов и понятий, отражающих разнообразные материальные и культурные приобретения, уже сделавшиеся достоянием любого грамотного чело-

века — *паровоз, вагон, оранжевый, лакировать, голосовать* и под. (так называемые „культурные слова"), и среди них, конечно, очень много еще свежо ощущающихся как заимствования (см. ниже).

С последней группою сродни, но явно нуждается в особом к себе внимании специфически-бытовая лексика.

Специфически-бытовая лексика, еще недавно, главным образом, крестьянская, занимает большое место в таких собраниях словарного материала, как „Толковый словарь живого великорусского языка" В. Даля (4 тома). Обычному носителю литературного русского языка она или в значительной мере чужда, или, если он усваивает ее, представляется наносной, хотя он и сознает ее постоянное право влиться в литературную речь для обозначения соответствующих понятий.

Место широкого использования подобной лексики — проза тех беллетристов, которые дорожат изображением быта, любовно следят за этнографическими деталями, интересуются „вещами". Некоторые из них не рассчитывают, что круг привлекаемых ими слов окажется известным широкой читательской массе, для которой они пишут, и находят поэтому нужным давать пояснения к вводимым ими бытовым словам. У одних писателей эта бытовая лексика (большею частью предметная) идет рядом со стремлением вообще подражать крестьянской речи или передавать ее, у других — она вкрапливается в обычную, просто как результат обогащения новыми понятиями.

На особое место следует поставить бытовую лексику, относящуюся к другим странам и народам. Романтизм с его позднейшими ответвлениями внес в русскую литературу немало слов, довольно прочно осевших если не в активном, то в пассивном словаре русского читателя. Эта лексика по ее природе нестойка, — нестойка в том смысле, что ее роль может оканчиваться собственно тем произведением, где она привлечена с целью или создать впечатление couleur locale (и тогда она обыкновенно дается несколькими словесными „точками", отдельными словами), или ввести в особенности описываемого быта (и тогда может быть достаточно обширна). Тематика исторически влиятельной литературы, почти исключительно художественной, определила отбор из подобного очень большого материала. А так как то, что твердо знал русский читатель из экзотической лексики, было уже в значительной степени у писателей и ранее, — настоящим фондом русского литературного языка приходится считать именно этот сильно уменьшенный запас. Уже Марлинский и Лермонтов дали много кавказских локализмов, но русский читатель чуть не целый век после них фактически оставался только при *ауле, сакле, чинаре, кунаке, муэдзине, чингаре* и немногих других. *Гаремы, янычары, паши, одалиски* — почти постоянные спутники сюжетов, связанных с дореволюционной Турцией. При изображении Испании, хотя русская литература имела, напр., живые, в свое время пользовавшиеся успехом и даже вошедшие в школьные хрестоматии „Письма

об Испании" В. П. Боткина (1847), за Пушкиным и А. К. Толстым читатель помнил только *мантилью, кастаньеты, серенаду, гидальго,* реже — *качучу, гитану* и под. Значительно богаче, чем всякая другая чужеземная бытовая лексика, была в художественной литературе лексика, характеризующая античный мир. В отзвуках своих она через весь XIX и начало XX века с Брюсовым вошла даже в пореволюционную литературу, но именно для силы и стойкости античной лексики были свои хорошо известные культурно-исторические причины: положение ее в литературах, влиявших на русскую, эстетический культ дворянских верхов, отгораживавшихся от жизни, долговременное господство в России классической школы и под.

Экзотисты XX века — И. Бунин, Б. Пильняк, Н. Тихонов и др. — внесли в бытовую лексику этого типа немало нового, свежего, но это новое не отстоялось в общем языке и большею частью еще остается для него инородным телом.

Н. Гоголь в „Вечерах на хуторе близ Диканьки" и повестях „Миргорода" свободно и любовно вводил слова, относящиеся к быту Украины, делая знакомыми русскому читателю предметы и названия их. Но лексика эта была очень ограниченной, узко-бытовой. В подходе к использованию лексики сказалась традиция таких, очень близких к Гоголю в этом отношении, писателей, как представитель украинского дворянства Г. Квитка-Основьяненко („Пан Халявский" и др.). Благодаря им знакомыми делались в России или оживлялись в памяти „этнографические" *галушки, бандура, гопак, кобза, каганец, чумаки, макитра, пампушки* и др. Позже украинскую лексику в русской беллетристике находим у украинца же по происхождению Г. Данилевского („Старосветский маляр" и др.), у В. Короленка („Лес шумит" и др.), у Серафимовича („Железный поток"); в поэзии, напр., у Э. Багрицкого — „Дума про Опанаса".

В приобщении русского читателя к русской бытовой лексике заметная роль принадлежит, напр., В. Далю, П. Мельникову-Печерскому, С. Максимову, Л. Толстому, В. Короленку и многим из наших современников, из которых упомянем хотя бы прекрасных знатоков быта русского севера — А. Чапыгина и Дона — М. Шолохова.

Если обойти писателей-собирателей, таких, напр., как Даль, Мельников-Печерский, Максимов, у которых интересы лексикологические и этнографические преобладали или боролись с устремлениями общественно-художественными[1], то как одну

[1] Менее других из этой писательской группы забывает за лексикологизмом свои художественные задачи Мельников. В целом он все-таки остается беллетристом с самым ярким языком и с галлереей интересных, хорошо очерченных характеров. Бытовая лексика его менее, чем, напр., у Даля, режет своей сконцентрированностью, но вместе с тем читатель постоянно чувствует его знание вещей. Почти наудачу взятые выдержки обнаруживают эту сторону его слога: „Местами солнечные лучи огненно-золотистой рябью подергивали синие струи и круги, расходившиеся оттуда, где белоперый мартин успевал подхватывать себе на завтрак серебристую плотвицу... Слегка тронутые солнцем громады домов, церкви и башни гордо смотрят с высоты на тысячи разнообразных су-

из типичнейших фигур писателя - знатока бытовой лексики можно назвать Л. Н. Толстого.

Л. Толстой не производит впечатления собирателя и любителя лексики, которой еще не знают и которою могут поэтому именно заинтересоваться его читатели; у него гораздо меньше нарочитого в подборе словарного материала, потому что у него на первом плане живые изобразительные задачи, сами предметы, а не слова о них. Бытовая лексика его не так разнообразна, напр., как у Мельникова - Печерского [1], но зато и не представляется нам выисканной, а ощущается она как органически принадлежащая писателю и той среде, в которой он вырос и которую изобразил. Возьмем, напр., исключительную по богатству лексику, относящуюся к охоте („Война и мир", том II, часть 4, главы 3, 4, 5): она дана легко и свободно, как обиходная и привычная, как органически принадлежащая быту, от которого воображаемый читатель Толстого отнюдь не отделен какою - либо заметною перегородкой. Ср. еще, напр., лексику коневодства в „Холстомере": *оброть* [2], *потник* [3], *трок* [4], *кормяга* [5] и под.

Богатство словаря у Л. Толстого всегда воспринимается как результат исключительного, но вместе с тем непосредственно из жизни приобретенного знания вещей. Он не скользит по ним, не вводит их в круг широких понятий, намекая только на частные признаки или описывая видовые приметы, он умеет вещь назвать уже существующим в употреблении словом, и никому не западет в голову подозрение, что попавшее к писателю слово, вероятно, некоторое время ждало своей очереди в его толстой записной книжке. Вот, напр., из начала „Хаджи - Мурата": „Есть прелестный подбор цветов этого времени года: красные, белые, розовые душистые, пушистые кашки; молочно - белые, с яркой желтой серединой, „любит - не любит", с своей приятной пряной вонью; желтая сурепка, с своим медовым запахом; высоко стоящие лиловые и белые тюльпановидные колокольчики; ползучие горошки; желтые, красные, розовые скобиозы; лиловый, аккуратный, с чуть розовым пухом и чуть слышным приятным запахом, подорожник; васильки,

---

дов — от крохотного ботника до полуверстных коноводок у барж, густо столпившихся у городских пристаней и по всему плесу" („В лесах", III, гл. 3). „Накануне Аграфены - купальницы запасливые домовитые хозяйки, старые и молодые, советуются, в каком месте какие целебные травы брать: где череду от золотухи, где шалфей от горловой скорби, где мать - мачеху, где зверобой, ромашку и девясил" (IV, гл. 1).

[1] Писателя, как он сам отмечал, с сильною памятью и притом прошедшего через исключительно разнообразные бытовые впечатления: „И где - то ни доводилось бывать, — говорил о себе Мельников, — и в лесах, и на горах, и в болотах, и в тундрах, и в рудниках, и на крестьянских полатях, и в лесных кельях, и в скитах, и во дворцах — всего и не перечтешь".

[2] Конская узда без удил и с одним поводом (Даль).

[3] Войлок, подкладываемый под седло или под седелку (Даль).

[4] Верхняя подпруга (Даль).

[5] Долбушка вместо яслей для корма скота мелким и пареным кормом, также для водопоя (Даль).

ярко-синие на солнце и в молодости, и голубые и краснеющие вечером и под старость; и нежные, с миндальным запахом, тотчас же вянущие цветы повилики".

Несколько напоминает в этом отношении Толстого И. Тургенев, но его лексика значительно ближе к „средней линии" общеинтеллигентского словаря. Из наших современников заслуживают быть отмеченными как мастера такой лексики особенно М. Пришвин и Л. Леонов, в стихотворной форме со специальной стилизацией — И. Сельвинский („Пушторг", „Улялаевщина").

В качестве прекрасного знатока бытовой лексики, дающего ее свободно и без подчеркнутой нарочитости, следует назвать еще М. Горького (ср. хотя бы его „Детство", „Мои университеты", „Фома Гордеев"). Ограничимся лишь немногими примерами: „Изот, вероятно, заснул на реке и лодку его снесло на пыжи[1] трех барж, стоявших на якорях...", „Обугленные вереи[2] ворот стояли у костра черными сторожами...", „Он медленно, широко развел руки, опустился на колени и, касаясь руками „конторки"[3]...", „Это рыбак лучит[4] рыбу" („Мои университеты").

Бытовая лексика, проникающая в литературный язык, почти вплоть до самой Октябрьской революции носит по преимуществу характер крестьянский и помещичье-дворянский. После Октября меняется характер тем русской беллетристики: в центре внимания — рабочий, его быт, его интересы, и широким читательским массам делаются известны и привычны многочисленные понятия повседневной жизни фабрик, заводов и шахт. *Вагранки, домны, трансмиссии, гуты, бремсберги, пирсы, шкивы, болты, шестерни* и под. входят полноправными членами в русский литературный словарь. Те из них, которые еще скорее воспринимаются чисто-терминологически, т. е. являются еще достоянием узкого круга специалистов, по существу, при общем индустриальном повороте страны ждут своей недалекой очереди, чтобы последовать за своими собратьями, уже проложившими себе дорогу в области художественного слова.

Тематика и словарь новых производств, индустриальная лексика заводов и фабрик налегает на старый словарь примитивного быта и его умений, и в их антитезирующем сочетании резко выступает сила и быстрота совершающихся в жизни страны сдвигов. Вот, напр., ряды „промысловых" художественно нужных сибирских слов в „Воспоминании" В. Саянова: „...Вспоминаю тайгу и ночную тоску перелесиц. Поторжные дороги, как лето, уходят на юг. И, как ложка кривая, над старыми юртами месяц. В соболиных следах потеряется след бурундучий. Низко кренясь, проходят над брошенным прииском тучи. Смута желтых снегов. Над озерами лед голубой. В дымный край мерзлоты позабытый уходит забой. Приискатели спят. Страшен прииск богатый в ночи. С фонарями „Летучая мышь" пробегают во мгле копачи..."

[1] Пыж — нос судна, баржи.
[2] Столбы, на которые навешиваются полотенца ворот (Даль).
[3] Пристань на Волге.
[4] Бьет острогою.

Образы, чувства и слова глухой таёжной жизни, и на смену им — строфа, в которой звучит уже язык вытесняющего ее нового быта, с новыми производствами и обслуживающей их техникой: „Ведь уже отшумел по далеким болотам камыш. И другая тайга от оврага бежит на овраг в экскаваторном шуме и яростной поступи драг".

Нечего говорить, что вне художественного слова, в речи, напр., газетной, права бытовой индустриально-технической лексики в настоящее время вовсе не ограничены.

Несколько слов о терминологической лексике.

Терминологическая лексика имеет свою сферу применения в книге — это научные исследования, учебники и под. Шире других рядовому обладателю литературного языка известны: терминология грамматическая, знакомство с которой совпадает обыкновенно по времени с началом более или менее серьезного обучения языку, элементарно-математическая, элементарно-биологическая, физическая; после Октября — политико-экономическая.

Термины — это сфера широкого употребления грецизмов и латинизмов, иногда с более или менее четкими признаками, что они прошли через воздействие новых европейских языков.

Несколько страниц любого учебника любой науки легко позволяют в этом убедиться.

Специфичны терминологические сферы, напр., музыки и пения, почти сплошь состоящие из итальянизмов; морского дела, где царят слова, перенятые из языков голландского и английского, отчасти — немецкого и т. п.

В качестве источника терминологических новообразований в русском языке пользуются также церковнославянизмами или, вернее, элементами старинного словопроизводства: ср. *произведение, кратность, умножение, сложение* (арифмет.), *наклонение, согласование, примыкание* (грам.), *вещество, созвездие, тяготение, светимость* (физика, астроном.), *пищевод, голенностопный* (сустав), *сухожилие, грудобрюшная преграда, щитовидный* (хрящ), *чревная* (артерия), *кровообращение* (физиол.).

Наша грамматическая терминология, поскольку она не представляет непосредственных заимствований греческих или латинских терминов,— сплошные более или менее церковнославянизированные „кальки": „грамматика" — греч.; „этимология"—греч., „фонетика"— греч., „синтаксис"— греч.; „падеж"— перевод греч. ptósis, лат. casus („падение"); „родительный"— гр. geniké, лат. genitivus, „винительный" — гр. aitiatiké (собственно — „причинный"), лат. accusativus. Ряд этих калек отражает беспомощность старинных переводчиков: лат. adverbium —„наречие" (собственно — „приглагольная форма", ср. укр. „прислівник"); interjectio — „междометие" (собственно —„вставка") и под., но по инерции сохраняется до сих пор. В большей или меньшей мере кальки мы имеем и в других областях.

Чем более терминология определенной области знания связана с бытованием последней в прошлом на русской почве

в виде родственных производств и умений, тем, конечно, больше в этой терминологии элементов русских или давно обрусевших, усвоенных наукою непосредственно из уст рабочих, ремесленников и под.

Таковы многие термины т е х н и ч е с к и е, как, напр., *полотно, вал, лапа, шестерня, тяга, коромысло, колено, шип, шатун, кривошип, мотыль, обшивка, облицовка, выключать, включать* и под.

Во многих случаях, как легко видеть, терминологическая лексика создавалась и создается в результате называния новых предметов по сходству внешнему или сходству функций; так, раздвижные колодки в тормозах носят название *щек* или *башмаков*; часть вала, свободная от шатунов, называется *шейкой*; часть, соединяющая шейку с другой шейкой,— *плечом* (ср. еще из примеров, приведенных выше: *лапа, колено* и др.), т. е. в этом отношении пути лексики терминологической совпадают вообще с обычными при обогащении словами.

В целом, однако, приходится считаться с тем, что „терминология дореволюционного или, точнее, доиндустриализационного периода проводилась в значительнейшей своей части не от корней развития техники промышленности, а от иностранной литературы и во многом зависела не от технической подготовленности масс, а от цеховой и... даже... классовой принадлежности переводчика, обычно оторванного от рабочей массы“ [1].

В б е л л е т р и с т и к у терминологическая лексика до Октября проникала относительно редко. Ей надо было учиться, и это отпугивало от нее читателя; ее надо было объяснять, и на это не с большою охотою шел автор, чувствовавший, что рассудочные элементы объяснения ставят под угрозу общий беллетристический тон. Прослойки подобной лексики, относительно легко входящей в повествование благодаря его общему этнографическому фону, находим, напр., у Мельникова-Печерского. Часто трудно бывает, конечно, решить при этом, не остаемся ли мы в сфере бытовой лексики. Вне этнографического колорита поступает терминологическая лексика в художественнолитературный обиход у тех писателей, в прошлом, впрочем, относительно немногочисленных, которые избирают темы своих повествований из технических сфер, мало знакомых рядовому читателю: морская терминология занимает видное место, кроме описаний путешествий (известнейшие „Фрегат Паллада“ И. Гончарова и „Корабль Ретвизан“ Д. Григоровича“), в рассказах К. М. Станюковича, А. С. Новикова-Прибоя (сборники „Морские рассказы“, „Море зовет“ и др.), в романах Л. Соболева „Капитальный ремонт“, А. Малышкина „Севастополь“ и Б. Лавренева „Синее и белое“. В. Одоевский в „Русских ночах“ и К. Федин в „Братьях“ свободно пользуются терминологией музыкальной; И. С. Тургенев не чуждается биологической терминологии в „Отцах и детях“ и т. д.

---

[1] Д. Л о т т е. „Очередные задачи технической терминологии“. Изв. Акад. Наук СССР, 1931, сер. VII, № 7, 883—891.

Вкус к терминологически-бытовой лексике определенно вырос за последние десятилетия; ср. Вересаев „Два конца“ (терминология переплетного дела), рассказы Ляшка „Доменная печь“, знакомящие с терминологией заводской работы, „Искатели“ В. Лидина, „Скутаревский“ Л. Леонова, „Трагедийная ночь“ А. Безыменского и мн. др. (техническая терминология) и под.

Очень редок случай, когда автор пользуется терминологической лексикой с установкой на смешное: смешить она может в обстановке, совершенно чуждой ее нормальному применению, где выступает она как что-то ненужное, беспомощное в своей ненужности, или где она окарикатурена, выступая в резком несоответствии с убожеством передаваемого содержания. Художественные образцы такого использования терминологической лексики находим, напр., у А. Чехова в „Свадьбе“ (речь капитана 2 ранга Ревунова-Караулова) и у Л. Толстого („Плоды просвещения“ — речь профессора). Еще реже встречается использование терминологии для шутливого эффекта при характеристике лица определенной профессии в том виде слога, который по существу терминологической лексике чужд; ср., напр., стихотворение А. Апухтина „П. И. Чайковскому“, обильно уснащенное музыкальными терминами, употребленными в переносном значении („нашей дружбы фуга“[1], „не ставь бекара[2] надо мной“, „я детонировал[3] немало и с диссонансами сжился“ и под.).

Вошедшие в литературу специфически-бытовая и терминологическая лексики в том их разнообразии, которое под пером писателей нашло свое выражение отчасти как результат роста художественного мастерства, отчасти, в гораздо большей степени, как результат необыкновенного развития и разнообразия самой жизни, более, чем все другие, определяют быстрый количественный рост лексикона русской художественной речи. Именно за их счет нужно отнести бесспорно-правильную констатацию М. Горького: „Чтобы убедиться в быстроте роста языка, стоит только сравнить запасы слов — лексиконы Гоголя и Чехова, Тургенева и, напр., Бунина, Достоевского и, скажем, Леонида Леонова“ („Статьи о литературе и литературной технике“, стр. 80).

Частично входит в основной фонд языка, а отчасти является в нем особым заметно выделяющимся пластом эмоционально или аффективно окрашенная лексика.

Словарный материал, эмоционально или аффективно окрашенный, за относительно небольшими исключениями, представляет синонимные параллели к словам более общего употребления, более „холодным“, причем обыкновенно можно констатировать и некоторое изменение в материальном значении слова (ср. *красивый, изящный, элегантный; дерзкий, дерзновенный, нахальный; бить,*

---

[1] Пьеса, в которой несколько голосов, вступая один за другим, исполняют тот же мотив с вариациями.

[2] Знак, уничтожающий действие диеза или бемоля.

[3] Детонировать — сбиваться с тона.

колотить, ударять и под.). Та или другая окраска чувства может сопровождать понятия по их значению, и это характеризует и соответственные слова; таковы, напр., *гнев, любовь, добрый, злой, волноваться, крик, яркий, блестеть* и под. Они образуют материал нашей речи, так сказать, органически эмоциональный. Так как, однако, далеко не все виды эмоциональности производят на нас впечатление положительное, эстетическое в узком смысле, то не приходится удивляться, что ряд эмоционально окрашенных слов мы не только не объединяем в понятии „поэтического" языка, связывая со словом „поэзия" дополнительный признак прекрасного, но ощущаем их как слова, поэтическому настроению враждебные, подлежащие исключению из всего, что стремится быть поэтичным, и даже более — слова запрещенные, враждебные литературной речи.

Такие слова на поверхность литературного языка прорываются редко, как своеобразный вызов, как литературно-бытовое бунтарство против условностей „приличного".

Из писателей, сознательно и обильно вводящих подобную лексику, приходится назвать, главным образом, Сейфуллину, Бабеля, Вольнова, Арт. Веселого и мн. др. Художественно смягченной удается ее дать, напр., Ив. Рукавишникову[1], П. Романову („Технические слова"). В прошлом можно указать на такие, напр., факты, как „словесность" Ивана Никифоровича в „Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем".

Передавали в печати недозволенные слова точками или различными эвфемизмами, намеками (ср. передачу брани капитана-исправника в главе VII гоголевских „Мертвых душ"). Большим мастером таких намеков был, напр., Салтыков-Щедрин. Редкий случай передачи сконцентрированной брани в целях юмористического эффекта („...когда бы не... девичий стыд, что иного словца мне сказать не велит, я тебя б, прощелыгу, нахала, и не так бы еще изругала...") находим в „Потоке-богатстве" Ал. К. Толстого. Изредка прибегая к точкам, брань передавал в интересах жизненности даже Л. Толстой. Казалось бы, грубую фразеологию должен был резрешить себе введший в литературу босяка Максим Горький; художественный такт, однако удержал его в тех границах, которые не всегда соблюдаются другими нашими современниками. Заслуживает внимания один факт, относящийся к составу русской бранной лексики,— в ней оказывается немало иностранных западноевропейских слов, приобщение к которым шло, видимо, через посредство дворянской верхушки; ср.: *бестия, каналья, шельма, шарлатан, шаромыжник, шалопай* и под.

---

[1] Ср. заключительную часть „Сказа скоморошьего про Степана Разина" (сборник „Круг" III) — милостивые слова Разина: „Дайте парню тройку, черти еловые, Тройку дайте, черти, коней-чертей!.. Ты скачи, парнишка,— в рот те оглоблю, Ты скачи, еловый пень, да в день да в ночь, Прямо к Катерине, сукин кот, к невесте. Эй вы, косопузые! Живо закладай! Привези ты сюда, растакой-такой, Ты невесту свою раскрасавицу. Мы поженим вас, обвенчаем враз Без попов, без свечей, да без ладану".

Эмоцией грубости, в степени литературно дозволенной, обыкновенно в речах действующих лиц окрашен ряд синонимов к близким по значению, но имеющим иную эмоциональную окраску словам: *жрать, лопать* — есть, кушать; *морда, рыло* — лицо; *издыхать* — умирать; *валандаться* — бродить и под. Отчасти подобные слова — метафоры, перенесенные с понятий, относящихся к животным, на людей; часто — параллели, попавшие из языка других слоев населения. Сродни такой лексике вульгаризмы, воспринимаемые не как проявление прямой грубости, а только как дурной или фамильярный тон, неумение или нежелание оставаться в кругу „приличной", отложившейся лексики литературного языка. Как вульгаризмы, напр., воспринимаются *бузовый, шамать, халтура.* Образцы художественного использования вульгаризмов дали А. Блок в „Двенадцати", В. Маяковский и И. Сельвинский в „Улялаевщине".

Любопытно, что в эпоху, когда на арену русской общественности выходил разночинец и когда на путях культуры перед дворянством четко обозначилась влиятельная и сильная фигура „семинариста", многое из того, что теперь отложилось в литературной лексике как вполне узаконенное, кое-кому казалось „пахнущим семинарией", плоским и вульгарным. Ср. в Тургеневской „Нови" (1876): „...Но русский, так сказать, ежедневный язык... — говорит Калломейцов, — разве он существует? Ну, например, как бы вы перевели мое восклицание de tout à l'heure „C'est un mot!" Это — слово!? Помилуйте.— Я бы сказала, — отвечает Сипягина, — это удачное слово. — Калломейцов засмеялся.— „Удачное слово". Валентина Михайловна! Да разве вы не чувствуете, что тут... семинарией сейчас запахло? Всякая соль исчезла..."

Даже сама строгость в проведении литературной нормы могла дворянину казаться почти дурным тоном, признаком „семинариста". Павел Петрович Кирсанов („Отцы и дети" Тургенева) нарочно в разговоре с разночинцем Базаровым подчеркивает, что он аристократ и потому может говорить с отклонениями в сторону „народного" языка („эфто"), отклонениями, в настоящее время уже невозможными.

Характерно, что вульгаризмами часто кажутся многие в прошлом „аристократические" слова, исчезнувшие, особенно в экспрессивной форме, из обихода литературного языка; ср.: *шикозный, кураж, форс, авантажный.*

Различные вульгаризмы, стилистически смягченные, без слов определенно грубых, служат основными элементами для так называемого б у р ш и к о з н о г о способа речи. В статье „О карикатуре на марксизм" В. И. Ленин пишет о них (XIX том, 3-е изд., 1929, стр. 209): „П. Киевский обходит теоретические трудности посредством одного, чрезвычайно легкого и легковесного приема, который по-немецки называется „буршикозными" выражениями, т. е. студенчески-простоватыми, грубоватыми, употребительными (и естественными при студенческой попойке. Вот образец: „Всеобщее избирательное право,— пишет он,—

8-часовой рабочий день и даже республика *логически* совместимы с империализмом, хотя империализму они далеко не улыбаются (!!), а потому осуществление их до крайности затруднено". Мы решительно ничего не имели бы против буржикозного выражения: республика не „улыбается" империализму — веселенькое словечко иногда скрашивает ученые материи! — если бы *кроме* них в рассуждении о серьезном вопросе был еще и экономический и политический анализ понятий. У П. Киевского буржикозность заменяет такой анализ, заслоняет отсутствие его".

Ср. еще *подъезжать* в значении „стараться склонить на свою сторону" и под.: „Она знает, с чем он „подъезжал" к мужу сестры ее" (Бобор.), *ловчиться*, *трубить* („А скажите, долго вам еще в училище трубить?" — Л. Соболев, „Капитальный ремонт"), *тянуть скучную лямку*, *влопаться*, *подхарчиться* („Торопятся подхарчиться куском сырого мяса" — М. Кольцов), ученические „профессиональные": *срезаться*, *провалиться*, *засыпаться*, *плавать* и под.

Такую лексику часто называют еще фамильярной.

Говоря об эмоционально окрашенной лексике, на особое место следует поставить лексику произведений научной прозы. Избегая снижения стиля серьезного, сознательно или бессознательно стремясь сделать свой слог максимально сдержанным, носители такого стиля часто не только исключают при отборе своей лексики слова поэтические, волнующие и красочные, но и отдают предпочтение из словарного материала прозаического такому, который больше производит впечатление специфически-книжного, не разговорного, не входящего в сферу повседневности. Для многих этот холодный, „академический" стиль — результат постоянных книжных влияний, но для других за ним, несомненно, кроется своеобразная эмоция — „профессиональная гордость", чувство отгороженности от „низменного" и „вульгарного". Очень характерно это было для известной группы буржуазных ученых, кичившихся наукой и стремившихся отгородиться от „массы". Время от времени в истории русского слога имели место индивидуальные попытки оживить научную лексику, внести в нее больше элементов живого разговорного языка. Особенно естественно это выходило в литературе научно-полемической. Можно, далее, назвать ученых, которые охотно в свой стиль, в целом сухой и отвлеченный, вносили отдельные „сочные" слова разговорно-бытовой речи, сознательно обращались к источникам так называемой народной фразеологии и под. Очень типичен, напр., в этом отношении А. Потебня. Но в общем до Октября, а у некоторых ученых и до наших дней, „ученый слог" дошел с неизжитыми признаками профессиональной замкнутости и сухости, иногда более или менее сознательно преодолеваемыми, в более редких случаях — сугубо подчеркиваемыми. Основные источники, питающие этот академический стиль, — иностранные слова (главным образом, грецизмы и латинизмы) и кальки с унаследованных церковнославянских образцов, в свою очередь восходящие к грецизмам византийским, продуктам

схоластической науки с ее вкусом и творческой изобретательностью в области отвлеченных понятий.

Нужно отметить, однако, научную область, где в традиционную сферу академической лексики все более проникают элементы живого разговорного языка, того языка непринужденного общения, который и по темам и по выбору слов обыкновенно представляет особый пласт, противопоставляемый отборочной, книжной лексике. Ср., напр., слова вроде: *ошпарить, замусолить, притерпеться, дрянной, коверкать, куцый* и под.

Науки общественные тесно связаны с жгучими вопросами современности и представляют одно из мощных орудий классовой борьбы. Они прежде всех других органически должны выступать за узкоакадемическую сферу; добытое в них стремится немедленно реализоваться в соответствующих действиях. Общественные науки и серьезная публицистика недалеки друг от друга, и если последняя приобретает от общественных наук в своей лексике типические черты ученого слога — обилие специальных терминов, большое количество слов отвлеченного характера, точную очерченность понятий и под., то и, обратно, публицистическая установка сообщает научным исследованиям остро-полемические черты: четко окрашенные эмоциями негодования, иронии и под. „словечки"; фразеологические обороты, перенятые от масс, чья лексика, как „низкая", находилась долго под литературным запретом; новообразования, принижающие предметы, против которых направлены полемические удары, и под.

Возможность отбирать стилистические варианты в русской лексике очень велика вследствие большого числа синонимов, образовавшихся спайкой со старославянской лексикой. Мысли, высказанные, вероятно под влиянием французского теоретика Роллена, Ломоносовым в его рассуждении „О пользе книг церковных в российском языке" (1757), при всей кажущейся теперь искусственной трактовке слога[1], заключают в себе много справедливого: эмоция торжественности легко обеспечивается до сих пор отбором синонимических слов старославянского происхождения, даже тех, в которых мы не могли бы с точки

[1] Ломоносов различал три вида слога: „высокий", „посредственный" и „низкий". По его учению, „первый составляется из „речений славенороссийских, т. е. употребительных в обоих наречиях, и из славенских, россиянам вразумительных и не весьма обетшалых". „Средний штиль состоять должен из речений больше в российском языке употребительных, куда можно принять некоторые речения славенские в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностью, чтобы слог не казался надутым". „Низкой штиль принимает речения третьего рода, т. е. которых нет в славенском диалекте, смешивая со средними..." Высокий стиль — учит Ломоносов — естественен в греческой поэме, оде, прозаических речах „о важных материях", средний — в драме, стихотворных дружеских письмах, сатирах, идиллиях и элегиях; „в прозе предлагать им пристойно описание дел достопамятных и учений благородных". Сфера приложения низкого — комедии, увеселительные песни, прозаические дружеские письма, описания обыкновенных дел.

Источники Ломоносовского учения о слоге указывает А. П. Кадлубовский в статье в „Сборнике в честь М. С. Дринова „Почесть", стр. 85 — 89.

зрения современного языка заметить признаков архаичности. Мы не отойдем далеко от фактов, если скажем, что в истории русского литературного языка, правда, главным образом, XIX века, можно констатировать почти полное соответствие между степенью торжественности избранного писателем слога и количеством употребляемых им церковнославянизмов. Последние заметно выдвинуты в трагедии, поэме, балладе, многих видах лирики и под. Злоупотребление церковнославянскою примесью может сделать стиль тяжелым и напыщенным (Вяч. Иванов, поздний Бальмонт, В. Брюсов); однако, у большинства русских мастеров художественного слова такое пристрастие к старославянской стихии — относительно редкое исключение, и чаще всего их выбор проходит по линии слов, представляющих в русской лексике органическую часть ее состава.

Специфическая особенность русского языка, вызванная обильною примесью в нем церковнославянизмов, к слову сказать, выявляется особенно в возможности повышать торжественность слога не только отбором из синонимических групп по преимуществу соответственных прилагательных и глаголов, как в других языках, но решительно всех возможных групп слов, не исключая даже предлогов и союзов; ср.: *пред*, более торжественное, чем *перед*, *ибо*, более приподнятое, чем *потому что*, не говоря уже о таких парах, как *око — глаз*, *чело — лоб*, *уста — губы*, *другой — иной*, *спать — почивать* и под.

Особая эмоция поэтичности, стилистической приподнятости или отобранности, которую нельзя, однако, отождествлять с напыщенностью, в большей или меньшей мере характерною для старославянских элементов языка, в русском языке сопровождает часто синонимические варианты разговорной речи, не исключая самых обычных слов. Так, в синонимических группах вроде *дорожка — тропинка — тропка*, *бабочка — мотылек*, *шум — гул*, *черед — очередь* (последовательность), *порядок — череда*, *смотреть — глядеть*, *тишина — тишь*, *смерть — кончина* как более соответствующие поэтической приподнятости мы ощущаем *тропинка*, *тропка*, *мотылек*, *гул*, *черед*, *череда*, *глядеть*, *тишь*, *кончина*.

Повидимому, как поэтические воспринимаются обычно из вариантов менее других употребительные слова, слова более „свежие“.

Любопытно, что помимо упомянутой выше группы слов, используемых для создания couleur locale и классической номенклатуры (*муза*, *арфа*, *лира*, *нектар* и под.), заимствования из европейских языков редко поступают в специфически-поэтический фонд русской речи: имея чрезвычайно большое влияние в прозе научной и научно-публицистической, в поэзии в узком смысле, особенно лирической, они скорее случайно принятые гости, причем состав их почти исключительно ограничен именами существительными. Из таких назовем, например: *идеал* (ср. у Пушкина в „Евг. Онег.“: „На модном слове „идеал“ тихонько Ленский задремал“; ни у кого, кажется, в лирике XIX века это

слово не встречалось так часто, как у Надсона), *аромат*, *эфир* (поэтическим это слово уже является у Державина и Карамзина), *нимб* (часто оно, напр., у Брюсова)[1].

Особое место следует отвести названиям деревьев, кустов, цветов и под. предметов, наименования которых очень часто восходят к иностранным источникам, но сохраняют свою поэтическую действенность. Для многих из них, впрочем, иностранный источник забыт, и ощущаются они зачастую как родные. Такими поэтическими словами являются, напр., *пальма*, *акация*, *кедр*, *кипарис*, *сирень*, *фиалка*, *роза*, *ландыш*, *хризантема*, *жасмин* и т. д., самостоятельная эстетическая весомость которых преодолевает в ряде случаев даже отрицательные последствия их затасканности. То же, что и о названиях цветов, в существенном следует сказать о названиях драгоценных камней: *брильянт*, *бирюза* и под.

Нельзя, однако, упускать из виду, что „поэтичность" и таких слов — явление определенных эпох и стилей. В тех случаях, когда известное течение отталкивается от старого наследства, отходит на задний план и эта лексика.

Труднее охарактеризовать специфические черты синонимического отбора, относящегося к нежности и ласке. Общее впечатление таково, что здесь писатели, конечно, прежде всего пользуются ласкательными суффиксами, которыми так богаты, напр., сравнительно с английским, славянские языки, но углубляют эмоцию нежности, обращаясь к синонимическим словам или формам народной лексики, которая не является вместе с тем в этом отношении диалектной; ср. такие, идущие явно из еще не вульгаризировавшегося богатства крестьянской речи слова, как *дитятко*, *родимая*, *голубок* (прозаичней, заношенней — *голубчик*), *соколик*, *пташка*, *лапушка*, *лелеять*, *голубить* и под.

Бóльшая степень эмоциональности достигается иногда писателями, подновляющими чувство, которое внушает известное ходовое слово, необычным его употреблением: особенно свежо, напр., *миленький* в речах и письмах Верочки („Что делать?" Чернышевского) благодаря тому, что оно обыкновенно дается без существительного и не в обращении, а как замена названия третьего лица.

Из слов, оставшихся народными, но играющих исключительно большую художественную роль в тексте, где они даны, стоит упомянуть хотя бы *милачок* Луки („На дне" М. Горького).

С ним наряду стоит собственно диалектное *малявочка* в „Преступлении и наказании" Достоевского: „Когда же, шесть дней назад, я первое жалованье мое — двадцать три рубля сорок копеек — сполна принес, малявочкой меня назвала: „Малявочка,

[1] Ср. с этим преодоления непоэтического воздействия иностранного слова вроде: „Река колеблет еле внятно По синеве стальные пятна И зыби цвета „электрик" (Брюсов, „Тусклая картина"), или „... И спелые виражи в поле Срезая, вновь взлетать на склон" (Брюсов, „Зов автомобиля").

говорит, ты этакая!" И наедине-с, понимаете ли? Ну уж что кажется, во мне за краса и какой я супруг? Нет, ущипнула за щеку: „Малявочка ты этакая", говорит" (слова Мармеладова). Исключительной нежностью и теплотой согрето в устах Сатина („На дне") новое „его" слово *человечинка* („Славная, брат, была человечинка сестра у меня").

Нужно, однако, заметить, что основной фонд, которым обеспечивается передача в лексике ласки и нежности, в большей мере заключается в самих понятиях, чем в их языковой оболочке.

Из излюбленных основ, служащих постоянным средством метафоризации с преобладающей окраской ласки, наиболее характерны различные названия птиц.

Стоит внимания, что очень значительное число слов русского языка существует только с окраской, хотя бы бледной, ласковости и нежности, подсказываемой суффиксом, сделавшимся неотъемлемой принадлежностью данного слова. Таковы многочисленные названия цветов вроде, напр., *васильков, колокольчиков, зеленых горошков, ноготков, сережек, Анютиных глазок,* маленьких животных и насекомых — *хорька, морской свинки, пеночки* (при редком: пенка), *мотылька, божьей коровки, кузнечика, улитки, букашки*; некоторых названий родства: *бабушка* (слово *бабка* почти не употребляется и встречалось раньше едва ли не исключительно в официально-канцелярском слоге; в языке поэзии и художественной прозы встретить его можно было очень редко; ср.: „Твоя бабка была кадиксанка. Да, я помню ее, как сейчас..." (в переводе Щепкиной-Куперник из Ростана), *дядя* (*дядька* уже несет за собой эмоцию грубости), *тетя* (ср. грубое *тетка*); людей ранних лет жизни — *малютка, мальчик, девочка* — и многие другие. Среди упомянутых слов найдутся такие, которые зачастую могут связываться с понятиями отнюдь не положительными: *луговой мотылек,* напр., вредитель, но языковая оболочка слова в русском языке подсказывает все-таки эмоциональную окраску, расходящуюся тут с интеллектуальным содержанием слова.

Отбор в е ж л и в ы х слов, диктуемый разными классами по-иному, сказывается отчасти в известных э в ф е м и з м а х, благодаря которым в литературный язык могут находить себе доступ не разрешаемые приличием понятия, и в еще большей степени — в специальных фразеологических оборотах. К тому же фразеология вежливости в смысле требовательности к ней очень различна в разных языках. Французские, напр., требования к слогу в этом отношении настолько превосходят наши, что точный перевод с французского на русский язык обыкновенного письма должен на нас произвести впечатление приторности. Стоит сопоставить, напр., тот же самый текст пригласительного билета, напечатанный одновременно на нескольких языках, чтобы разница между обязательною степенью вежливости, типичною для каждого, выступила очень заметно. Сдвиги в распределении влияния социальных групп сказываются в этой стороне речи с большою

четкостью. Феодальное общество, еще дорожащее феодальным наследством, имеет, естественно, очень большое количество слов и оборотов, соответствующих разным рангам почтительности. К нашим дням от них остаются более или менее случайные обломки, причем обыкновенно скорее всего из употребления выходят обороты и слова, наиболее бьющие в глаза чертами сервилизма. Пролетарская революция и в этом отношении внесла огромные изменения. Из состава живой лексики выбыли титулы (*князь, граф, барон*), обращения, обязательные для рангов и потомственности (*ваше превосходительство, ваше высочество, ваше благородие*), обращения, уже раньше утратившие свой прямой смысл, но сохранявшиеся, как формулы вежливости по отношению к лицам „уважаемых" классов (*милостивый государь, господа, его высокородию* — на конвертах), такие же фразеологические обороты (*покорнейшую просьбу* сменила просто *просьба; прошение*, повидимому, окончательно вытесняется *заявлением*; никто теперь не подписывается *ваш покорнейший слуга*, а тем более... *всенижайший...*, хотя еще время от времени употребляется *готовый к услугам* и под.). Из старых отложений, типичных для русского языка, в полной мере сохранено употребление отчеств (с *-ичем, -вичем, -овною* и под., с чем, как признаком высокого положения, неохотно мирился по отношению к низшим классам канцелярский язык с его „Иваном Михайловым Гончаровым", „Ольгою Тимофеевою Поповой" и под.). Третье лицо, присутствующее при разговоре, не должно, согласно требованиям вежливости, называться местоимением *он, она*, а по имени и отчеству или фамилии с прибавлением *товарищ* или *гражданин. Товарищ* (в сочетании с „уважаемый", „дорогой" и т. д.) стремится вытеснить все больше классовые и профессиональные наименования, сопровождавшие фамилии, и на фоне такого употребления *гражданин* уже может восприниматься как сухость или ирония, а *господин* или *милостивый государь* (вне таких узких сфер, как язык дипломатии) звучит как сарказм.

Лексика и фразеология, воспринимаемые как с м е ш н ы е, существуют на фоне средней принятой в известных стилях лексической манеры. Почти всегда несколько смешны, напр., партии, стилизованные под разговорно-бытовую речь[1] и вставляемые в обычную книжную; смешны старомодные слова, как смешными могут казаться непривычные неологизмы; забавляет мещанская речь, особенно тогда, когда она претендует на литературность, а еще больше — на изысканность; улыбаемся мы арготизмам[2] и т. д. Некоторые специальные замечания об эффекте смешного читатель найдет в других параграфах данной

[1] Обычное средство усиливать в ней смешное — „народные этимологии" — искаженные заимствованные слова, получившие своеобразное осмысление. Много подобных мнимых „народных этимологий" сочинено Лесковым (ср. особенно „Левша", „Полунощники"): *мелескоп* (телескоп), *нимфозория* (инфузория), *долбица умножения* (таблица), *свистовые* (вестовые) и под.

[2] Словам, употребляющимся в специальном языке преступников, картежников и т. д.

главы, посвященных отдельным типам лексики; здесь мы упомянем только о нескольких видах смешного, возникающих не на базе социальной диференциации или диференциации хронологической, а в пределах той же самой среды и времени по мотивам ассоциативного порядка. Юмористическим средством слово делается, напр., когда его употребляют в смысле или с эмоцией, противоположной той, которая обычно принадлежит ему, причем говорящий намекает, что, по существу, дело идет не о том, что сказано, а о том, что прямо-противоположно мыслится и чувствуется (ирония и под.); ср., напр., *полететь* в значении „упасть", *попросить* — в значении „удалить" и под., *улыбнуться* — „показаться и исчезнуть" (о том, что клонилось к удаче); ср. „Так и есть: улыбнулись часики, достались московским жуликам либо петербургским мазурикам" (Мельников-Печерский, „На горах", Мих., II, 414); *удружить* употребляется теперь только в ироническом смысле; *посеять* — „потерять"; *сокровище* — по отношению к лицу надоевшему; *патриарх* (губернатор): „Патриарх у нас в то время был старый, беззубый, безволосый, малорослый и совсем простой" (Салтыков-Щедрин, „Благонамеренные речи"); *акциденции* (известно с XVIII в.; „взятки"): „Смирен он был до такой степени, что даже акциденции почти исключительно брал провизией" (там же); *хулиган*, *подлец* и под. в смысле похвалы (ср. „мой халиган" — гордые слова Софрона о сыне Ваньке в „Перегное" Сейфуллиной) и др. Такое лексическое употребление можно встретить в любом языке и чуть ли не у каждого писателя во всех видах литературы, мало-мальски открывающих доступ смешному или забавному. Интереснее и индивидуальнее другой вид смешного: слово дается не в его точном значении, а намекает на другое значение, почему-либо запретное, принадлежащее или другому слову, на него похожему по звукам, или тому же, но употребляемому в другом контексте. Таковы, напр., „хлесткие" словечки, оставленные русской фразеологии в наследство Салтыковым-Щедриным: *помпадур*, администратор царских времен; ассоциация с „дурить", „дурак" и т. д. и „помпа" — пышность; *помпадурша* — его фаворитка; исходный пункт словесной игры — фамилия маркизы де-Помпадур, влиятельной фаворитки Людовика XV [1]; *головотяпы* [2], *такать* [3]. Удачно, хотя и не привилось

[1] „Ради Христа, ваше превосходительство, поскорее поспешите к его сиятельству, ибо вас сделали помпадуром" (Салтыков, „Помпадуры и Помпадурши").
„Оказывается, что „новый" помпадур выбрал себе в помпадурши жену квартального" (там же). К современному употреблению ср. „Помпадуры из Союзконсерва" („Правда", 25/VI, 1932), „Окололитературные мелочи, или помпадурское администрирование" („Правда", 19/III 1932).

[2] „Головотяпами же прозывались эти люди оттого, что имели привычку „тяпать" головами обо все, что бы ни встречалось на пути. Стена попадется, об стену тяпают; богу молиться начнут, об пол тяпают" („История одного города").

[3] „... И вами помыкать буду". — Понурили головотяпы головы и сказали: — „Так".
„... Когда же пойду на войну — и вы идите..." — „Так", — отвечали головотяпы...
Шли головотяпы и вздыхали ... И еще говорили: „Такали мы такали да и протакали" („История одного города"). Ср. стар. *такати* — „подтверждать".

словечко Достоевского: „зла и *сверлива*, как буравчик“ (ср. сварлива). Очень удачной характеристикой в начальный период борьбы за выдвиженчество прозвучали *задвиженцы* М. Кольцова. Широко были распространены в прошлом казавшиеся, при известной грубости, смешными *березовая каша, зарядить с казенной части* и под.; с искоркой смеха произносится *кормить завтраками* — „отсылать на завтра“ и произносилось ученическое *праздновать Сократа* („сокращать“, т. е. пропускать уроки). Смешным и теперь представляется, напр., *клевать носом* и под. Следует, впрочем, не упускать из виду, что эмоция смешного принадлежит в языке к наиболее быстро стирающимся.

Русский язык не принадлежит к числу богатых омонимами, являющихся прекрасным средством нарочно создавать забавные недоразумения или, по крайней мере, налет словесной игры. Он гораздо менее пригоден для каламбуров, чем, напр., английский и французский, из славянских — чешский. Поэтому каламбуры в разговорно-бытовой речи и в языке писателей, построенные на омонимности слов, сравнительно редки[1] (ср.: „В полях, где жизнь как тайна, Где жал кулак людей в кулак“ — Безыменский); чаще игра строится на комбинации нескольких слов: у Пушкина („Утопленник“) находим, напр.: „Ну, щенки, за мной ступайте. Будет вам по калачу, Да смотрите ж — не болтайте, А не то поколочу“. Ср. поговорку: „Не под дождем — подождем“ (у Островского в „Димитрии Самозванце“: „Не торопись! Не в сутки город строят. Не под дождем, мы лучше подождем“). Или: „То, застя двор, водой с винцом Желтил песок и лужи; То с неба спринцовал свинцом Оконниц полукружья“ (Б. Пастернак). Исключительное мастерство в области русского каламбура и родственных ему эффектов в XIX веке признавалось за Д. Минаевым, по словам которого, рифмы — „моя стихия, и легко пишу стихи я“, после Октября — за несравненно бо́льшими мастерами — В. Маяковским и И. Сельвинским.

В особую группу, и по эмоциональной окраске, и по их культурно-логической роли следует выделить отвлеченные понятия. Им, действительно, принадлежит в лексике особое место. В народном словаре их относительно немного, и рост их всегда показателен в смысле культурности. Сферы употребления отвлеченных понятий в русском языке, конечно, по существу те же, что и в языках других культурных народов,— философия с характерными ее ответвлениями в различных науках (обществоведческих, математических и т. д.), все виды рассуждений и под., но специфическую особенность обслуживающей такие понятия лексики в русском языке составляет относительная ее оторванность от словопроизводства разговорно-бытовой речи. Мы в большом числе образуем отглагольные имена существи-

[1] Целое стихотворение строит на блестящей игре омонимами Н. Тихонов („Индия в Москве“: „Индус отныне в деле спор — Он любит скорость, любит спор, А русский спор — особый спор, Его приветствует в упор Курсант на языке урду. Курсант за словом слово гнет, Он ненавидит слово: гнет. Чужой язык — язык тенет, Но он тенета разорвет ...“ и т. д.).

тельные (главная категория абстрактных слов), но не в духе свободной от книжных влияний речи (*пробег, проход, пролом, порубка*), а чаще по старославянским образцам: с суффиксами - *ние, -ость, -ство, -ствие*, и это, кроме сугубой отвлеченности значений, влечет за собой упомянутую выше специальную эмоцию академической сухости. Именно формальная легкость образования отвлеченных слов часто создает их избыточную продукцию, далеко не всегда и не во всем вызываемую потребностями уточнения мысли [1].

Пристрастие старого канцелярского языка к образованиям этого рода пародирует капитан Рухнев в рассказе из „Уже отцветших цветков" Писемского: „Губернское правление, получив этот рапорт, вошло в такого рода рассуждение: так как влетение и разбитие стекол вороною показывает явную небрежность со стороны лиц, смотрению которых непосредственно подлежат присутственные места, то израсходованную сумму возложить на виновных, т. е., значит, прямо на мой счет".

Отвлеченные понятия по своей природе считаются для поэзии инородным телом: сфера поэзии — переживания и пронизанные ими представления [2]. Но поэзия может быть и рассудочной: ее предметом могут стать эмоции рассудочных переживаний. То, что в этом отношении может быть отмечено в истории русского литературного языка, относится, однако, не к научно-рассудочному типу, наиболее трудно поддающемуся поэтической обработке, а главным образом к типу абстрактно-мистическому, уже имевшему идеологически родственные образцы в старинной русской письменности. Особенно типичны из таких писателей в этих своих устремлениях являвшиеся идеологами дворянской интеллигенции — Андрей Белый и Вяч. Иванов, значительно умереннее — В. Брюсов. Своеобразное место абстрактные слова занимают в слоге К. Бальмонта. С одной стороны, как отмечал И. Анненский, „лексическое творчество Бальмонта проявилось в сфере элементов наименее развитых в русском языке; а именно... а б с т р а к т н о с т е й... Не знаю, не в первый ли раз у Бальмонта встречаются следующие отвлеченные слова: *безбрежность, печальность*, (росистая) *пьяность, запредельность, напевность, многозыблемость, кошмарность, безглагольность*. Но Бальмонт лирически их оправдал", с другой — типичное для него (и А. Белого) употребление отвле-

---

[1] Ср., напр., такую фразу, взятую из книги научно-технического содержания: „Проявлению усадки в виде внутренних пустот препятствуют соответственным усадке сжиманием металла болванки боковым давлением от продвигания и заклинивания ее в изложнице восходящим движением нижнего поршня". Н. И. Беляев, „Сталь", Л., 1925, стр. 39.

[2] Ср., напр., воспринимаемую как необычную начальную фразу в стихотворении Плещеева: „Напрасно, птички, вас мое Присутствие тревожит..." Пушкин явно „эпатирует", играя прозаизмами *остракизм* и *эгоизм*: „Когда средь оргий жизни шумной Меня постигнул остракизм, Увидел я толпы безумной Презренный, робкий эгоизм", или в другом случае словами того же типа *романтизм — атеизм*. Ср. и определенное признание: „... Таков мой организм. Извольте мне простить ненужный прозаизм".

ченных слов во множественном числе понижает их абстрактность, конкретизирует их, не делая, однако, заметно-конкретными (ср. в его собственных стихах и переводах: „Из смертельных обомлений, Из борений долгих, грозных Пробужден Франциск был к жизни", „Твоя земля... Та няня вечная исконных созиданий, Созданий, что родятся и висят, Сосут ее живые груди", „На бедрах землю нес И чувствовал все болести ее, Рождения ее и умиранья"). Для его вкуса к абстрактным словам особенно характерны разложения глаголов на абстрактное существительное и управляющий им другой глагол; ср. „Между ними проходили Ангелов большие хоры... Свист взвевая в нежных флейтах, Гуд будя в кимвалах звучных", „В овраг тропинка вьется на уклон", „За здоровье человека вздох несу" и под.

У поэтов рассудочного стиля, вкус которых к абстрактным словам (главным образом, отглагольным существительным) не бросается в глаза, их бывает, однако, значительно больше, чем обыкновенно думают (ср. хотя бы „Кавказский пленник" или „Цыганы" Пушкина, „Мцыри" Лермонтова, лирику Фета и под.).

Вот небольшая иллюстрация этого стиля: „... Но ими дорожит мое воспоминанье; Без них все прошлое — один жестокий бред, Без них — один укор, без них — одно терзанье, И нет прощения и примиренья нет" (Фет). Но разница между этими поэтами и Бальмонтом, А. Белым и проч. — в том, что выбираемые ими слова или специфически-эмоциональны (*желание, любовь, скорбь, печаль, радость*) или, если говорить о малоэмоциональных, принадлежат к общему фонду языка и не воспринимаются поэтому как слова „ученые".

Ясно, что немалую примесь абстрактных слов мы найдем во всей литературе, не чуждающейся или близкой к рассудочному стилю: в публицистике, в соответственных партиях романа, в резонерских частях драмы и т. д. В партиях собственно-беллетристических, впрочем, такая, напр., фраза, как „... что доводило Полторацкого до забвения всего, кроме сознания ее близости" (Л. Толстой, „Хаджи-Мурат"), представляет относительно редкий сгусток абстрактных слов. Много подобных сгустков находим у Н. Г. Чернышевского („Что делать?")[1].

3. ОБЛАСТНАЯ И СОЦИАЛЬНОДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА

Не всегда легко бывает провести границу в языке русских писателей между лексикой и фразеологией разговорно-бытовой в широком смысле слова, откуда они черпают материал, обогащающий их собственный язык, лексикой, стилизованной под

[1] Ср. напр.: „Две и три недели его тянуло тогда к Лопуховым, но и в это время было больше удовольствия от сознания своей твердости в борьбе, чем боли от лишения, а через месяц боль вовсе прошла, и осталось одно довольство своей честностью" (III, 12), или в конце этой же самой главы: „Надобность в дежурстве прошла. Для соблюдения благовидности, чтобы не делать крутого перерыва, возбуждающего внимание, Кирсанову нужно было еще два раза навестить Лопуховых на днях, потом через неделю, потом через месяц, потом через полгода. Затем удаление будет достаточно объясняться занятиями".

народную, и лексикой социальнодиалектной (напр., мещанской), которой они пользуются в речах выводимых ими персонажей. В словарь литературного языка просачивается только первая, тогда как последние остаются индивидуальным художественно-литературным достоянием авторов, инородным лексическим телом, не узаконяемым — внешняя примета их инородности — ни в каких словарях литературного языка. Тем не менее, подобной лексике и особенно фразеологии в нашей художественной литературе принадлежит заметное место: не владея ею, не понимая ее, очень трудно войти в русскую повесть, комедию и драму, во всяком случае — значительно труднее, чем, напр., во французскую или немецкую.

Лексика крестьянских, главным образом среднерусских, говоров и мещанская (с той же диалектной основой) относительно давно стала предметом художественной обработки.

Приблизительно вторая половина двадцатых годов и тридцатые годы XIX века являются временем, когда в художественную литературу вместе с приемами натуралистической школы, как один из них, входит копирование или подражание речи крестьян, ремесленников и т. п. Рано же из социальных лексик привлекла к себе внимание специфическая манера речи духовенства. Из арготических лексиконов благодаря Н. Помяловскому („Очерки бурсы“) с 60-х годов известными делаются словечки и выражения бурсы. Достоевский, Чехов, Мельшин (П. Якубович), В. Дорошевич познакомили русского читателя с лексикой каторги. Арго больших городов, закрепленное для своего времени (1864—1867) В. Крестовским („Петербургские трущобы“), находит снова своих знатоков среди беллетристов в наши дни (Бабель, Каверин, Артем Веселый)[1].

Вообще надо заметить, что после второй половины двадцатых годов XIX века писатели, вовсе не прибегающие к передаче областной или социальнодиалектной речи при разработке бытовых тем, скорее очень редкое исключение, чем правило. Наоборот, легко назвать ряд таких, которые почти все, что дали в художественной форме, дали в формах бытовой крестьянской и купеческой речи. Из более приметных имен назовем хотя бы А. Н. Островского и И. Ф. Горбунова. Репутация большого мастера сказа издавна укоренилась за Н. С. Лесковым (ср. особенно его „Левшу“). Он же прекрасный передатчик и фразеологии духовенства („Соборяне“, „Мелочи архиерейской жизни“ и др.). Художественный памятник оформленной в стихе разговорной речи московского дворянства — „Горе от ума“ Грибоедова.

Из наших современников, любящих сказ, можно назвать А. Неверова („Андрон Непутевый“), Л. Сейфуллину („Мужичий сказ о Ленине“), Гл. Алексеева („Дунькино счастье“), М. Зощенка, Н. Ляшка („Доменная печь“) и мн. др.

[1] О русском арго ср. В. Стратен, Об арго и арготизмах. „Русский яз. в советской школе“, 1929, № 5. Его же: Арго и арготизмы. Труды ком. по русскому яз. Акад. Наук, 1931, I, Л., 1931.

В стихотворной форме сказ культивировали, напр., И. Крылов (басни), Н. Некрасов (ср. особенно „Кому на Руси жить хорошо"), А. Майков, сильно архаизируя — Ал. К. Толстой и Л. Мей. В настоящее время наиболее характерный его представитель — Демьян Бедный.

Относительно редки писатели, у которых любовь к крестьянской речи и стилизация под нее становятся типическими чертами их собственного слога. К таким можно причислить упоминавшихся уже выше В. Даля, П. Мельникова-Печерского, Максимова, из наших современников—такого прекрасного мастера, как М. Шолохов („Тихий Дон", „Поднятая целина"), А. Чапыгина, А. Неверова и ряд других.

Надо не упускать, однако, из виду, что лексический и фразеологический этнографизм в художественной литературе не может не регулироваться требованиями художественности. Передача нелитературной речи не должна представлять диалектных фотографий, точно соответствующих действительности. Социальная лексика поэтому дается обыкновенно на фоне обычно-литературной, чаще — разговорно-литературной, представляя по отношению к ней только более или менее заметную примесь. Зачастую эта примесь не многим превосходит элементы, вводимые там, где хотят создать впечатление чужой этнографической среды, couleur locale.

Слишком резко выраженное пристрастие к диалектизмам и к арготизмам, подхваченным у люмпен-пролетариата и тех слоев, которые перенимают подобную лексику как „свежую", кажущуюся им более выразительной, пересыпание ими собственного языка (иногда еще не без примеси придуманных в этом же духе слов) может стать в конце-концов явлением опасным для литературного языка вообще. Видимость того, что слова что-то „значат", заменяет значащие, определенные и понятные слова; манерная игра словом, да к тому же далеко не всегда игра занятная, выступает там, где слово должно служить в своей прямой роли — быть выразителем смысла, доходящего до читателя. „Надобно помнить, что в словах заключены понятия, организованные долговечным трудовым опытом, и что одно дело — критическая проверка смысла слов, другое — искажение смысла, вызванное сознательным или бессознательным стремлением исказить смысл идеи, враждебность которой почувствована. Борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка есть борьба за орудие культуры. Чем острее это орудие, чем более точно направлено, тем оно победоносней, именно поэтому одни всегда стремятся притуплять язык, другие — оттачивать его". (Горький „О языке", „Правда" 18/III 1934). Ср. и замечания его в „Статьях о литературе и литературной технике" (1931 г.), стр. 108 — 109.

Стилистическая роль крестьянской, мещанской лексики, вкладываемой в уста героев повествования,— приблизить читателя к бытовым впечатлениям, создать у него настроение, близкое к роли наблюдателя.

У тех писателей, которые свой собственный язык стилизируют под крестьянский (впрочем, редко чисто-крестьянский, чаще — былинно-народный, поэтический, сдобренный изрядною примесью архаизмов), легче, чем в других случаях, угадываются, в зависимости от преобладания тех или других элементов народной речи (современной ли крестьянской, архаической, былинной, песенной и под.), черты идеологии буржуазно-народнической, кулацкой, реакционно-дворянской и под. Слог былинно-народный имеет свои особые опасности,— при недостаточном искусстве автора он легко превращается в ходульно-напыщенный. Недаром именно его так охотно избирают многие писатели в целях пародии или вообще шутки.

Может быть и так, что автор перенимает крестьянский чисто-бытовой язык, оживляя им собственную речь (случай, особенно частый в басне). Ср., напр., басни Демьяна Бедного.

Только в поэтическом языке литературы XIX века нашли себе место некоторые крестьянские слова, сообщающие речи автора бытовую окраску. Таковы, напр.: „*аль, али, знать*“ (= верно). Ср.: „Много дум, гордых дум В их застынувшей мгле, Но смиренья печать На лилейном челе... *Али* ей, молодой, Не по силам борьба? *Али* на душу грех Навалила судьба?“ (Я. Полонский, „Говорят...“). „Из дебрей туманы несмело родное закрыли село, Но солнышком вешним согрело И ветром их вдаль занесло. *Знать*, долго скитаться наскуча Над ширью земель и морей, На родину тянется туча, Чтоб только поплакать над ней“ (А. Фет). „Не сошла бы с ума — *Знать*, взаправду цыганка любила“ (Апухтин).

Вне задач собственно-стилистических проникают в язык писателей такие провинциализмы, которые они сами не воспринимают как необычные в нем. Такие элементы, естественно, очень немногочисленны и случайны; А. Кольцов, напр., как доказал В. Чернышев („Извест. отд. русск. яз. и словесн.“, XXIII, 2, 1921 г., стр. 83—91), в рукописях своих последовательно писал *альни* в значении „даже, так что“ (Белинский не понял значения этого слова, разделил его на *аль ни*, и так печатают до сих пор, явно тоже не понимая смысла фраз: „Крикну, свистну им из-за леса: *Аль ни* темный лес шелохнется“, „Заиграл я свадьбу новую... *Аль ни* дым пошел под облака“). Писемский любит диалектизмы *чехвал, чехвальство* и под. (из *тщехвальство* = бахвальство). Диалектизмы *отары* — „стада“, *черва* попали в перевод „Илиады“ Н. Минского.

4. АРХАИЗИРУЮЩАЯ ЛЕКСИКА

Несколько слов следует еще сказать об архаизирующей лексике, привлекаемой специально для того, чтобы создать впечатление старины. Принципиально она существует в тех же границах, что и лексика специфически-этнографическая, т. е. объем ее регулируется требованиями понятности текста: она бывает обыкновенно вкраплена и отнюдь не представляет сплош-

ных языковых пластов. Архаизирующая лексика в произведениях, изображающих допетровскую эпоху, часто комбинируется из элементов старинного языка, сохраняющих свою понятность для нас благодаря силе традиционного церковнославянского влияния, и примеси языка народного (разговорно-крестьянского и поэтического крестьянского — былинного и т. д.). Так архаизируют, напр., А. Пушкин („Борис Годунов"), М. Лермонтов („Песня про царя Ивана Васильевича"), Ал. Толстой (трилогия, „Князь Серебряный", баллады), А. Н. Островский („Василиса Мелентьева" и др.), Л. Мей („Царская невеста", „Псковитянка") и др. Хорошую начитанность в старинных памятниках обнаруживает архаизация Д. Мордовцева.

Из наших современников приметнее других А. Чапыгин („Разин Степан"), в архаизации которого большую роль играет непосредственное знание лексики русского севера. С исторически известным русским языком его архаизация, однако, не всегда в ладу.

Впечатление языка XVIII века писатели создают обыкновенно, пересыпая текст некоторыми устарелыми словами, частично известными из позднейшего канцелярского языка (*опричь, нетокмо, оный, сей, противу, ниже* — „ни даже", повторяемое „ни"; *единожды, понеже* — „потому что", *затем что* — „потому что", *гораздо* — „много, очень") и типичными варваризмами петровской и екатерининской эпох: *авантюрьерка, променад, реляция, вояж, сатисфакция* и под.; реже — большими выдержками из памятников эпохи (Писемский, „Масоны").

Манера передавать язык XVIII века настолько, можно сказать, однообразно-традиционна, что трудно бывает установить разницу между архаизацией таких, напр., представителей исторического романа, как Всев. Соловьев, Г. Данилевский, Д. Мордовцев и др. Архаизацию под первую половину XIX века, очень умеренную и не могущую по сути быть другой, так как язык начала века, благодаря писателям этого времени, для нас не стал еще вполне чужим, несколько заметней, чем другие, осуществляет, напр., Ю. Тынянов („Смерть Вазир-Мухтара").

У ряда писателей-пуристов, националистов, обыкновенно влияние разговорно-бытового крестьянского языка смешивается и теоретически и в практике их слога с более или менее сильными элементами древнерусского или церковнославянского языка. Поступают последние в их слог вне определенной хронологии как смутные реминисценции или нередко даже выдуманные слова, кажущиеся особенно близкими к крестьянским. Старина и „народность" крайне тесно сближены в их сознании, и этому в их лексике и фразеологии соответствует пестрая связь диалектно-бытовых элементов с архаическими. Черты такого слога нередки у славянофилов; бросаются они в глаза, напр., у Мея.

Из писателей, у которых такой стиль не прямо упирается в особенности идеологии, типичен Ал. Кон. Толстой: именно

его слог, повидимому, имел в виду Чехов, когда говорил И. Бунину о маске, которую этот человек раз надел, а затем и проносил всю жизнь. Приметен таким сконцентрированным слогом А. Ремизов, любитель народной сказки, апокрифа, поговорки, писатель-собиратель, язык которого не имеет вне его индивидуальности никакой цельной живой базы. Архаизирующая лексика присуща иногда и отдельным писателям послеоктябрьского периода. Особенно ее, иногда до крайности, с верной угрозой понятности, культивирует Н. Клюев, наиболее ярко отражающий, как уже отметила советская критика, „мироощущение вымирающего кулачества, цепляющегося за прошлое и отталкивающегося от революции".

С внутренней стороны в архаизирующей лексике, вводимой писателями, стоит отметить большое различие между архаизмами допетровской эпохи и послепетровской. С первыми преимущественно связана своеобразная приподнятость, торжественность, иногда благоговейность, вторые обычно несколько смешны. Если первые создают впечатление старины, то вторые — впечатление забавной старомодности. В произведениях с юмористическим уклоном архаизация под XVIII век — проверенный в смысле эффекта прием. Наиболее интересные образцы такой юмористической архаизации находим у „Козьмы Пруткова"[1], Салтыкова-Щедрина и Горбунова.

Что касается старинной (допетровской) лексики, то смешною она может оказываться именно в силу своей приподнятости в тексте с содержанием, явно приподнятости чуждым, прозаически-обыденным или даже просто низменным. Образцы юмора, в которых архаизирующая лексика — одно из средств повысить впечатление смешного, относительно немногочисленны. Тут опять-таки приходится назвать, главным образом, Ал. К. Толстого („Поток-богатырь") и подражания старинной письменности И. Горбунова. Постоянно в общей или меньшей мере элементы старинной лексики фигурируют в бытовом языке духовенства и вносятся в большинстве случаев писателями с юмористическими целями (Лесков, Чехов). Сочетает элементы архаические с народными в сюжете со „скоморошьим" уклоном Ив. Рукавишников („Сказ скомороший про Степана Разина, про Мухоярова князя, про дочку его Катерину, да еще про стремянного Васюту"; шесть песен с присказкой, в сборнике „Круг", III).

Иной тип архаизации, ничего общего не имеющий с художественными задачами, характерен для лексики дооктябрьского буржуазно-помещичьего законодательства и подражающего ей канцелярского языка. Язык буржуазного законодательства стремится быть монументальным, внушающим благоговение и потому нарочито торжественным и не совпадающим с обиходным. Обладание им рассчитано на посвященных. Общедоступность по отношению к нему ощущалась бы как вульгаризация. В ле-

[1] Псевдоним Ал. К. Толстого и братьев Жемчужниковых.

ксике законодательства поэтому ревниво оберегалось традиционное достояние, вышедшее из употребления в разговорном языке или никогда в него и не поступавшее, овеянное ореолом давности, лишь смутно схватываемое широкими массами, импонирующее своею необычностью и трудностью полного в него проникновения[1]. Уступая в последние десятилетия перед Октябрем давлению жизни, стиль законодательства делается более простым в лексике, перекладывая всю тяжесть монументальности, главным образом, на архаизирующий синтаксис; но остатков старого в нем все-таки еще немало. Ср., напр., из „Устава Горного" (т. XVII Свода законов по изд. 1912 г., ст. 1218):

„... 5) Потребность разных материалов и веществ, провианта и фуража на текущее употребление и в запас по статьям, а где нужно, то и по частям заводов порознь; всем сим предметам надлежит означить в плане самые крайние цены, по коим завод полагает возможным оные заготовить, с изложением самых способов заготовления; способы сии суть: а) гуртовые подряды, кои должны иметь место только по необходимости и никогда относительно построек; б) частные подряды на законном основании, с раздачею в разные руки материалов и работ особливо по постройкам; в) договоры с крестьянами на разные поставки, перевозки и работы; г) заготовление через отправляемых особых комиссионеров из чиновников; д) покупка наличных вещей; сверх того, при всяком роде материалов и также работ, должно различать те, по коим заготовление или наем должны быть представлены решению Горного Начальника, лишь бы по сложности каждого артикула не превышать значительных цен, предположенных заводом или пониженных при утверждении плана, и те, по коим должно еще испрашивать особого разрешения Главного Начальника, пред самым приступом к заготовлению; к сему второму разряду принадлежат провиант и другие важные надобности по усмотрению Главного Начальника, который, впрочем, тут обязывается иметь в виду, чтобы без точной надобности и пользы не затруднять действия Горных Начальников".

Вне серьезного употребления, само собою разумеется, слог этот разделяет общую участь старомодной лексики, т. е. очень легко соскальзывает в смешное. Из художественных попыток юмористической стилизации законодательно-канцелярского слога наиболее интересные образцы находим у Салтыкова-Щедрина („История одного города").

О стилистической роли старославянизмов см. выше — стр. 60.

5. НЕОЛОГИЗМЫ

Заметное место у значительной части русских писателей принадлежит лексике новаторской, неологизмам, создаваемым и вводимым с большею или меньшею свободой. Намекая

[1] Ср. А. В. Луначарский, „О языке закона". „Извест.", 24/II 1931, № 82.

на Н. М. Карамзина, суровый хранитель традиционного языка А. С. Шишков отмечал как бедствие своего времени то, что „одни (из писателей)... безобразят язык свой введением в него иностранных слов...; другие из русских слов стараются делать нерусские, как, например: вместо *будущее время* говорят *будущность*; вместо *настоящее время — настоящность* и проч." (Рассуждение о старом и новом слоге российского языка, 1803 г.).

Неологизмы Карамзина вызывались, однако, серьезными потребностями молодой литературы, нуждавшейся в словесных эквивалентах для ряда понятий, уже выработавшихся и нашедших свое словесное выражение в литературах Запада. В области научного языка, постоянно нуждающегося в новых словах для вновь отрабатываемых понятий, сочинение новых слов-терминов всегда признавалось и признается законным. Поэтому терминологическая лексика сплошь и рядом бывает довольно разнообразною в различных научных школах, особенно философских, лингвистических и историко-литературных. Из лингвистических школ приметной лексикой обладает, напр., фортунатовская школа (московская), школа Бодуэн де-Куртенэ (казанская) и пр. Нужно, однако, заметить, что и для терминологической лексики обязательны известные границы: стремление сплошь обновить терминологию мало кому удается и, производя впечатление вообще покушения на принятый язык, часто вызывает общую недружелюбную реакцию.

В художественной литературе неологизмы всегда должны быть художественно оправданы, т. е. вызваны не только желанием создать тот или другой эмоциональный оттенок, но и убеждением, которое должно передаться читателю, что уже имеющиеся средства языка для этого недостаточны. Лучшие писатели, признанные мастера стиля послекарамзинской эпохи, относительно мало сочинили явно новых слов, и это понятно: хорошо и свободно владея языком, нет большой надобности сочинять новые слова, по отношению к которым читательская масса почти всегда настроена негостеприимно. Много ли, напр., выжило в русском литературном языке из слов, сочиненных таким для своего времени крупным писателем, как П. Боборыкин? А он ведь, если верить юбилейной заметке в „Ниве" (1911 г., № 35), сочинил (повидимому, по сведениям, идущим от него самого) до двух тысяч (!) слов. Так же точно лишь довольно длинный „Алфавитный список слов, сочиненных В. Г. Бенедиктовым, видоизмененных или никем почти не употребляемых, встречающихся в его стихотворениях", который Я. Полонский, редактор собрания его сочинений, приложил к нему, остается печальным и одиноким памятником стилистической свободы и исканий этого популярнейшего в „публике" поэта тридцатых и сороковых годов.

Однако, в лексике русской художественной литературы очень распространена одна категория „кованых" слов, собственно стоящая на границе словотворчества и комбинации слов уже име-

ющихся,—это сложные слова, традиция ковки которых, как мы уже упоминали (гл. 1-я), идет от писателей, воспитанных на античных образцах или, чаще, на их переводах (особенно старославянских). Сложные слова очень употребительны и в поэзии, и в художественной прозе, особенно в роли эпитетов и средства характеристики; большею частью, поэтому, они — прилагательные в основной—второй части слова и наречия или родственные им образования—в первой, дающей признак признака. Вот, напр., такие слова, встречающиеся в произведениях Достоевского: „Лукавый, острый, какой-то *недетски-подмигивающий* глазок. Какое-то *тихо-радостное* светлое ощущение. Трепещущий, но *странно-решительный* взор. Взгляд огневой, *лихорадочно-воспаленный*. Маленькая *круто-бедрая* лошаденка. С важным *решительно-форменным* видом. *Толстоподошвенные* башмаки. Пара старых *сиворозовых* лошадей. Наплыв странных и беспокойных слов и *беспорядочно-восторженных* мыслей. Тут же заключалось и что-то такое, что было мучительно действительное и *страдальчески-справедливое*. Понятие о темной и *бессмысленно-вечной* силе. Есть что-то *неизъяснимо-трогательное* в нашей петербургской природе. Сделается *неизъяснимо-чудно-прекрасное*. Эта жизнь есть смесь чего-то *чисто-фантастического, горячо-идеального* и вместе с тем *тускло-прозаичного*. Какое-то *неизъяснимо-сладкое*, а вместе с тем и *мучительно-грустное* чувство посетило меня. *Неистощимо-веселые* люди“ [1].

На каждом шагу подобные слова создает Гоголь [2], особенно в местах лирически окрашенных: *зеленокудрые* (леса), *трепетолистные* (купола деревьев), *умно-худощавое* (слово), *невинно-простодушные* (речи), *пронзительно-ясные* (глаза). Нечего и говорить, что ими пестрят стихотворения поэтов классической школы, напр., Ф. Тютчева: *громокипящий* (кубок), *незримо-роковая* (длань), *звучно-ясный* (час), *гордо-боязлив*; ср. еще: „И легче и *пустынно-чище* струя воздушная течет“. Да и вообще можно сказать, что в громадном количестве знает их язык русской поэзии, начиная от XVIII века и кончая нашими днями.

Среди других типов словотворчества надо различать новые слова, образуемые при помощи продуктивных элементов языка, не нуждающихся в том, чтобы преодолевать охранительную тенденцию говорящих, слова, над которыми хозяином является всякий свободно-говорящий по-русски: нам нет, напр., нужды спрашивать, есть ли уже в словарях *ушить*, *укроить* (ср. у Салтыкова-Щедрина „Благонамеренные речи“: „Всякий спешил как-нибудь поближе приютиться около пирога, чтобы нечто урвать, утаить, *ушить*, *укроить*, усчитать и вообще, по

[1] См. Л. Гроссман, Семинарий по Достоевскому. 1923, стр. 76—78. И. Мандельштам явно ошибался, утверждая („О характ. гоголевского стиля“, стр. 179), что только Тургенев и Толстой „позже (после Гоголя) создают такие эпитеты..., а вслед за ними в последнее время подобное сложение вошло в обычное употребление“.

[2] Ср. А. Белый, Мастерство Гоголя. 1934. Стр. 204 и след.

силе возможности, накласть в загорбок любезному отечеству"), *впроситься* („*Впроситься* старик" хочет, — по секрету сообщил председатель Максиму Афанасьевичу", — там же), *прожелть* (ср. *просинь, прозелень* и под.), *чванливый* (ср. *горделивый, увертливый, угодливый*), *длинеть* („*Длинеют* лиловые тени" у Брюсова), *чувствилище* („Художник — *чувствилище* своей страны, своего класса, ухо, око и сердце его" — М. Горький), *утреет, золотеет* (Блок), *перетолпиться*... („Марата нет... Париж *перетолпился* у окна" — Н. Тихонов), *окружье* („...Им, кто лег *окружьем* мавзолея, Новою кремлевскою стеной" — Н. Асеев) и мн. другие; и слова, созданные на основании индивидуальных сближений признаков, при помощи суффиксов ограниченной продуктивности и под.

Стремление к словотворчеству характеризует выдающихся писателей сравнительно мало, но и то немногое, что ими в этом отношении делалось, часто оказывалось „однодневками", не разделившими с ними их непреходящей славы. Мало кто знает, сколько непрививших слов сочинил Гоголь в период, когда еще не вырос в писателя, настолько свободно овладевшего русским языком, что у него больше не было в них нужды [1]. Не раз упоминалось о пущенном в обиход Достоевским, впрочем, не им сочиненном, слове *стушеваться*, историю которого он сам изложил в „Дневнике писателя", но опять-таки мало кто знает о других употребленных им впервые словах, которые никем усвоены не были: *образить*, т. е. „дать образ, восстановить в человеке образ человеческий" (слово, слышанное им на каторге) (Дн. пис. за 1876 г.), *вуйки* — „девицы, которые до тридцати лет почти отвечают вам: вуй да нон" (там же), *шепотливый, самооплевник, настрой* — настроение и др. [2]. Любопытно, что среди них не много таких, о гибели которых приходится пожалеть: одни из них рождены исключительно индивидуальными вкусами писателя (*вуйки, всемство*: „... не смейте говорить „все мы". Позвольте, господа, ведь не оправдываюсь же я этим всемством", *образить*); другие имели в языке уже установившиеся точные или очень близкие синонимы — *невременье* (ср. *недосуг*), *посягновение* (ср. *посягание*), *вывескный* (ср. *вывесочный*) и под. Удачные же не только живут, но могут у каждого возникнуть в любой момент, так как принадлежат к образованиям большой продуктивности в языке вообще; таковы, напр., *белоручничать, подробничать* (ср. капризничать, подличать, умничать и под.), *окраинцы* (ср. ленинцы, выдвиженцы и под.), *установители* (ср. законодатели, просители, строители и под.). Такие неологизмы, конечно, и у других писателей не редкость.

---

[1] Ср. Мандельштам, op. cit., 73, 75. Новый приток новообразований в последний период его жизни (судя по характеру этих образований) следует, повидимому, поставить в связь с ростом его мистицизма и влиянием на него схоластической лексики.

[2] Л. Гроссман, op. cit., 73, 75.

Можно назвать несколько приметных писательских имен, относящихся или к недавнему прошлому, или к настоящему, для которых словотворчество вообще составляет одну из излюбленных задач их поэтики. Творят новые слова Андрей Белый, В. Маяковский; патологическое проявление страсти к словесно-новому представляет почти все написанное Велемиром Хлебниковым [1]. Если исключить последнего и его немногочисленных печатавшихся, но вряд ли многими читанных последователей, остается многое такое, что, рассуждая теоретически, могло бы войти в литературный обиход. Однако, дальше страниц соответственных произведений, где они выполняют свою специальную роль, подавляющее большинство выдуманных слов не пошло: *прочертни* (гор), *просветни* (облаков), *прокипи* (туманов), *жердисто*, в *опрозраченном* (свете), *звездолучие*, *белоструи* мы встретим лишь у А. Белого, или у Маяковского: „душу *выржу*“, „миллион миллионов маленьких *любят*“ (любовей), „Солнце, в ладонях твоих *изозрей* их“, „Вот и вечер в ночную жуть ушел от окон, Хмурый, *декабрый*“ и под.

И все-таки, говоря о современной русской лексике в целом, нельзя пройти мимо этих и подобных им исканий. Было бы несправедливо видеть в них простую накипь, которую следует смахнуть уверенной рукой блюстителя отстоявшегося литературного языка: создаваемая писателями лексика живет, но живет не как готовый факт, передаваемый далее неизменным и усваиваемый нетворчески, а как возможности для бесконечных подражаний хотя бы тоже только индивидуального значения. Вот почему, хотя приведенные новообразования и не имеют права на то, чтобы их вносили в нормативные словари, — поскольку эти новообразования создаются на путях общего развития русского языка, при помощи формальных средств для него естественных и законных (продуктивных примет), они, безусловно, образуют известную часть лексики, реально существующую в сознании носителей литературного языка. Показательно для реальности существования многих правильно образованных неологизмов, что понимаем мы их сразу почти так же, как привычные для нас слова, и что иногда их, хотя и в качестве неологизмов, создают независимо друг от друга различные авторы.

Много неологизмов, как и естественно, внесла революционная эпоха. Не говоря о типичных для нее условных сокращениях слов, превращающихся незаметно в слова самостоятельные, узаконенные (*рабфак, рабфаковец, вузовец, спец, нарком, комсомолец*), языковое творчество самых различных типов стимулировала вся жизнь, бурная, боевая, каждый день которой пред-

---

[1] Ср. исследование Р. Якобсона, „Новейшая русская поэзия“, I, 1921. Творчество новых слов входит в программу футуризма. Ср.: „Мы приказываем чтить права поэтов: 1. На увеличение словаря в его объеме произвольными и производными словами (словоновшество). 2. На непреодолимую ненависть к существовавшему до них языку“. — „Пощечина общественному вкусу“, М., 1913.

ставлял вызов старому и приносил новые понятия, новые предметы, глубоко входившие в повседневность. В результате того, что печать стала достоянием широких масс с классом-гегемоном — пролетариатом во главе, литературный язык значительно меняется в тех областях его, которые более других допускают приток новых элементов,—в словообразовании, лексике и фразеологии. Многое из того, что входит в книжный и устный словесный обиход, представляет просто обработку в языке новых понятий при помощи нормальных для него средств словопроизводства—*выдвиженец, партиец, октябрины, хозяйственник*; в ряде случаев рождаются новые слова, нужные в классовой борьбе, чтобы заклеймить противника, осмеять его и под.: *учредилка* (ср. курилка, предварилка и под.), *спекульнуть*,— и это приводит к широкому использованию особенно эмоциональных суффиксов и под.

Иногда мы знаем их авторов; так, от Ленина идет раньше употреблявшееся только в разговорно-бытовом языке *смычка*.

Наряду с неологизмами формальными все время в литературном языке в большей или меньшей мере творились и творятся неологизмы, представляющие изменения былых значений. Сравнительно с первыми десятилетиями XIX века мы, например, не употребляем слова *должность* в значении (нравственного) долга, *прелестный* — „соблазняющий“ или *презрительный* в смысле „презренный“: они получили у нас новый смысл. Таких больших сдвигов значений за продолжительный период, отделяющий нас хотя бы от Пушкина, однако, сравнительно немного.

6. БОРЬБА С ВАРВАРИЗМАМИ. ЗАМЕЧАНИЯ ОБ АБРЕВИАТУРАХ

Вряд ли можно назвать литературный язык, лексика которого в известный период не прошла бы через большую или меньшую пуристическую критику. Русская лексика в этом отношении не представляет исключения. Пуристические тенденции в истории русского языка никогда, однако, не сопровождались особенно заметными результатами. Уже в начале XVIII ст. (в так называемое петровское время) наплыв иностранных слов стал представлять реальную угрозу понятности текста для представителей современной образованности, и не кто другой как сам Петр начинал чувствовать, что поток, хлынувший из Европы через открытые им шлюзы, надо хотя бы отчасти сдержать. Послу Рудаковскому он пишет, напр.: „В реляциях твоих употребляешь ты зело многие польские и другие иностранные слова и термины, за которыми самого дела выразуметь невозможно: того ради впредь тебе реляции свои к нам писать все российским языком, не употребляя иностранных слов и терминов“.

С именами М. В. Ломоносова и В. К. Тредьяковского связано сознательное ограничение церковнославянского влия-

ния. Ему отводится определенное стилистическое место, причем аргументы, выдвигаемые в пользу реформы слога, в существенном не оставляют сомнения, что основная задача ее — сблизить речь книжную с разговорной.

А. С. Шишкова почти всегда в новейшее время вспоминают как представлявшего интересы наиболее реакционного дворянства квасного патриота, тупого приверженца старины, автора анекдотических „тихогромов" (фортепиано) и „мокроступов" (калош), защитника раздобытых из церковных книг, мало кому уже в его время понятных слов („гобзование", „непщевать", „наитствовать" и под.). Не может быть теперь, конечно, спора, что автор посвященных вопросам пуризма диссертаций („Рассуждение о старом и новом слоге российского языка", 1803, „Рассуждение о красноречии священного писания, о том, в чем состоит богатство, обилие, красота и сила российского языка и какими средствами оный еще более распространить, обогатить и усовершенствовать можно", 1810—1811 и др.) — фигура действительно реакционная, что он не стоял на уровне даже современного ему европейского языкознания, что борьба с варваризмами, за которыми он чувствовал идеи Великой французской революции[1], велась им с увлечением, переходившим в фанатизм, что многое в его манере забавно не только для нас, но вызывало улыбку даже его современников (припомним хотя бы пушкинское шутливое „Она казалась верный снимок Du comme il faut... Шишков, прости! Не знаю, как перевести" в „Евгении Онегине")[2].

Но ученые нашего времени (Ю. Тынянов) уже отдают должное филологическим способностям этого дилетанта. Вчитавшись в него, легко обнаружить, что в его пуристических тенденциях были среди слишком обильной половы и отдельные здоровые зерна. Мысль Шишкова: „Всякий язык обогащается другим, но не заимствованием из него слов, а тем, что, размножая наши понятия, открывает нам путь и дает разуму силу и знание извлекать из корней собственного языка своего дотоле неизвестные и для раздробления мыслей наших нужные ветви" (прим. к 4-му изд. „Рассуждения о старом и новом слоге"), — хотя может быть и перенятая от Ломоносова, была полезна

[1] Любопытен список „ненужных" иностранных слов, который находим несколько десятилетий спустя у позднейшего академического представителя пуризма (И. Давыдова): „Но должны быть изгоняемы слова, вводимые без всякой надобности, н. п.: *феномен, факт, цивилизация, прогресс, мораль, кризис, эффект, консеквентность, концетрировать, концепция* и т. п." („Опыт общесравнительной грамматики русского языка", изданный Вторым Отделением Акад. Наук, изд. 3, 1854 г., стр. 474).

[2] Ср. и жалобу самого Шишкова: „Мне случилось разговаривать с одним из защитников нынешних писателей, и когда я сказал ему, что слово influence переведено *влиянием* не потому, чтоб в языке нашем не было соответствующего ему названия, но потому, что переводчик не знал слова *наитствовать*, изображающего то же самое понятие, тогда отвечал он мне: „Я лучше дам себя высечь, нежели когда-нибудь соглашусь слово это употребить". Сие одно уже показывает, как много заражены мы любовью к французскому и ненавистью к своему языку".

во время, когда варваризмы дворянской верхушки грозили сделать разговорный и письменный язык совершенно макароническим. Шишков, смешивая русское со старославянским, шел в своих исканиях по реакционному пути. Но, с другой стороны, он во-время поставил вопрос о необходимости раньше, чем просто перенимать, использовать естественные источники русского языка.

Пурист по симпатиям — А. С. Грибоедов, крылатая фраза которого в „Горе от ума" о смешении языков — французского с нижегородским — до наших дней является лучшим выражением антипатии к макаронической манере речи. Живым иллюстратором уже давно носившейся в воздухе идеи Грибоедова был, вероятно, теперь безнадежно забытый И. Мятлев, забавлявший своих современников нарочитою смесью французских и простонародно-русских слов в речах своей героини madame de Kourdukoff[1].

Любопытно, однако, что макароническая манера дворянской речи, и далеко не всегда как осмеиваемая, упорно воспроизводилась в русской художественной литературе, и русский читатель, не владеющий французским языком, давно уже привык видеть у Льва Толстого, И. Тургенева, А. Писемского и многих других длинные остающиеся ему непонятными фразы. Манера эта отмерла только перед самой революцией вместе со смертью традиций дворянского образования и воскрешается только изредка в историческом романе (напр., Ю. Тынянов, „Кюхля").

Лексикологические интересы В. Даля в значительной степени соединяются со стремлением приблизить литературную речь к живым источникам крестьянской речи, сообщить литературному языку чистоту, богатство и меткость речи народной. Даль—определенный сторонник языковой самобытности. В „Напутном слове к Толковому словарю...", прочитанном им в 1862 году в Обществе любителей русской словесности в Москве, он заявляет: „...Мы начинаем догадываться, что нас завели в трущобу, что надо выбраться из нее по-здоровому и проложить себе иной путь. Все, что сделано было доселе, со времен петровских, в духе искажения языка, все это, как неудачная прививка, как прищепа разнородного семени, должно усохнуть и отвалиться, дав простор дичку, коему надо вырасти на своем корню, на своих соках, сдобриться холей и уходом, а не насадкой сверху... Пришла пора подорожить народным языком и выработать из него язык образованный. Народный язык был доселе в небрежении; только в самое последнее время стали на него

[1] „Сенсации и замечания г-жи Курдюковой за границей дан л-этранже" (1841). Идеологически, однако, Мятлев отнюдь не параллель Грибоедову. Вот пример его юмористической манеры: „Патриот иной у нас Закричит *дю* квас, *дю* квас, *Дю* рассольник огуречный. Пьет и морщится сердечный — Кисло, солоно, *мове. Ме се Рюс-э ву саве* —Надобно любить родное, Дескать даже и такое, Что не стоит ни гроша... Но не в этом ле патриотизм. Заметим, что он должен быть в душе".

оглядываться и то как-будто из одной снисходительной любознательности. Одни воображали, что могут сами составить язык из самоделковых слов, скованных по образцам славянским и греческим; другие, вовсе не заботясь об изучении своего языка, брали готовые слова со всех языков, где и как попало, да переводили дословно чужие обороты речи, бессмысленные на нашем языке, понятные только тому, кто читает нерусскою думою своею между строк, переводя читаемое мысленно на другой язык".

И Далю, при всем его увлечении идеею выработать самобытный литературный простой язык, было ясно уже в это время[1], что „языком неграмотным", т. е. главным образом крестьянским, писать нельзя. „Но из этого вовсе не следует,—замечает он,—что должно было писать таким языком, какой мы себе сочинили, распахнув ворота настежь на запад, надев фрак и заговорив на все лады, кроме своего; а из этого следует только, что у нас еще нет достаточно обработанного языка, и что он не менее того должен выработаться из языка народного. Другого, равного ему источника нет... Если же мы, в чаду обаяния, сами отсечем себе этот источник, то нас постигнет засуха, и мы вынуждены будем растить и питать свой родной язык чужими соками... Пусть же всяк своим умом рассудит, что́ из этого выйдет: мы отделимся вовсе от народа, разорвем последнюю с ним связь, мы испошлеем еще более в речи своей, отстав от одного берега и не пристав к другому. Не гаерствуя, никак нельзя оспаривать самоистины, что живой народный язык, сберегший в жизненной свежести дух, который придает языку стойкость, силу, ясность, целость и красоту, должен послужить источником и сокровищницей для развития образованной русской речи, взамен нынешнего языка нашего, каженника".

Великий труд, взятый на себя Далем, труд изучения того, что в действительности представляет собой русская живая лексика, оказался лучшим оправданием жизненности его замысла. В пуризме Даля в отличие от пуризма Шишкова, искавшего источников обогащения языка в прошлом—обветшалом или вовсе мертвом, и притом по сути прошлом чужом (старославянском), и его современники, и последующие поколения должны были оценить и оценили здоровое стремление сблизить книжный язык с речью масс, творившеюся и продолжающей твориться не по надуманным поверхностными наблюдателями законам, а в процессе самой жизни и при широком развертывании природных средств этой речи[1].

Пуристические тенденции у писателей после Даля никогда уже не достигали силы и не приобретали значения, равного тому, которое мы видим у него. Даль представляет наиболее высокий гребень пуристических волн, за которым уже следовали до самой революции только относительно малозаметные зыби.

---

[1] Интересные справки о первой стадии устремлений Даля и критику их см. в „Филологических разысканиях" Я. Грота, I, (3-е изд., 1895), стр. 16—17.

Вчитываясь в язык того или другого писателя, можно заметить, напр., бо́льшее или меньшее желание освежить свой язык элементами живой народной речи, бо́льшую или меньшую антипатию к варваризмам, но уже никто из приметных писательских фигур, вне стилизации, не рискует в прозе сильно уклоняться от средней устоявшейся линии литературного языка.

Борьба с иностранными словами и неологизмами дворянско-буржуазными языковедами проводилась из соображений реакционных и националистических. В этой борьбе отразилось стремление господствующих классов направлять развитие языка по реакционному пути.

На иных классовых основах происходит борьба с искажением языка в наше время в СССР.

В. И. Ленину принадлежала мысль начать в целях поддержания близости языка партии к массам борьбу со словесными излишествами в области варваризмов и неправильным их употреблением. Свои взгляды В. И. изложил, между прочим, в известной заметке „Об очистке русского языка“ (Размышления на досуге, т. е. при слушании речей на собраниях, т. XXIV, изд. 3, стр. 662). Этот интересный документ приводим целиком:

„Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить „дефекты“, когда можно сказать „недочеты“ или „недостатки“, или „пробелы“?

Конечно, когда человек, недавно научившийся читать вообще и особенно читать газеты, принимается усердно читать их, он невольно усваивает газетные обороты речи. Именно газетный язык у нас, однако, тоже начинает портиться. Если недавно научившемуся читать простительно употреблять, как новинку, иностранные слова, то литераторам простить этого нельзя. Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности?

Сознаюсь, что если меня употребление иностранных слов без надобности озлобляет (ибо это затрудняет наше влияние на массу), то некоторые ошибки пишущих в газетах совсем уж могут вывести из себя. Например, употребляют слово „будировать“ в смысле возбуждать, тормошить, будить. Но французское слово „bouder“ (будэ) значит сердиться, дуться[1]. Поэтому будировать значит на самом деле „сердиться“, „дуться“. Перенимать французско-нижегородское словоупотребление значит перенимать худшее от худших представителей русского помещичьего класса, который по-французски учился, но, во-первых, не доучился, а во-вторых, коверкал русский язык.

Не пора ли объявить войну коверканью русского языка?“[2]

---

[1] К истории этого слова в XIX веке ср.: „С нею он ни разу не говорил с глазу на глаз, не будировал ее, не делал никаких многозначительных мин“ (Боборыкин, „Поумнел“). В „Слов. русск. яз.“ Акад. Наук, I, 1891: *Будировать* — показывать модча, косвенным образом неудовольствие; простор.—„дуться“.—*Л. Б.*

[2] О мнениях по поводу этой заметки ср. „Журналист“, 1925 г., № 2 и „Родн. язык в школе“, 1926 г., № 9, стр. 68—69.

Иной вид борьбы за чистоту языка, который не мог быть известен предшествующим эпохам, возник в самое последнее время — борьба с непонятными сокращенными словами.

К числу недостатков русского послереволюционного языка в законодательстве А. В. Луначарский („Изв.", 24/II 1931 г., № 82) относит „огромное количество невразумительных терминов, возникших из слияния сокращенных слов".

Особенно четко на опасность злоупотребления абревиатурами указал Л. М. Каганович в своем докладе на XVII съезде партии: „Товарищ Сталин часто упрекает литераторов и наши газеты в том, что они, не считаясь с уровнем широких масс, допускают всякого рода сокращенные слова. Вот пишут, например, о международном юношеском дне, и обязательно увидите: МЮД. Мы послали т. Шохина из сельхозотдела ЦК в деревню, чтобы изучить, на какие книги там запросы, каков там уровень читателя. Он выяснил, что книг там мало. Тов. Шохин в беседе спросил: „Понимаете ли вы, что такое МЮД?" Один коммунист ответил ему: „МЮД — это был, одним словом, революционный праздник". Но какой праздник? Что значит само слово МЮД? Не знаю, говорит.— Или возьмите наши газеты, там часто встречается слово ИТР. У нас знают, что так сокращенно называют инженерно-технических работников. А вот деревенский коммунист читает и не знает, что это такое за ИТР..."

7. ОБ ИСТОЧНИКАХ ЛИТЕРАТУРНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Наряду с лексикой в точном значении слова, типический для каждого литературного языка словесный фонд составляют фразеологические речения, представляющие по смыслу как бы одно понятие, а по форме тесное целое (ср. *иметь, оказывать влияние*, но не „совершать, делать и под. влияние"; *совершать путешествие*, но не „делать, иметь и под. путешествие"; *гнать во все лопатки, питать ненависть* или *пристрастие*), и излюбленные, более или менее эмоционально воспринимаемые „крылатые" слова и выражения (фразеология). Часть из них может настолько обветшать, что уже только ученый комментатор выяснит при случае их былое точное значение [1], но ими продолжают пользоваться, редко вдумываясь в них, не справляясь ни

[1] *Дело — табак* — „не ладно", по объяснению Михельсона, II, 356, „намек на употребительное слово волжских бурлаков „табак" („под табак"), которое они употребляют, когда при переходе в брод пересекающие путь речки (sic! пересекающих... речек) вода настолько высока, что доходит до горла и грозит подмочить их табак, подвязанный парочно под самую шею, и переход оказывается невозможным".

Попасть в просак — „по неловкости очутиться в смешном и затруднительном положении". — „Вся прядильная, канатная снасть и веревочный стан носит старинное имя *просак*. Здесь, если угодит один волос попасть в „сучево" или „просучево" на любой веревке, то заберет и все кудри" — Максимов, „Крылатые слова", стр. 14. Ср. и Мих., II, стр. 86, который приводит примеры употребления этого выражения у писателей.

Баю-баюшки — раньше означало „сказки сказываю".

о месте и времени их возникновения, ни об имени их автора. Фразеологические богатства русской речи (материал ходовой цитации) очень велики, и попытки привести их в известность, при всей своей значительности, далеко не полно охватывают и по сути дела и не могут охватить всего того, чем фактически пользуется даже один литературный язык. Важнейшие собрания русского фразеологического материала представляют „Пословицы русского народа" Вл. Даля, 1862 г., 2-е изд., 1879 г., его же „Толковый словарь живого великорусского языка" (1-е изд. 1861—1868. Последнее четырехтомное издание под редакцией Бодуэн де-Куртенэ, 1912 г.); двухтомный (около полутора тысяч страниц) труд М. И. Михельсона „Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний" и громадный еще не законченный „Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Российской Академии Наук".

Знакомясь с этими собраниями, мы должны констатировать, что́ можно было бы ожидать и a priori, очень значительную пестроту русского фразеологического состава: пройдя через многочисленные влияния, русский литературный язык, естественно, вобрал в себя многочисленные разнородные элементы, более или менее прочно в нем осевшие. Из этих элементов заметнее других выступают: 1) пословицы и поговорки, почти сплошь лишившиеся диалектной окраски и звучащие как обычные фразы литературного языка; 2) цитаты и образы из „Ветхого" и „Нового Завета"; 3) многочисленные реминисценции античной старины, безымянной и личной; 4) переводы ходячих выражений французских, значительно реже — немецких, итальянских и английских; 5) крылатые слова писателей русских и иностранных. Среди русских наиболее влиятельными оказались И. Крылов и А. Грибоедов. К слову сказать, такую роль их безошибочно предсказал уже Пушкин; 6) меткие фразы выдающихся людей.

Вот несколько иллюстраций ко всем этим составным частям русской фразеологии.

1. *Сядем рядком да поговорим ладком.* Ср. у писателей: „Ну, что там дело! Дело не медведь, в лес не убежит, а ты прежде подойди-ка сюда ко мне: сядем рядком да поговорим ладком, по-старому, по-бывалому" (Лесков, „Очарованный странник"). — „Сядем рядком, потолкуем ладком, — сказал Потап Максимыч,

---

В выражении *„ни кола, ни двора"*, как объяснил Максимов, слово *кол* имеет значение известной меры земли (существующее в диалектах доныне).

Сгореть до тла и под. — остаток употребления слова *тло* — „основание" (ср. укр.).

Попадаются и малопонятные застывшие речения, представляющие скверные переводы с чужих языков: *Всеми фибрами сердца,* — фр. fibre значит „волокно"; *быть* или *не быть в своей тарелке* — фр. assiette имеет значение „местоположение" и „тарелка"; *строить куры* — фр. faire la cour — „ухаживать" и под.

Жив курилка, выражение, повторяемое обыкновенно за Пушкинской эпиграммой на Каченовского, свое объяснение получает в народной игре: „Курилка" — горящая лучинка, переходящая из рук в руки с приговоркою: „Жив, жив курилка (ножки тоненьки, душа коротенька)"; тот, у кого курилка погаснет, выходит из круга" (Мих., I, стр. 302).

сажая Настю рядом с собой.— Что, девка, раскручинилась? Молви отцу. Может, что и присоветуем" (Мельников, „В лесах") (Мих., II, 356).

Нечего греха таить. Из писателей Мих. I, стр. 686 цитирует: „Нечего таить греха — все мы очень плохо знаем Россию" (Гоголь, „Переписка с друзьями"); „Мы привыкли к шуму и раздолью военному — нечего греха таить: мерный кубок не для наших губок" (Марлинский, „Наезды"); „Помню только, что я, как был, кубарем через них (собак) к себе в спальню. Чуть под кровать не забился — что греха таить!" (Тургенев, „Собака").

2. *Так как они сеяли ветер, то и пожнут бурю.* Кн. пророка Осии, 8, 7. Французская и итальянская пословицы с тем же смыслом: „Кто сеет ветер, пожнет бурю" (Мих., II, 356).

Беречь, как зеницу ока. „Господь нашел его (народ) в пустыне, в степи печальной и дикой, ограждал его, смотрел за ним, хранил его, как зеницу ока своего". Второзак., 32, 10. „Храни меня, как зеницу ока". Псал. 16, 18 (Мих., I, 35).

Заблудшая овца. „Если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась, то не оставит ли девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудшуюся?" Матф., 18.

Вливать молодое вино в старые меха. „Не вливают вина молодого в меха ветхие". Матф., 9, 17.

Кто не работает, тот не ест. Источник — „Второе послание к фессалонянам", гл. 3-я. Лениным цитировано (24 мая 1918 г.) в фразе: „Кто не работает, тот да не ест — это понятно всякому трудящемуся".

3. *Пришел, увидел, победил* (veni, vidi, vici) — донесение Цезаря Аминтию после победы при Зеле (47 год до нашей эры). Из русских авторов Михельсон цитирует, II, 128: „И так все случай довершил. Каков же я? Пришел, увидел, победил" (Н. И. Хмельницкий, „Воздушные замки"); „Сонька его совсем заполонила, разбойница, но вы... одно слово veni, vidi, vici" (Лесков, „В провинции").

Между Сциллой и Харибдой. Образ заимствован из „Одиссеи" Гомера: „Страшная Скилла живет там... К ней приближаться Страшно не людям одним, но и самим бессмертным. Близко увидишь другую скалу... Страшно все море под тою скалою тревожит Харибда... Если избегнуть удастся Харибды, могу ли добиться Силой, когда на сопутников бросится жадная Скилла?" (2 песнь, пер. Жуковского).

Жребий брошен. Слова эти (Alea jacta est) Светоний приписывает Цезарю при переходе через Рубикон в 49 г. для борьбы с Помпеем. Выдержки из русских писателей, употребляющих это выражение, см. у Мих., I, стр. 307.

Гора родила мышь. Восходит к поговорке, повидимому, перенятой из народных уст римскими поэтами (Горацием, Виргилием). У римлян, вероятно, от греков („Гора рожала, Зевс испугался, но родилась мышь"). (См. Мих., I, стр. 208).

Разрубить Гордиев узел. Легенда говорит о том, что Александр Македонский после тщетной попытки развязать узел,

которым было перевязано дышло к колеснице царя Гордия в храме Зевса в Сардах, просто разрубил его. (По древнему предсказанию, развязавший должен был стать владыкой всей Азии).

4. *Аппетит приходит во время еды* (франц. L'appétit vient en mangeant); *Чем хуже, тем лучше* (франц. Pire ça va, mieux ça est); *Поставить точку над i* (франц. Mettre les points sur les *i*); *Это не в порядке вещей* (франц. Ce n'est pas dans l'ordre des choses).

5. *Умерьте ваши восторги.*— Modérez vos transports (В. Гюго, „Odes"). *Быть или не быть?*— В. Шекспир, „Гамлет" (To be or not to be?). *Оставьте надежду навсегда*— „Lasciate ogni speranza"— надпись над дверями ада— Данте, „Божественная комедия"; „вы, входящие" при цитации обыкновенно опускается. *Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку* (Кр.). *И я его лягнул...* (Кр.). *Когда бы вверх могла поднять ты рыло...* (Кр.). *Порадеть родному человечку* (Грибоедов, „Горе от ума"), *умеренность и аккуратность* (там же), *дать фельдфебеля в Вольтеры* (там же: „фельдфебеля в Вольтеры дам"), *сметь свое суждение иметь* (там же). *Пофилософствуй— ум вскружится* (там же). *Кажинный раз на ефтом самом месте* (Горбунов). *Срывать цветы удовольствия* (Гоголь, „Ревизор")[1]. *Оно, конечно, Александр Македонский герой, но зачем стулья ломать?* (там же). *Ударь раз, ударь два, но не до бесчувствия же!* (слова Расплюева в „Свадьбе Кречинского" Сухово-Кобылина). *Нельзя объять необъятное* (Козьма Прутков). *Сидение между двумя стульями* (Салт.-Щедрин). *Друг мой Аркадий Николаевич, не говори красиво!* (Тургенев, „Отцы и дети"; точная цитация: „Друг мой Аркадий Николаевич! об одном я тебя прошу: не говори красиво!"). *Тащить и не пущать* (слова будочника в „Нравах Растеряевой улицы" Гл. Успенского). *Завязывание и развязывание узлов* (Салт.-Щедр). (Стало крылатым после доклада Л. М. Кагановича на XVII съезде ВКП(б)).

6. *А все-таки она вертится* (о земле)— Eppur si muove (итал.)— приписываемые Галилею слова, сказанные им будто на суде после неискреннего отречения от своего учения о вращении земли.

Скачок из царства необходимости в царство свободы (Энгельс, „Анти-Дюринг": „И это будет скачком человечества из царства необходимости в царство свободы"). *Революции, это — локомотивы истории...* (К. Маркс, „Классовая борьба во Франции 1848—1850"). *Государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим* (Энгельс, Введ. к „Гражд. войне во Фр." К. Маркса).

Далеко не всегда можно быть уверенным, что фраза, ставшая ходячей благодаря тому или другому писателю или выдающемуся деятелю, принадлежит целиком именно ему. Многое пущен-

[1] С ироническим оттенком, так как слова эти произносит комическая фигура (Хлестаков). Ср. у других писателей: „Она кушала конфеты, срывала цветы удовольствия, читала романы" (Достоевский, „Село Степанчиково"), „Хищники, увлеченные успехом, как-будто совсем не думают о будущем и играючи срывают цветы удовольствия" (Салтыков-Щедрин, „Признаки времени") (Мих., II, 308),

ное в художественный оборот искусством отдельного автора сначала попадало к нему из фразеологии народной или иностранной его времени и только вплеталось им в ткань его собственного слога. „Пристало, как корове седло“ мы цитируем за Гоголем, но сам Гоголь эту пословицу, имеющую предков уже в греческом и латинском языках, обращающуюся в немецком, мог перенять из разговорно-бытовой русской речи. Внешняя форма распространенной цитаты „И дым отечества нам сладок и приятен“ не оставляет сомнения, что мы знаем ее из „Горе от ума“, но многие ли знают, что в державинской „Арфе“ 1798 года можно было уже прочесть: „Звучи, о, арфа, ты все о Казани мне! Мила нам добра весть о нашей стороне: Отечества и дым нам сладок и приятен“ и что в свою очередь Державин сам является здесь не более, как цитатором Гомера („... Но напрасно желая Видеть хоть дым, от родных берегов далеко восходящий, смерти единой он молит“, „Одиссея“) или его латинских передач, к слову сказать, хорошо известных его современникам?

Зачастую на ходячих, привычных для нас выражениях, вроде „среда заела“, „жизнь научила“, лежит определенная печать книжности, но авторы их продолжают, несмотря иногда на тщательные поиски, оставаться неизвестными. Знаем мы только, напр. (ср. Мих., II, 308 стр.), что первое выражение характерно для сороковых годов („Прежде, в сороковых годах, говорили: „среда заела“, П. Боборыкин, „Из новых“); ср. иронические слова о том, что кто-то заеден средою в „Потоке-богатыре“ А. Толстого. Фразеологию тридцатых годов приписывает Тургенев Михалевичу („Дворянское гнездо“): „Мне хочется непременно узнать, что́ ты, какие твои мнения, убеждения, чем ты стал, чему жизнь тебя научила?“ — У Достоевского в „Дневнике“: „Мы с братом... мечтали об чем-то ужасно, обо всем „прекрасном и высоком“,— тогда это словечко было еще свежо и выговаривалось без иронии“.

Уже сниженными „прекрасное и высокое“ дает Фет: „У соседа ненароком Я сказал ей слова три О прекрасном, о высоком... Скука — хоть умри!“

Указанные выше источники русской фразеологии не все сохраняют в настоящее время одинаковую жизненную силу.[1] Так, тексты религиозных книг нового в нашу фразеологию вносить, понятно, уже не могут. Нет оснований полагать, что будут возрастать в своем значении реминисценции античной старины.

Чем же дальше будет и может обогащаться русская фразеология? Повидимому, перед нею широкий путь усвоения через книгу, журнал, газету, съезды, конференции и проч. фразеологии вождей партии и советской власти, фразеологии выдающихся советских авторов и ораторов. Понравившееся легко разнесут

[1] Интересна литературная цитация Ленина. О ней см. подробно в книге А. Цейтлина „Литературные цитаты Ленина“, М.— Л., 1934.

громадные средства современной передачи, а сказанное и написанное сегодня может, начиная с завтрашнего дня, стать для поколений фразеологизмом с долго нестирающейся эмоциональностью. В советскую фразеологию русского литературного языка вошли, напр., прочно осев: *всерьез и надолго*; *догнать и перегнать.— Каждая кухарка должна научиться управлять государством* (Ленин). *Ни одной пяди чужой земли не хотим, но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому.— Техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна дать чудеса* (Сталин), и многие другие.

8. ЗАМЕЧАНИЯ О СУППЛЕТИВНЫХ ФОРМАХ И ОМОНИМАХ

Заканчивая характеристику русской лексики, остановимся на двух частных вопросах: как велико в ней количество инозвучных слов, образующих тесно связанные смысловые группы — так называемых супплетивных форм, и как часты в русском языке лексические омонимы.

И в том и в другом отношении русский язык принципиально близок к украинскому и к большинству других славянских языков: в нем относительно невелико и число входящих в близкие смысловые группы инозвучных слов и количество омонимов. Как примеры первых можно привести названия, с одной стороны, самок и, с другой, детенышей домашних животных с иными корнями сравнительно с названиями самцов: *конь — кобыла — кобылица — жеребенок, кабан — свинья — поросенок, селезень — утка — утенок, бык — корова — теленок, баран — овца — ягненок* (ср. по отношению к диким животным — *лев — львица — львенок, тигр — тигрица — тигренок, медведь — медведица — медвеженок, волк — волчица — волченок*); далее, сравнительные степени к наиболее употребительным прилагательным и наречиям: *хороший — лучше, плохой — хуже, малый — меньше, великий — много — больше*; некоторые употребительные глаголы и глагольные формы: *класть — положить, итти — иду — пошел, еду — ехать, беру — взял* (при *забрал*), *ловить — поймать* (при *уловить* с дифференциацией значения), *говорить — сказать* (ср., однако, и *проговорить*) и под. Фактически к форме именительного единственного числа *дитя* употребляются косвенные падежи только от слова *ребенок*; множественное число к *человек — люди*. К слову *год* род. мн. после чисел — *лет*. Для полноты стоит напомнить, что так называемые личные местоимения[1] имеют, как и во многих других языках, разные корни или только для именительного сравнительно с косвенными падежами: *он — его, она — ее, они — их* и под.; или и для отдельных чисел: *я — мы, ты — вы, я — меня, мы — нас* и под.

Наиболее употребительные о м о н и м ы, кроме случаев, представляющих простые разветвления значений, иногда далеко ото-

[1] Включая и анафорическое, т. е. относящееся к уже сказанному слову — *он* и т. д.

шедшие от первоначальных, относятся, главным образом, к глаголам и глагольным формам: *засыпать* — „погружаться в сон“ и производное от „сыпать“; *точить* — в значениях: 1) „источить, давать течь“; 2) „истачивать, исподволь переедать, просверливать, грызть, продырявливать“; 3) „точить что на токарном станке, выделывать вещь долотом, приводя ее подножкой в коловратное движение, так что она ровно подставляет под резец все стороны или бока свои“ (Даль); *топить* — 1) „отапливать“; 2) „растапливать, расплавлять“ (напр., „воск“); 3) „погружать в воду“; *косить* — 1) „срезать косою“ и 2) „поворачивать вкось“; у многих омонимами являются *седеть* (когда неударяемое *е* произносится как *и*) и *сидеть*; *жать* — 1) „сжимать“; 2) „срезать“.

Наибольшую терпимость язык обнаруживает относительно омонимов, являющихся в качестве продуктов словопроизводства; ср. приведенное выше *засыпать* и ряд таких, как *умалять* (от „мал“) и *умолять* (от „молить“; произносится с *а*), *спаивать* (от „споить“ и от „паять“); *просаливать* (от „солить“ и от „сало“); при произношении неударяемого *е* как *и* омонимами могут оказаться, напр., *распевать* и *распивать* и под.

Реже омонимы именные, известнейшие — *коса*: 1) земледельческое орудие, 2) прическа, 3) узкий выступ материка в море, 4) женский род прилагательного „кос“; *мир*: 1) вселенная, 2) согласие, спокойствие; *брак*: 1) супружество, 2) порча.

Охранительная тенденция языка по отношению к омонимам сказывается, напр., в том, что фактически вышло из употребления: *заплатить* в значении „наложить заплату“ (ср. *заплатить* — „выплатить, уплатить“); *стлать* (произносится „слать“) из-за совпадения со *слать* („посылать“) все больше вытесняется новообразованием *стелить* (ср. „Нехлюдов разделся, *постелил* на клеенчатый диван плед...“ — Л. Толстой, „Воскресение“, „...и *подстелив* под себя шинель, сел, прислонясь к дереву“ — Л. Толстой, „Хаджи-Мурат“, „...стала *стелить* себе постель“ — П. Романов, „Путаница“ и под., „Но, одеяло *расстелив* с затасканным концом...“ (Н. Тихонов), „Я *расстелил* одеяло на отдых“ (у него же) [1].

9. ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Словарный материал русского языка, собираемый и систематизируемый с теми или другими целями, представлен в разных типах лексиконов. Из большого количества их видов укажем только немногие, представляющие больший интерес для работника по языку (литератора, учителя, языковеда). Таковы прежде всего: толковые словари, собрания фразеологического материала, словари иностранных слов, словари этимологические и исторические.

Толковые словари.

Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 4 тома.

[1] Подробнее см. в статье „Из жизни омонимов“. „Русская Речь“, III, 1928.

Словарь Даля преследовал задачу охватить и объяснить слова живого разговорного русского языка, главным образом (см. выше), языка классов, не владевших литературным языком. Материал для него Даль собирал с 1819 г. (восемнадцатилетним юношей) до 1863—1866 гг., когда словарь появился первым изданием. Свою работу собирательского характера сам Даль охарактеризовал в таких словах: „Жадно хватая на лету родные речи, слова и обороты, когда они срывались с языка в простой беседе, где никто не чаял соглядатая или лазутчика, этот (соглядатай или лазутчик) записывал их... Сколько раз случалось ему среди жаркой беседы, выхватив записную книжку, записать в ней оборот речи или слово, которое у кого-нибудь сорвалось с языка, а его никто и не слышал. Все спрашивали, никто не мог припомнить чем-либо замечательное слово, а слова этого не было ни в одном словаре, и оно было чисто русское".

Строгого плана в своей собирательской работе Даль не имел: наряду с добытым им огромным живым материалом в его словарь вошли выписки из академического словаря слов древнерусских и церковнославянских; в живом материале — много такого, что явно не относится к русскому языку; кое-что включил Даль, особенно в объяснения, из собственных новообразований, как ему казалось, „в духе" народного языка (ср., напр., *колоземица*, *мироколица* — атмосфера).

Истолковываемые слова Даль распределил гнездами: в определенное гнездо включаются родственные слова (слова того же корня), связь между которыми еще сознается. Исключение сделано только для префиксальных образований, которые в словаре под другими буквами (под буквами, с которых они начинаются).

Иллюстративный материал у Даля, главным образом, пословичный и поговорочный. Дано его много, настолько много, что он зачастую производит впечатление самоцели, а не иллюстраций.

Объяснения слов не представляют обыкновенно определений, а даются в виде длинного ряда синонимов. Синонимы эти не всегда, однако, близки к настоящему значению слова и не всегда представляют слова, более употребительные и потому более понятные, чем объясняемое; ср., напр.: *ветхий* — „исконный, доконный, древний, давний, стародавний, отживающий, дряхлый, пришедший в негодность от долгого употребления"; *ссора* — „свара, несогласие, раздор, побранка, перебранка, размолвка, вражда, козлы, нелады, разлад, неприязнь, розни, вздоры".

При объяснениях Даль не упускает случая развернуть свое исключительное знание быта — вещей, действий и явлений — в их закрепленных словами подробностях. Как примеры, можно привести хотя бы такие толкования:

„*Скоба* — железная полоса с заостренными концами, загнутыми буквою *п*, но иногда концы загнуты врознь, вразбежку. *Скоба* вбивается для взаимного скрепления двух частей, иногда *накладные скобы* прибиваются гвоздями. ‖ Рвань или обойма на ободе колеса, с заклепкой. ‖ *Скоба калиточная, воротная, дверная*, стар.

кольцо, крюк в виде молотка, для стуку, что нынешний колокольчик. || *Скоба*, иногда и округло согнутая, вбивается в дверь и вообще служит замест ручки, хватки; *скобы сундучные* для подъему; *скобы к выдвижным ящикам*; скобочки вбиваются в вал органа, а кончиками вверх, в чесалки и пр.".

Последние два издания словаря Даля (4-е 1912—1914 года) вышли в научно улучшенном виде под редакцией проф. И. А. Бодуэн де-Куртенэ. Редактор взял на себя задачу усовершенствовать „подробности внешней отделки словаря, исправить ошибки", включить „слова, почему-либо пропущенные Далем, а также те новые слова, которыми обогатился живой русский язык за последние годы". Существенное изменение внесено в словарь также в том отношении, что кроме исправлений „гнезд", сделанных при буквах А — М, начиная с буквы Н в „гнездах" оставлены только слова, связанные алфавитным порядком, но даны при них ссылки на родственные, у Даля выступавшие в том же самом „гнезде". При словах заимствованных приводятся указания на слово-источник. Внешне работа редактора достаточно определенно показана тем, что внесенные им дополнения даются в угловатых скобках с соответствующими ссылками.

Хотя даже в момент выхода словаря Даля жизнь сделала его уже в значительной части историческим памятником, а теперь, после огромных сдвигов, совершившихся в русском языке в результате Октябрьской революции, когда мы вступили в эпоху ликвидации классов и построения бесклассового общества, он еще в большей мере является таким памятником,— однако, значение его и теперь для работников слова велико: он остается единственным большим законченным (охватывающим все буквы) собранием русского словарного материала, и еще многим, при критическом к нему подходе, можно из него воспользоваться в практических целях (истолкование и подбор синонимов, словопроизводство, справки об ударении и под.).

Лучший критический разбор словаря Даля в первом издании принадлежит Я. К. Гроту — „Филологические разыскания", том I.

„Толковый словарь" Даля заменяется в настоящее время другим коллективно в течение нескольких десятилетий осуществляемым грандиозным предприятием — „Словарем русского языка" Академии Наук. Буквы А — Д (включительно) (составившие первый том словаря — 1250 с лишним страниц) вышли под редакцией акад. Я. К. Грота в 1891 — 1895 гг. Задача словаря в этой редакции понималась так, что он должен был быть истолкователем общеупотребительного в России литературно-художественного и делового языка со времени Ломоносова. Затем план издания был изменен в сторону его увеличения и усложнения задач. Уже при работе над первыми выпусками стало ясно, что четко различить лексику литературную от диалектной (областной) очень нелегко. „Так как — писала редакция словаря — очень трудно с точностью определить, к общерусскому ли языку или только к его говорам принадлежит такое-то слово, то в словаре иногда появля-

ются и слова областные, и именно частью такие, которые получили распространение, частью местные слова, встречающиеся у писателей, частью, наконец, часто выражающие такие понятия, для которых в общеупотребительном языке недостает слова". Поэтому новая редакция, приняв во внимание условность отношения между местными словами и словами литературного языка („...среди областных слов попадаются нередко такие, которые известны на большом пространстве России, но чужды общеупотребительному языку, языку Москвы и Петербурга, центров нашей образованности"), изобилие диалектизмов в языке писателей как и у их персонажей, так отчасти и у них самих, наконец, недостачу в литературном языке слов для очень многих понятий, обеспеченных областными словами (таковы, по преимуществу, слова, относящиеся к различным явлениям природы, многим ремеслам и производствам), признала необходимым обнять русский (великорусский) язык во всей его совокупности, т. е. „включить в ...издание весь словарный материал, представляемый живыми говорами".

Общее редактирование перешло к акад. А. А. Шахматову и после его смерти (1920 г.) до 1929 г. в основном осуществлялось по уже принятому направлению. В этом плане были окончательно разработаны и изданы: в 1897—1916, 1922—1929 г. вып. Е, Ж, З (т. II, вып. I—9), И — Издергивать (т. III, вып. 1—2), К — Крошечный (т. IV, вып. 1—10), Л — Лисичий (т. V, вып. 1—3), М—Маститый (т. VI, вып. 1—2) и Не — Недорубщик (т. VIII, вып. 1—2).

С конца 1929 г. план издания снова меняется, и задача его уточняется как „толкового словаря современного русского языка, взятого в историческом развитии". Согласно с такою задачей „в Словарь включаются... как слова литературные (в пределах от середины XVIII века до наших дней) и употребляющиеся в речевом обиходе различных социальных групп и местностей СССР, так и научные и технические термины по разным отделам знания и производств. В качестве материала для Словаря использованы все прежние крупные словарные предприятия (словари академические, словарь Даля, областные, печатные и рукописные словари, терминологические и энциклопедические словари), широкий круг произведений художественных, критических, публицистических, научных и под. Для эпохи революции и социалистического строительства используются: а) новейшие энциклопедические словари и справочники (БСЭ, МСЭ, БМЭ, ТЭ, ЛЭ[1] и др.), б) произведения современной художественной литературы в ее виднейших представителях, в) ряд советских газет и журналов, г) сочинения вождей пролетарской революции и виднейших общественных и научных деятелей".

В новом издании уже начат выпуск словаря на буквы А (вышел вып. 1, 1932), Л (вышел вып. 1 и 2, 1930, 1932), М (вышел

[1] Большая Советская Энциклопедия, Малая Советская Энциклопедия, Большая Медицинская Энциклопедия, Техническая Энциклопедия, Литературная Энциклопедия.

вып. 1, 1932), Н (вышел вып. 1 на вторую половину буквы, начиная со слова *не*, 1932), О (вышли вып. 1 и 2, 1929, 1932); подготовлены к изданию и находятся в печати очередные выпуски на отмеченные буквы, а кроме того, вып. 1 на букву И.

Обработка отдельного слова в этом словаре сводится к таким моментам. Дается современное его написание, затем старое написание (до 1917 г.), если оно отличается от современного (главным образом, употреблением ятя), и соответствия (не переводы) в других слявянских языках, в первую очередь — в украинском и белорусском. Если слово заимствованное, приводится его параллель (слово-источник) из языка, откуда оно перенято. Объясняется слово относительно каждого принадлежащего ему значения с максимальным стремлением исчерпать все имеющиеся контекстуальные оттенки, причем даются указания на то, обычно ли слово в литературном языке теперь или устарело, известно ли оно из литературных источников или взято из языка диалектов, в какой сфере литературного языка оно в обращении (в языке ли техническом, политическом, юридическом, коммерческом, в той или другой области науки, искусства, производства и т. д.). Каждое значение иллюстрируется расположенными в хронологическом порядке цитатами, начиная с авторов XVIII века (Кантемира и Ломоносова), причем по мотивам техническим сначала при каждой рубрике идут цитаты прозаические, а затем стихотворные.

Что особенно поражает в этом словаре — это замечательное по полноте использование литературных печатных материалов. Разумеется, в выпусках, вышедших до революции, вовсе не отразились по причинам цензурного порядка издания революционные, и этот важный пробел исправляется только в новейших выпусках.

Также совершенно неверны, реакционны в прежних (дореволюционных) выпусках толкования слов социально-политического характера. Для примера приведем хотя бы объяснение слов *коммуна* и *коммунизм*:

Коммуна, -ы, ж. (Франц. commune). Сообщество людей, устроивших свою жизнь на началах коммунизма. *Другой литератор учредил в Петербурге упомянутую в „Панурговом стаде“ г. Крестовского „коммуну“, где поселилось на общежительство несколько молодых дам, девиц и кавалеров.* Леск. „Загад. челов.“, гл. 34. *Дебатирован был в последнее время вопрос: имеет ли право член коммуны входить к другому члену в комнату, к мужчине или женщине, во всякое время... ну, и решено, что имеет.* Дост. „Преступление и наказание“, V, гл. I. *Дождетесь, что и у нас заведут коммуну.* Гонч. Литературный вечер, XI. Парижская Коммуна — муниципальное правление гор. Парижа 1792 и 1871 годов. (Обл. Сельская община в южной части Бессарабской губернии, где и теперь еще действуют румынские законы (сообщ. Н. Держ.).

Коммунизм, -а, м. (Ново-латинск. communismus от communis, общий). *Учение, отвергающее частную собственность во имя люд-*

ского блага (Радлов, Филос. слов.). *Самодержавие народа, которого первая степень представительная монархия, вторая степень демократия, третья степень социализм и коммунизм.* Жук. Св. Русь (т. VI, 168). *Какое дело коммунизму до республиканской формы, когда он в основе своей отрицает не только всякую форму правления, но и само государство, но и все современное общество?* Дост. „Дн. пис.", 1876, март 1, 4. *Я не проповедую коммунизма, кузина, будьте покойны.* Гонч. „Обрыв", I, гл. 4.

Цитаты избираются, как видим, специально из произведений реакционных и консервативных авторов.

Не на высоте в ряде случаев также характеристика стилистической стороны употребления слов, и вообще ей уделено в словаре слишком мало внимания.

Кроме словаря В. Даля и „Словаря русского языка" Академии Наук, включающих большой фразеологический материал (материал ходовой цитации), в русской литературе важнейшим фразеологическим справочником является М. Михельсон. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний, 2 тома (779 и 580 стр.+ +250 стр.), 1903—1904.

Труд Михельсона состоит из расположенных в алфавитном порядке крылатых слов и выражений с цитатами, приводимыми иногда в хронологической, а иногда в случайной последовательности. Если соответствующее крылатое слово или фраза попали в русский язык извне, приводятся их источники немецкие, французские и под. и далее — в тех случаях, когда и по отношению к ним может быть указан древнейший источник — цитаты из античной литературы. Наряду с указаниями прямых источников и комментариями к ним даются многочисленные параллели. Нахождение нужных цитат, справка о которых разыскивается, облегчается обширным предметным указателем, приложенным ко второму тому. При втором же томе дан очень полный „Указатель иностранных слов, вошедших в русский язык, а также других, нередко приводимых письменно и устно", в котором материал расположен по алфавиту в пределах языков немецкого, английского, французского, итальянского и латинского (греческий опущен).

Вот образец разработки отдельного фразеологизма (крылатого выражения):

Слезы крокодиловы — волчьи (иносказ.) — притворные.

Ср. Все те его *слезы были крокодиловы,* предваряет летописец события. Салтыков. История одного города.

Ср. *И крокодилы плачут,* а все-таки по целому теленку глотают. Островский. Волки и овцы, 2, 2.

Ср. Ну, это *слезы крокодиловы,* и им не совсем можно верить. Достоевский. Крокодил.

Не плачьте! Я вас понимаю, ваши слезы — *слезы крокодила.* А. П. Ермолов — Дибичу (при оставлении Кавказа).

Ср. *Krokodilstränen weinen*[1].

[1] Нем. Плакать крокодиловыми слезами.

Ср. Wie der crocodil tränen weint, Wenn er einen zu fressen meint.— G. Rollenhagen. Froschm. 2, 15, 129—130[1].

Ср. Larmes de crocodile[2].

Ср. Le donne sono simile al coccodrillo: per prendere l'uomo piangono e presso lo divorano[3].

Ср. Crocodili lacrymae[4].

Ср. Κροκοδείλου δάκρυα[5].

Древние говорили, что крокодил, прежде чем окончательно проглотить свою жертву, проливает слезы (крокодиловы — фальшивые слезы).

Представляя очень большое собрание ходовой цитации, труд Михельсона даже и для своего времени имел существенные недостатки: многие приводимые им параллели явно натянуты и без пользы увеличивают размеры книги; в цитации проглядывают реакционные вкусы автора (очень часто приводятся выписки, напр., из Всев. Крестовского, из третьестепенного, но яркореакционного романиста Маркевича и обходится очень многое выдающееся даже из просто либеральной литературы); ряд замечаний обличает в авторе не специалиста, а дилетанта.

Лучший этимологический словарь русского языка — А. Преображенского, выходивший выпусками с 1910 года и оставшийся в издании незаконченным (всего вышло 14 выпусков, от *а* до *сулея*).

Построен он на основе этимологических словарей славянских языков — Ф. Миклошича „Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen", 1886 г. и в значительной мере Э. Бернекера „Slavisches etymologisches Wörterbuch" с 1908 г. (не окончен — доведен до начала буквы *т* (*м*) и, кроме них, на громадной этимологической литературе европейской и русской, которую автор, если и не всегда критически, использовал с исключительным трудолюбием и тщательностью. Хотя со стороны полноты разбираемых слов „Этимологический словарь русского языка" Преображенского и небезупречен (особенно много пробелов допущено относительно заимствований), но материал, в него вошедший, настолько велик и взят обыкновенно из настолько научно серьезной литературы, что в целом словарь на том этапе языковедения, когда он выходил, в существенном удовлетворял поставленной задаче.

Слова даются в словаре Преображенского под основными формами: напр., ни *донести*, ни *принести* и под. непосредственно искать в нем по алфавиту не следует. Не окажется также в порядке алфавита форм *носить, нашивать, носилки, разнос* и под.— все их читатель должен разыскать под *нести*. Или: нет самостоятельно данного слова *истина*: оно, как и другие род-

---

[1] Ст.-нем. Как плачет крокодил, когда он собирается кого-нибудь пожрать.

[2] Фр. Крокодиловы слезы.

[3] Итал. Женщины подобны крокодилу: чтоб овладеть мужчиною, они плачут и вблизи его пожирают.

[4] Лат. Крокодиловы слезы.

[5] Греч. Крокодиловы слезы.

ственные ему — *истовый, истец,* стоит в одной группе с заглавным *истый.* Таким образом, пользование этимологическим словарем Преображенского предполагает уже некоторое элементарное умение устанавливать родственные связи слов и ориентироваться, главным образом, на такие, которые предположительно можно признать более других первоначальными.

При каждом заглавном слове материал располагается следующим образом: 1. Указываются все важнейшие современные русские производные от корня объясняемого слова. Напр.: Гора... горка, пригорок, предгорье... горный, гористый. Сюда же: горница. Или: Миновать... минуть, минуя — *мимо, обойдя, пройдя*; минувший — *прошедший*; из цсл. преминуть — *пропустить, уклониться* (в выр. „не премину" — *не уклонюсь, непременно сделаю*); диал. неминучий — *неизбежный*; разминоваться, разминуться — *пройти, проехать мимо друг друга, не встретясь, не зацепясь.*

2. Даются существующие соответствия в славянских языках: украинском, белорусском, древнерусском (т. е. в восточнославянских памятниках, независимо от места их написания), старославянском (древнеболгарском), словинском, болгарском, сербо-хорватском, чешском, польском и лужицких. Отсутствуют таким образом соответствия только из языков словацкого и кашубского. В порядке расположения языков допускается известная необоснованность: между старославянским и болгарским почему-то стоит словинский язык, ближайший родич сербо-хорватского. Впрочем, серьезного практического значения это обстоятельство не имеет.

3. В третьей рубрике указываются с ссылкой на авторов соответствия в других языках и отмечаются существующие по поводу того или другого сопоставления контроверзы в научной литературе. Ср. при гора: ...сскр. girí *гора,* зенд. gairiš (Уленб...), лит. gìria, gìrė *лес,* лтш. dzire лес, др. прус. garian *дерево,* гр. βορέης (Гом.), атт. βορρᾶς *северный ветер.* Прельвиц настойчиво утверждает, что под словом gori разумеются волнообразные возвышенности (Валдайские), покрытые лесом; от них шел βορέας. Отсюда ὑπερβορέοι, так сказать, „загорцы"... алб. gur камень... При миновать — лат. meo, -āre *итти, странствовать* (WEW 478[1], Solmsen KZ 37, 582), гал. moenus название реки (ныне Майн) (Stokes, 204). Уленбек (AiW 224) считает, напротив, исконнородств. сскр. mināti, minóti *вредит, уменьшает*; mīyate, mīyáte *уменьшается, проходит, пропадает*... слав. мьний, гр. μινύθω *уменьшаю* и проч. (см. под меньше). Solmsen..., в виду значения наречия мимо, возражает против этого сближения. По мнению Вальде... mei *итти,* м.-б., наряду с лат. migrāre относится к группе mūtāre. Буга... относит сюда лит. muities *иметь сношения, обращаться,* лтш. mudīt *побуждать, понукать* и др. балт., лат. movēre *двигать,* сскр. mīvati *толкает, побуждает*...

При словах заимствованных указывается предполагаемый источник заимствования и, если она известна, этимология слова

[1] Walde, Lateinisches etymologisches Wörterbuch.

на той почве, откуда слово перенято... Ср., напр., **оранжевый**. Новое заимствов. (с Петра В...) из фр. (м. б. через пол.): orange *апельсин*; orangerie *оранжерея* (ср. лат. arangus, arangia, ит. arancio, исп. haranja, порт. laranja, перс. harenja, араб. nāranja. Во фр. преобразовано под влиянием or *золото*; (римляне называли апельсины aurea māla). Немцы преобразовали лат. pōmum aurantium в pomeranze..."

К словарю приложены облегчающие ориентацию таблицы звуковых соответствий.

Наиболее серьезный разбор этимологического словаря А. Преображенского дан акад. Б. М. Ляпуновым в „Известиях Отдел. русского языка и словесности Акад. Наук СССР", т. XXX и XXXI, 1925 и 1926 гг.

Лучшие словари **иностранных** слов, вышедшие после Октября — И. Вайсблит — „Полный иллюстрированный словарь иностранных слов с указанием их происхождения, ударений и научного значения", 1926 г., и „Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык", изд. „Советской энциклопедии", 1933 г. (составили И. Кузьминский, М. Каушанский, Я. Рохлин, С. Бровкин).

Словарь иностранных слов вообще должен служить двум мало связанным между собой задачам: одной, этимологической — указывать, откуда заимствовано и какому именно иностранному соответствует изучаемое слово, другой, объяснительной, — истолковывать заимствованные слова. Практически все справочники, в том числе и данные, вынуждены из-за несоотносительности обеих задач разрешать их только частично: со стороны этимологической одинаковый интерес представляют и заимствования старые, не воспринимаемые в настоящее время как слова, поступившие извне (*аист, арбуз, хутор* и под.), и заимствования более поздние, еще чувствующиеся как „чужие"; точно также с этой стороны имеют право на внимание наряду со словами „культурными" (терминологическими, социально-политическими, относящимися к предметам культурного общения и т. д.) всякие вообще слова, усваивавшиеся данным языком из других. Истолковательская задача, наоборот, сводится к значительно более узкому кругу слов — к тем заимствованным, которые нуждаются в объяснении, и, таким образом, работая над нею, нецелесообразно привлекать материал лексики, хотя и заимствованной, но общепонятной. Осмысливая истолковательскую задачу, естественно прийти к заключению, что по сути своей она не должна прямо иметь в виду именно заимствованные слова, так как, если взять хотя бы терминологическую лексику, в составе последней окажется много слов не заимствованных, но не менее нуждающихся в объяснении, чем заимствованные (ср.: *сопло, берцовая кость, спаренная езда* и др.).

За традиционной формой словарей иностранных слов лежит, повидимому, легко угадывающаяся предпосылка — что „культурная" лексика (техническая и т. д.) есть по преимуществу лексика интернациональная, попадавшая в русский язык извне. Это

справедливо только отчасти, и потому словари такого типа разрешают только приблизительно ту задачу, которую в полном ее виде можно было бы сформулировать как объяснение лексики наук, искусств, производств, социально-политических понятий и т. д. Большая условность в построение таких словарей вносится еще тем, что охват материала в них ни в каком случае не может быть полным (всей терминологии наук они вместить не могут: претенциозность заглавия словаря Вайсблита тут только может ввести в заблуждение неопытного читателя), и установка берется обыкновенно на более чем условный круг слов, принадлежащий образованному человеку „вообще" или обращающийся в возможном круге неспециального чтения опять-таки абстрактно взятого „образованного человека".

Лучший и со стороны этимологической и по подбору материала словарь, изданный „Советской энциклопедией".

Со стороны этимологической его преимущество над всеми его предшественниками в указании не только слов-источников, но и путей передачи. Ср., напр., *турнир* — нем. [Turnier] < фр. [tournoi] или *ротор* — анг. < лат. [roto вращаю], или *музыка* — пол. < лат. < греч.

Важно также для верного представления о процессе и интернационализации словаря четкое различие ученых и искусственных образований и слов, реально существовавших в языковом обиходе.

С методологией опознания и грамматической характеристикой словарных заимствований знакомит прекрасный очерк — „Грамматика иностранных слов" Н. В. Юшманова, данный в приложении к словарю.

Этимологических указаний неверных, неточных и сомнительных (вроде, напр., *марганец* — ит. marganese, следует: нем. Manganerz; *рота* — нем. Rotte, следует: пол. — из чеш. — из нем.; *ярус* — т.-т. (тюрко-тат.) — не доказано) — относительно немного.

Что касается объема материала, то он в пределах 2500 слов „охватывает главным образом общественно-политическую и производственную терминологию. Из терминов ботаники, зоологии и проч. включены преимущественно те, которые имеют отношение к промышленности".

Объяснения в большинстве верные и четкие.

Существенный с практической стороны недостаток словаря — самочинное изменение орфографии иностранных слов: двойные согласные заменены одной: *комунизм, клас, аналы*; удвоенные удержаны лишь в собственных именах и между гласными при ударении на первой и в производных от таких слов: *профессия — профессиональный*. Очень небезупречны ударения грецизмов: *терáпия, адактúлия* и под. вм. правильных *терапúя, адактилúя* и под.

Единственный **исторический** словарь древнего русского языка — *Материалы для словаря древнерусского языка* — И. И. Срезневского — три основных тома и один дополнительный, 1893 — 1912 г. Хотя этот словарь имеет ряд существенных научных достоинств

(очень большое количество использованных источников, внимательное различение значений, богатая цитация), в работе над историей русского языка он полностью в настоящее время удовлетворить не может: при самом его издании, которое велось уже после смерти автора, не удалось объяснить точно некоторых ссылок на источники и установить, какими именно рукописями он воспользовался для своих выписок; в словарь попало слишком много слов, взятых из чисто церковнославянских памятников; но самое главное — по охвату материала, в пределах самим автором поставленной задачи словарь И. И. Срезневского не обеспечивает многого важного для истории русской лексики и для чтения как раз тех русских памятников, в которых все с большей отчетливостью стало проявляться русское (не старославянское) влияние. В записке, представленной Второму Отделению Академии Наук в 1866 году, Срезневский писал, выясняя характер и цели своей работы: „Я не упускал из виду ни одного такого слова („выражающего так или иначе быт народный" или „изображающего отвлеченные или научные понятия и представления"), где бы оно мне ни встретилось; но многие занес на свои листки только случайно, не воспользовавшись вполне теми источниками, из которых их занял. Памятниками XV — XVIII веков я пользовался всего более для объяснения слов ныне употребительных. Только из памятников XI — XIV веков (русского письма) я старался выбрать все слова без исключения и вместе со словами все, что может годиться для их объяснения".

Обработка отдельных слов в „Материалах" обычно такова: дается объясняемое слово с переводом каждого отдельного значения на русский, а в ряде случаев — на греческий или — значительно реже — латинский. Истолковываемое значение подкрепляется цитатами из памятников (расположенными не всегда, однако, в хронологическом порядке) в определенных случаях с греческими параллелями. Иногда предлагаются справки этимологического характера — родственные слова из других языков — или изредка — историко - бытовые комментарии - параллели.

ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ

(Для критического использования)

Е. Будде. Очерк истории современного литературного русского языка, (XVII — XIX вв), П. 1908 г.

Б. Арватов. Социологическая поэтика. 1928 г.

М. Горький. О литературе. Статьи 1928 — 1933 г. М. 1934 г. и статьи в „Литературной учебе", 1934 г. №№ 1 — 4.

А. Орлов. Русский язык в литературном отношении. „Родной язык в школе", 1926 г., № 9.

Его же. О социологии языка русских литературных произведений. „Родн. яз. в школе", 1927, № 2.

Ю. Тынянов. Проблема стихотворного языка, Л. 1924 г.

Статьи в Больш. Совет. Энциклопедии: Лексика, Лексикология, Идиом.

ГЛАВА IV

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Содержание: 1. Части речи. 2. Вводные замечания о словообразовании. 3. Суффиксы имен существительных. 4. Ударение суффиксальных имен существительных. 5. Суффиксы имен прилагательных. 6. Ударение суффиксальных прилагательных. 7. Глагольные суффиксы. 8. Префиксальные имена существительные и прилагательные. 9. Об ударении префиксов. 10. Бессуффиксные образования существительных. 11. Причастия (глагольные прилагательные). 12. Ударение причастий. 13. Залоговые формы на -ся(сь). 14. Приметы видов. 15. Наречия. 16. Деепричастия. 17. Сложные слова. 18. Сокращенные слова. — Из литературы.

1. ЧАСТИ РЕЧИ

Со стороны семантической (смысловой) **полнозначные** слова в русском языке (т. е. слова-носители самостоятельных значений) делятся на: имена существительные, представляющие собой выражение названий предметов в узком и широком значении слова (всего, о чем можно спросить кто? или что? или назвать словом *он, она, оно, они*); имена прилагательные, являющиеся обычным выражением признаков предметов (чаще всего постоянных) и могущие быть ответом на вопросы *какой, какая, какое, какие? каков, какова, каково, каковы?* В более редких случаях прилагательные выражают отношение к предмету лица владеющего (*чей, чья, чье, чьи?*): *Манин, мужнин*; глаголы — выражающие переменные признаки (действия, состояния) — *что предмет делает? что с ним совершается?*; наречия, показывающие признаки признаков (признаки прилагательных и глаголов) и дающие специальные указания на характер действия (*быстро, взапуски*), время (*издавна, иногда*), место (*дома, домой, спереди*), причину (*сгоряча, сдуру*) и под.

Со стороны формальных примет имена существительные представляют собой слова склоняемые, но не имеющие специального изменения по родам; имена прилагательные изменяются по родам и обладают в определенных функциях системой склонения; для системы глаголов характерно прежде всего изменение по временам, и для значительной части форм — по лицам; наречия — это образования, допускающие в относительно немногих случаях изменения словообразовательных форм, но не имеющие форм словоизменения.

Примеры. Имена существительные: *конь, овца, паровоз, берег, трава, верх*; *коня, овцы, паровоза, берега, травы* и т. д.; имена прилагательные: а) склоняемые — *сильный, сильная,*

сильное, сильные; *верхний, верхняя, верхнее, верхние*; *сильного, сильной, сильному, сильных* и под.; б) несклоняемые: *рад, рада, радо, рады*; *силен, сильна, сильно, сильны* и под.; глаголы: *пишу, писал, буду писать*; *точу, точил, буду точить*; *пишу, пишешь, пишет, пишем, пишете, пишут*; *точу, точишь, точит* и т. д.; наречия: *сильно, сильнее*; *быстро, быстрее*; *вперед, назад, стремглав, вплавь* и под.

С главными признаками данных частей речи соединяется немало других, выступающих в тех или других морфологических категориях, связанных ближайшим родством с имеющими указанные типические черты. Так, напр., для имени существительного, имени прилагательного, глагола характерно морфологическое выражение категории числа; в систему глагола входят как обязательная принадлежность каждого глагола инфинитивы (неопределенные глагольные формы), образования, лишенные признака времени и лица (*писать, точить*), и под.

Формальные категории, как выражение определенных смысловых, получают настоящее применение только в связной речи. Каждая часть речи имеет свои типические для нее виды связей с другими. Так, напр., с именами существительными согласуются в роде, числе и падеже прилагательные (*высокий берег, зеленый лес*), косвенные падежи имен существительных зависят (управляются) от имен же существительных, глаголов, реже — прилагательных и наречий (*добыча железа, встреча делегации, посылает письмо, сообщает товарищу, богатый материалом, быстрее почты*); имена прилагательные в склоняемых формах выступают в роли пояснительных слов к существительным, согласуясь с ними (см. выше), в несклоняемых формах обычно бывают сказуемыми к существительным в именительном падеже; глаголы (кроме инфинитивов) согласуются с именами существительными в числе (и роде), являясь к ним сказуемыми (*пришел товарищ, пришли товарищи*); наречия обычно примыкают чаще всего — к глаголам (*недавно прочел, быстро вышел, направился домой*) и под. (Подробности ниже в „Синтаксисе“).

Полную характеристику изучаемых категорий дает только учет вместе моментов семантических, морфологических и синтаксических. В результате такого учета выделяют обыкновенно в русском языке для полнозначных слов наряду с основными частями речи еще две: местоимения и имена числительные.

Местоимения со стороны семантической представляют собою слова, соотносительные с именами существительными, прилагательными и наречиями. Если последние называют предметы, качества, признаки признаков и под., то первые служат для спрашивания о них, указания на уже названные, для общих замечаний о них: ср. *товарищ* и **он, кто-то, кто?** *высокий* и **какой, такой,** *дома* и **где? здесь, там.**

Большая часть склоняемых местоимений имеет свои значительные отличия от существительных и прилагательных, поэтому их издавна принято рассматривать как особую часть речи. Что же касается местоимений неизменяемых, так как их выде-

ление в особую группу не имеет большого практического значения, то их обычно не отличают от наречий вообще (*как, здесь, там, откуда? зачем?* и под.). Для избежания двусмысленности будем далее говорить о местоимениях — как части речи в узком значении термина и местоимениях — как семантической категории в широком значении термина.

Имена числительные представляют собою числовые наименования типа существительных (*пять, десять, сорок, тысяча*), прилагательных (*два, две, первый, второй*), наречий (*дважды, трижды*) и под. Категория числительных количественных (отвечающих на вопрос *сколько?*) имеет существенные синтаксические особенности, присущие только ей (ср. *два взрослые ученика, два взрослых ученика*, но *двум взрослым ученикам* и т. д., *пять высоких деревьев*, но *пяти высоким деревьям* и под.), и у многих входящих в ее состав слов своеобразные морфологические признаки (ср., напр., склонения *два, три, сорок*). Издавна, поэтому, эту категорию (и с нею и порядковые числовые наименования, что имеет значительно меньше оснований) выделяют в особую часть речи. Что касается образований типа *дважды, трижды, по-двое*, то по практическим соображениям их не отличают от прочих наречий.

Слова **неполнозначные** (служебные), естественно, разделяются на части речи только по их синтаксической роли. Тут различают два важнейших разряда: предлоги, служебные слова, роль которых заключается в том, чтобы вносить в управление именами (косвенные падежи имен) специальные смысловые оттенки (*смотреть* на *шествие, следить* за *порядком*), и союзы, роль которых сводится к соединению между собою параллельных членов предложения или целых предложений (*ты* и *я*; *не ты*, а *он*; если *это будет сделано, надо ожидать важных результатов*).

Такова классификация частей речи, принятая в настоящее время за основу в школьной работе над русским языком (в программах и стабильных учебниках 1933 года).

Существеннейшая ее погрешность, что в ней вовсе не нашли себе места полнозначные неизменяемые слова, ограниченные функцией сказуемости: *надо, жаль* и под.

При включении в „части речи" служебных слов нельзя усмотреть достаточных оснований, почему частицы вроде *разве, даже, неужели* тоже не являются частями речи.

Условность других моментов данной классификации ясна из замечаний, сделанных выше.

Среди формальных элементов, входящих в состав полнозначных слов, различают относящиеся к **словообразованию** (формированию грамматически выраженных понятий) и **словоизменению** (изменениям окончаний, показывающим отношения данного понятия к другим в связной речи). Ср. примеры первого: *нож-к-а, внуч-ек, топор-ищ-е, золот-ист-ый, игр-ив-ый, под-нож-ка, у-вес-ист-ый, за-нес-ти, при-ложи-ть*; примеры второго: *протянуть руку, взять рукою, держать в руках; я вижу, ты видишь* и под.

В классификации полнозначных частей речи, как легко убедиться, существеннейшими моментами являются со стороны морфологической признаки словоизменения. С последними, однако, рядом выступают зачастую особенности словообразовательные. Имя существительное, напр., или имя прилагательное имеют каждое свою типичную для них систему словообразовательных элементов (суффиксов, префиксов), которая почти в такой же мере, как и факты словоизменения, образует то, что позволяет говорить об определенной большой категории грамматических значений.

2. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О СЛОВООБРАЗОВАНИИ

Область словообразования — одна из наиболее творческих, наименее замкнутых в грамматике языка. Словообразовательные элементы и их комбинации обеспечивают почти бесконечное количество новых слов и новых оттенков, обогащение которыми отвечает серьезным потребностям роста языка. Если формы словоизменения в существенном представляются нам отложившейся прочно, почти непоколебимой системой, которой должен подчиниться каждый из нас, не ожидая при ее применении фактов новых, с чертами творческой свежести (родительный падеж, напр., каждого существительного с именительным на а будет иметь ту же примету ы или и: *воды, красоты, ноги* и под., и функции этого падежа в существенном остаются теми же самыми), то элементы словообразования мы почти всегда ощущаем как материал для отработки новых понятий и новых экспрессивных и импрессивных оттенков. Изучая их, мы, однако, скоро убеждаемся, что свободному творчеству и здесь поставлены достаточно ощутительные грани. Никогда по отношению к значительному числу словообразовательных элементов, обычных в языке, мы не можем быть уверены, что, встречаясь в нескольких десятках слов, этот же элемент окажется применимым и в остальных, которым он по смыслу может соответствовать, и лишь немногие словообразовательные элементы имеют почти неограниченную продуктивность [1].

Практика языка часто довольно консервативна, консервативнее, чем это вызывается самою природою нормативности, и требованиям жизни она подчиняется медленно и не без сопротивления. Не раз и не два, конечно, в жизни встречалась потребность в параллель *пловцу* назвать плавающую женщину, но всякий, образующий вполне соответствующее законам русского словообразования слово *пловица,* чувствует себя тем не менее новатором. В канцелярском языке (в нотариальной практике) уже давно употреблялось нужное по обстоятельствам дела слово

[1] Говорим „почти", так как даже среди таких, напр., особенно продуктивных образований, как причастия страдательного залога, не исключен случай, что к *заставить* — „наполнить вещами" причастие будет *заставленный,* но от *заставить* „принудить" оно уже не употребляется и заменяется формой *принужденный.*

продавица (*продавщица* имеет смысл „продающая в магазине“ и под.), но многие ли из нас воспринимают его как привычное? Мы с трудом преодолеваем языковую инерцию, удивляясь в то же время такому странному факту, что за тысячелетия не выработалось в литературном языке определенной формы женского рода к понятию „врага“. В диалектах имеются образования *врагуша, ворогуша,* но, ища нужного ему слова, К. Бальмонт, напр., останавливается на неудачном *врагиня* (ассоциация — *бог — богиня)*; теоретически возможны были бы также *вражица, вражка* и др., но, как видим, все они реального существования не имеют (ср. еще отсутствие таких слов, как *хитрица, льстица,* к *хитрец, льстец*).

Тенденция к системе в проведении словообразовательных элементов на каждом шагу наталкивается на препятствия, ее дезорганизующие. Среди них особенно влиятельны следующие.

Формальные приметы имеют слишком общие значения, которые в комбинации со значениями корневыми могут дать совсем особый индивидуальный оттенок смысла; ср.: *творить — сотворить,* но *натворить* (из значений **на-**: *написать, напилить* и т. д. прямо никак не следует тот оттенок смысла, который имеется в слове „натворить“); флексия основы и суффикс в *хаживать* и *ухаживать* создают совершенно не похожие разветвления значений и т. п.

Оттенки значений, принадлежащие корням и целым словам, в большей или меньшей мере модифицируют служебные значения, принадлежащие словообразовательным элементам, напр., суффиксам: *моряк* уже не имеет отрицательной или аффективной окраски суффикса **-ак** (**-як**); потеряло ее и слово *рыбак.* Не имеет общей резкой окраски суффикс **-ун,** напр., слово *опекун*; наоборот, **-ца** (ср. *убийца, кровопийца*), первоначально эмоционально не окрашенное, приобретает отрицательный оттенок благодаря значению основ, с которыми соединяется.

Зачастую наблюдается необходимость, если в языке уже есть слово того же корня, образованное при помощи данного суффикса, прибегнуть для того, чтобы обозначить другое понятие, к другим словообразовательным средствам: *наперсник* мы не передаем при помощи „нагрудник“, избегая соответственного омонима; слово женского рода к *друг* не выступает в виде *дружка,* так как последнее получило в прошлом специфическое значение свадебного чина, а заменяется словом *подруга,* но ввиду того, что и это слово приобрело специальный оттенок — „друг и приспешница женщины“, а по отношению к мужчине оттенок только торжественный, настоящего словесного выражения понятия женского рода, параллельного слову „друг“, в литературном языке еще нет; приводимое Далем *другиня,* — искусственное, не привившееся слово. Любопытно, что та же самая тенденция избегать омонимных слов действует даже при образованиях от слов омонимного употребления; ср. *разносить* (напр., по сторонам), откуда *разносчик,* но по отношению к *разносить* „делать разнос, упрекать и под.“ образование „разносчик“ было бы неприемлемо.

Самое же главное препятствие — тождество или близость значений у многих словообразовательных элементов, унаследованных уже от древнейшего периода языка: и **-ец**, и **-щик**, и **-тель**, напр., одинаково годятся на роль элементов, обозначающих лицо, что-либо делающее; к *стирать* как совершенный вид возможны образования *стереть* (в значении „пыль, мел“ и под.) и *постирать* („белье“ и под.); ср. еще, напр., суффиксы, служащие для образования наименований цветов: *краснота, чернота,* но *белизна, желтизна; синева,* но *зелень.*

Нам приходится также считаться и с тем, что никогда, ни в какую эпоху говорящими не были и не могли быть использованы до конца все формальные возможности, представляемые языком; каждая последующая эпоха в своих новообразованиях руководилась не общей тенденцией к систематичности, а кругом ассоциаций, с одной стороны, с тем, что уже реально в языке осуществилось, и, с другой стороны, с тем, что нуждалось в выражении. Если теперь мы от прилагательных на **-ивый, -ливый** образуем слова типа *счастливец, ленивец* и под. (ср. в диалектах *милостивец*), то от *красивый* подобное образование уже невозможно, так как старина оставила нам *красавец,* форму, восходящую к другой, ставшей теперь непродуктивной, основе „крас-ав-(а)“, и мы уже не станем в угоду системе заменять ее новой, соответствующей новому кругу формальных ассоциаций, действующих в языке сейчас.

Указанные особенности словообразования исключают возможность полностью описать язык, ограничившись характеристикой значений его словопроизводственных элементов. Овладеть словообразовательной структурой языка можно, за исключением некоторых особенно продуктивных категорий, только шаг за шагом усваивая каждое отдельное слово. Но повысить свое чутье к словопроизводственным элементам, наблюдая с большей или меньшей четкостью отложившиеся в языке группы, конечно, возможно, и в этом и заключается смысл предлагаемых ныне характеристик отдельных словообразовательных средств.

Формы словообразования не существуют в славянских языках строго-обособленно от форм словоизменения: число, напр., имени существительного соединено в одной примете с соответственными падежными значениями; точно также приметы времени в глаголе (настоящего и будущего) слиты в том же окончании, которое служит для распознавания лица.

Родственные по смыслу формальные категории, напр., настоящее и прошедшее время, могут выражаться разными способами: признак настоящего времени заключается, как только что упоминалось, в окончании, обозначающем лицо (форма словоизменения): *веду, ведешь, ведет,* а признак прошедшего времени заключен в чисто словообразовательном элементе **-л**: *вел, вела, вело* и т. д. Подобные особенности строения языков заставляют при описании их считаться с рядом практических неудобств, которые обязательно должны возникнуть в случае, если описывающий систематизаторским задачам отдаст преимущество

перед стремлением показать факты в их органической связи. Поэтому по мотивам собственно-практическим мы исключаем из словообразования некоторые особенности, которые удобнее дать при характеристике флексии.

3. СУФФИКСЫ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Остановимся из большого числа их лишь на некоторых, главным образом на тех, которые заслуживают внимания со стороны стилистической [1].

1. Суффиксы, служащие преимущественно для образования названий живых существ

Мужской род

-ач: *ткач, трубач, скрипач, бородач, лихач, усач, силач.*

В русском языке этому суффиксу, вернее — целым словам, в состав которых он входит, чаще принадлежит оттенок неуважительного отношения к чему-то грубо-размашистому. Ср. новообразования: *ловкач, рвач, нэпач.* В словах вроде *ткач, скрипач, трубач,* обозначающих профессию или род деятельности, этого оттенка, однако, уже давно нет.

Продуктивность суффикса **-ач** значительно меньше, чем в украинском.

Сродни ему по значению суффиксы **-(а)ла, -(и)ла**: *запевала, обирала, кутила* и **-ина**: *молодчина, дурачина, купчина, казачина* (ср. у Лермонт.—„Казачина гребенской").

-яй: *слюняй, негодяй, кисляй.*

Сродни этому суффиксу **-тяй**: *лентяй, слюнтяй* (ср. укр. гультяй).

Оба суффикса обозначают человека презираемого, внушающего отвращение. Их продуктивность очень невелика.

-яга(ага) подчеркивает эмоциональное восприятие понятия, но характер эмоции определяется значением корня: *бедняга, молодчага, плутяга, бродяга.*

Любопытно, что слово *сутяга,* где **-яг** относится к корню и где суффикса нет, заметно входит по созвучию в сферу эмоционального влияния данной группы.

-ыга: окрашен сильной эмоцией презрительности, но малопроизводителен и в ряде образований не отделяется от корня: *торопыга, прощелыга, забулдыга.* Сродни и *пьян-д-ыга.*

-ун: обычно относится у названий лиц к отрицательным понятиям: *шалун, болтун, лгун.* Отступает *опекун.* Не имеет отрицательной окраски, а наоборот, приобрело положительную *скакун* (о коне). Изредка этот суффикс без эмоциональной окраски распространяется на названия вещей: *колун* — дровосечный топор.

[1] Так как в своей морфологической характеристике многие суффиксы теснейшим образом связаны с флексией, то ниже для упрощения суффиксом называется соединение суффикса и флективной приметы именительного падежа ед. ч.

-ак, -як обычно вносят значение пренебрежительности или фамильярности: *чудак, простак, добряк, остряк.*

Непроизводителен и слабо выделяется из целого слова, но резко окрашен презрительной эмоцией суффикс **-уй**: *холуй, оболдуй* (обалдуй), *буржуй* (адаптация французского *буржуа*). Для специфической его окраски характерно, что фактически в литературном языке не выжило из-за сходства с ним образование *индивидуй* вместо нынешнего *индивидуум*, встречавшееся раньше. Чехов использует это „индивидуй" как смешное слово, приписывая его своим комическим персонажам.

-ень, род. п. -ня. Этот суффикс малопроизводителен. У названий существ он сопровождает отрицательные понятия: *дурень, увалень, прихвостень, баловень.* В последнем слове при поэтическом употреблении отрицательная окраска может исчезнуть: „баловень счастья", „Россини, Европы баловень — Орфей" (Пушк.).

Иной тип эмоциональности вызывается суффиксом **-ыш.** Исходное его значение — малые живые существа: *малыш, глупыш, крепыш, несмышленыш, заморыш, зародыш, подкидыш, приемыш.* С *малыш, глупыш, крепыш, несмышленыш* связана эмоция снисходительной ласковости; *заморыш, зародыш* — некоторого отвращения; *подкидыш, приемыш* сопровождаются скверной окраской старой фарисейской морали.

Ответвление значения с эмоцией пренебрежительности имеем в таких словах, как *голыш, поганыш, последыш* (ср. у Некрасова, „Кому на Руси жить хорошо" в значении „последний убежденный крепостник". „Победа рыбной промышленности и ловецких колхозов Сев. Каспия — сокрушительный удар по антимеханизаторам и кулацким последышам" („Правда"). В сочетании с **-ен** суффикс **-ыш** обозначает молодых животных, вызывающих обыкновенно чувство гадливости: *гаденыш, змееныш*; менее эмоционально *звереныш* и еще менее — *детеныш.*

Суффикс (сложный), обозначающий молодых животных, не вызывающих чувства отвращения, **-енок** (укр. „еня"): *козленок, львенок, тигренок, поросенок.*

Во множественном числе выступает иное образование — **-ят(а)**: *козлята, львята, тигрята* и под. У Маяковского с установкой на неожиданность — от слова „любовь": „Миллион миллионов маленьких *любят*".

Щенок имеет **-ен** коренное и потому образует множественное число *щенки. Щенята,* существующее параллельно, — продукт влияния образований на — **-енок.**

Известную эмоциональность имеет и относительно редкий суффикс **-ок** (род. п. **-ока**): он вносит оттенок интенсивности свойства, такой степени его, которая бросается в глаза: *знаток, игрок, ходок* (спортсмен); менее эмоционально окрашены *едок* и *седок.*

Значение большей или меньшей пренебрежительности, иногда резкой, чаще — снисходительной, или же фамильярности вносит продуктивный суффикс **-ишка**: *воришка, мальчишка, плутишка, братишка.* При названиях неживых предметов мужского рода он

обыкновенно выступает в виде **-ишко**: *сюртучишко, дворишко, домишко.*

С суффиксом **-ан(ян)**, обособленным или адаптированным, связывается ощущение грубости или значение большой величины: *губан, брюхан, буян, горлан, мужлан* (грубый мужчина; ср. областн. *мужло* — „неотеса"), *великан, грубиян* (из пол.), *болван,* (из тюрк.); слабее эмоциональность в заимствованном *политикан* (из франц.). Сродни суффиксу **-ян** — *смутьян.* К вышедшему из употребления „старикан" восходит *старикашка.*

Упомянем еще несколько особняком стоящих образований с четкой эмоциональной окрашенностью: *вр-аль, дур-ал-ей, торг-аш, кудр-яш.*

Из эмоционально неокрашенных суффиксов для русского литературного языка характерен заимствованный из церковнославянского суффикс **-тель**[1]. Он вполне обычен, хотя нередко ощущается как книжный: *родитель, учитель, свидетель, деятель, владетель, благодетель, устроитель, предсказатель.* Лишь с относительно недавнего времени появляются образования с этим суффиксом в значении предметов неодушевленных: *предохранитель, выключатель*; ср. и математические термины — *делитель, числитель.*

Распространен, далее, суффикс **-чик** со значением профессии, занятия и под.: *переплетчик, резчик, доносчик, подрядчик* и родственный ему **-щик**: *каменщик, прогульщик, выдумщик.* Его не следует смешивать с **-чик** из *ец* + *ик*: *пальчик, стульчик, мальчик, чемоданчик,* имеющим ласкательное значение.

-ец с предыдущим **е** характеризует образования от слов на **-ия**: *красноармеец, гвардеец, индеец* (Красная армия, гвардия, Индия)[2], но *австриец* (Австрия), *партиец* (партия). По аналогии с первыми установилось неправильно образованное *путеец.*

Суффикс **-арь** (род. пад. **-аря**) обозначает обыкновенно лиц: *лекарь, пекарь, аптекарь, писарь, пахарь, косарь, главарь.* Встречается он часто в словах заимствованных (*пекарь, аптекарь,* напр., из польского).

Относительно редко можно встретить **-арь** при названиях предметов — *сухарь, букварь, словарь.*

Книжен и малопродуктивен суффикс **-тай**: *глашатай, ходатай, завсегдатай, соглядатай.*

Известную продуктивность получил и на русской почве греческий, перешедший через западноевропейское посредство суффикс **-ист**; ср. современные образования — *активист, очеркист*; **-ант, -янт** (франц.): *квартирант, фабрикант*; отчасти **-ёр** (фр., англ.), осмысливаемый благодаря отношениям вроде *режиссер, режиссировать, режиссура*; ср. *боксер, визитер, монтер, шахтер*; вульг. *ухажер,* и др.

---

[1] Подробнее см. С. П. Обнорский. К истории словообразования литературного русского языка. „Русская Речь", 1921, № 1, стр. 88.

[2] Рядом существует *индиец* с дифференциацией значения — абориген Индии в точном значении наименования (*индеец* — американский абориген).

В качестве суффикса относительно недавно выделился **-енец** (род. **-енца**); ср. *переселенец* (переселение); под его влиянием — *беженец*; после Октября — *выдвиженец* и др. К старославянскому восходят — *младенец, первенец,* имеющие **-ен** другого происхождения, ср. укр. **-ен-я.**

Большое распространение после Октября получил сложный суффикс **-овец**; ср. образования от абревиатурных корней: *рабфаковец, вузовец* и др.

Как суффиксы, обозначающие, откуда кто родом или где проживает, употребляются **-ец, -овец, -ич, -як, -анин, -янин, -чанин**: *ленинградец, тамбовец, орловец, москвич, костромич, сибиряк, туляк, киевлянин, парижанин, курянин* (к *Курск*), *сумчанин* (к *Сумы*).

Ср. и такие своеобразные формы, как *читинец* (к *Чита*), *пензенец* (к *Пенза*).

Еще менее выдержаны образования от иностранных наименований, сохраняющие зачастую особенности языков-источников: *генуэзец* (ср. *Генуя*), *неаполитанец* (ср. *Неаполь*) и под.

Особняком стоит *одессит* с суффиксом греческого происхождения.

Употребление того или другого суффикса зависит от многих, часто довольно случайных условий: **-ич**, напр., употребляется от названий мест женского рода на **-а** (но ср., с одной стороны, такие особенности, как *вятич*, а не „*вятчич*“, от *Вятка*, с другой — *туляк* и *полтавец*); **-овец** — от тех, прилагательные к которым имеют *-овский*: *орловский, валковский;* **-як** — от существительных женского склонения с родительным падежом на **-и**: *сибиряк, пермяк*; **-ец** — от оканчивающихся на согласный (муж. рода): *новгородец, воронежец.*

Существительными в настоящее время являются отчества на **-ич**. Этот суффикс в чистом виде имеют только имена на **-а(я)**: Илья — *Ильич*, Савва — *Саввич*, Никита — *Никитич*, Лука — *Лукич.*

В других выступают **-ович, -евич**: *Михайлович, Иванович, Даниилович, Арсеньевич* [1].

Женский род

Суффикс **-тель** в словах женского рода сопровождается суффиксом **-ниц(а)**: *руководительница, учительница, свидетельница.*

К словам мужского рода на **-ун** присоединяется **-ья**: *плясунья, хохотунья* [2]. Изредка только это **-ья** имеем при несуффиксальных: *гостья* (ср. гость), *игуменья* (ср. игумен), *сватья* (ср. сват). *Попадья* к *поп* представляет необычное образование, так как в таком виде отдельно заимствовано из греческого.

---

[1] Сокращенные к **-ович, -евич** формы на **-ыч, -ич** теперь воспринимаются как нелитературные или фамильярные.

[2] Отступает *опекунша.*

Иностранные слова и особенно фамилии с мужскими окончаниями во многих случаях употребляются без специальных суффиксов женского рода (*доктор Иванова, музыкант Васильева* и под.). Не образуется женский род также от слова *товарищ* (укр. товаришка).

При суффиксе **-ист** употребление **-ка** не ограничено: *модистка, артистка, пианистка, дантистка.*

Суффикс **-ша** обозначает чаще всего при названиях заимствованных из иностранных языков профессий жену профессионала: *докторша, инженерша, профессорша.* Продуктивность его невелика, и употребителен он главным образом в разговорной речи. После Октября суффикс этот начинает распространяться на названия представительниц профессий с иностранными корнями: *секретарша, кондукторша, аккомпаниаторша.* Впрочем, уже у Тургенева встречаем *музыкантша* („Она не была музыкантшей"). С установкой на смешное у Маяковского — „калеки и *калекши*".

Отчества имеют в именах женского рода суффиксы **-овна, -евна**, в соответствии мужским на **-ович**: *Даниловна, Ивановна, Васильевна, Арсеньевна* и т. д. В соответствии мужским на **-ич** нет последовательности: *Саввична, Никитична,* но *Ильинична, Кузьминична, Фоминична,* т. е. **-ична** и **-инична.** Последний суффикс представляет ясное слияние **-ин(а)** и **-ичн(а).**

Из эмоционально окрашенных суффиксов отметим **-ушка**: *бабушка, матушка, тетушка, голубушка* (ср. и от слов мужского рода — *дедушка, батюшка,* от „соловей" — *соловушка*) и возможный в значении обоих родов **-са**: *крикса, плакса, рюмса.*

По происхождению суффикс женского рода **-уша**, употребляющийся для обоих родов: *кликуша, втируша* („человек, втирающийся в доверие" и под.), *копуша, чинуша* („чиновник и только чиновник, мелкий чиновник"). (Ср: „Поэтому правительство (американское) само воздерживается от открытых антисоветских выступлений, а предоставляет это делать мелким *чинушам*" („Правда" 13 сент. 1931 г.). „Он (Маяковский) ненавидел бюрократов, подлиз, пролаз, приспособленцев, *чинуш*" (Тарасенков, „Комсом. Правда", 14 апреля 1934 г.). Раньше в литературном языке употреблялось (напр., Боборыкиным) и *чинуш*, подвергшееся потом, очевидно, влиянию других образований на **-уша.**

Слов с **-уша** очень немного.

Эмоционально окрашен (вносит значение презрительности или снисходительной ласковости) суффикс **-енка (-онка)**: *девчонка, коровёнка, старушонка, клячонка.* Распространен этот суффикс и при названиях предметов (*душонка, бумажонка, лавчонка*). Из ласкательных суффиксов упомянем еще **-енька** (изредка **-онька**): *подруженька, маменька* и под. Употребителен последний и при названиях предметов: *реченька, шубонька.*

Суффикс **-еньк(а)** встречаем и у слов мужского рода, однако только у имеющих те же окончания, что и имена женского рода **(а, я)**: *дяденька, папенька.*

2. Суффиксы, употребительные главным образом при названиях предметов

Суффикс **-ика** образует названия ягод и растений: *ежевика, черника, гвоздика.*

Суффикс **-ище** со значением большой величины и грубости употребляется при именах мужского и среднего рода: *сапожище, домище, ведрище.* Изредка употребляется он при названии существ: *дружище, мужичище, великанище, чудище.* Кроме фамильярного и ласкового *дружище* все подобные образования, обозначающие существа, малоупотребительны.

Параллельные образования женского рода **-ища**: *ручища, ножища, силища.* Возможны подобные образования и от названий существ: *бабища, рыбища.* Довольно сильна тенденция слова на **-ища** переводить в группу **-ище**: *ручище, бабище*; в письме, однако, эта тенденция не узаконена.

— Заметим, что суффиксы ласкательности, одинаково при названиях предметов одушевленных и неодушевленных, вообще были и остались одною из очень продуктивных словообразовательных категорий русского языка. Наиболее употребительные из них не требующие особых замечаний: **-ик, -ичек, -очек, -ка, -очка, -инка, -ичка, -ечко.**

В слоге бытовом и близком к нему их обилие в прошлом могло иногда вызывать просто таки чувство раздражения. Ср., напр., замечание Бунина в одном из его путевых очерков („Храм солнца"): „Пожалуйте-с, пожалуйте-с", бормочет он, и с умилением предлагает мне то то, то другое на том противном русском языке, который почти сплошь состоит из уменьшительных и ласкательных имен".

После Октября сильно изменился характер применения в русском языке этих образований: последние несравненно чаще, чем в дореволюционное время, используются, особенно в языке пролетарской публицистики, в прямопротивоположном смысле, т. е. как средство иронии. Характерен в этом отношении стиль Ленина, создавшего уже задолго до Октябрьской революции образцы пролетарского полемического слога с саркастическими „дюжина пластырей — оговорочек", „идеалистические системки" и под. Из новейшей публицистики ср., напр., у М. Кольцова („Правда", 19/III 1932 г.): „В яичке (пасхальном) заботливо напиханы кризисные декретики, гитлеровские пулеметики, сниженьице заработной платы и другие детские игрушки".

Родственна группа ласкательных суффиксов: **-ышек** (род. пад. **-ышка**): *колышек, пупырышки*; **-ешек, -ешок** (род. пад. **-ешка**) у слов, отбрасывающих омертвевшее семантически **-ен(ь)**: *камешек* (камень), *корешок* (корень); ласкательность не чувствуется уже в *гребешок* (гребень), *ремешок* (ремень);— **-ышко**: *стеклышко, солнышко*; без **н — ошко**: *окошко, лукошко*; **-ушка**: *погодушка, колодушка* (ср. и названия живых существ); **-ышка**: *кубышка, катышка.* В последней группе ласкательность слабее, чем в предыдущих.

Ласкательно-презрителен или имеет только презрительное значение **-ишко**: *сюртучишко, домишко* и под.

3. Суффиксы со значением собирательности

Суффикс **-ня**: *дворня, родня.*

Суффикс **-ва** сравнительно с украинским значительно менее продуктивен. В слове *братва* он ощущается как фамильярный. Собирательное значение без эмоциональной окраски имеем в *плотва* (много плотиц), *листва*, арх. *паства.*

Эмоционально окрашены адаптирующиеся *детвора, мошкара.*

С известной эмоциональностью воспринимается в собирательном значении суффикс **-ьё**: *вороньё, гнильё, тряпьё.*

Явление нового времени представляет выделяемый в иностранных словах суффикс **-ат** со значением коллектива: *деканат, секретариат*; ср. и русское *старостат.*

4. Суффиксы со значением абстрактности

Подавляющее большинство русских суффиксов со значением абстрактности — заимствования из церковнославянского. Таковы **-ость, -ство (-ствие), -ние (-нье), -тие (-тье), -изна, -знь.**

Суффикс **-ость**, хорошо известный и украинскому, в ряде образований вносит определенную окраску книжности: *естественность, прогрессивность, напряженность* и под.

Для характера образований важно заметить: *близость* (ср. близкий), *низость* (ср. низкий), *гадость* (ср. гадкий) и под., но *меткость* (ср. меткий), *легкость* (ср. легкий), *резкость* (ср. резкий).

О значении суффикса **-ство** [1] (**-ствие**) следует по существу сказать то же самое, что и об **-ость**: *качество, количество, родство, ударничество, отечество, художество, бедствие, шествие* и под.

Как бы ни смотреть на происхождение **-нье** сравнительно с **-ние** — признать ли первое исконнорусским или только сильно руссифицированным,— между ними теперь четкая эмоциональная разница: **-ние** характерно для слов книжных, сухих и торжественных, **-нье** для разговорных или вульгарных: *желание, искание* (ср. более простые *желанье, исканье*), но *враньё, жраньё.* Те же отношения повторяются при **-тие, -тье**: *бытие, житие* и *бытьё, житьё.*

Формы на **-ье** очень легко получают конкретные значения (собирательные): *шитьё* (то, что шьется), *варенье, печенье.*

Нормальны для русского языка образования при помощи — **к(а)**: *варка, читка, стирка, колка, стройка, увязка* и под.

Суффикс **-изна** имеет в русском языке известную производительность, причем далеко не все образованные при его помощи слова создают особенно книжное впечатление. К таким резко-книжным, принадлежащим к высокому слогу, следует

[1] После **ж, ч, ш, щ — ество**. Этот суффикс легко получает значение собирательности.

отнести *укоризна* (и получившее конкретное значение *отчизна*). Другие, вроде *дороговизна, дешевизна*, употребляются в языке даже неграмотных людей; третьи, вроде *левизна, правизна, желтизна, белизна*, книжны, но без всякого налета приподнятости. Ср.: „Нагота — это не то, что голизна“ (М. Кольцов, „Правда“, 24/XII 1932 г.). Двум последним группам соответствуют непродуктивные образования с суффиксом **-знь**: *болезнь, жизнь, боязнь.*

Для образования абстрактных понятий довольно свободно употребляются наряду с данными суффиксами, перенятыми из церковнославянского, унаследованные суффиксы **-от(а)** и **-ина**: *высота, пустота, глухота, вышина, глубина*, производные от корней со значением качества. Более конкретны *рвота, икота* и др., обозначающие действия главным образом болезненные. Собирательное значение получило слово *пехота.*

Другие русские суффиксы для названия действий — **-ба** (*борьба, ходьба*), **-ёж** (*дележ, грабеж*). Последний обыкновенно окрашен несколько аффективно.

Значение по преимуществу суетливых действий имеют **-ня, -отня**: *возня, резня, беготня, суетня, трескотня.*

Для обозначения главным образом движений, оценивавшихся представителями господствовавших классов как отрицательные, издавна в ходу были образования на **-щина, -овшина**: *пугачовщина, разинщина, хлыстовщина.* Классовая борьба эпохи Октябрьской революции дала широкое применение этим суффиксальным образованиям, направив их против враждебных классов, и ко времени уже пролетарской революции относятся, например: *керенщина, деникинщина, махновщина.*

Есть, однако, относительно немного слов с этими суффиксами, не обозначающих социально-политического направления и под.: *тарабарщина* (собственно **-ина** от слова „тарабарский“), *сдельщина* и др.

Отметим еще суффикс **-ица**, сообщающий словам, имеющим отвлеченное значение, бытовую окраску, обыкновенно отрицательную, которой нет у многих других суффиксов этой группы: *неурядица, несуразица, сумятица, разноголосица, бессонница, безработица.* Соответствующие слова обыкновенно составляют образования префиксальные или сложные; но ср. *путаница.*

Характерен специальный оттенок смысла, который вносится ласкательным **-ушка** в словах с абстрактным значением: *кручинушка, заботушка, уморушка.* Такие слова в стилях, связанных с народной словесностью, значат обыкновенно „большая кручина“, „большая забота“ и под.

Восходящий к греческому языку суффикс **-изм** из многочисленных иностранных слов греческого, латинского и иного корня, в которых он усвоен, успел абстрагироваться и сделаться продуктивным в значении идеологического направления и под.; ср.: *ленинизм, большевизм* и под.

В ряде иностранных слов выделяется суффикс **-ура** со значением профессии, должности и под.: *ассистентура, аспирантура.* У многих слов с этим суффиксом идет параллельно такое

значение и значение собирательное; ср.: *получить доцентуру* и *доцентура нашего института, думать об аспирантуре* и *аспирантура исследовательской кафедры.*

Об уменьшительных собственных именах

Особую группу среди форм словообразования занимают уменьшительные имена собственные. Наиболее употребительные и установившиеся из них подчиняются в своем образовании следующим принципам или, вернее, тенденциям:

К первым слогам, оканчивающимся на гласный, присоединяется суффиксальное **-ш(а)**: Мария — *Маша*, Дарья — *Даша*, Глафира — *Глаша*, Яков — *Яша*, Тихон — *Тиша*, Прохор — *Проша*, Трофим — *Троша*, Лукерья (Гликерия) — *Луша*, Михаил — *Миша*, Степанида — *Стеша*, Григорий — *Гриша*.

В подобных же условиях может выступать суффиксальное **-н(я)**: Софья — *Соня*, Татьяна — *Таня*, Марья — *Маня*, Даниил — *Даня*, Леонид — *Лёня*, Павел — *Паня* (при *Паша*).

В именах, имеющих после начального слога **-н**, вариант с **-ша** обычно не употребляется (ср. только *Таня, Даня, Лёня* и под.). Отступает *Саша* при *Саня* (от „Александр"), см. ниже.

От имен, выступающих только с закрытым слогом (напр., Петр, Лев), или таких, где на границе возможного слогораздела в начале слова приходится согласный (Варвара, Ольга, Анна), имеем уменьшительные образования типа: *Петя, Лёва, Оля, Аня* (при *Анюта*).

В ряде имен с начальными гласными эти гласные опускаются: Иван — *Ваня*, Анастасия — *Настя*.

Группа **-ст** обычно сохраняется: Константин — *Костя*, Анастасия — *Настя*, Устинья (Юстиния) — *Устя*.

Имена четырехсложные, вроде *Антонина, Екатерина, Елизавета, Анатолий*, выделяют для уменьшительного один из срединных слогов с согласным последующего: *Тоня, Катя, Лиза, Толя*.

При образовании соответственных уменьшительных заметна тенденция избегать омонимов как по отношению к обычным словам, так и по отношению к именам: *Екатерина* не может сократиться в „Каша", *Анатолий* — в „Наша", Василий — в „Ваша" и под. (но возможны „поэтичные" Груша, Липа). До известной меры различаются даже в некоторых случаях имена мужские и женские: для мужчин не употребляется *Стёша* (от „Степан"), так как последнее служит уменьшительным к „Степаниде", от „Федосья (Феодосия)" уменьшительное *Феня*, от „Фёдор" — *Федя*. Уменьшительные, которые могли бы оказаться омонимами, и другие, почему-либо не получившие окончаний **-ша** и **-ня**, попадают большею частью в тип: *Вася, Надя, Рома, Боря* и под. Имена, производящие впечатление уже сокращенных, не образуют особых уменьшительных форм бессуффиксных: *Вера, Зоя*.

Имена *Александр* (*Александра*) и *Алексей*, нормальное сокращение которых дало бы скорее всего „Лёша" или „Лёка", пошли

особым путем: первое в духе четырехсложных дало *Саша, Саня* и далее из *Сашура — Шура*, второе — *Алёша, Лёша.*

От имени *Николай* можно было бы ожидать сокращения „Ниша". Его нет, повидимому, по следующим причинам: в диалектах известно только „Миколай" (характерное для нескольких других славянских языков); а сокращение „Миша" существовало уже по отношению к имени Михаил; естественно было поэтому выбор остановить на следующем слоге. В духе подобных сокращений получилось *Коля. Володя* восходит не к современному *Владимир*, а к старинному *Володимир.*

Предконечный согласный не умягчается в ряде образований, где выделенная часть имела прямое соответствие в полном имени: *Зина* (Зинаида), *Ната* (при более частом *Наташа*) от „Наталья", *Лиза* от „Елизавета".

В языке народном распространены образования типа *Иванушка, Оленушка, Митрофанушка, Кирюша* (Кирилл), *Гаврюша* (Гавриил), *Антоша* (Антон). Широкое употребление и вне его имеет особенно *Андрюша* (Андрей).

Отметим еще одну фонетическую особенность сокращенных имен — **лё-** даже перед мягким слогом: *Лёля, Лёня.*

4. УДАРЕНИЕ СУФФИКСАЛЬНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Мужское склонение

Большая часть суффиксов мужского склонения имеет ударение на конце или допускает его в известной части образований: **-ар, -яр**, род. п. **-ара, -яра**: *столяр, столяра, бочар, бочара.*

-арь, -аря: *дикарь, дикаря, словарь, словаря.*

-ырь, -ыря: *пустырь, пустыря, поводырь, поводыря.*

-ин, -ина: *Ильин, Ильина, Лукин, Лукина.*

-ун, -уна: *болтун, болтуна, скакун, скакуна.*

-ак, -як, -ака, -яка: *чудак, чудака, свояк, свояка.*

-ик, -ика: *старик, старика, тупик, тупика, четверик, четверика*: ср. и **-ник, -ника, -щик, -шика, -чик, -чика, -овик** (**-евик**), **-овика** (**-евика**): *родник, родника, поставщик, поставщика, временщик, временщика, бытовик, бытовика, пуховик, пуховика*; трехсложные на **-овщик**: *браковщик, браковщика, фруктовщик, фруктовщика*[1].

-ок, -ока: *седок, седока, едок, едока.*

-ук, -юк, -ука, -юка (почти сплошь в словах заимствованных с необособляющимся корнем): *индюк, индюка, барчук, барчука, бирюк, бирюка, каблук, каблука* и под.

-ач, -ача: *горбач, горбача, силач, силача, бородач, бородача.*

-ич, -ича: *Ильич, Ильича, Лукич, Лукича, москвич, москвича.*

-аш, -аша, -яш, -яша: *торгаш, торгаша, кругляш, кругляша, племяш, племяша.*

[1] *Ламповщик* допускает, однако, два ударения.

Сюда же входит ряд заимствований с необособляющимся корнем: *карандаш, карандаша, шалаш, шалаша* и под.

-ыш, -ыша: *малыш, малыша, глупыш, глупыша.*

-ёж, -ежа: *делёж, дележа, чертёж, чертежа.*

С беглыми гласными:

-ок, -ка: *белок, белка, сынок, сынка.*

-ёк, -ок, -ка (ку)[1]: *чаёк, чайку, рожок, рожка.*

-ец, -еца: *боец, бойца, жилец, жильца.*

Рядом с последним суффиксом существует вызванная фонетическими причинами разновидность **-ец, -еца:** *беглец, беглеца, храбрец, храбреца.*

Наряду с конечным ударением допускают иное место из упомянутых суффиксов такие:

-арь: *лекарь, пекарь, аптекарь, пахарь, знахарь, писарь* и др. (немногочисленные).

Колеблется ударение у архаических *рыбарь, мытарь.*

-ырь: ц.-слав. *пастырь,* заимствованное — *пластырь.*

-ин: в фамилиях и притяжательных прилагательных, не произведенных от имен с конечным ударением — *Ленин, Пушкин, Марфин.*

-ик. Сплошь ударение на корне имеют уменьшительные: *прыщик, ножик, кончик.* Ударение на основе принадлежит типу: *историк, фанатик* и под. Особенно много слов с ударением корня (основы) при суффиксе **-ник.** Сюда входят, главным образом, слова, связываемые с прилагательными на **-ный:** *противник* — противный, *шкурник* — шкурный, *покойник* — покойный (хотя, напр., к „должный" — *должник*, „ученый" — *ученик*); ср.: к „двойной" — *двойник*, „печной" — *печник*, „сенной" — *сенник.*

Ударение на основе имеем, далее, обыкновенно при **-чик:** *приказчик, извозчик, возчик, разносчик* и при многих на **-щик:** *носильщик, пильщик, чистильщик* (но *временщик, поставщик* и др.); для четырехсложных это является правилом: *барабанщик, лакировщик, брошюровщик, кровельщик, каменщик.*

-ич. Ударение на основе у производных от имен не с конечным ударением — *Саввич, Никитич.* Ср. и **-ович:** *Иванович, Павлович,* **-ыч:** *Иваныч, Павлыч* (нелит.). Нарицательные очень немногочисленны: *княжич, барич, родич* (все сплошь устарелые слова).

-ыш У слов на **-еныш** ударение на ё: *гадёныш, детёныш.* У префиксальных — на корне: *околыш, последыш, зародыш.* На корне же у отдельных типа: *мякиш, гладыш* (при *гладыш*), *дутыш.*

-ок, -ка; -ек, -ка. Ударение корня принадлежит, прежде всего, префиксальным: *излишек, переулок, свиток, перелесок.*

Далее, суффикс **-ек** с ударением основы имеем в составе сложного **-очек** и у некоторых двусложных основ: *садочек, клубочек, подарочек, огарочек; барашек, человечек, путничек, орешек.* Ср. также **-ёнок:** *поросёнок, ребёнок.* Из основ двусложных ударение корня имеем в *предок* (ц.-слав.), *лишек* (ср. *из-*

[1] После *ш, ж, ч* — **о.**

лишек), *лучек* (при *лучок*). В *войлок, кубок, рынок, хлопок*, как в заимствованиях, конечная часть только адаптирована под суффикс. Ударение многосложных от слов с неподвижным ударением сохраняется: *орешек, барашек.*

-ец, -ца. Ударение на основе принадлежит обыкновенно уменьшительным и названиям лиц и предметов, обозначающих их происхождение: *братец, хлебец, горец.* Его же имеют по преимуществу производные от двух- и многосложных не с конечным ударением[1]: *звериец, испанец, уроженец, червонец,* а также вторые члены сложных слов; ср.: *делец* и *земледелец, писец* и *живописец, зубец* и *трезубец.*

В образованиях на **е-ец** от имен существительных на **-ия** и таких же на **и-ец** ударение приходится на **е, и**: *красноармеец* (ср. Красная армия), *индеец* (ср. Индия), *австриец* (Австрия), *австралиец* (Австралия).

Следующие суффиксы, имея конечное ударение в именительном единственного числа, сохраняют ударение на том же слоге, не перенося его на флексию:

-ан, -ана; -ян, -яна: *буян, буяна; великан, великана.*

-анин, -анина; -янин, -янина: *гражданин, гражданина; селянин, селянина.*

-яй, -яя; -ай, -ая: *лишай, лишая; лентяй, лентяя; урожай, урожая.*

-ист, -иста: *марксист, марксиста.*

-изм, -изма: *марксизм, марксизма; ленинизм, ленинизма.*

Сложный суффикс **-анин (-янин)**, теряющий **-ин** во множественном числе, у многих образований носит ударение на **а, я**: *киевлянин, парижанин;* у других ударение приходится на основу: *египтянин, ассириянин.* Последний тип малочислен, и ударение в нем часто неустойчиво: *египтянин* и *египтянин* и под. Ударение множественного числа перенесено в единственное в слове *крестьянин.*

К *гражданин* множественное число звучит — *граждане.* У писателей XIX века нередко можно встретить и „граждане"; ср. у Пушкина в „Борисе Годунове": „Все граждане согласно показали", и „Московские граждане! Вам кланяться царевич приказал!" — „До какого нас бесславия Довели вражды граждан". „Несмотря на хлад убийственный Сограждан к правам своим..." (Рылеев, „Вадим")[2]. „Шумел лишь Рим. В пяти шагах граждане в праздничной одежде..." (Фет). „Довольно даже нам поэтов, Но нужно, нужно нам граждан" (Некрас.).

Устойчиво ударение в образованиях на **-арин**: *болгарин — болгары, татарин — татары.*

В двух префиксальных образованиях на **-ай** ударение на корне: *обычай, случай.*

---

[1] Но *молодец* (при старинном *молодец*), *образец, сорванец* и др., т. е., как видим, производные от слов с ударением на начальном слоге двусложного слова. Ср. еще *пришелец* и *пришлец.*

[2] Но у Рылеева же (в „Войнаровском"): „Но он достоин укоризны — сограждан сам он погубил".

Суффиксы мужского рода, не допускающие на себе ударения: **-тель** и **-тай**. В образованиях на **-атель(-ятель)** ударение падает на тот слог, на котором оно лежит в соответственном глаголе: *сеятель, двигатель, мореплаватель, завоеватель, податель*. В образованиях на **-итель** правилом является выдержанное ударение на **и**: *строитель* (ср. строить). При **(а)тай** — ударение на предпоследнем слоге: *глашатай, ходатай, завсегдатай, соглядатай*.

Как продуктивный суффикс, не носит на себе обыкновенного ударения и **-ень** (род. пад. **-ня**): *ливень, баловень, увалень*.

В нескольких словах, где корень не отделяется от адаптируемого под суффикс элемента, в отличие от украинского ударение падает на суффиксальную часть: *кремень, ремень*. Следует заметить, однако, *щебень*.

Ударение образований среднего рода

Часть образований среднего рода отражает влияние ударения глаголов или имен, с которыми они ассоциированы. Таковы:

Трех- и многосложные имена на **-ание, -яние (-анье, -янье)**: желать — *желание*, ожидать — *ожидание*, бегать — *беганье*, прыгать — *прыганье*, указывать — *указывание*, ухаживать — *ухаживание*. Отступает церковнославянизм *покаяние*; колеблются церковнославянизмы: *деяние* (но только — *благодеяние*), *преуспеяние*.

Двусложные имеют, однако, конечное ударение: *враньё, спаньё*. У колеблющихся (*знание — знанье*) — на корне.

Значительная часть слов на **-ило**: белить — *белила* (обыкновенно мн. ч.), кадить — *кадило*, править — *правило*. Однако, предконечное ударение начинает уже в этом типе выступать все чаще, и потому возможны — *правило* в значении „то, чем правят“ и *мерило* (при „мерить“).

Слова на **-лище**: обитать (обитал) — *обиталище*, удил — *удилище*, судил — *судилище*, зрел — *зрелище*. Резкое преобладание в этом типе слов с ударением на слоге перед **-лище** привело к отклонению: *чистилище*. С ударением *чувствилище* — прочтем это слово у Горького.

Значительная часть образований на **-це, -цо** сохраняет ударение основного слова: *зеркальце* (*зеркало*), *сальце* (*сало*), *корытце, мыльце, поленце* (ср. *винцо* и *письмецо* со вставным **е**). Но от „слово“, мясо“, „сено“, „дерево“, „озеро“ выступают *словцо, мясцо, сенцо, деревцо* (при *деревце*), *озерцо*. Ударение с конечного слога обычно перетягивается на новые, беглые **о, е**: *полотенце, оконце, донце* (ср. *полотно, окно, дно*).

Слово *жилище*, раньше имевшее ударение на первом *и*, теперь употребляется только с ударением на втором *и*: *жилище*.

Слова на **-ье**, осложненные добавочным суффиксом **-це**, имеют ударение основного слова, если последнее ударяемо — на корне, и на **-цо**, если основное слово носит ударение на флексии:

платье — платьице[1], *варенье — вареньице*, но *ружьё — ружьецо*, *житьё — житьецо*.

Имена на **-ение**, происходящие от глаголов на **-еть**, по существу отражают ударение соответствующих инфинитивов: *кипеть — кипение, сожалеть — сожаление, усмотреть — усмотрение*, но *сведение* к старому „свѣдѣти". Болгаризмом является *видение* (к „видеть"; ср. *предвидение* — к „предвидеть").

Пестрее ударение образований на **-ение** к инфинитивам на *и(ть)*. Непрефиксальные со значением действий имеют обыкновенно ударение соответственных инфинитивов: *паренье* (к „парить"), но *паренье* (к „парить"), *плавленье* (плавить), *няньченье* (няньчить), *хваление* (хвалить), *мышленье* (мыслить). Последнее чаще употребляется со значением способности, а не процесса и потому нередко выступает с ударением *мышление*, (ср. еще *плавление* при плавленье), *правление, мучение, ранение*.

В префиксальных отстоявшихся образованиях преобладает ударение суффиксального *е*: *уверение, исчисление, умножение, увеличение, представление, прославление, усвоение, измерение, одобрение, оформление*. Но *упроченье, намеренье, сосредоточенье, озабоченье*; из новообразований ср. *орабоченье*. Наблюдение Я. Грота[1] — „Мы замечаем, что окончание **-ение** с ударением встречается почти всегда в таких именах, которые происходят от глаголов, могущих принимать окончание **-ать** или **-ять**, напр., *прославление — прославить — прославлять*", позволяет догадываться, что малоупотребительные в русском сравнительно с украинским образования от форм длительного вида (кроме типа *-ыванье, -иванье*) частично передали первым свое ударение.

С инфинитивом на согласный основы имеем *падение, печение*.

Из изолированных образований ср. *движение*.

В большой мере связано с основными (первообразными) словами и ударение слов на **-ство**: *единство* (*един*), *юношество* (*юноша*), *ходатайство* (ходатай), *устройство* (устроить), *богатство* (богатый), *лукавство* (лукавый). Конечное ударение принимает этот суффикс: в группе слов на **-овство** — *баловство, колдовство, хвастовство*; в словах, ассоциированных с прилагательными на **-ской**: *щегольство* (щегольской), *ханжество* (ханжеской), *удальство* (удальской), и в ряде отдельных слов: *вещество, торжество* и др. Колеблется ударение в *волшебство, пиршество, празднество* (пиршество, празднество архаичны). В случае *свойство* с различием в ударении связывается разный смысл: *свойство* — качество, особенность, *свойство* — родство по женитьбе или по замужеству. (Об уменьшительных на **-ко** ниже).

Конечное ударение (кроме случаев, уже отмеченных выше) обнаруживают:

Двусложные образования на **-тьё**: *битьё, житьё, бритьё*. В трехсложных имеем *колотье* (при новообразовании *колотьё*); ср. многочисленные префиксальные и сложные

---

[1] В таких случаях пишут **-ице** вместо **-еце**, что нельзя считать обоснованным.
[2] „Филолог. разыск.", I, стр. 316.

типа: *разлитие, градобитие, общежитие*. Особняком стоит *забытьё*.

Собирательные-презрительные на **-ьё**: *бабьё, воронье, зверьё, гнильё, дурачьё*.

Зелье теперь не ощущается как собирательное. С книжным архаичным *былие* ср. *былье* — травы.

Уменьшительные двусложные на **-ко**: *ушко* (при *ушко*), *очко, древко* (при *древко*). Если же перед суффиксом, в корне ли слова, или непосредственно перед ним, появляется **е** или **о**, отсутствовавшее в основном слове, ударение приходится на них: *окошко* (к „окно“), *лукошко* (к „лук-но“), *ведёрко* (к ведро“), *колечко* (к „кольцо“). В многосложных обыкновенно сохраняется ударение основного слова: *семечко, стремечко, облачко, яблочко, окошечко,* но *молочко*. Впрочем, и тут не без колебания: в малоупотребительном *озерко* обыкновенно ударяется конечное **о**. При „*облачко*“ встречается у Лермонтова южнорусское „облачк*о*“: — „Когда в час утренней зари Курились, как алтари, Их выси в небе голубом, И облачко за облачком, Покинув тайный свой ночлег, К востоку направляло бег...“ („Мцыри“) или: „Так облачко По небу мчится светло, легко“ („Забудь опять...“).

Особняком стоит ударение в *дитятко*.

Ударение на предпоследнем слоге суффикса, представляющего с флексией в большинстве падежей двусложный элемент, имеют последовательно только односложные основы при суффиксе **-ишко**: *делишко, местишко* (но у многосложных сохраняется ударение основного слога — *поместьишко* (поместье) и под.). Если это **-ишко** выступает при слове мужского рода, то ударение на предпоследнем слоге имеют тоже только слова с односложной основой или двусложные с полногласием при ударении на первом слоге: *домишко, фрачишко, прудишко, голосишко, городишко*. Многосложные основы или сохраняют ударение основного (несуффиксального) слова: *сюртучишко* (род. п. сюртука), но *халатишко* (халат), *морозишко* (мороз), или, при начальном ударении, переносят его на **и**: *хуторишко* (хутор), *островишко* (остров). Ударение на предпоследнем слоге имеют увеличительные, производные от односложных основ мужского и среднего рода, а также от имеющих в косвенных падежах конечное ударение: *носище, дружище, кораблище, сундучище, сапожище, делище*.— Отступают *стулище, шкапище* (при возможном: *шкалище*). Ср. и многосложные: *пароходище, уродище, зеркалище* (и *зеркалище*).

Имена без значения увеличительности, т. е. обозначающие место действия или сосредоточения, старославянизмы, утратившие уже значение увеличительности, и некоторые другие большею частью избегают ударения на **и**: *игрище, глинище, торжище, пристанище, сонмище, убежище, полчище, чудище, детище*. Я. Грот („Фил. раз.“, I, стр. 318) полагал, что „имена на **-ище**, если образованы от других существительных и не должны означать увеличения, принимают по большей части такое ударение, которое бы отличало их от увеличительных“. Известная тенденция этого

рода действительно существует, но она (как и в украинском) уже значительно затерта; так: *пожарище* должно обозначать большой пожар, а *пожарище* — „место пожара, погорелая площадь“, но, как справедливо свидетельствует Чернышев (стр. 34), „многие говорят его так же, как и первое слово; поэтому неправильное ударение и встречается у поэтов: Тютчева („Поминки“, из Шиллера), Вл. Соловьева, вероятно, усвоивших данное слово из неразборчивого употребления: „Вижу ее на пожарище тлеющем В сумраке зимнем одну“ (Вл. Соловьев, „Память“). Правильным Грот считает, далее, ударение *пепелище* — „погорелое место, пожарище“, ударение, которое должно отличать это слово от *пепелище* — „большой пепел“; но фактически мы имеем на ряду с *пепелище* и *пепелище* в значении ... „наследованный от отца или от предков дом, жилище, место, земля“. Наконец, никак не отличаются ударением *городище* „большой город“ и „место, где когда-то было селение“.

Среди слов на **-овище** известны различные типы ударения: *кнутовище, становище; чудовище, гороховище, логовище, туловище*...

Не принимают на себя ударения:

Производные от существительных на **-ба**: *гульбище, сельбище, стрельбище, пастбище*; но *кладбище* произносится одинаково с ударениями на **а** и на **и**.

-ево, -иво: *варево, курево, кружево, зарево, топливо*. Отступает *огниво* (ср. огня, огню и т. д.)

-ико: *личико, плечико, колёсико*.

Ударение суффиксов имен женского склонения

Бóльшая часть суффиксов женского склонения на **-а** имеет ударение на предпоследнем слоге. Неподвижно ударение на таких (упоминаем лишь более или менее продуктивные): **-яга (ага)** — *бедняга, сотняга, молодчага*; **-уга (-юга)** — *белуга, вьюга*[1]; **-ака (-яка)** — *гуляка, писака*; **-аха (-яха)** — *черепаха, замараха*; **-унья** — *певунья, шалунья*; **-уля** — *козуля, ходуля*; **-уха** — *старуха, стряпуха*; **-уша (-юша)** — *кликуша, Мавруша, Гаврюша*; **-ика**: *черника, клубника, ежевика*; **-онка** в уменьшительных-уничижительных: *девчонка, душонка*, изредка со значением ласкательным: *ручонка, ножонка*.

Ударения предпоследнего слога в одних образованиях и корневого в других имеют: **-ица, -иха, -ыня (-иня), -ушка (-юшка)**. Ударение на **и** принадлежит образованиям от имен мужского рода с суффиксами **-ец** и **-ик**, если соответствующие слова в мужском роде имеют ударение флексии: жилец — *жилица*, вдовец — *вдовица*, ученик — *ученица*, ростовщик — *ростовщица*. На и же падает ударение в словах, представляющих образования женского рода к словам мужского рода с конечным ударением флексии в косвенных падежах: орла — *орлица*, осла — *ослица*; к словам мужского рода несуффиксальным с ударением не на

[1] Встречается и нелитературное *вьюга*, ср. у Блока („Двенадцать“): „Ой *вьюга*, ой *вьюга*! Ничего кругом не видно На четыре на шага“.

последнем слоге: голубь — *голубица*, мастер — *мастерица*, перепел — *перепелица*[1]; к словам женского и среднего рода с конечным ударением — петля (теперь, впрочем, под влиянием множественного числа часто — *петля*) — *петлица*, пшено — *пшеница*, вода — *водица*; к прилагательным с ударением окончания в нечленной форме женского рода: светла — *светлица*, темна — *темница*.

Из отдельных случаев отметим: *девица* (к „дева"), стар. *девица*, *кобылица* (к „кобыла"), *роженица*, *багряница*.

Ударение корня (основы перед суффиксом) имеют: образования к словам мужского рода на **-ец** и **-ик** с соответствующим ударением: упрямец — *упрямица*, красавец — *красавица*, умник — *умница*; к словам двусложным мужского рода с ударением конечного слога в именительном единственного, причем это ударение далее не переносится на флексию: медведь — *медведица*, пророк — *пророчица*; образования от прилагательных на **-ный** и под. с ударением на корне: *пьяница*, *хлебница*, *разница*, *путаница*, *чернильница*; образования от имен женского склонения на **а** с соответственным ударением: *кашица* (каша), *лужица* (лужа), *книжица* (книга); префиксальные: *бессмыслица*, *распутица*, *неурядица*, *безделица*, *переносица*.

Из отдельных слов отметим: *ящерица*, *яловица*, *горлица*, *виселица* (ср. укр. „висіти"), *луковица*, *лестница*, *ножницы*, *перечница*.

-иха. Трехсложные имеют ударение на **и**: *портниха*, *зайчиха*, *купчиха*. Четырехсложные обычно принимают ударение соответственного слова мужского рода: *мельничиха*, *дворничиха*, но: *щеголиха*.

-ыня (**-иня**). Трехсложные названия лиц с этим суффиксом архаичного характера обычно имеют ударение на **ы** (**и**): *рабыня*, *богиня*, *гусыня*, но *барыня*, из древнейшего „боярыня"; четырехсложные имеют ударение соответственных слов мужского рода: *монахиня*, *инокиня*, *сударыня* (ср. „сударь" и „сударь"), но *героиня* (*герой*).

Ударение отвлеченных — *милостыня*, но *пустыня*, *твердыня* (перешли в конкретные), *гордыня*, *благостыня* (последнее фактически совсем вышло из употребления). Особняком стоит слово *простыня*.

-ушка (**-юшка**). Ударение у тех слов, которые не имеют рядом с собою образований просто на **-ка**, лежит на **у** (**ю**): *старушка* (ср. и старуха), *игрушка*, *макушка*, но *коровушка*, *головушка*, *матушка* (рядом: коровка, головка, матка, — ср. у Некрасова: „Рядком шестилетнего сына нарядная *матка* ведет" („Мороз-„Красный нос")[2].

[1] Отступает *буйволица* (при „буйвол").

[2] В собственных именах это различие тоже проявляется, но менее четко, — колебаний здесь больше: Ванька, Танька, Никитка — *Ванюшка*, *Танюшка* — *Ванюшка*, *Танюшка* (в первых и ласковость и некоторая пренебрежительность); *Никитушка*, но *Петрушка*, *Марфушка*, *Павлушка*, *Поликушка* (к „Петруха" и под.). Имена с ударением на **-ушка** обычно получают значение пренебрежительное, без ударения на **-ушка** — ласкательное; ср. *Фёклушка* и *Феклушка*.

Ударение на предпоследнем слоге или на флексии могут иметь суффиксы **-ота** и **-изна.**

-ота. На **о** ударение лежит в ряде слов, обозначающих болезненные или подобные им состояния: *рвота, икота, дремота, зевота* и под. В некоторых словах ударение колеблется: *хрипота* и *хрипота, ломота* и *ломота, сипота* и *сипота.*

Из отдельных слов с другим значением ударение на **о** имеют еще: *работа, мокрота* (в материальном смысле), собирательное *пехота, льгота, доброта* (о качестве материи; почти вышло из употребления и заменяется словом „добротность"), *щедрота* („милостивый дар"; употребляется только как архаизм и притом обычно во множ. числе).

Слова с абстрактным значением, как правило, имеют ударение **-ота́**: *простота, правота, красота, пахота* (действие). Из группы слов, обозначающих болезненное состояние, сюда входит *тошнота* и все со значением обычно постоянных телесных недостатков: *немота, слепота, хромота, глухота.* Из конкретных ударение *-ота* имеет *сирота.*

Слова на **-ета** имеют ударение только на флексии: *суета* (от старого „суй", ср. архаичное „всуе" — понапрасну), *нищета.*

-изна. Отвлеченные трехсложные имеют ударение на флексии: *желтизна, белизна*; такое же ударение сохраняет и *крутизна*, употребляющееся часто в конкретном значении. У многосложных имеем: *дешевизна, дороговизна.* В конкретном *отчизна* ударение лежит на предпоследнем слоге.

Ударение на предпоследнем слоге, на основе и на флексии может иметь суффикс **-ина.**

-ина. Ударение на предпоследнем слоге характеризует: некоторые трехсложные названия деревьев и плодов — *рябина, маслина*[1]; употребляющиеся во множественном числе непрефиксальные названия типа: *именины, октябрины, родины*; увеличительные названия мужчин: *купчина, дурачина, молодчина*; названия мяса и кожи животных, имена которых имеют ударение на флексии: *осетрина, конина, овчина* (кроме того — *дичина, лососина, солонина*); трехсложные имена, обозначающие единичность[2] (обыкновенно с добавочным **-ка**): песчина (обычно — *песчинка*), крупина (обычно — *крупинка*); собирательные — *дружина, скотина* (рядом со значением переносным по отношению к одному человеку); имена веществ, материй и под.: *древесина, щетина, парусина, паутина, холстина*; названия мер: *половина, десятина*; некоторые названия конкретных предметов: *плотина, долина, картина*; очень редко отвлеченные: *кручина,* производное от „судьба" — *судьбина*; некоторые слова на **-овщина**: *годовщина, чертовщина*[3].

---

[1] Ударение *маслина,* со значением дерева, выходит из употребления.

[2] Из четырехсложных — порошина (*порошинка*), *волосинка* к полногласным формам мужского рода с ударением на первом слоге: порох, волос.

[3] Большею частью слова на **-овщина** совпадают по ударению с соответствующими прилагательными на **-овский**: *толстовщина* (толстовский), *хлыстовщина* (хлыстовский) и под.

Ударяют основу: префиксальные — *уродина, развалина, впадина, промоина*; *пошлина, выбоина*; вообще, отглагольные — *царапина, трещина*; имена, означающие мясо и кожу животных на **-ятина** — *поросятина, курятина* (ср. укр. „курятина"), и образования от слов, не имеющих ударения флексии: *баранина* (род. пад. от „баран" — „барана"), *говядина* (от старого — „говяда" (мн. ч.); четырехсложные имена, обозначающие единичность — *горошина, миндалина*; слова на **-щина**, производные от прилагательных на **-ский**: *женщина* (ср. женский; но *мужчина* вм. „мужщина" — к „мужской"), *барщина* (ср. барский). Из отдельных отметим: *гадина, раковина, вотчина, жемчужина, лысина, диковина, смородина, истина, община* (при *община*).

Ударение на флексии имеют отвлеченные: *величина, глубина, старина, ширина*. Немногие конкретные, вроде *старшина*, представляют собою слова, утратившие значение собирательности (ср. укр. „старшина" со значениями „начальство, старшинство").

-ея имеет только конечное ударение: *жнея, швея, ворожея*. Ударение при суффиксе **-оба** в разных словах различно: *худоба, злоба, жалоба*.

Суффикс **-енка** имеет в значении народности — *француженка, черкешенка* или „профессии" — *монашенка, нищенка* ударение соответственного слова мужского рода.

Односложные суффиксы (точнее, согласные суффиксов вместе с флексиею) принадлежат или к типу, допускающему рядом образования с ударением корня и флексии, или (**-тва**) к типу, передающему ударение основе.

-ня: в словах, имеющих значение суетливой деятельности, ударение на **-ня**: *возня, грызня*; так и при **-отня**: *стукотня, беготня*.

В словах со значением места деятельности или вообще пребывания, часто выступающих с добавочными суффиксами в основе, ударение лежит на основе: *бойня, печатня, пашня, швальня, голубятня*.

В других известны оба типа: *родня, размазня, западня, квашня, клешня* и др.; *двойня, ровня, дворня, сотня* и др.

-ба. С ударением на флексии выступают: *молотьба, пальба, ходьба* и др.; с ударением корня — *свадьба, просьба, служба, дружба, тяжба* и *женитьба*.

-ша: *левша*; но *секретарша, докторша* и под. с ударением слов муж. рода.

-тва: *битва, молитва, бритва*.

Из суффиксов склонения на согласный упоминаем только два, имеющих в своем составе гласный звук:

-ость (-есть): *радость, молодость, горесть*

и **-ядь (-адь)**: *площадь, пестрядь, рухлядь*. При обоих ударение всегда на корне.

5. СУФФИКСЫ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Заслуживают быть отмеченными:

1. Из производных от имен существительных:

Притяжательные на **-ов, -ова, -ово**. Их продуктивность в литературном языке очень мала. Категорию эту следует считать вымирающей. В художественной прозе с нею можно встретиться лишь в стилизованной речи. Синтаксически функции этих форм уступают свое место родительному падежу имени существительного (владетеля).

Процесс вымирания притяжательных прилагательных не задерживают даже специфически-прилагательные формы спрашивания — чей? чья? чье? а не: кого?, „чья вина?“, „чей вопрос?“ и под., но „вина противника“, „вопрос товарища“.

Повидимому, в языке устанавливается полный параллелизм между посессивной (владетельской, притяжательной) функцией единственного и множественного чисел (от множественного числа притяжательные прилагательные не образуются; ср. укр.—„запитання товаришів“, „зошити учнів“ и под.).

Сказанное о суффиксе **-ов, -ов(а)** отчасти относится к суффиксу **-ин, -ин(а), -ин(о)**. Последний, однако, значительно употребительнее: он стойко держится при названиях родства женского склонения: тетя — *тетин*, папа — *папин*, бабушка — *бабушкин* и под., хотя *женин* и *сестрин* сравнительно мало в ходу и охотно заменяются родительными падежами имен существительных. От женских имен, особенно уменьшительных, формы на **-ин** вполне живы, и по отношению к ним суффикс обнаруживает даже все признаки продуктивности: *Татьянин, Надеждин, Танин, Манин, Юлин* и под.; параллельны им образования от мужских уменьшительных: *Колин, Ванин* и т. д.

От других имен женского рода, вроде „лисица“, „горлица“, „курица“, подобные прилагательные (*лисицын, горлицын*) возможны, но ощущаются как несколько приближающиеся к архаическому стилю. Многие имена существительные подобных образований при себе вовсе не имеют; ср.: *птица, жаба, ворона, собака* и т. д. Не более как поэтическая игра — образования на **-ин** не от названий животных, а растений, вроде: „Сквозь черноту, *черемухины* скаты... Я вызываю старого собрата“ (Н. Тихонов).

В звуковой стороне форм на **-ин** следует отметить аналогическое вытеснение **ч, ж, ш** из **к, г, х**: *теткин, Ольгин, мачехин* — (ср. укр. тітчин, Ольжин, мачушин).

Ту или иную связь со свойством, принадлежащим имени существительному, точнее — его основе, обозначающей вещество, выражают суффиксы: **-ян(ый)**, после шипящих **-ан(ый)**. Суффикс этот в русском встречается значительно реже, чем в украинском, и продуктивность его меньше. Так, в соответствии с украинскими „пшоняний, капустяний, морквяний“ и под., русский употребляет образования с другими суффиксами: *пшенный, капустный, морковный*. Звуковую особенность русского языка представляет в данном суффиксе удвоение **н**, когда **я (а)** стоит

под ударением, в трех словах: *деревянный, оловянный, стеклянный*. Возможно и устаревшее *жестянный* при *жестяной*. Второе **н** является здесь остатком второго суффикса **-ьн**. Ряд других слов, имеющих **я** под ударением, звука **н** не удваивают: *овсяный, полотняный*. Однако, такое произношение появляется („Р. яз. в шк.", 1926, № 10, стр. 64).

Суффикс **-ин(ый)**, обозначающий свойство, типичное для определенной породы животных, разделяет это значение с суффиксом **-ий, -ья, -ье** [1]. **-ин(ый)** употребляется чаще от имен мужского склонения и женского на согласный (*лошадь, мышь* и под.): *соловьиный, козлиный, орлиный, львиный, ослиный, воробьиный, лошадиный*.

Реже случаи вроде *пчелиный* (от „пчела"), *мушиный* (от „муха"), *совиный* (от „сова") и *змеиный* (от „змея") (ср. еще *крысиный* при *крысий*).

-ий, -ья, -ье менее ограничен в своем употреблении; суффикс этот имеют некоторые образования от слов мужского рода: *бычий, волчий, заячий, медвежий, олений, бараний, кабаний*; почти все образования от слов женского рода на **-а**: *козий, кобылий, лисий, птичий, рыбий, щучий, обезьяний, коровий*; некоторые женского склонения на согласный: *рысий*. Нередки случаи колебания: *мышиный* и *мыший* („Жизни мышья беготня", Пушкин), *крысиный* и *крысий, петушиный* и *петуший* [2], *лебединый* и *лебяжий, соболиный* и *соболий*. Реже случаи употребления суффикса **-ий** в прилагательных, образованных от других имен: *охотничий, охотничья, девичий, девичья, вдовий, вдовья* и под. со значением группового свойства.

Соперничающий с суффиксом **-и(й)** в украинском языке суффикс **-яч(ий)** в русском употребляется только в производных от названий малых животных на **-енок**: *телячий* (теленок), *жеребячий* (жеребенок) и под. Ср. и *ребячий* (от „ребенок"). Особые образования представляют *кошачий, индеячий* (от „индейка"), *индюшачий* (от „индюшка"), *бычачий* (при *бычий*).

От некоторых существительных с таким же значением образуются прилагательные на **-овый**: ср. *рачий* („рачьи глаза") и *раковый* („раковые шейки"), *барсучий* и *барсуковый, бобровый, моржевый, слоновый* (и *слоновий: слоновая кость,* но *слоновья кожа, слоновьи клыки*).

Особняком стоит образование *свиной* (от „свинья"). От „конь" в начале девятнадцатого века употреблялись образования *коневый* и *конский*, теперь — только *конский*. От „вол" сохраняется старинное *воловий*. К слову „курица" (мн. число „куры") имеем два параллельных образования: *куриный* и *курий* (последнее вышло из употребления, кроме фразеологизма: „избушка на курьих ножках"). К слову „утка" — *утиный*. К „белка" — *беличий*.

---

[1] Этот же суффикс характерен для существительных, оканчивающихся на *к*: *волчий, барсучий, рачий, паучий*.

[2] Ср. в том же стихотворении О. Мандельштама: „... И чту обряд той петушиной ночи" (ср. *воробьиная ночь*) и „Что нам сулит петушье восклицанье..." („Tristia").

По поводу образований от слова „человек“ Н. Греч („Русская грамматика“, 1827 г., стр. 88) замечает: „От слова *человек*, как имени животного, происходит притяжательное: *человечий*; напр.: „человечий глаз“, „человечья голова“, а от имени разумного существа — *человеческий*; напр.: „человеческий ум“, „человеческие слабости“. Ср.: „И я, забыв о несомненной Зиме, хозяйке льдов и тьмы, Я жил всем пафосом измены для *человеческой* зимы“ (Н. Тихонов), но: „Вижу, вижу, как сумерки лижут следы *человечьих* ног“ (Есенин). В соответствии с мыслью — „Меняет погонщиков *человечий* табун“ (Маяковский). Теперь вообще „человечий“ необычно вне специальной стилистической установки, и нарочитым снижением является, напр.: „Ловкая штучка умишко *человечий*, ой, ловкая!“ (Горький, „Мои университеты“), „Гудели сети в этот вечер, Темные, как мудрость *человечья*“ (Н. Тихонов).

Для суффикса **-ский** (**-ьск**) характерно в русском, что он после основ на **-к**, **-ц(ч)** и **-г(ж)** выступает в одних случаях в старой фонетической форме, в других — в новой, книжной. Ср. *грецкий* (орех) с тем же фонетическим переходом, что и в украинском, и *греческий* („греческий язык“, „греческая история“ и под.), *молодецкий* и *молодеческий*, *мужской* и *мужеский*. Только с **-еский** употребляются, напр., *дружеский*, *человеческий*, *княжеский*, *вражеский*, *купеческий*, *старческий*, *старообрядческий*, *отеческий*, *младенческий*.

Стоит внимания, что от существительных на **-ец** образуются в последней группе два типа: отец, отца — *отеческий* (ср. церк. „святоотческий“), купец, купца — *купеческий*, но земледелец, земледельца — *земледельческий*, выдвиженец, выдвиженца — *выдвиженческий*, старец, старца — *старческий*, старообрядец — *старообрядческий*. Первый тип имеем от слов с ударением на **-ец**. Отступления, вроде творец — *творческий*, немногочисленны. Образования на **-еский** — правило во вновь создавшейся разновидности суффикса **-ический**: *исторический* (от „история“, но фонетический путь несомненно шел через суффиксы **-ик** и **-ика** в других словах), *трагический* (ср. трагик), *мистический* (ср. мистика, мистик), *политический* (ср. политика) и под.

Отметим еще образования от имен собственных типа: *гоголевский* (к *Гоголь*), *пильняковский* (к *Пильняк*) и под., но *ленинский* (к *Ленин*), *пушкинский* (к *Пушкин*), *некрасовский* (к *Некрасов*) и под.

От суффиксов **-ак**, **-як** образование с **-ьск-** дало **-ацк(ий)**, **-яцк(ий)**: казак — *казацкий*, дурак — *дурацкий*, кабак — *кабацкий*, босяк — *босяцкий*, бедняк — *бедняцкий*. Ср. и **-ик**: мужик — *мужицкий*. От **-ач** такие прилагательные редки: ткач — *ткацкий*. Образования на **-еск(ий)** книжны: палач — *палаческий* и под. Ср. и такие книжные образования от родственных суффиксов, как *чудаческий* (чудак), — у Л. Толстого встречается *чудацкий* („Война и мир“), — *ученический* (ученик).

Сходное образование — *ребяческий* имеем от „ребенок — ребята“.

Сложный суффикс **-ическ(ий)** распространен при многих словах на **-ист**, с которыми рядом существуют зачастую отвлеченные на **-изм**: идеалист — *идеалистический*, материалист — *материалистический*, артист — *артистический*.

В ряде слов конкурируют суффиксы **-ичн(ый)** и **-ическ(ий)**: *комичный* и *комический* (первое значит „забавный, смешной", второе — „относящийся к комедии, к смешному"), *поэтичный* (ср.: „поэтичная обстановка", „поэтичный образ") и *поэтический* (ср. „поэтическое творчество", „поэтические искания").

В последнее время вошли в обиход при ряде слов образования на **-ист** (**-ский**): *марксистский, фашистский, ревизионистский*.

Укоренились в языке формы *большевистский, меньшевистский*, вместо „большевицкий", „меньшевицкий", показавшихся, видимо, в момент своего возникновения вульгарными (ср. слова с **-ицкий, -ацкий** и под.). Такие формы со стороны словообразовательной предполагают существительные „большевист", „меньшевист" (ср. отсюда нем. Bolschewist).

Вместо ожидаемого в соответствии морфологической системе „студентский" говорим только *студенческий*.

В средине XIX в., а иногда и позже употреблялось и *студентский*. Ср.: „Он Пилад *студентской* дружбы" (Н. Щербина).

2. Суффиксы, употребляющиеся в словах, производных от разных частей речи:

Прилагательные на **-ний, -няя, -нее** принадлежат в русском языке к определенным семантическим категориям. Это слова со значением времени: *ранний, поздний, весенний, зимний, давний, прежний*; пространства: *внутренний, внешний, здешний, посторонний*; отношений родства и свойства: *мужний, братний* (последняя категория архаична). Слова, вроде *искренний* (старинное значение — „близкий"), *лишний*, исторически входили сюда же[1].

Близкие значения постоянного свойства принадлежат суффиксам **-чив, -ив, -лив**: *заносчивый, разборчивый, забывчивый, находчивый, навязчивый, запальчивый, опрометчивый*; *лживый, спесивый, игривый; терпеливый, неповоротливый, болтливый, трусливый, приветливый, надоедливый, блудливый, драчливый, совестливый, докучливый, податливый, догадливый, горделивый* (к ст.-слав. гръдѣти); из легко поступающих в этот тип новообразований ср.: „Ордынский думал и *скучливо* морщился" (Вересаев „На высоте")[2]. Реже в эту группу входят образования на **-ист**: *покладистый, развесистый*.

Из черт образования характерно, что суффикс **-чив** возможен обычно только у префиксальных[3] и что приставляется он не только к корню соответственных глаголов, но и отглагольных существительных (ср. разбор — *разборчивый*).

---

[1] Стоит заметить как отступления — *восточный, западный, северный, южный* и слово неясного происхождения *наружный*.

[2] Особое образование при редком *шалливый* представляет более употребительное *шаловливый*.

[3] Слово *бранчивый* — редкость.

Суффикс **-лив**, тоже сочетающийся главным образом с основами отглагольных существительных и глагольными корнями, значительно продуктивнее: в духе народной речи Пушкин называет волну *гулливой* („Сказка о царе Салтане“); Достоевский, имея отправной пункт в *сварлива*, образует прекрасное словечко *сверлива* („зла и сверлива, как буравчик“). Реже образования от имен существительных: *счастливый, талантливый, дождливый*. Менее других продуктивен суффикс **-ив** в образованиях сплошь отыменных: *червивый, вшивый, лживый* (ложь), *самолюбивый* (самолюбие), *правдивый, милостивый* (но ср. *жалостливый*). Сравнительно с первыми двумя ему принадлежит оттенок свойства постоянного в точном смысле, тогда как **-лив** и **-чив** обозначают обыкновенно постоянный признак, часто проявляемый. С отступающим *уродливый* ср. *юродивый*.

Из других суффиксов, служащих для образования прилагательных, упомянем такие сложные: **-льн(ый)**, суффикс, употребляющийся при глагольных основах: *носильный, погребальный, прощальный, бурильный*. Производительность его очень ограничена. **-тельн(ый)**: *старательный, мучительный, страдательный, гадательный, просительный, убедительный, показательный*. Суффикс этот возник на основе имен существительных на **-тель**, но далеко перешел границы их реального употребления и является в настоящее время более производительным, чем они. Особняком стоит образование на **-обн(ый)** — *съедобный*, предполагающее основу „едоба“, **-ебн(ый)**. Исходный пункт этих образований — существительные на **-ьба**: свадьба — *свадебный*, служба — *служебный*, волшба — *волшебный*. Но суффикс, выделившись, охватил ряд слов, в которых **-ьба** не встречается: *лечебный, хвалебный, судебный* (не к „судьба“, а к „суд“), *врачебный* и, наоборот, неупотребителен при многих на **-ьба**: борьба, ходьба, похвальба, мольба, пальба и др.

Своеобразное перерождение причастий (их суффиксы — см. в § 11) отражает суффикс **-уем(ый)** со значением возможности и, при отрицании, невозможности осуществления признака. Употребляется он в ограниченном количестве примеров от глагольных основ, которые в глаголах имеют суффикс **-ыва**: *неописуемый* (ср. „описываю“), *ненаказуемый* (ср. „наказываю“), *связуемый* (ср. „связываю“). К этому типу относится и превратившееся в существительное слово *сказуемое*. Сродни ему и **-им(ый)**, обычно с отрицанием при слове: *неуловимый, неодолимый, незаменимый*.

Из суффиксов со значением о ц е н о ч н о г о характера заслуживают упоминания:

-ейш(ий), **-айш(ий)**, суффикс превосходной степени в значениях „очень“ и „самый“ (в отдельных словах — сравнительной, см. § 15); *сильнейший, умнейший*. **-айший** выступает после **к**, переходящего в **ч**: *глубочайший* (глубокий), *редчайший* (редкий), **г**, переходящего в **ж**, и **х**, переходящего в **ш**. Ср. *дражайший* к „дорогой“ (собственно к архаическому „драгой“), употребляемое теперь обыкновенно только иронически („дражайшая половина“ — о жене)

ближайший (к „близкий“), *тишайший*. Особое образование представляет *высший*[1].

По отношению ко многим словам такие формы вовсе не употребляются (напр., по отношению к „бойкий“, „далекий“ и др.)[2].

Из особенно эмоционально окрашенных суффиксов имен прилагательных характерны: **-еньк**, после велярных **-оньк(ий)**: *красненький, хорошенький, голубенький*; *легонький, тихонький, мягонький* и — реже — *мяконький* (ср. „намякнуть“), *плохонький*. В образованиях от слов на **-ок** с **о** беглым это **-ок** в ряде случаев опускается: короток — *коротенький*, легок — *легонький*; **-охоньк(ий)**: *целехонький, смирнехонький, живехонький*; **-ешеньк(ий)**: один *одинешенький, смирнешенький*. Суффикс **-еньк** обозначает некоторую меру качества и ласковое к нему отношение; **-ехоньк(ий)** и **-ешеньк(ий)** — полную или очень большую меру качества и скорее фамильярное разных эмоциональных окрасок отношение.

-уч(ий), **-юч(ий)**: *могучий, горючий* (эпитет слез в народной словесности). Даже в таких словах, где на первый план выступает объективное содержание,— *зыбучий, летучий*, оно воспринимается, кроме немногих случаев вроде *летучая мышь, текучий состав*, часто как аффективно приподнятое. Слова с этим суффиксом поэтому легко находят себе доступ в поэтическую речь. *Горючий* в значении „легко воспламеняющийся“ относится, однако, к языку прозы.

-ущ(ий), **-ющ(ий)** — суффикс грубой увеличительности, употребительный главным образом в разговорной речи: *большущий, злющий, загребущий* („руки загребущие“ — попало в литературный язык как реминисценция былины). Ср. и „тьма тьмущая“. Он гораздо менее продуктивен, чем в украинском.

6. УДАРЕНИЕ СУФФИКСАЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Членные формы прилагательных, в существенном совпадающие с тем, что мы имеем в украинском языке (но заметьте *слабый, старый, малый, толстый, чёрствый, правый, простой, любой*), во многих случаях отличаются по ударению от нечленных.

К типу с конечным ударением (бело, белы, тяжело, тяжелы) образуются формы членные с ударением перед флексией: *белый, белая, тяжёлый, тяжёлая*.

В соответствии односложным (в мужском роде) прилагательным в членных формах выступает два типа: а) *простой, простая,*

[1] Упомянутые формы, представляя собою превосходную степень, не допускают при себе добавочного „самый“. Поэтому выражения вроде: „Молодой восторг над своим успехом бывал свойственен даже самым древнейшим народам в мире“, „... Его „Женитьба“, его „Мертвые души“ — самые глубочайшие произведения“ (Достоевский, „Дневник писателя“) следует считать погрешностями.

[2] Специальный анализ значений подобных образований, кое в чем, впрочем, спорный, см. в статье П. Стрелкова „О степенях сравнения прилагательных в русском литературном языке“. Ученые Записки Пермск. Госуд. Универс. № 1.

простое; *живой, живая, живое* и б) *гордый, гордая, гордое*; *правый, правая, правое*. К *весел, дёшев, зелен* имеем членные формы: *весёлый, дешёвый, зелёный*.

Двухсложные с полногласием типа **оро́** имеют членную форму с таким же ударением: здоров — *здоровый*; типа **-о́ро, -о́ло** — на окончании: дорог — *дорогой*, молод — *молодой*. Заметим еще *холодный, голодный*.

Только в членных формах выступают:

типы: а) продувной, наживной, призывной, площадной;
б) городской, людской, воровской;
в) боевой, кормовой;
г) травяной, шерстяной;
д) охотничий, помещичий, лисий, волчий и др.;
е) летний, здешний.

С **а** ср. отраден — *отрадный*, беспощаден — *беспощадный*, вероятен — *вероятный*, халатен — *халатный*. Но ко многим членным формам этого рода нет, однако, соответственных нечленных: *мятный, устный*.

Типы а, б, в, г имеют рядом с собою параллельные с ударением не на окончании: а) прилежный, наёмный, б) зверский, январский; в) садовый, массовый; г) нитяный, овсяный.

Заслуживают еще упоминания такие особенности суффиксальных русских прилагательных:

а) слова на **-ебн(ый)** имеют обыкновенно ударение на **е**: *учебный, лечебный, хвалебный*; но *свадебный, усадебный, тяжебный*;

б) образования с суффиксом **-к(ий), -к(ая)** и т. д. не имеют ударения на флексии: *горький, лёгкий, гладкий*;

в) ударение лежит на гласном перед суффиксом **-еньк(ий), -оньк(ий)**: *миленький, беленький, плохонький*; ср. малоупотребительные нечленные формы вроде *молоденек, крепонек* и наречия типа: *тихонько, хорошенько, полегоньку, помаленьку* и под.; „Слог хорош, а *жиденько*[1] издание. Так оберточкой больше берут“ (Некр.).

Заметим в заключение, что русский язык, подобно украинскому, знает при некоторых суффиксах оттяжку ударения на корень, если в состав образования входит префикс. Ср.: *серебристый, голосистый*, но *развесистый, прижимистый*; *болтливый, шаловливый, молчаливый*, но *послушливый, насмешливый*; *бранчивый*, но *заманчивый, запальчивый, обидчивый*.

Примечание. В ряде отыменных сохраняется ударение основного слова: *милостивый, совестливый, талантливый* и под. Заслуживают упоминания: *вежливый, справедливый, завистливый, похотливый, прихотливый, прозорливый, счастливый*.

[1] Ударение сравнительной степени при окончаниях **-е** или **-ше** падает на слог перед ними: *шире, мельче, дальше, старше*: окончание **-ее** обыкновенно имеет ударение на первом **е**: *веселее, теплее, сильнее, бодрее*, но *красивее, счастливее, свободнее, просторнее, терпеливее, оригинальнее, решительнее*.

Формы на **-ейш(ий)** (превосх. степ.) имеют то же ударение, что и сравнительная степень: *веселейший, сильнейший, счастливейший, оригинальнейший*. В **-айш(ий)** ударение всегда на **-а**: *ближайший* (ср. ближе), *глубочайший* (ср. глубже).

7. ГЛАГОЛЬНЫЕ СУФФИКСЫ.

Следует указать: **-овать, -ую**; **-евать, -юю**: *баловать—балую, миловать — милую, горевать — горюю,* но *раскалывать — раскалываю, спрашивать — спрашиваю* и под.

-ировать, -ирую: *стажировать — стажирую, апеллировать — апеллирую*[1]. Ср. **-фицировать**: *электрифицировать, мистифицировать;* но — *радиофицировать.*

Эмоционально окрашенными выступают глагольные образования с приметой мгновенности **-ну, -н(е)**: *стукнуть — стукнет, пырнуть — пырнет, крикнуть — крикнет* и под. Еще резче эмоциональность выступает при **-ану, -ан(е)**: *долбануть, резануть* (иногда с добавочным оттенком „пробы“).

К эмоционально же окрашенным следует отнести образования на **-кать, -каю** со значением назойливого повторения: *эгекать, мамкать* (говорить надоевшее „мама“). Чаще всего корнями в таких случаях являются междометия.

От прилагательных и существительных возможны образования на **-ича-ть, -нича-ть** со значением обыкновенно отрицательно окрашенного поведения: *кустарничать, подличать, нагличать, озорничать, повесничать.* В словах, обозначающих профессии, этот оттенок отсутствует: *токарничать, плотничать.*

8. ПРЕФИКСАЛЬНЫЕ ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Префиксы имен существительных теснейшим образом связаны с префиксами глаголов[2]. Как именные заслуживают упоминания только **па-, пра-** и менее продуктивный, чем в украинском, **су-**. Значения их те же: **па-** обозначает видоизменение, чаще снижение какого-либо свойства: *пасынок, падчерица, патока, памороѕь* —„поздний вешний мороз“, **пра** — давность: *прадед, прародина.* В слове *правнук* под влиянием *прадед* внесено **пра-** не в обычном значении; **су-** сопровождающее свойство, примесь и под.: *суглинок* —„почва с немалою примесью глины“, *супесок* — „почва с большою примесью песку“, *сумерки, сумет* — „сугроб“. Ср. и прилагательные: *супоросая* свинья, *суягная* овца. Префиксы **па-** и **су-** встречаются в языке литературном сравнительно редко.

Для прилагательных характерен заимствованный префикс превосходной степени **наи-** (ср. главу 1), который можно считать в настоящее время отмирающим. Держится он главным образом в формах *наилучший, наименьший,* где помогает отличить форму превосходной степени от сравнительной.

Из иностранных языков заимствованы префиксы **анти-, архи-, контр-** и **ультра-**, получающие все большее распространение: *антиобщественный, архиплут, контрпредложение, ультраортодоксальный* и под.

[1] О случаях колебания в литературном языке между **-ировать** и **-овать** см. Чернышев. Правильность и чистота русской речи, 3-е изд., § 45.

[2] О последних — при видах.

„Тов. Луначарский говорит, что его исказили. Но тем более резолюция *архинеобходима*“ (Ленин, XXV том, стр. 410, 3 изд.).

Заслуживает еще внимания разговорно-бытовой префикс **раз-**, сильно окрашенный аффективностью. Он обладает продуктивностью и возможен еще в сочетании с **про-** (**распро-**). Ср.: „Слыхали вы про остолопа, который не ест, не пьет, никого не видит, ни с кем хлеба-соли не водит, а все только *распостылую* свою жизнь бережет?“ (Салтыков). „Привези ты сюда, *растакой*-такой, Ты невесту свою *раскрасавицу*“ (И. Рукавишников), „*Развеселое* житье“, „Да будь он хоть *распрохитрец* ...“

Как и в остальных славянских языках, для префиксальных имен существительных сравнительно с глаголами во многих случаях характерна особая флексия основы: ср. *разбор, сбор* (разбирать, сбирать), *раздор* (раздирать), *вызов* (вызывать), *надзор* (надзирать), *запор* (запирать), *приток* (притекать) и под. С течением времени влияние глагольных основ возросло: все чаще префиксальные имена существительные образуются непосредственно от них: *призыв, зажим, почин, разрыв, припек* (ср. вызов и под.).

Относительно немногочисленны примеры непрефиксальных образований подобного рода: *ток, бой, гной, вой, зов* и под.

Относительно же немногочисленны и производные с суффиксами от префиксальных основ данного типа (с флексией основы): *разборка, распорка* (к „распирать“) и под.

9. ОБ УДАРЕНИИ ПРЕФИКСОВ

Прежде всего, русский литературный язык, за редкими исключениями [1], не имеет ударяемых префиксов прилагательных (о причастиях см. § 13). Во-вторых, в образованиях, принадлежащих к мужскому склонению, в русском ударяемость префикса — явление значительно более редкое, чем в украинском. Если выделить особо образования с архаическими префиксами **па-** и **су-**, чаще других носящими на себе ударение во всех типах: *пасынок, паволока, супесок, суглинок* и под., и префикс **вы-**: *выстрел, выпад, выкрик,* то в бессуфиксных образованиях господствующим окажется тип с ударением корня (*прокол, помол, поток, посев, пример, разлив, разрыв* и т. п.).

Значительно реже встречаемся с ударением типа: *запах, повар, заворот, домысел* и под. Особняком стоят *заём,* но *займа* и *замок, замка* (при другом ударении в заимствованном из польского *замок*).

Начальное ударение у имеющих суффикс **-ок**, род. пад. **-ка** бывает не часто: *пролесок* (но ср. *перелесок*), *заработок,* но: *достаток, убыток, пожитки, прилавок, поплавок, помазок.*

Префиксальные образования женского склонения на **а(я)**, за редкими исключениями, восходящими обыкновенно к северным говорам, имеют ударение на корне.

К исключениям относятся: *просека, засуха* (при *засуха*).

---

[1] Дошлый, пошлый, пришлый; затхлый (из „задхлый“; корень — „дх“).

Только в типе, утерявшем коренной редуцированный гласный звук, как и в украинском: *прошва, подошва* (старин. подъ - шьв - а), *прорва* и в образованиях с **вы-** ударение лежит на префиксе: *выслуга, выплата, вывеска, выбойка.*

Господствует напрефиксное ударение в образованиях женского склонения на согласный: *привязь, отрасль, пропасть, зависть, ненависть* (при устаревшем *ненависть*). С этим типом параллельны сложные слова: *рукопись, живопись, коновязь.*

10. БЕССУФФИКСНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Наряду с образованиями при помощи дополнительных примет положительных (суффиксов, префиксов и под.) в языке выступают такие, где формальная роль на фоне образований, сопровождающихся положительными приметами, принадлежит в большей мере отсутствию последних.

Из таких образований отметим:

Отглагольные существительные типа: *бег, ход, свист, шум*, чаще выступающие с префиксами: *поход, побег, полёт, помол.*

Многие из них конкретизируются: *поезд, взгляд, просвет, пролом* и под.

Этот тип составляет живой фонд русского языка и не вносит в речь той книжности, которая характерна для большинства образований на **-ание, -ение** и под. Ср., напр.: „В одном месте аисты, в другом — ворона, где чему *вод*“ (Салт. - Щедр.). Родствен ему стилистически тип отглагольных или ощущающихся отглагольными существительных женского рода на **-а, -я**: *разлука, засуха, погоня*; непрефиксальные образования в последнем еще реже: *страда, морока.*

Существительные женского склонения на согласный, представляющие зачастую параллельные образования к суффиксальным словам: *тишь*, ср. „тишина“; *глубь*, ср. „глубина“; *ширь*, ср. „ширина“; *высь*, ср. „вышина“, *удаль*; ср. „удальство“. Ср. еще *рань, просинь, муть, темь, даль.*

Этот род отглагольных и отприлагательных имен существительных несет за собой ощущение особой свежести, часто — сгущенной эмоциональности. Последняя особенно характерна для собирательных, часто стоящих на границе употребления в роли синекдохи: „обнаглевшая *бездарь*“ (Иг. Северянин), „перекатная *голь*“.

Язык поэзии, вообще говоря, чуждающийся отвлеченных понятий книжного происхождения, охотно пользуется отглагольными существительными бессуффиксными (ср. хотя бы: „И эти прекрасные линии лба, И меткая *прищурь* прицельного взгляда“ (Н. Асеев, о Ленине) и в особенности образованиями типа *тишь* и под. Ср.: „И отливали перламутром И *даль* морей, и *гладь* озер“ (Фруг). „И это небо голубое, И эта выспренняя *тишь*“ (Сологуб). „Задорный, юный буревал, Гроза остаткам *стари* хмурой“ (Дем. Бедный). „Этот народ был огромен. Пустынная *синь*

и весь" (Н. Асеев). „Ложится *тишь* на сердце и на поле" (Жаров). „Одна желтая *горбь*, и во всей красе — Теплая тишина" (Н. Тихонов). „*Тишь* - то какая — откуда Такая здесь тишина?" (Н. Тихонов).

11. ПРИЧАСТИЯ (ГЛАГОЛЬНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ)

Русский язык имеет большое разнообразие причастных форм. В большинстве они, однако, употребляются только в литературном языке, куда вошли из церковнославянского. Такими книжными формами являются причастия на **-щий, -мый** и **-ший (-вший)** [1].

Причастия на **-щий**, очень распространенные и употребительные в литературном языке, имеют более или менее четкое значение настоящего времени. Образуются они только от основ настоящего времени (несовершенного вида) и практически получаются (если не считаться с ударением) отбрасыванием окончания **-т** третьего лица множественного числа правописных форм глаголов [2] и прибавлением характерного аффикса (**щ**) и флексии: знаю - т — *знаю - щий*, ходя - т — *ходя - щий*, прося - т — *прося - щий*, умираю - т — *умираю - щий* и под. Как в основном причастия настоящего времени, формы на **-щий** не образуются от основ будущего времени (совершенного вида). С точки зрения литературной нормы ошибочными являются образования вроде „поймущий, пойдущий", проскальзывающие изредка у тех или других писателей.

Формы на **-мый** употребляются значительно реже, чем формы на **-щий**. Они могут образовываться только от таких глаголов, которые управляют винительным падежом: *вводимый* — вводим (что), *уважаемый* — уважаем (кого), *отправляемый* — отправляем (кого). Отступления вроде „обитаемый" (ср. „обитает", не управляющее винительным падежом), „угрожаемый", „управляемый", „руководимый" очень редки. Формы на **-мый** возможны только от основ несовершенного вида. Исходным и для них является значение настоящего времени.

Образуются формы на **-мый** практически от 1 лица множественного числа глаголов на **-йэ-(е** после гласного) и **-и-** путем прибавления флексии: уважать — *уважаемый*, представлять — *представляемый*, хранить — *хранимый*, хвалить — *хвалимый*. В глаголах с основою на согласный к последней прибавляется аффикс **-ом-** и соответственные окончания: *несомый* (нес - у), *влекомый* (влек - у). Формы на **-мый** сравнительно с формами на **-щий** образуются значительно менее свободно. Тип на **-омый** вообще архаичен и создает впечатление сугубой книжности.

[1] В тридцатых годах XIX века причастия прошедшего времени на **-ший (-вший)** еще ощущались как церковнославянизмы. См. В. Виноградов, „К истории лексики русского литературного языка", „Русская речь", I, 1928, стр. 104 — 105.

[2] Литературное произношение г. Москвы знает только формы „ходют", „просют" и под. Причастия остаются в родстве со старыми формами, закрепленными в письме.

Ср. у Пушкина: „*Несомый* верными слугами, В качалке, бледен, недвижим, Страдая раной, Карл явился".

Тип на **-мый**, ввиду относительной редкости конструкций с творительным падежом, поддерживающим его причастную роль (*уважаемый* — кем?, *предоставляемый* — кем?), очень легко причастную функцию переводит в функцию обыкновенного прилагательного (признак понимается как постоянный): ср. обычные выражения: *уважаемый человек, любимая женщина, незабываемое впечатление.*

Формы причастий прошедшего времени на **-ший, -вший** одинаково образуются от инфинитивных основ несовершенного и совершенного вида[1]. От основ на гласный форма звучит **-вший**, от основ на согласный — **-ший**: *пусти-вший* (пусти-ть, пусти-л), *призна-вший* (призна-ть, призна-л), *понес-ший* (понес-ти, нес), *росший* (рос), *умерший* (умер), *взглянувший* (взглянул), *коловший* (колол). От глаголов, меняющих в инфинитиве **д, т** на **с** в словах большею частью целиком книжных, **д** и **т** в формах причастий на **-ший** сохраняются: *отцветший, приведший* и под. Сюда же относится и *шедший* (ср. **шел** из старого **шь(д)л-**), инфинитива к которому нет. Но в словах более употребительных **д, т** опускается: форма образуется как бы непосредственно от прошедшего времени глагола: кла-л — *клав-ший*, се-л — *севший*, укра-л — *укра-вший*, е-л — *ев-ший*, упа-л — *упавший* (ср. более книжное — *падший* с переносным, моральным значением). Литературная норма не вполне установилась: живые тенденции создают формы *забревший, замевший* и под. На письме предпочитаются формы с **т, д**: *приобретший* — ср. живое *приобревший, забредший* и под.[2].

К инфинитивам с приметой **-ну-** причастия на **-вший** образуются с **-ну-** или без него в соответствии с образованием форм прошедшего времени: *замерзший* (ср. замерз), *увядший* (ср. увял), *погрязший* (ср. погряз). Случаи расхождения, вроде „исчез", но *исчезнувший*, редки.

Причастия прошедшего времени совершенного вида представляют распространенную и продуктивную категорию. В несовершенном виде их в некоторых функциях вытесняют причастия на **-ший**; ср.: „К восьми часам туман, *сливавшийся* с душистым дымом *шипящих* и *трещащих* на кострах сырых сучьев, начал подниматься кверху" (Л. Толстой). „Полторацкий уже возвращался к Воронцову, когда увидал сзади себя *догоняющих* его верховых" (Л. Толстой).

Причастия страдательного залога прошедшего времени — живая категория. Образуются они от инфинитивных

[1] Иначе — основ прошедшего времени глаголов. По отношению к инфинитивам на **ере-ть** за основу по историческим основаниям следует принимать только **ер-**: отперший, умерший.

[2] М. Горький причастия на **-вший** считает неэстетичными („Литер. учеба", 1930 г., № 1, стр. 46). Подобная приведенной им мотивировка встречалась уже у А. И. Тургенева, исправившего Вяземскому „посвятившись" на „посвятив себя". В стихах не одобряет Горький и причастий на **-щий**: „щей" в стихах — не люблю, так же как и „вшей" и „ужей" (там же, стр. 56).

основ глаголов, управляющих винительным падежом, главным образом совершенного вида. Типы их образований следующие: 1) Примету **-нн(ый)** имеют односложные, двусложные и многосложные основы на гласный **а(я)**: *данный, посланный, осмеянный, написанный, разобранный, разорванный*[1]; на **е** слова: *просмотренный, виденный, увиденный.* 2) Примету **-енн(ый)** находим у глаголов с основой на согласные звуки: *заплетённый, приведённый, заметённый, запечённый, привезённый.* При этом **г** и **к** подвергаются обычной своей мене в **ж** и **ч**: *сбережённый* (сберег-у), *запечённый* (запек-у). Так как у этого типа глаголов основа инфинитива и настоящего времени совпадают, если не считать вторичных фонетических изменений согласных в форме инфинитива: *пек-ти — печь, берег-ти — беречь* и под.[2], то этим открыта возможность в редких случаях расхождения производить соответственную форму от основы настоящего (будущего) времени: *зажжённый* (ср. зажечь, но зажгу), *прочтённый* (прочесть, но прочту).

Далее эта же примета **-енн(ый)** характеризует глаголы с инфинитивами на **-и(ть)**, причем вместо **и** выступает **е**, изменяющее предшествующие **с** на **ш**, **з** — на **ж**, **т** — на **ч**, **д** — на **ж**, **ст** — на **щ**, **зд** — на долгое мягкое **ж** (орфография здесь расходится с произношением — пишется зд или жд), при губных получается мягкое **л**, т. е. выступают те же изменения, что и в 1 лице единственного числа настоящего времени или будущего совершенного вида: покрасить — *покрашенный*, схватить — *схваченный*, разбудить — *разбуженный*, исходить — *исхоженный*, впустить — *впущенный*, угостить — *угощённый*, избороздить — *изборождённый*, прославить — *прославленный.*

Изредка встречаются установившиеся отклонения: *пронзённый* (ср. у Пушкина — „Паду ли я, стрелой *пронзенный*...“), *клеймённый* („Вставай, проклятьем *заклейменный* Весь мир голодных и рабов!“ — „Интернационал“); у Некрасова — „Колодник *клейменный*“ („Русские женщины“). В последнем случае, повидимому, проявилась тенденция к диссимиляции двух **л**.

В ряде образований этого рода очень обычны церковнославянизмы с переходом **т** в **щ**, **д** — в **жд**: *освещённый* (осветить), *возбуждённый* (возбудить), *убеждённый* (убедить) и под.

Кроме перечисленных больших групп, формы на **-енн(ый)** с упомянутой приметой согласных образуются еще от — (на)сидеть, (за)вертеть, обидеть: *насиженный, заверченный, обиженный.*

3) Примета **-т(ый)** характерна для образований от инфинитивов на гласный корня (кроме **а**): *битый, покрытый, надутый, надетый, заколотый, распоротый* (сюда же относятся *принятый, взятый* и под., у которых корень оканчивается на **а** с предшествующей мягкостью; а также *начатый, прижатый* и под.

---

[1] Надо заметить, что формы на **-ан(ный)** (**ан**) к префиксальным глаголам несоверш. вида теперь не образуются; ср.: *придавать, поучать, посылать, посылать* и под.

[2] См. в главе II, стр. 34.

с а после шипящих). На -т(ый) же оканчиваются причастия, образованные от инфинитивов на ну-ть: *пр̀стянутый, упомянутый, оттолкнутый.*

К инфинитивам на -ереть имеем причастия без второго *е*: *запертый, затертый.*

От (*про*)*клясть* — причастие страдательного залога — (*про*)*клятый.*

При всех страдательных формах существуют соответственные краткие — типа *освещен, обижен, побит, упомянут* (*освещена, обижена* и т. д.); ср. и причастия настоящего времени: *ведом, несом*; последние архаичны и малоупотребительны.

12. УДАРЕНИЕ ПРИЧАСТИЙ

Ударение причастий на **-щий, -щая, -щее** совпадает в классах с приметой **е** с ударением 2 лица настоящего времени соответственных глаголов, а в классе с приметой **и** — с ударением 1 лица: знаешь — знающий, несешь — несущий, пишешь — пишущий; прошу — просящий, ставлю — ставящий, сижу — сидящий, вишу — висящий, завишу — зависящий, терплю — терпящий.

Отступления немногочисленны: при „можешь" причастие звучит *могущий*; к некоторым глаголам класса -и- образуются причастия с ударением 2 лица и т. д.: *губящий, любящий*[1], *давящий* (*давящий* обыкновенно имеет значение прилагательного), *травящий*; из образований с корнем, не оканчивающимся на губной согласный, — *дразнящий* (*дразнящий* получило значение прилагательного), *хвалящий.*

Причастия настоящего времени страдательного залога подчиняются тем же правилам, что и формы на **-щий**: читаешь — *читаемый*, несёшь — *несомый*, прошу — *просимый*, ставлю — *ставимый*, но проводят их с еще большей последовательностью: *любимый, хвалимый* и под.

В причастиях прошедшего времени действительного залога (на **-ший, -шая, -шее, -вший, -вшая, -вшее**) проводится ударение соответственных инфинитивов: тонуть — *тонувший*, болтать — *болтавший*, делать — *делавший*, хвалить — *хваливший*, плавить — *плавивший*, прибыть — *прибывший*, прожить — *прожѝвший*, подать — *пода̀вший*, пропить — *пропѝвший*. Особо отметим *у̀мерший.*

Причастия прошедшего времени страдательного залога. В нечленных (кратких) формах на -т, -та, -то ударение подвижно у тех самых образований, которые имеют ударение женского рода в прошедшем времени глагола: прожила — *прожѝта*, заперла — *запѐрта*, облила — *о̀блита*, начала — *на̀чата.* Соответственные формы мужского и среднего рода и множественного числа звучат: *прожѝт, прожѝто, прожѝты*; *запѐрт, запѐрто, запѐрты*[2]; *о̀блит, о̀блито, о̀блиты*; *на̀чат, на̀чато, на̀чаты.*

[1] С. Обнорский литературным ударением считает одинаково „любящий" и „любящий"; также и „служащий" и „служащий" (Изв. Отд. русск. яз. и слов. Ак. Наук. XXI, кн. 1, стор. 335).

[2] Но *припёрт* (*припёр*).

Под влиянием инфинитивов иногда наблюдается уклонение в сторону ударения корня: „Как мало прожито, как много пережито“ (Надсон). „Много песен было спето, Много слез пролито мной“ (Дрожжин) „И, серебром облиты лунным, Деревья мимо нас летят“ (Фет).

Членные формы на **-тый, -тая, -тое (-той ...)** представляют относительно ударения довольно неустойчивую группу: мы встречаем все три возможных типа ударения, напр.: *пролитый, пролитый* и *пролитой*; последнее — наиболее редко.

Ср. у писателей: „И кудри, плющем *увитые*“ (Пушк.). „И ладаном мы, и струнами Почтим охранявших Нумиду богов, И кровью, *пролитой* тельцами...“ (Фет) „... *Облитой* острым, сладким ядом...“ (А. Блок). „Ярким сонцем *залитая*, Шла ты яркою стезей“ (Блок). „И дерзко бросить им в глаза железный стих, *Облитый* горечью и злостью“ (Лерм.). „Стоял обрубок, *залитой* смолою“ (Фет). „Он сползся в московскую котловину... Тугою бедой *налитой*“ (Н. Асеев). „Как молоком *облитые*, Стоят сады вишневые“ (Некр.). „Стихи мои — Свидетели живые за мир *пролитых* слез“ (Некр.). „И тесного, тихого круга Не раз *долитой* самовар“ (Фет). „Душа, как чаша *налитая*, Полна тобою до краев“ (М. Шагинян). „И сойдешь ты в могилу... герой, Втихомолку *проклятый* отчизною...“ (Некр.). „Я пою обиды и страданья Поколенья, *проклятого* богом“ (П. Якубович). „Все *проклятое* в цвете лет Я предал полному забвенью“ (Полонский).

К формам типа *колот, колота, колото, заколот, заколота* образуются членные формы с тем же местом ударения: *поротый, молотый, заколотый.*

Формы типа *согнут* (ср. инфинитив „согнуть“), *замкнут, заткнут, затолкнут, воткнут* сохраняют это же место ударения в членных: *согнутый, замкнутый* и т. д. „Открой *сомкнуты* негой взоры“ (Пушк.). „По котомке на спинах *согнутых*“ (Некр.). „Я тяжел и немой и *согнутый*“ (Анненский) — стареющие ударения.

Причастия на **-н, -на, -но** к инфинитивам типа *избрать, загнать* имеют сплошь ударение на префиксах: *избран, отослан, сожран, взорван, наврано, согнано.* При этом и женский род сохраняет такое же ударение: *избрана, отослана* и под. Отступают только *издана, создана* и под. (ср. *дано, даны*). Под влиянием этих форм конечное ударение получают и формы множ. числа: „В удел *отданы* ему скалы“ (Вересаев). У слов с подвижным ударением в формах прошедшего времени глагола допускаются ударения вроде: „Ты будешь *призвана* на барский суд“ (Пушк.). „Порою той, что *названа*...“ (Пушк.). Стоит внимания также и тот факт, что перенос ударения на префикс наблюдается и у слов *осознан, узнан, прислан* и под., не имеющих подвижности ударения в прошедшем времени глагола: *знала, прислала*[1].

[1] Ударения вроде: „С последней почтой *прислана*“ (Некрасов. „Русские женщ.“) или: „преступной *признана*“ (Некр. „Суд“) и под. следует считать диалектными.

У архаизирующих поэтов изредка встречаются примеры с ударением инфинитива: „*Убраны* стены янтарями".— „К делам правления *призван* Лишь он один из христиан Порабощенного Дамаска" (А. Толстой, „Иоанн Дамаскин").

Соответственные членные формы совпадают по месту ударения с нечленными: *избранный, призванный, сорванный.*

У Пушкина при *избран* последовательно „избранный" (ср. Будде III, 169), форма, повидимому, чисто книжная (церковнославянизм). Ср. у Лермонтова: „И труп, от праведных *изгнанный*...", у А. Толстого: „И разметала сад, тщеславием *убранный*"; у Майкова: „Помоной щедрою *убранные* поля"; у Фета: „Из них одной, *избранной* мною, Навстречу пристально гляжу".— Таким же устарелым, но принятым книжным является: „На рубеже земли *обетованной*" (Фет).

К инфинитивам на **-ова́ть, -ева́ть** образуются причастия с ударением **-о́ван, -о́вана, -о́ванный, -о́ванная, -ёван, -ёвана, -ёванный**: *основан, основана, основанный, основанная*; *бичёван, бичёвана, бичёванный, бичёванная*; *задрапирован, задрапирована.*

Это же наблюдается и у тех форм, где **-ов-, -ев-** входит в состав корня: ковать — *кован, кована, закованный*; жевать — *жёван, жёвана, жёванный.*

Подобный перенос свойствен также причастиям от глаголов на **-аю, -аешь** в настоящем-будущем: испытаю — *испытан, испытанный*; истерзаю — *истерзан, истерзанный* и типу **-ать, -е** (с изменением **-с** в **-ш, -з** — в **-ж** и под.): причесать, причешу — *причёсан, причёсанный*; привязать, привяжу — *привязан, привязанный.*

Причастия на **-ен, -ена, -ено** обыкновенно в классе **-е-** имеют ударение, параллельное прошедшему времени глагола (женск. и средн. рода), причем если в мужском роде имеем **-ён**, то и в остальных формах ударение падает на конец слова: приобрела — *приобретён, приобретена, приобретено*, запрягла — *запряжён, запряжена*; украла — *украден, украдена*, иссекла — *иссечен, иссечена* (ср.: „Кнутом *иссеченную* музу", Некрас., „... Где в волны кинут мол И волноломами *иссечен*" (Н. Тихонов). Членные формы соответственно выступают в виде: *приобретённый, приобретённая, запряжённый, запряжённая, остриженный, остриженная.*

Довольно широко распространены ударения типа „приобретен, приобретена, приобретенный, запряжен, запряженный". Это формы нелитературные. Ср.: „Последний сноп *свезен* с нагих полей" (Фет). „С тех пор, как дева молодая К нему на суд *приведена*" (Надсон). „Пара гнедых, *запряжённых* с зарею..." (Апухт.). „Мы были гребень волны *взнесённой*" (Брюсов). „И снится ей жаркое лето — Не вся еще рожь *свезена*..." (Некр.). „Без этого ни одного романа Не обойдется: Так *заведено*" (Пушк.). „В строфы виденье навек *вплетено*" (Брюсов). „Вот он, Кем наши враги *сметены*, Вот он, Чьим сердцем и волей Полны Фабрики, Шахты, Колхозы и домны" (Н. Асеев). „Сквозь жгучие жатвы по льдинам седым Каким колдовством занесён?" (Н. Тихонов). „Оленя,

ветви рвущего, Что нес во мраке выгнутом *Сведённых* глаз разбег" (Н. Тихонов). Как отступление, можно указать: „Савраска, *запряженный* в сани, Понуро стоял у ворот" (Некр.),— тип, являющийся в результате сильного влияния инфинитивов. Особо следует отметить: *найден, найденный, пройден, пройденный.*

Теперь почти вышли из употребления ударения: „Так я *найдён* и поднят был..." (Лерм.). „И на простой медали, *Найдённой* средь камней" (Н. Гумилев).

Формы на **-ен** к инфинитивам с приметой **-и-** обыкновенно имеют ударение второго лица настоящего-будущего времени: поставишь—*поставлен*; отправишь—*отправлен*; уловишь—*уловлен*; оградишь — *ограждён*; покоришь — *покорён*. Так как, однако, ударение в этом классе довольно неустойчиво, многочисленны колебания и в причастиях.

Если мужской род имеет ударение на конце, то в остальных формах имеют ударения конечные гласные: *покорена, покорено, покорены, ограждена, ограждено, ограждены.* Ср.: „Но летом до ночи *растворено* Все было в доме... Бледная Диана Глядела долго девушке в окно..." (Пушк.).

Членные причастия звучат соответственно: *поставленный, отправленный, ограждённый, покорённый, ограждённая, покорённая* и т. п.

Специально заметим ударение *униженный* (ср. название романа Достоевского—„Униженные и оскорбленные"; у поэтов: „Родов *униженных* обломок" (Пушк.). „Иди к *униженным*, иди к обиженным По их стопам" (Некр.). „Найдем мы *униженных* скорбных мужей..." (Некр.). „В душе *униженной*, покорной и немой" (Голен.-Кутуз.). *Унижённый* имеет значение „кроткий, смиренный, покорный".

Примечание. Произведенные от причастий прилагательные нередко имеют ударение, отступающее от них; ср.: *хвалёный* („Так вот *хвалёный* ум его И к смерти гордое презренье!" — П. Я.), *пилёный сахар, унижёная просьба.*

13. ЗАЛОГОВЫЕ ФОРМЫ НА -СЯ(-СЬ)

Значение залога вносится в русском языке прибавлением окончания **-ся** (после гласных **-сь**) к формам глагола, инфинитива и только **-ся** к причастиям на **-щий, -ший, -вший**; ср.: бить — *биться,* бью — *бьюсь, бьющийся, бившийся,* утомить — *утомиться,* утомлю — *утомлюсь, утомляющийся, утомившийся.*

В причастиях залоговое значение вносится также суффиксальной приметой: так, только страдательные значения принадлежат причастиям на **-мый, -нный, -тый** (см. § 11).

Формы на **-ся** исключают в русском языке возможность для глагола или соответственных форм инфинитива и причастий управлять винительным падежом: ср. *бьет* — кого-нибудь, но *бьется* — с кем-нибудь, *продает* — что-нибудь в значении винительного падежа (муку и под.), но *продается* — что-нибудь в значении именительного (мука и под.). Значение, вносимое в гла-

голы или в глагольные формы аффиксом **-ся**, не отделяющимся от соответственных форм, в существенном — залоговое, т. е. модифицирующее фактические или грамматические отношения между субъектом действия, действием и его объектом: *бить* и *биться* указывают, напр., на разное участие субъекта действия. При *бить* предполагается, что кто-то бьет кого-то, сам не подвергаясь его ударам, при *биться* — кто-то бьет кого-то, но и сам может получать удары. *Отапливает* кто-то известный предмет (комнату); *отапливается* комната (фактический объект действия дается в форме субъекта — именительного падежа, а фактический субъект — в творительном падеже орудном: „квартирантами“).

Но, будучи по преимуществу залоговыми, значения, вносимые аффиксом **-ся**, во-первых, не имеют полной определенности, во-вторых, могут сопровождаться рядом добавочных — вплоть до радикального изменения самого материального значения глагола. Аффикс **-ся** означает по сути только, что глагол не управляет, если он переходный, винительным падежом и что слово приобрело новый залоговой оттенок, которых может быть, однако, очень большое количество, а иногда и просто изменило свое значение. Между *плести* и *плестись* („Путник устало плетется по каменистой дороге“), между *торговать* и *торговаться* (тот, кто торгуется, может вовсе не быть торговцем), между *рвать* и *рваться* в значении „стремиться, домогаться“, *возить* и *возиться* разница не только формальная, но и материальная.

Важнейшие видоизменения значений (вызываемые аффиксом **-ся**) следующие:

Значение страдательное: „Работа *писалась* им спешно, но любовно“. „Вещи эти *приобретались* скупщиками по дешевой цене“. „Дом этот *строился* архитектором Н. в 1888 году“. Образование форм страдательного залога с **-ся** ограничено такими правилами: они образуются только в 3 лице; от глаголов совершенного вида употребляется только будущее время[1]. Формы страдательного залога книжны, но и в книге не всегда являются признаком хорошего слога. Живой колорит принадлежит им только в фразах без творительного падежа лица или со значением постоянного времени: *Работа пишется наспех. Покупается все это дешево. Дом строится уже второй год* и под.

Значение возвратное: объект действия тот же, что и субъект — *моется, одевается, бреется.*

Только в этой группе формы на **-ся** совпадают по значению с исходными, где **-ся** равнялось „себя“.

Значение активно-безобъективное: действие может или должно распространяться на известные объекты, но последние только предполагаются и названными не бывают: *ругается, бодается, кусается, дерется.*

---

[1] Фразы, напр.: „И вот, *только что написалось* (т. е. переписалось из славянофилов), на следующей же странице г. Авсеенко сообщает...“ (Достоевский), следует отнести к неряшливости слога.

Значение взаимное: *бьется* с кем-нибудь, *встречается, целуется.*

Значение внутреннего переживания: *сердится, заботится, обижается.*

Значение безличности с оттенком „наплывности" действия или состояния: *хочется, не пишется*: „С вечера все *спится*" (Фет) и под. Этот тип образований в русском языке очень продуктивен, особенно в сочетании с отрицанием „не".

Данные значения отнюдь не резко отделены одно от другого и часто друг с другом только соприкасаются: напр. фразы: „Дом красится в зеленую краску" и „Он сед, но красится" имеют: в первом случае „красится" со значением страдательным, во втором — возвратным. Во фразе: „Этот пьяница все время ругается" „ругается" употреблено в активно-безобъективном значении; во фразе же „Соседи ругаются друг с другом" перед нами пример значения взаимного. Иногда от значения зависит объем употребительности формы; так, „кинулся" может иметь только возвратное значение, а „кидается" и возвратное, и страдательное: „Красноармеец кинулся в атаку", „... кидается..."; но, хотя допустимо: „Мяч в этих случаях кидается в сторону", нельзя сказать „...кинулся...".

Мало самостоятельны, но близки к значениям внутреннего переживания залоговые оттенки в значении заинтересованно-длительно-усилительном: *стучится, просится.*

Залоговое значение не принадлежит аффиксу **-ся**, когда он служит приметой не вполне четкого проявления состояния: *белеется* (ср. белеет), *синеется* (ср. синеет) и при глаголах, не имеющих рядом с собою форм без **-ся**: *ленится, боится* и под.

В префиксальных образованиях, не имеющих рядом с собою глаголов с **-ся**, **-ся** придает оттенок усиленной заинтересованности, удовлетворенности, напряженности и под.: *наигрался*[1], *расшумелся, засиживается* и под.

12. ПРИМЕТЫ ВИДОВ

Формально в русском языке различаются четко два вида: совершенный и несовершенный.

Этому различию соответствуют две основных приметы: 1) совершенный вид образует только прошедшее и будущее время; несовершенный — также и настоящее; 2) будущее время совершенного вида — цельная форма; будущее время несовершенного вида — аналитическая. Ср.: *вижу, видел, буду видеть*; *варю, варил, буду варить* (несоверш. вид) и *увидел, увижу, сварил, сварю* (совершенный вид).

Употребление формы будущего времени совершенного вида в значении настоящего ограничено некоторыми специальными случаями. Это бывает при воспоминании о прошлом в значении

[1] Глагол „играться", распространенный в русском языке на Украине, в литературном русском языке может употребляться только в значениях страдательном и безличном.

„бывало иногда...“; ср. „Проворно каждый подбежит И мне трескучих звезд в лицо пригоршню бросит“ (Фет, „Талисман“); при картинах внезапности, удивительности и под.: „Когда... спрянув с верного коня, В горах пустынных запоздалый, К нему войдет пришлец усталый И робко сядет у огня...“ (Пушкин, „Кавказский пленник“); в случаях отрицания возможного действия: „А он и словечка не проронит“.

Важнейшие приемы, которые употребляются в русском языке для различения видов, следующие:

1. Префиксация. Простой глагол (и инфинитив), получая префикс и приобретая вместе с тем обыкновенно новый материальный оттенок значения, тем самым обычно меняет и несовершенный вид на совершенный: кручу — *закручу, прикручу*; хочу — *захочу*; вижу — *увижу, завижу*. Нейтральнее других в смысле добавочного материального значения префикс **по-**, вносящий большею частью одну видовую перемену: прошу — *попрошу*; кручу — *покручу*; несу — *понесу*. Иногда он переводит в совершенный вид даже формы несовершенного вида префиксальных образований: *попрокучивать, повыискивать, попроигрывать* и под.

Продуктивными префиксами являются в русском: **в-, вз-, вы-, до-, за-, из-, на-, над-, о-** (**об-, обо-**), **от-, пере-, по-, под-, про-, раз-, с-, у-**, но на вид влияют и непродуктивные, сплошь являющиеся церковнославянскими: **воз-, низ-, пре-, пред-**.

2. Суффиксы: **-ну**, вносящий обыкновенно в глагольные формы активного характера значение совершенного вида[1], и притом однократного (мгновенного): ср.: черкать и *черкнуть*, рявкать и *рявкнуть*, мазать и *мазнуть*; **-ва, -ыва** (**-ива**), переводящие совершенный вид префиксальных образований в несовершенный: выплыть — *выплывать*; запить — *запивать*; засушить — *засушивать*; распилить — *распиливать*; замазать — *замазывать*; выписать — *выписывать*; **-я**, при помощи которого часто глаголы, особенно с ударением на **и** в будущем времени или инфинитиве, переводятся в несовершенный вид: устремить — *устремлять*; объявить — *объявлять*; украсить — *украшать*; заставить — *заставлять*.

3. Мена коренного гласного *о* на *а*. Выступает она, как добавочный признак, при образованиях с **-ыва, -ива**. В глагольные формы непрефиксальные она вместе с последним суффиксом вносит значение так называемого „многократного“ вида (см. точнее ниже): ходил — *хаживал*, носил — *нашивал*, говорил — *говаривал*; в глагольных формах префиксальных служит добавочным признаком несовершенного вида вообще: распорол — *распарывал, распарывает*; спросить — *спрашивать*; износил — *изнаши-*

[1] Ср. глаголы с пассивным значением, сохраняющие значение несовершенного вида: *глохнуть, мокнуть*. Из активных сюда относится еще *тянуть*.

С приметой — активность или пассивность значения — рядом идет другая: совершенный вид на **-ну-** имеет обыкновенно параллельно с собой формы на **-а(ть)**: *охать* и *охнуть, кидать* и *кинуть*; несовершенный вид непроизводных параллельных не имеет. Отступления вроде *кольнуть* редки.

вал, изнашивает. В русском литературном языке этот способ все более ширится; ср., напр., у Достоевского: „Я говорю это старым теоретикам, никогда не *удостоивавшим*... вникнуть в русскую жизнь...“, „То, что она видит и встречает,... *удвоивает* ее энергию“ и под. Теперь чаще *удостаивать, удваивать* и под. Я. Грот, Русское правопис., 13 изд., 1898 г., стр. XXXV, дает только *усвоивать*, но при *успокоивать* замечает: „Многие говорят *успокаивать*“. Признавая здесь колебание литературного языка, он, однако, находит вовсе недопустимыми изменения **о** в **а** в словах *озабочивать, рассрочивать, уполномочивать.*

4. Появление гласных **ы** или **и** в корнях, где гласный звук выпал, вносит в префиксальные образования на -а(ть) значение удлиненной степени длительности: *спал — засыпал, брал — забирал, рвал — вырывал.* Подобный же характер имеют чередования: *мять — разминать, жать — сжимать.* По отношению к префиксальным сравн.: *начать — начинать, умереть — умирать, запереть — запирать, занять — занимать*; ср. еще *отдыхать — отдохнуть* (укр. *тхнути*), *затыкать — заткнуть, замыкать — замкнуть.*

5. Заслуживает еще внимания как добавочный признак фонетическая мена согласных перед **-ива** и в образованиях -я(ть), -а(ть) от глаголов с приметой **-и-**, **-е-**. **Д** меняется на **ж**, **т** — на **ч**, **з** — на **ж**, **с** — на **ш**: погладить — *поглаживать*, ходить — *похаживать*, крутить — *покручивать*, шутить — *пошучивать*, зарядить — *заряжать*, обидеть — *обижать*, унизить — *унижать*, оросить — *орошать*, вкусить — *вкушать*; губные получают при себе мягкое **л**: лепить — *налеплять, налепливать*, осуществить — *осуществлять*, очерствить — *очерствлять.* В образованиях, так или иначе восходящих к церковнославянскому, **т** меняется на **щ**, **д** — на **жд**: осветить — *освещать*, возвратить — *возвращать*, предупредить — *предупреждать*, угодить — *угождать* [1].

6. Видовое различие принадлежит основам нескольких употребительных глаголов: *нести* (в определенный момент времени) — *носить* (вообще), *везти — возить, вести — водить, брести — бродить, лезть — лазить, лететь — летать.* Префиксация безусловно переводит такие основы со значением определенности в совершенный вид: *принести, занести, привезти, довезти* и под. Что касается имеющих неопределенно-видовое значение, то с одними префиксами они приобретают значение совершенного вида, с другими сохраняют значение несовершенного, а чаще — образуют оба вида с разным смыслом в соответствующем образовании: *приносить* (несов. вид), *поносить* — в значении „носить“ и „закончить несение“ — совершенного вида, в значении „бранить“ — несовершенного, *доносить* — в значении „довести

[1] Любопытно оригинальное образование у Достоевского — „А потому вдруг *очутываются* в фальшивейшем положении“: повидимому, вызвано оно было к жизни показавшимся Достоевскому неэстетичным сочетанием звуков в „очучиваются“.

несение до какого-то предела" — совершенного вида, в значении „заниматься доносительством" — несовершенного вида и под.

7. В относительно немногих случаях (более редких, чем в украинском) дифференцирующая роль принадлежит ударению: насыпать (соверш. вид) — насыпать (несоверш. вид); избегать (соверш. вид) — избегать (несоверш. вид). Ср. также большую разницу в материальном значении — нападать („снег нападал..." соверш. вид) — нападать (несоверш. вид). Ударение на префиксе вы- всегда является признаком совершенного вида: выпросить, выехать и т. д. Ср. особенно: вывозить — вывозить, выносить — выносить и под.

Частности:

Не приобретают значения совершенного вида некоторые префиксальные образования с производной основой на **а**. Отчасти это не ассоциируемые или слабо ассоциируемые теперь по смыслу с соответствующими простыми глаголами: *бываю — забываю, прибываю*; *деваю — надеваю, задеваю*; *решаю — отрешаю* и под. Но известны и случаи вроде: *даю — подаю, задаю* (несоверш. вид), при *надаю* (соверш.); *ступаю — отступаю, приступаю* (несоверш.); *пускаю — допускаю, отпускаю* (несоверш.) и под.

Не имеют значения совершенного вида также многочисленные церковнославянизмы, представляющие искусственные переводы с греческого уже в древнейшую пору церковнославянской письменности: *сожалеть, разуметь, провидеть* (ср. русск. *завидеть* со значением совершенного вида), и калька с немецкого — *выглядеть*.

Видовые различия в относительно немногочисленных случаях обозначаются приметами, отличными от указанных: *ошибаться* (несов.) — *ошибиться* (сов.), *отлагать, предлагать* (несов.) — *предложить* (сов.), *пускать — пустить, глотать — проглотить, кусать — укусить* (ср. искусать), *подозревать — заподозрить, затмевать — затмить, изобретать — изобрести, сгребать — сгрести, сплетать — сплести, развлекать — развлечь, помогать — помочь, облекать — облечь, предпочитать — предпочесть* и др.

Ряд глаголов (и инфинитивов) несовершенного вида не имеет при себе образований вида совершенного (кроме немногочисленных случаев с **по-**, **на-**, см. ниже): *благоговеть, восторгаться, долженствовать, домогаться, недоумевать, нуждаться, обитать, обладать* (ср. *возобладать*), *обожать, обонять, ожидать, обуревать, опасаться, отстоять* в значении „находиться на расстоянии" (ср. *отстоять* сов. в. в значении „защитить"), *отсутствовать, перекоряться, повиноваться, повествовать, подлежать, подражать, подразумевать, покровительствовать, полагать, поносить* („бранить"), *порицать, потворствовать, походить* („быть похожим"), *почитать* („уважать"), *предвидеть, предчувствовать, преследовать, пресмыкаться, провидеть, зависеть, значить, изобиловать, красоваться, мудрствовать, недомогать, приветствовать, приличествовать, принадлежать, присутствовать, притязать, раболепствовать, ратовать, силиться, содержать, сожалеть, созерцать, соответствовать,

состоять, сострадать, состязаться, стоить, уважать (*уважить* сов. в. имеет значение „уступить"), *уповать, участвовать, чередоваться, чествовать* и др. Среди этих глаголов подавляющее большинство — церковнославянизмы. Список можно еще дополнить некоторыми образованиями на **-ивать**: *заискивать, ухаживать* и т. д. и глаголами, обозначающими действие, сопровождающее другое действие: *приплясываю, приговариваю* (ср. *приговаривать* и *приговорить* в значении „изречь приговор"), *припеваю*. К глагольным образованиям с **раз-** в значении действия, „сообщающегося разным предметам" и „простирающегося по пространству" (Востоков), формы совершенного вида образуются только с **-ся** с другим оттенком значения: *разговариваю — разговорился, разгуливаю — разгулялся, расхаживаю — расходился* („разговорился" уже значит „вошел в оживленный разговор", „разгулялся" — „стал очень веселым", „расходился" — „разбушевался" и под.).

Не имеют несовершенного вида:

Воспрянуть, встрепенуться, грянуть, опомниться, очнуться, очутиться, погодить, поймать, ринуться, рехнуться, сглазить, хватить (напр., в смысле „ударить"), *хлынуть*.

Значение обоих видов могут иметь:

Велеть, даровать, женить, жениться, казнить, крестить, ранить, родить, телеграфировать и другие на **-ировать**[1]. *Арестую, атакую* могут обозначать и настоящее время, и будущее совершенного вида.

Вглядываясь внимательно в видовые оттенки, входящие в состав двух основных видов, можно среди них различить следующие группы:

Совершенный вид:

1. Охват длительности: *посидел, просидел, полежал, пролежал.*

2. Наступление начала в длительности явления: *забарабанил, застучал.*

3. Достижение результата в процессе: *побил, разбил, спел.* Особую характерную видовую группу представляют образования совершенного вида при помощи префиксов **по-, на-** к формам с приметами вида несовершенного: *натаскивать* (несов. вид) — *понатаскивать* (сов.), *заколачивать* (несов.) — *позаколачивать* (сов.), *рассказывать* (несов.) — *нарассказывать* (сов.). Объект при них обыкновенно во множественном числе.

4. Мгновенность действия: *боднул, кольнул, швырнул.*

Особый вариант значения связывается с суффиксом **-ану-** (укр. **-ону-**): он обозначает или особенную короткость, неожиданность

---

[1] Списки видовых образований и значений см. у А. Востокова „Русская грамматика", изд. 12-е, 1879 г., стр. 78 — 108, Р. Кошутича „Граматика руского језика", П. 1914. 244 — 274, М. Вольпера „Справочник по этимологии русского языка в таблицах", 13-ое изд. 1922 г. и др. Важнейшие итоги исследований вида у А. Шахматова „Очерк современного литературного русского языка". 1934 г., стр. 149 — 158. У них же указана предшествующая литература.

и слабость действия, или же — чаще — особенную короткость, неожиданность и резкость. Ср. с первым оттенком: „Я его *даванул* в затылок“ (Лесков, „Смех и горе“).

Для второго ряд примеров из языка писателей приводит Сидоров („Родной язык в школе“, 1924 г., № 6, стр. 76): „Ка-ак он меня зубилом *саданул* по балде!“ (Куприн, „Молох“), „*Рубанул* его один“ (Сейфуллина, „Перегной“).

Несовершенный вид.

1. Повторяемость (кратность): *прихожу, приходил*; *приношу, приносил*; *гоняю, гонял.*

2. Незаконченность действия: *слушаю, слушал*; *рисую, рисовал.*

Обыкновенно то и другое значение одинаково могут принадлежать той же самой глагольной основе.

3. Нерегулярная повторяемость (значение „время от времени“): *захаживаю, хаживаю — захаживал, хаживал* (занятия, напр., аккуратнее посещает тот, кто „ходит“, чем тот, кто „хаживает“), *посматриваю — посматривал, попысываю—попысывал.* Ср.: „Гости со вниманием слушали повесть о Мишиной смерти и с удивлением *посматривали* на Деформа...“ (Пушкин, „Дубровский“). „*Покусываю* яблоки, *посасываю* мед...“ (Моравская, „Апельсинные корки“).

Значение нерегулярной повторяемости чаще всего связано у префиксальных с суффиксами **-ыва-, -ива-** с характерной при них меной коренного гласного, хотя последние в ряде случаев особого значения и не вносят: *выигрываю, выдалбливаю, распахиваю, закусываю* и мн. др.[1].

Образования со значением нерегулярной повторяемости имеют прошедшее, настоящее и будущее время.

4. Нерегулярная повторяемость в давнем прошлом: *певал* (бывало пел), *говаривал*[2]. Образования беспрефиксны. Ср: „Бывало *писывала* кровью Она в альбомы нежных дев“ (Пушкин, „Евг. Онегин“) „Тогда и я *певала*“ (слова старухи-графини в либретто „Пиковой дамы“). „Мы, хотя изредка, в вакантное время *езжали* с матерью на нашу пасеку“ (М. Щепкин). „Скуку рассеять к сестрице *езжали*“ (Некрасов, „Про холопа примерного...“). „Я за уши его *дирала*...“ (Грибоедов, „Горе от ума“). „В Шепелевском

---

[1] Иногда **-ыва-, -ива-**, не вносящие значения неправильной повторяемости, имеют рядом с собой параллельные образования **-а(ть), -я(ть)**: удобрять — *удабривать*, затоплять — *затапливать*, засорять — *засаривать*, подбодрять — *подбадривать.* Чаще всего это наблюдается при совершенном виде на **-и(ть)** с предшествующим губным или р. Некоторые параллельные формы теперь уже вышли из употребления. Ср.: „Солдаты разбрелись по казармам и *угащивались* не только ужином... но и водкой“ (Л. Толстой, „Хаджи-Мурат“). Теперь только „угощаться“.

[2] Редки случаи, когда подобные формы приходится понимать в контексте в значении „обыкновенно“: „Если он проходил мимо работающих, так, как и *делывал* старик, он тотчас же брался помогать“ (Л. Толстой, „Хаджи-Мурат“; речь идет о старике еще живом и работающем).

сыпал у Жуковского...“ (Некрасов, „О погоде“). „В былое время она (волчица) *едала собак*“ (Чехов, „Белолобый“).

Настоящее и будущее время от основ с таким значением не употребляются.

Формы нерегулярной повторяемости явно в истории русского литературного языка идут на убыль, и даже в сравнении с языком писателей конца девятнадцатого века их употребляют теперь значительно реже.

15. НАРЕЧИЯ

Самый распространенный в русском языке способ образования наречий — форма, равняющаяся по звукам среднему роду нечленных имен прилагательных, но иногда отличающаяся от них ударением. Ввиду того, что формы среднего рода нечленных прилагательных сравнительно малоупотребительны, их ударение в литературном языке неустойчиво, и они сами нередко подпадают под влияние ударения наречий. Но до известной степени тенденции сохранять различие, а иногда даже вырабатывать его наново, все-таки в языке имеются. Пешковский, повидимому, прав, говоря, что „хочется сказать: „это животное мало́“ при „он ест ма́ло“, „все это старо́“ при „он выглядит ста́ро“, ср. также „дитя больно́“ при „ему бо́льно“ [1].

От некоторых причастий на **-щий** с относительно недавнего времени вошли в литературный язык и все больше распространяются наречные образования на **-е**. Обозначают они чувство или проявление чувства и имеют значение: „с таким-то видом“: *вызывающе, угрожающе, негодующе*. Ср.: „Он всегда холоден, корректен, презрителен, *ослепляюще* чист“. „Юнкер Левитин посмотрел на него *уничтожающе*“ (Л. Соболев). Особенно много таких образований, напр., у Малышкина („Севастополь“). Все они носят на себе определенную печать книжности. Поэтически-книжный характер принадлежит образованиям от бывших причастий на **-чий**: *певуче* („Чу, уж *певуче* ручьи зажурчали!“ — Брюсов), *жгуче* и под. От прилагательных на **-ский** часто образуются наречия на **-ски**: *дружески, рабски* и под. Чаще мы их встречаем с приставкою **по**: *по-дружески, по-приятельски, по-украински*. Такие же образования с **по** употребительны и от слов, в состав которых в прошлом вошел суффикс **-ьск-**: *по-турецки, по-немецки* и под.

От прилагательных на **-ий, -ья** и т. п. образуются наречия на **-ьи**, но почти всюду с приставкою **по**: *по-человечьи, по-собачьи* и под.

С приставкою же **по** образуются от прилагательных на **-ий, -ний** и **-ин** наречия типа: *по-звериному, по-весеннему, по-ученому, по-маминому*. Известны они и от некоторых других: *по-хорошему, по-доброму, по-справедливому, по-моему*.

---

[1] Сборник статей, 1925, стр. 81. Н. Греч (op. cit., стр. 489 — 490) дает для среднего рода *ста́ро*, но *мало́*.

Некоторые отдельные наречия представляют остатки известных падежей существительных и прилагательных (чаще всего — творительного) без предлогов и с предлогами или вторичные образования, подражающие установившимся подобным образцам: *мельком, бегом, верхом, босиком, голяком, порожняком, сегодня, пешком, сначала, издали, сперва, смолоду, сзади, снаружи, вкривь, вкось, вполне, вдвойне, вместе, вслух, наугад, исподтишка, невзначай.* Почти вышли из употребления отглагольные наречия на **-мя, -ма**: *ливмя, плашмя, кишмя, сидьма.* О них А. Востоков в „Русской грамматике" (12 изд. 1884 г.) упоминает как об употребляемых „в просторечии", главным образом, в роли усилительных повторений глагола (§ 92). В существенном они, за немногими исключениями (*плашмя, торчмя* и под.), в этой именно роли дожили и до наших дней: *ревмя ревет, дождь ливмя льет* и под. Ср.: „Из ночи в ночь валандавшись, *Гормя горит* душа" (Б. Пастернак).

К наречию же относится в русском языке в некоторых функциях форма сравнительной степени. Форм сравнительной степени склоняемых русский язык, в отличие от украинского, где они образуются вполне свободно (*тепліший, сильніший, кращий*), не знает вовсе, кроме нескольких слов, являющихся вместе с тем и превосходной степенью: *лучший, худший, больший, меньший* (не имеющих при себе однокоренных в положительной степени[1]), *высший, младший, старший, сильнейший, слабейший.* В языке писателей начала, реже — средины XIX века еще были в употреблении сравнительные степени вроде *драгоценнейший, тягчайший* и под.; ср. у Карамзина — „Витязи сияли ранами, *драгоценнейшими* алмазов" и под. „И ты всего *чуднейший* человек" (Марлинский). „...И я вдруг почувствовала, что не боюсь его, что страх этот — любовь, новая и еще *нежнейшая* и *сильнейшая* любовь, чем прежде" (Л. Толстой, „Сем. счастье"). Относительно часты такие формы у Достоевского: „...Это создание..., несравненно *чистейшее* и *безупречнейшее*, чем мы с вами...". Современному языку известны только сочетания (аналитические формы) с *более* (*менее*) + соответственное прилагательное: *более теплый, более употребительный.*

Формы сравнительной степени образуются в русском прибавлением к основе окончаний **-ее (-ей)**: *сильнее* (*сильней*), *теплее* (*теплей*), *вернее* (*верней*), *прямее* (*прямей*), *белее* (*белей*), *горячее* (*горячей*), *свежее* (*свежей*) и под. Стоит внимания продуктивность такого рода образований, не ограничиваемых в случаях, когда этого требует мысль автора, даже самим значением, казалось бы, исключающим сравнение: на вопрос Нехлюдова („Воскресенье"), мертв ли упавший арестант, врач отвечает: „*Мертвее* не бывают". „Запомнилось за этот день только, что очень жарко летом в степи, что *бесконечнее* летнего дня и длиннее больших дорог нет ничего на свете" (Бунин). „Тем кажется *железней, непро-*

[1] К *больший* есть, правда, *большой*, по происхождению сравнительная же степень, но в роли сказуемого; в соответствии ему обычно употребляется *велик.*

будней мой мертвый сон" (Блок). „А звук на губах все один, один — Как будто полки пауков прядут Струну *ледянее* льдин..." (Н. Тихонов).

Изредка, главным образом в поэтическом языке, вместо форм на **-ее** употребляются формы на **-е**: *дале, боле, тяжеле* (ср. „Ты же в лодке не *тяжеле* легкокрылой стрекозы", А. Толстой) и под. Образуются подобные формы чаще в параллель к формам на **-ее**, при которых нет рядом форм на **-ей**, и обычно не имеют при себе точно соответствующих им форм так называемой положительной степени прилагательных. Окончание **-е** имеют в сравнит. степ. соответственные прилагательные, которые (или наречия в положительной степени) в своей основе оканчиваются на **д, т, г, к, х**; причем звуки эти в форме сравнительной степени меняются: **д** и **г** — на **ж**, **т** и **к** — на **ч**, **х** — на **ш**, а **ст** — на **щ**: твердый — *тверже*, молодой — *моложе*, дорогой — *дороже*, убогий — *убоже*, богатый — *богаче*, крутой — *круче*, мягкий — *мягче*, легкий — *легче* (но от „дикий" — *дичее*), сухой — *суше*, тихий — *тише*, частый — *чаще*, простой — *проще*. Если **т** принадлежит к продуктивному суффиксу (**-атый, -итый, -истый**), то окончанием сравнительной степени остается **-ее**: знаменитый, душистый — *знаменитее, душистее*.

Из основ, оканчивающихся на губной, слово „дешевый" образует сравнительную степень на **-е**, перед которым при **в** появляется мягкое **л**: *дешевле*.

От прилагательных на суффиксальное **-к(ий)** с предшествующими зубными **д, т, з** сравнительная степень образуется непосредственно от корня. Мена согласных та же, что и в предшествующей группе: гладкий — *глаже*, гадкий — *гаже*, короткий — *короче*, близкий — *ближе*, узкий — *уже* (ср. бойкий — *бойчее*, звонкий — *звончее* и *звонче*, ловкий — *ловчее* и *ловче*).

Есть здесь, однако, несколько отступающих форм: от резкий — *резче*, так как иначе совпали бы формы сравнительной степени от этого слова и от „редкий" — *реже*. Не опускают суффикс **к(ч)** новообразования (малоупотребительные): дерзкий — *дерзче*, мерзкий — *мерзче* (ср. *мерзее*). От „прыткий", „меткий" сравнительная степень звучит: *прытче, метче*. От „сладкий" в литературном языке предпочитается *слаще* (ср. *слаже*). От слов, имеющих **л** перед **-кий**, формы сравнительной степени, кроме *мельче* (мелкий), малоупотребительны, но возможны в виде — *жальче* (жалкий), *пыльче* (пылкий). Мягкость **л** явилась под влиянием следующего слога и поддержана была, повидимому, образованиями вроде *больше, дольше* и под.

От „тонкий" сравнительная степень звучит *тоньше* (ср. *меньше* и под.). Кроме этой формы, **-ше** имеют еще *меньше, дальше, дольше* (от *долгий*), *старше*. При всех последних существуют рядом формы на **-ее**, относящиеся обычно к приподнятому стилю (*менее, более, долее, старее*). От „горький" образуется сравнительная степень *горше* (о беде и под.), *горче* и *горчее*.

Два слова на **-кий** образуют сравнительную степень непосредственно от основы: высокий — *выше* (**с** меняется при этом на **ш**),

широкий — *шире*; но от „глубокий“ сравнительная степень звучит *глубже* (ср. *ниже*).

В некоторых случаях образование сравнительной степени двояко, причем с вариантами обычно связываются различные значения: *худее* от „худой“ и *хуже* по смыслу — к плохой, *старее* — от „старый“ в точном смысле слова, *старше* — по возрасту, по положению и под.

Слова *малый* и *хороший* не образуют сравнительной степени. Последняя возмещается образованиями *меньше* и *лучше*, при которых нет соответствующих форм положительной степени. К слову „красивый“, наряду с *красивее*, возможна с особой стилистической окраской сравнительная степень — *краше*. К слову „поздний“ сравнительная степень звучит *позднее* и *позже*.

Формы сравнительной степени с префиксом **по-** имеют значение „несколько, немного“: *попроще, похуже* (ср.: „Он (русский народ) не был воинствен, как пишут в истории, Как временных лет отзывается повесть: Он просто хотел жить *„попросторнее“, Посвободнее* то есть“ (Н. Асеев). Без предмета сравнения оттенок может меняться в направлении вообще увеличения качества: дайте *побольше*, приготовьте *получше*, любит поесть *послаще* (смысл „как можно“)... Ср.: „Позвали сослуживцев (конечно, *постарше* чинами и *повыше* должностями) Павла Константиновича, двух приятельниц Марьи Алексеевны...“ (Чернышевский). „Наш автор просто сболтнул *„пошумнее“* против мелкой буржуазии, следуя тому „житейскому правилу“, которое ...излагал, со слов „старого пройдохи“, Тургенев: кричать *погромче* против тех пороков, которые за собой чувствуешь“ (Ленин, V, 155). „Мы мчались, Мечтая постичь *поскорей* Грамматику боя, Язык батарей“ (М. Светлов).

16. ДЕЕПРИЧАСТИЯ

Глагольные наречия (деепричастия) известны в русском языке в двух основных формах:

1) Обозначающей одновременность со сказуемым или глагольными формами, к которым примыкает: „Один за другим, *держась* за плетень, *оглядываясь* робко по сторонам, *заковыляли* они к своим халупам“ (Дм. Фурманов). *„Слушая* беседы хозяев о людях, я всегда *вспоминал* магазин обуви“ (М. Горький). *„Подходя* к волам, покупатель *считает* нужным вытянуть смиренную скотину по боку кнутом“ (М. Горький). „И мы, *дрожа* от радости, *проснемся*“ (В. Брюсов).

2) Обозначающей действие, предшествующее сказуемому или глагольным формам, к которым примыкает: *„Проснувшись*, я *смотрел* из-под одеяла и со страхом *слушал* жаркую молитву“ (М. Горький). *„Бывало* я, *прижавшись* за кустами Колючими, *гляжу — не нагляжусь* На девичьи забавы“ (А. Островский).

Первая форма образуется от ~~первой~~ основы настоящего времени (2 лица) прибавлением **-я** (а с предшествующей мягкостью

там, где она возможна), или **-ясь (-ась)**: ведешь (веду) — *ведя*[1], просишь — *прося*, готовишься — *готовясь*, слышишь — *слыша*. В типах **-аю — аешь, -ею — еешь, -ую — уешь** деепричастия звучат **-ая, -ея, -уя**: *зная, седея, тоскуя*.

От глаголов с основой на **не**[2], на велярные и на шипящие, с которыми чередуются в неопределенной глагольной форме **з, с, х**, по правилу деепричастий не образуется, т. е. к глаголам типа *тону — тонешь, мокну — мокнешь, пеку — печешь, берегу — бережешь, пишу* (ср. писать), *чешу* (ср. чесать), *режу* (ср. резать) и под. Но ср. *спеша* от *спешу, спешить* и под. В новом языке у писателей это правило начинает нарушаться: ср. „*Ткя* живой и качелящий тюль" (Иг. Север.), „Легкой тенью *режа* фосфор моря" (В. Брюсов).

Не образуются также соответственные деепричастия от слов, основа которых лишена гласного: *тру, мну, жму, вру, лью, бью* и т. д. Отступает только архаическое *чтя* и архаические же параллели, в которых восстанавливается гласный: *бия, лия*, встречающиеся у писателей главным образом первой половины XIX века.

Кроме слова *будучи*, деепричастное окончание **-учи, -ючи** известно еще в устарелых формах *едучи, идучи* и в нескольких словах, по существу превратившихся в простые наречия, т. е. употребляющихся вне обычных глагольных конструкций: *припеваючи, играючи* и т. д. (ср. *напевая, играя*). Настоящим деепричастием остается еще сложное с **-сь**: *крадучись*. Там, где у писателей встречаются деепричастия на **-учи, -ючи**, имеем дело со стилизацией под старинную или народную речь.

Деепричастия со значением прошедшего времени теперь в литературном языке образуются обычно только от основ совершенного вида. У писателей XIX века были в употреблении такие деепричастия от основ вида несовершенного: *росши, говорив, плакав* и под. (Ср., напр., у Достоевского: „*Способствовав* временному благосостоянию, мера эта на страшно долгое время парализовала стремления демократические"). Приведенный выше пример из Б. Пастернака—определенный раритет. Но с отрицанием (*не говорив* и под.) формы несовершенного вида еще иногда встречаются.

У слов, которые в основе инфинитива оканчиваются на гласный, обычно деепричастия оканчиваются на **-в**: *сказав, попросив, взяв, поседев*; гораздо реже — на **-вши**[3], которое составляет правило у глаголов на **-ся, -сь**: *обидевшись, помирившись, оставшись*. Ср. образования соответствующих причастий. От слов, у

---

[1] Нельзя согласиться с указанием Шахматова, „Очерк...", стр. 172, будто не образуются деепричастия к „беру" „кую", „плюю".

[2] Но сюда не относится „*кляня*" (ср. „...И жизнь *кляня*, готовил им ответ громовый", Грибоедов). Шахматов, опять-таки вряд ли основательно, отрицает существование такого деепричастия.

[3] Любопытно, что А. Н. Тургенев исправил Вяземскому „посвятившись" на „посвятив себя": „для того, что *вши* не должно впускать в слова" (Ю. Тынянов. Проблема стихотворного языка, 138). Решающей, надо думать, при предпочтении форм на *в* была не эта случайная ассоциация, а общая тенденция отбрасывать конечные звуки, без которых форма сохраняет свою очерченность.

которых основы инфинитива оканчиваются на согласный, деепричастия — на **-ши** или на **-в, -вши,** прибавляемые так же, как и в соответственных причастиях: сберегший — *сберегши*, заросший — *заросши* (в инфинитиве по традиции пишется *расти*), испекший — *испекши*, упавший — *упавши*, отцветший — *отцветши* и под.

От слов, образующих деепричастия несовершенного вида на **-я** (**-а**), часто употребляются такие же префиксальные формы со значением совершенного: *приведя, заметя, попрося, услыша, увидя.*

Впрочем, подобные формы на **-я** значительно употребительнее от основ на согласный, чем от основ на гласные.

Формы **деепричастий в прошедшем времени** имеют то же ударение, что и соответственные причастия: *пробыв, прожив, допив, позвав.* Как отступающие, следует заметить формы слов *опершись, обнявшись* и под. на **-вшись**. Ср.: „...На переднем Стенька Разин, *Обнявшись* с своей княжной, Свадьбу новую справляет...“ (Садовников). „В молчаньи, рукой *опершись* на седло ...“ (Пушкин). „Над кипящею пучиною, *Подпершись* сидит Вадим... “ (Рылеев). Рядом возможны, однако: „...Дружно *обнявшись* с тобой, после игры отдыхать“ (Пушкин). „Старик отчаливал, *опершись* на весло“ (Фет). „Там, где сливаяся шумят, *Обнявшись* будто две сестры, Струи Арагвы и Куры“ (Лерм.).

Отступающими от нормы являются ударения: „Я шагаю, знаменем *подняв* Шапку военных годин“ (Безым.). „И покою два дня лишь *отдав*, На третий — в окопы лег“ (Безым.).

В так называемых **деепричастиях настоящего времени** ударение обыкновенно совпадает с ударением 1 лица ед. ч. настоящего (будущего) времени: ставлю — *ставя*, давлю — *давя*, делаю — *делая*, топчу — *топча*.

Но в нескольких деепричастных формах к инфинитивам на **-еть** и **-ять** с приметой **и** в настоящем времени известны двоякие ударения: *глядя* и *глядя, сидя* и *сидя, лёжа* и *лежа*. У И. Крылова, Пушкина и др. вместо современного *смотря* — старинное ударение „смотря“ („...На наши *смотря* соты“, Кр.; „И сердцем далеко носилась Татьяна, *смотря* на луну“, Пушк.). В настоящее время уже довольно четко определилась тенденция формам с ударением на корне придавать значение простых наречий (ср. *молча, лёжа, стоя, сидя*), а в деепричастных оборотах — отдавать обычно предпочтение ударяемым на конце: *молча об этом, глядя на улицу* и под. В зависимости от смысла различается ударение деепричастия *судя*.

У писателей находим ударения: „В небе играют все вольные птицы, *Глядя* на них, мне и больно и стыдно“ (Лерм.). „Но никогда, ей в очи *глядя*, Не содрогнулся я душой“ (Рылеев). „*Глядя*, как человек убивается, Раз я молвил: „Сойдет-де и так“ (Некр.). „Яков, не *глядя* на барина бедного, Начал коней отпрягать“ (Некр.). „И на меня с улыбкой *глядя*, Спросила тотчас...“ (К. Павлова). „И *глядя* сквозь мглу и мерцанье окрест В пустынную тишь этих мест, И. *глядя* все выше и выше от них В пустыню небес голубых...“ (Н. Огарев). Но: „Я дрожу, *глядя*, счаст-

ливый, Как в воде дрожишь и ты" (Фет). „Не *глядя* в лицо, она пела мне" (Кольцов). „*Глядя* на луч пурпурного заката..." (старин. романс).

17. СЛОЖНЫЕ СЛОВА

Из тесных сращений, т. е. образований с флективной приметой в первой части, в русском языке употребительны сочетания родительного падежа чисел и соответственных именных частей: *двухдневный, трехаршинный, пятилетка, шеститомный, восьмидесятилетний* (ср. и *полукровка, полдень* и род. падеж *полудня, полночь* и *полуночи*).

Остаток старины (род. пад. двойств. числа) имеем в *двоюродный*. Ср. и *умалишенный*.

Гораздо беднее, чем в украинском, тип „повелительное наклонение + имя существительное".

К нему относятся *скопидом, сорвиголова, горицвет* и пишущиеся с дефисом *перекати-поле, не-тронь-меня* (растения), *держи-дерево*.

Сложения русского языка имеют обычно соединительный гласный **о**: *паровоз, водовоз, телодвижение, яркокрасный*; реже **е**,— в словах, где конечный согласный основы смягченный: *кровеносный, любвеобильный, жизнерадостный*. Редкость среди других представляет образование *предисловие*.

Неверно образованными являются вполне установившиеся: *кровожадный, кровообращение* (пишут, впрочем, и *кровеобращение*), *плотоядный, зверолов, властолюбие, конокрад, вертопрах, честолюбие* и др.

Редки в русском языке случаи так называемой гаплологии, упрощения совпадающих частей первого (конца) и второго (начала) членов сложения; ср.: *знаменосец* (из знаменоносец), *сиворонок* (из сивоворонок), *дикобраз* (из дикообраз), *залихватский* (из залихо-хватский) и уже в гаплологическом виде заимствованные: *минералогия* (ср. минерал), *трагикомический* (из трагико-комический).

Особый тип сложных слов представляют сочетания слов полных с частицами. Таковы, напр., местоименные образования с частицами **-либо, -нибудь, -то**: *кто-либо, кто-нибудь, кто-то, куда-либо, куда-нибудь, куда-то*.

18. СОКРАЩЕННЫЕ СЛОВА

Фактически только с Октябрем во всеобщее употребление вошли сокращения групп слов, явившись новыми типами словообразования. Область этого словообразования — главным образом названия учреждений, должностей, административных понятий; широко за эти границы оно не выходит.

Типы сокращенных слов в существенном таковы:

1) По начальным звукам: НОТ — научная организация труда, ХИПО — Харьковский институт педагогического образования.

2) По названиям начальных букв: *Капебеу* — Коммунистическая партия (больш.) Украины, *Цека* — Центральный комитет.

3) Комбинация начальных частей слов: *Наркомпрос* — Народный комиссариат просвещения, *рабфак* — рабочий факультет.

4) Комбинация начальных частей слов с полными словами: *нарсуд* — народный суд, *зарплата* — заработная плата.

Отдельные из таких искусственных образований приобрели значение корней и усваивают производительные суффиксы: *колхозник, рабфаковец, коминтерновский, наркомпросовский* [1].

ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ

(Для критического использования)

В. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. Изд. 4, Каз. 1913.

Ф. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. Часть I. Последнее. 5 изд. 1881 г.

Я. Грот. Филологические разыскания. I. 4 изд. С.-П. 1899.

Е. Сидоров. Из научно-учебной литературы о видах русского глагола. „Родной язык в школе", 1924 г., №№ 5 и 6.

В. Чернышев. Правильность и чистота русской речи. Вып. 2-ой. Изд. 2. П. 1915.

А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. М. 1934.

[1] Оценку значения сокращенных слов в современном языке см.: С. Дложевський — Проблема „скорочених слів" в українській та російській мові, „Зап. Одеського Інст. Народн. Освіти", № 1, 1927.

Глава V

ФОРМЫ СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ

(СКЛОНЕНИЕ И СПРЯЖЕНИЕ)

Содержание: 1. Склонение имен существительных. 2. Движение ударения в склонении имен существительных. 3. Склонение имен прилагательных. 4. Ударение имен прилагательных. 5. Особенности склонения некоторых местоимений. 6. Особенности склонения некоторых числительных. 7. Ударение числительных и местоимений. 8. Перенос ударения на предлоги. 9. Глагольная флексия. 10. Инфинитив (неопределенная глагольная форма). 11. Аналитические формы спряжения. 12. Ударение в глагольных формах.— Из литературы.

1. СКЛОНЕНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

В состав имен существительных русского языка вошла многочисленная группа слов, исторически относящихся к склонению прилагательных. Это все слова, при которых очень часто, а при некоторых и постоянно, существительные опускались, так как были ясны из контекста или ситуации. Выступая вне специфической роли прилагательных, как форм согласования, такие прилагательные стали постепенно приобретать в сознании говорящих предметные значения, т. е. превращаться в имена существительные, и частично, в связи с перерождением своей функции, усваивать некоторые внешние морфологические признаки существительных. Эту переходную категорию (ср. такие слова, как *часовой, лесничий, запятая, булочная, мороженое, насекомое, Иванов, Иванова, Петровский, Петровская*), как и другие специфические ответвления существительных, мы упомянем особо при именах прилагательных. Другая группа склоняемых слов, входящих в состав имен существительных, но имеющих индивидуальные признаки — существительные местоименные, т. е. такие, которые не имеют самостоятельной знаменальности, а получают свой смысл в речи, только так или иначе отсылая к знаменательным словам или к недопускающей неясности ситуации. Это личные местоимения — *я, ты...*, возвратное — *себя*, вопросительные — *кто, что*, отрицательные — *никто, ничто*, неопределенные — *кто-нибудь, что-нибудь, кто-либо, что-либо, некто, нечто*, анафорические [1] — *он, она, оно* и под. Следует, впрочем, сразу же заметить, что с морфологической точки зрения

[1] Указывающие на упомянутое слово.

некто, нечто — только остаток существительности, так как в косвенных падежах не употребляются, а те формы, которые выступают в такой роли при слове *некто,* уже явно являются прилагательным: *некоего, некоей* и т. д.

Он, она, оно — переродившиеся по значению прилагательные: теперь они по смыслу только предметны (*кто?*) и утратили, хотя и сохранили внешний признак трех родов, типичную особенность прилагательных — согласованное склонение с именами существительными.

Местоименное склонение мы тоже рассмотрим уже после склонения имен прилагательных, с которым оно близко по чисто-внешним приметам.

Из круга имен существительных следует также выделить особую группу числовых названий, по признакам узко-морфологическим и синтаксическим нуждающихся в особой характеристике. Если слова, вроде *тысяча, миллион, десяток, сотня,* ничем не отличаются от склонения обычных имен существительных и в связной речи вообще не обнаруживают индивидуальных признаков, то *пять, шесть... десять* и под., склоняющиеся, как „кость", не могут быть, главным образом по синтаксическим своим особенностям, безоговорочно отождествлены с именами существительными. Не согласуются с ними по родам прилагательные (ср. *эта тысяча,* но не „эта пять", а „эти пять") и — самое главное — в связной речи они то управляют, как существительные, в именительном и винительном падеже, то согласуются как прилагательные (дательный, творительный, предложный): *пять верных друзей,* но не „пяти верных друзей" (дательный) или „пятью верных друзей" (творительный), а *пяти верным друзьям, пятью верными друзьями*[1]. Так как, однако, выразительно морфологические приметы принадлежат лишь немногим названиям чисел, то ниже мы остановимся только на них.

Имена существительные, не принадлежащие ни к одной из этих переходных или смешанных категорий, распределяются по следующим типам:

I. Имена существительные мужского рода с окончанием на согласный (кроме слова *путь*).

В качестве варьирующих признаков можно различить:

1. винительный = именительному (группа неодушевленных и собирательных); винительный = родительному (в единственном числе — на -а, -я) — группа одушевленных[2]. Сравнительно с украинским это различие проводится последовательнее.

---

[1] Стоит внимания, что в украинском языке синтаксическая смешанность функций таких названий чисел нашла себе выражение в колебании морфологических примет: *п'яти* и *п'ятьох, п'яти* и *п'ятьом* и под.

[2] Термины „одушевленные" и „неодушевленные" удерживаем, так как различение „живых" и „неживых" имеет крупные неудобства со стороны грамматической: в „живые" попадут как раз: *мертвец, покойник*; в „неживые" — предметы живой природы, не являющиеся животными: *цветок, дуб, клен* и под. и собирательные вроде *народ.* Можно было бы, впрочем, говорить о названиях „существ".

Гляжу *на дом, на дуб, на народ*, но — *на человека, на брата* и под. и также во множественном числе — гляжу *на братьев, на коней* и под.

2. Родительный единственного числа может иметь и не иметь варианта на **-у, -ю**,— форм только на **-у, -ю**, без параллельных на **-а, -я**, в русском не встречается: *народа* и *народу, света* и *свету, чая* и *чаю*.

3. Творительный ед. числа может обнаруживать те или другие звуковые изменения гласной приметы падежа (этимологически **о : е**) в зависимости от того, принадлежит ли предшествующий согласный к твердым, мягким или шипящим звукам, а также в зависимости от места ударения: орфографически — *конем, краем, ножом, ершом, ткачом, детенышем, плачем*, в произношении: каном, крайъм, нажом, иршом, ткачом[1], дитонышъм, плачъм.

4. Предложный падеж единств. числа может иметь и не иметь в значении местном (при предлогах **на** и **в**) параллельной формы с ударяемым **-у (-ю)**. Форм только на **-у (-ю)** без параллельных на **-е** в предложном падеже (с возможным переходом неударяемого **е** в **и**) или с неударяемым **-у (-ю)** русский язык не знает: *о береге*, но *на берегу, о лесе*, но *в лесу, об угле*, но в *углу, в хлеве* и *в хлеву*.

Только — *на хуторе, в городе, в сарае, на рынке* и т. д.

5. Именительный падеж множественного числа оканчивается или а) на **-ы, -и**, или б) на ударяемое **-а, -я** (только так или же имея вариант **-ы, -и**), или в) на **-ья**, или г) на неударяемое орфографическое **-е** (утрачивая обычный суффикс единственного числа **-ин**), или д) на **-ята** (в произношении, при **-енок** в именительном единственного, **-атъ, -аты**).

Примеры: а) *волы, молоты, кони, гости, полки*; б) *города, глаза, берега, рога, учителя — учители, дома — домы, волоса — волосы, хлеба — хлебы*; в) *зятья, прутья*; г) *крестьяне* (крестьянин), *горожане* (горожанин), *цыгане* (цыган); д) *телята* (теленок), *цыплята* (цыпленок), *козлята* (козленок).

6. Родительный множественного представляет большое разнообразие окончаний:

а) Окончание **-ов** имеют существительные с твердым (нешипящим) согласным основы: моста, мосту и т. д. — *мостов*; старика, старику и т. д.— *стариков*.

б) Орфографическое **-ев** принадлежит:

1) словам, имеющим в именительном падеже ед. числа окончания **-ай, -ей, -ий, -ой, -уй**,: соловей — *соловьев*, лакей — *лакеев*, сарай — *сараев*, негодяй — *негодяев*, кий — *киев*, изгой — *изгоев*, герой — *героев*, поцелуй — *поцелуев*;

2) словам с именительным множеств. на **-ья**: зятья — *зятьев*, прутья — *прутьев*.

в) На **-ей** оканчиваются слова с мягким согласным основы,

[1] Русское *ч* всегда мягко (ср. гл. 2, стр. 25).

кроме упомянутой группы **-ей, -ай**... Это же окончание имеют основы на отвердевшие в русском языке шипящие: пахарь — *пахарей*, конь — *коней*, учитель — *учителей*, нож — *ножей*, шалаш — *шалашей*.

г) Без окончания родительные множественного:

1) У существительных, именительный множественного которых оканчивается на орфографическое **е**: поселяне — *поселян*, крестьяне — *крестьян*, цыгане — *цыган*; 2) у слов с окончанием именительного множественного на **-ята**: *телят, ребят*; 3) у нескольких слов, употребляющихся с названиями чисел (*раз, аршин*), и у некоторых других, о которых упомянем ниже.

Несколько подробностей и пояснений

Винит. множ., совпадающий с именительным, у имен одушевленных употребляется в особых предложных выражениях, обозначающих новое положение: *поступить в члены партии, произвести в командиры* и т. п.

Литературный язык обнаруживает колеблющуюся чуткость к различению одушевленности и неодушевленности: как отметил В. Чернышев, „Правильность и чистота русской речи", 3-ье изд., 1914 г., стр. 79—80, нет полной устойчивости в употреблении форм, когда название одушевленного предмета относится к неодушевленному: „пускаю бумажного змея" и „бумажный змей", читаю „Евгения Онегина" — и... „Евгений Онегин" и под. Надо констатировать, однако, что современный литературный язык решительно склоняется в сторону сохранения за словом с основным значением одушевленности, независимо от его переносного употребления, первоначальных морфологических особенностей.

Отступают иногда названия светил: „гляжу на Марс...", хотя говорят и „на Марса"; но для такого отступления есть свои основания — „Марс", „Юпитер" и под. для большинства говорящих лишены своей морфологической одушевленности. Наоборот, при метафорическом употреблении имен неодушевленных, ставших обычными в подобной роли, нормальны формы, совпадающие с родительным: „Этого *идола* ничем не пронять", „Такого *болвана* не выучишь" и под.

Колеблются по употреблению „микроб — микробы": возможны — „Он изучал этих *микробов*" и „... Эти *микробы*" (ср. то же и в женском роде во мн. ч.: *бактерии* и *бактерий*). Вряд ли полностью прав Чернышев (стр. 94), утверждающий, что „имена *рябчик, рак, омар, устрицы* и прочие, употребленные в смысле кушанья, принимаются нами как предметы одушевленные: изжарили рябчика, съели рака, омара, устрицу, люблю рябчиков, раков, омаров"... Подобные слова, одинаково мужского и женского рода, если обозначают предметы, употребляемые обыкновенно в пищу не по одному, обнаруживают тенденцию (при слове *есть*) винительный множественного образовывать одинаково с именительным: *есть омары... устрицы, шпроты, кильки, сардинки* и под., хотя рядом употребительны

и *омаров, устриц*; но только *гусей, рябчиков* и под. Ср. и грибоедовское: „К Прасковье Федоровне в дом Во вторник звана *на форели*".

В речи людей, недостаточно владеющих литературным языком, слова вроде „тип, характер, элемент" употребляются по отношению к людям как одушевленные. Такое употребление, безусловно, недопустимо: говорить следует только — „автор вывел *интересный характер*", „мы узнаем в нем хорошо *знакомый тип*", „исключили *нетрудовой элемент*".

Употребление формы родительного падежа с окончанием **-у (-ю)** зависит от следующих моментов: как и в украинском языке, это окончание возможно только у неодушевленных и собирательных. На **-у** в родительном падеже обычно не бывает ударения. Отступают только группа ласкательных на **-ок, -ек**, образованных от слов же с родительным на **-у (-ю)**: медок — *медку* — меду, чаек — *чайку* — чаю; слова с беглыми **о, е**: *мху, льду* и отдельные слова *табаку, миндалю* и др. (в выражении „нашего *полку* прибыло" ударение обычно на **о**).

Формы на **-у (-ю)** принадлежат по преимуществу словам, обозначающим различные предметы, употребляющиеся по мере и весу, тогда, когда указывается, сколько или какая часть данного вещества или материала взята: *голова сахару, кило гороху, кило чаю,* а также и при указании неопределенном относительно количества: *меду! дайте воску* и под. Если, однако, родительным падежом управляет слово, не возбуждающее мысли о количестве, выступает обыкновенно форма на **-а**: *запах чая, сбор гороха.* Как замечает В. Чернышев („Правильность и чистота русской речи", 3-е изд., стр. 73), „к этому же разряду приближаются такие отвлеченные имена существительные, которые применяются количественно, обозначая меру или степень предмета или качества", напр.: *шум, визг, доход, убыток* и др. (наделать шуму, не слышно визгу...).

Формы на **-у** обычны, далее, у многих слов при отрицании: *не выдумает пороху, долго не было снегу.*

Допускают их некоторые собирательные существительные: *народ, сброд,* но только при указании количества: *много народу,* но *основные особенности народа, история народа.* Употребительны они в обычных сочетаниях с предлогами **из, от, с**: *с бою, со смеху, из лесу, от роду, с краю, из дому, с холоду, с размаху*; отдельные слова выступают в форме на **-у** в экспрессивных речениях: *задать перцу, дать маху.*

Заслуживает внимания, что формы на **у** употребляются главным образом от слов, для которых множественное число необычно.

Как замечено уже Чернышевым, формы на **-у** реже в случаях, когда при существительных имеются прилагательные.

Имена сред. рода форм на **у** не образуют, но слова муж. рода на **-ище** могут образовывать их в параллель непроизводным. Ср: „Медлить нельзя было: *снежищу* наваливало каждое утро в сени по колено!" (Писемский).

Во многих случаях употребление форм на **-у (-ю)** или **а (-я)** в русском литературном языке зависит еще от доброй воли говорящего

или пишущего: из писателей, напр., форм на **-у** гораздо больше у Гоголя и Лермонтова сравнительно с Пушкиным, у Достоевского сравнительно с Тургеневым и Л. Толстым [1]. Преобладание форм на **-у**, вообще говоря, свидетельствует о преобладании в языке писателя разговорной речи над влияниями собственно-книжными. Чем ближе к нашему времени, тем форм родительного падежа на **-у** становится меньше. Младшее поколение в тех случаях, где еще недавно было колебание, оказывает заметное предпочтение формам на **-а**.

Местный падеж ед. ч. на **-у** наиболее часто характеризует слова односложные в именительном единственного и притом, в отличие от украинского языка, такие, которые не имеют конечного ударения в остальных формах: *на полу, на торгу, в роду, на шкафу* и под. Отступления вроде *в полку* (род. полка), *в углу* (род. угла), *на посту* (род. поста), *на мосту* (род. моста и моста) — немногочисленны.

В наречных выражениях, в том числе и не имеющих значения места („где?"), правило при предлогах **в, на** оставляет окончание **-у**: *на своем веку, на бегу, на роду, быть в ходу, в пылу* и др.

Именительный падеж мн. ч. на **-ы (-и)** имеют прежде всего слова с конечным ударением в косвенных падежах: *столы* (род. ед. стола), *снопы* (род. ед. снопа), *кусты* (род. ед. куста). Далее, характерен он для многих неодушевленных со срединным ударением в косвенных падежах: род. ед. мороза — им. мн. *морозы*, род. ед. паровоза — им. мн. *паровозы*, род. ед. отголоска — им. мн. *отголоски* и для употребляющихся только во мн. числе: *весы, духи* [2] и под.

Встречается он также в ряде других случаев.

Окончание **-а (-я)**, всегда ударяемое, могут иметь только слова без конечного ударения в косвенных падежах ед. числа. От тех слов, которые имеют ударение в род. ед. на конце, такие формы в литературном языке не образуются: литературный язык не допускает форм вроде: „пропали мои *труда*" и под. (ср. ед. род.: моего *труда*). Отступают только *рукава, обшлага*.

Распространены формы на **-а** у многих односложных (в им. ед.): *бока, борта, бега, века, глаза, года, гроба, дома, края, луга, леса, рога, снега, сорта, счета, тона, хлева, цеха, шелка* и др.; у многих двусложных (в им. ед.) неодушевленных с ударением на первом слоге: *адреса, берега, буфера, ветра, векселя, вымпела, вечера, волоса* [3], *вороха, голоса, города, желоба, жемчуга,*

---

[1] С. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, в. I, 1927 г., стр. 103.

[2] Слова, употребляющиеся только во множественном числе, не могут причисляться к тому или другому роду, так как род определяется прилагательным, с ними сочетающимся, а прилагательные не различают во множ. числе родов, но родительный множ. в данном, например, случае, сближает эти слова с мужским склонением.

[3] *Волосы* — эмоционально приподнятей и обычно в разговорной речи. В стихах („Целую *волоса* душистые и плечи" (Фет) форму *волоса* можно встретить только изредка. С особой стилистической установкой встречается *волосья*: „Вижу: *волосья* как комья" (Безыменский).

жернова, закрома, кивера, короба, корпуса, кренделя, кузова, купола, невода, округа, ордена, ордера, острова, отпуска, паруса, паспорта, погреба, потроха, поезда, пояса, прииска, провода, промысла, терема, тополя, тормоза, флигеля, холода, хутора, черепа, штемпеля, якоря и др. Среди последних, как видим, очень много иностранных; ряд слов, обозначающих лица (по преимуществу иностранного происхождения): *аптекаря, директора, доктора, инспектора, конюха, корректора, лектора, лекаря, мастера, пекаря, писаря, повара, пристава, профессора, шкипера* и др.

Все это почти сплошь названия должностных лиц и профессионалов с окончаниями **-ор, -ер, -арь**. Группа эта обнаруживает тенденцию расширяться: можно встретить уже, например, *инженера, архитектора, редактора* и под. Но „оратора", „революционера" ощущаются как вульгаризмы (ср. значение слов, расходящихся с основным признаком группы — профессия).

Из других отметим: *колокола, перепела, сокола.*

В ряде слов одинаково возможны формы на **-ы** и на **-а**, причем первые воспринимаются обыкновенно как более книжные и приподнятые, вторые — как обыденные, реже — даже вульгарные. При многих словах за последние полвека восприятие явно изменилось, и то, что раньше воспринималось как вульгарно окрашенное, стало ощущаться как нормально-литературное: Достоевский, напр., обычно употреблял форму „поезды", невозможную в настоящее время. Востоков (Русская грамматика, § 29) допускал как литературные формы: *боровы, парусы, роги* и под.

Относительно немногочисленны случаи, когда с параллельными формами связывается различие не только в эмоциональной окраске, но и по существу: *мехи* — кузнечные, *меха* — звериные; *образы* — литературные, *образа* — иконы; *цветы* — на полях, в саду, *цвета* — краски; *хлебы* — печеные, *хлеба* — злаки; *поводы* — побуждения, *повода* (при *поводья*) — ремни узды и под.

Окончание **-ья** принадлежит в именит. множ. ч. нескольким именам одушевленным, обозначающим родство и свойство: *братья, шурья* (к ед. ч. „шурин"), при возможном *шурины*, *мужья* (*мужи* звучит торжественно и обозначает взрослых мужчин), *сыновья* (с **-ов**, представляющим остаток старого склонения так называемых основ на **у**),— параллельная форма *сыны* относится к приподнятому стилю и часто имеет переносное значение — „сыны России" и под.; *деверья* (при *девери*), *кумовья* (с добавочным **-ов**); *дядья* (при более употребительном *дяди*), слова *князья* и *друзья* (с **з**, являющимся остатком старого склонения) и ряд неодушевленных, по отношению к большинству которых раньше в употреблении были собирательные среднего рода ед. ч. типа „гроздье", „прутье": *брусья, гроздья, зубья, каменья, клинья, клочья, колосья, колья, комья, коренья* (в кушаньи), *коробья, крючья, листья* (на деревьях, кустах), *лоскутья, лубья, ободья, поводья* (при *повода*), *полозья* (при *полоза*), *прутья, стручья, струпья, стулья, сучья, уголья.* За немногими исключениями (*лубья, поводья, полозья, стручья, стулья*), при всех этих словах возможны параллельные формы на **ы (и)**.

Заслуживает внимания, что, кроме слова *братья*, все одушевленные этого рода имеют конечное ударение: *зятья, сыновья*, а неодушевленные накоренное: *сучья, уголья* и т. д.

В некоторых случаях имела место диференциация значений: *коренья* (в кушаньях), но *корни* (растений; грамматическое понятие); *листья* (на деревьях, кустах), но *листы*, наряду с этим значением в поэтическом языке, имеет еще и значение, относящееся к бумаге; *колья* (изгороди и под.) — *колы* (единицы), *зубья* (напр. бороны) — *зубы* (у животных), *лоскутья*, но *лоскуты* бумаги.

Косвенные падежи к именительным на **-ья : -ьев, -ьям** и т. д. (о родительном см. еще ниже).

Именительный мн. ч. имеет окончание -е в словах с именительным ед. на **-анин (-янин), -арин,** обозначающих принадлежность к социальной группе или к национальности (-ин при этом во всем склонении мн. числа выпускается): *крестьяне* (крестьянин), *мещане* (мещанин) и т. д. Это же окончание с таким же опущением употребляется при названиях народов и под.: *римляне* (римлянин), *киевляне* (киевлянин), *мусульмане* (мусульманин), но при „болгарин", „татарин" установилось мн. число *болгары, татары*. От „грузин", „русин" и под. мн. число — *грузины, русины*; от „черемисин, черемис" — *черемисы*.

Особняком стоит установившееся *цыгане*, вместо старого и правильного *цыганы* (к „цыган", а не „цыганин", ср. название поэмы Пушкина), архаические: *баре* и *бары* (к „барин"), *бусурмане* и *бусурманы* (к „бусурманин", „бусурман". Лермонтов, напр., рифмует: „барабаны" и „бусурманы"); *бояре* и *бояры*.

Нет установившегося употребления во мн. числе для „семьянин". Предпочтительна форма *семьянины*.

Слова „сосед", „чорт" во множ. числе идут по мягкому склонению — *соседи, черти* и т. д. (Ср. и архаическое *холопи*). Востоков (§ 29) еще допускал как параллельные формы *соседы* (ср. „Тогда нестройные *соседы* Отчаялись своей победы". Лерм.) и т. д. и *холопы*, которая у нас теперь звучит исключительно так.

К словам на *-енок* им. мн. ч. **-ята**. К „щенок" — *щенки* и реже: *щенята*. Сохраняется **-ен** в „чертенок", „бесенок" — *чертенята, бесенята*. Не имеет особого ед. числа *внучата*. Отмеченные особенности основы сохраняются и во всех остальных падежах множ. числа. У таких писателей, как И. Крылов, Л. Толстой, мало считающихся со школьной грамматикой, можно встретить и отклоняющиеся формы типа „мышенки", „волченята" и под. „*Ребята*" может уже не стоять в связи с „ребенок".

К слову „хозяин" — мн. ч. *хозяева* (дат. *хозяевам* и т. д.), к „господин" — *господа*, теперь фактически выходящее из употребления; сохраняется лишь в презрительном значении и в выражениях вроде „господа положения".

Родительный пад. мн. ч.

Слова *глаз, сапог, чулок, погон*; из уменьшительных — *глазок, сапожок, рожок* (со значением пары); *раз, аршин, грамм, человек*[1] (употребляющиеся после названий чисел); названия частей войск, обыкновенно следовавшие за „полк" и под. — *гренадер, драгун, гусар* и под., как и *солдат*; *волос*, в котором род. множественного отличается ударением от именительного ед. ч.; названия народов — *турок, цыган, грузин, монгол, башкир, киргиз* (под влиянием типа *болгар, татар* и под.); *господ* (при котором им. ед.: *господин*) имеют род. мн. без окончания. Ср. еще к „хозяева" — *хозяев*.

Под влиянием „губ" — изредка у писателей можно встретить — „зуб" (у Крылова, Пушкина и др., из более поздних у Лескова: „Приходите на полоскание *зуб*". „Полоскание *зуб* совсем не задалось". „Островитяне"). Форма эта, безусловно, нелитературна; мы говорим только *зубов*.

---

[1] Ср. *пять человек*, но: *страдания людей*. — Из архаизмов: „А в те поры все важны в сорок *пуд*..." (Гриб.). Еще Востоков (§ 29) „десять пуд" считал нормативной формой.

К „сыновья“ род. мн.— *сыновей*, к „друзья“, „князья“— *друзей, князей*, к „тетерева“— *тетеревей* (и *тетеревов*). Полвека назад были еще правильны „кумовей“, „зятевей“ (Востоков, § 29).

Ряд слов в падежах, кроме именительного (вин.) ед. ч., утрачивает **о** и **е**, обычно восходящие к древнейшим глухим звукам — **ъ** и **ь**: *рот — рта, лоб — лба, день — дня, соловей — соловья*; *камень — камня, ремень — ремня* и др.

II. В именах существительных среднего рода различаются относительно немногочисленные варьирующие приметы склонения.

Склонение на **-о,-е** во всех падежах, кроме именительного-винительного ед. ч. и им.-вин. мн., совпадает с мужским; но среднему роду неизвестны параллельные формы родительного и местного ед. ч. на **-у** (**ю**).

Имен.-вин. мн. ч. у слов на **-ко** (одинаково суффиксальное и несуффиксальное) с неподвижным ударением оканчивается не на **-а**, а на **-и**: *веки, яблоки, стеклышки, ушки.*

По существу перед нами факт узаконения в письме произношения, параллельного формам с конечным неударяемым **а**: в Москве, напр., обычны: „сёлы“, „вёслы“, „азёры“ и под.[1] — в группе **-кы** произошло фонетическое изменение в **-ки**. По образцу подобных форм в позднейшее время создано *очки*, где конечный слог находится под ударением и где поэтому ожидалось бы сохранение звука **а**: ср. *войска, облака.*

Остаток двойственного числа представляют: *очи, плечи, уши, колени* (*колена* — форма приподнятого стиля). **-ья** имеем в *донья, крылья, перья, звенья, поленья* (ср. и косвенные падежи *доньев* и т. д.). *Коленья* — „когда говорится о дудчатых составах какого-либо растения или орудия“ (Вост.).

К „судно“ мн. ч.— *суда* (ср. и косвенные падежи *судов, судам* и т. д.).

Родительный падеж мн. ч. обычно не имеет никакого окончания у имен с основой на твердый согласный. Если основа оканчивается на два согласных, между ними обыкновенно появляются вставные (иногда исторически необоснованные) звуки **о, е**, разумеется, с их позднейшими фонетическими изменениями: *дел* (не „делов“, — нелитературная форма), *мест* (не „местов“, — нелитературная форма), *стекол, окон, бревен, ремесел* (при более книжном *ремесл*). При **-ст** вставки нет: *мест.* Отступают *судов, облаков* („облак“— только в архаизирующем стиле,— ср.: „Сквозь *облак* тяжелые свитки...“ (М. Волошин). „Языки медные меж *облак* разбросав...“ (Антокольский). У старых писателей эта форма чаще: *ушков* (при *ушек*), *яблоков* (при *яблок*), *озерков* и имена на **-ико** (*плечиков, колесиков*).

У имен с окончаниями мягкого склонения или шипящими и **й** тоже преобладают родительные множ. ч. без особого окон-

[1] Ср. у старых писателей: „Не их ли кровию омыты Твои булатные *копыты*“ (Пушк.). „Знать, давно в плотине течь, Доски гнилы,— А нельзя здесь не прилечь На *перилы*“ (Фет).

чания: *ружей, солений, сокровищ, плеч.* Слова на **-ье** при этом обычно имеют окончание **-ий** (но ср. *ружей*).

Отступают: *платьев, устьев* (при *устий*)[1] и все имеющие именительный множественного на **-ья** к единственному числу твердого склонения: *морей, полей, плечей* (при более употребительном *плеч*), *очей, ушей.*

В творительном пад. мн. ч. изредка употребляется „плечьми" (обычно *плечами*) и у старых писателей „ушми" (обычно *ушами*): „Питомец резвый Карабаха Прядет ушми..." (Лерм.).

Другие типы склонения среднего рода: *небо, чудо* характерны только вставным **-ес** во всем множественном числе (у старых писателей, напр. у Жуковского, можно встретить „чуда" в смысле „чудовищные животные").

Дитя (род., дат. и пр. *дитяти*, тв. *дитятею*, мн. ч. *дети* и т. д.) встречается почти только у писателей с хорошей книжной выучкой, напр. у Чернышевского „Что делать?", ср. и у Некрасова: „Однако же зависть в дворянском *дитяти* Посеять нам было бы жаль" („Крест. дети"). Теперь предпочитаются косвенные падежи от „ребенок".

Тип на **-мя** имеет **-ен-** во всей парадигме и окончание **и** в родительном, дат. и предложном ед. ч.: *имени*[2]. К слову „семя" установился род. мн. *семян*, к „стремя" — *стремян.*

III. Имена существительные женского рода принадлежат к двум типам склонения на **-а** (**-я**) в им. ед. или на согласный (мягкий или шипящий).

Что касается первого типа, охватывающего и сравнительно многочисленные слова рода мужского, то тут требуют замечаний только такие вариации:

Винит. мн. ч. у названий существ. равен родительному: *вдов, теток.* По их аналогии и *кукол* (но „*играть в куклы*").

Т в. е д. допускает параллельные окончания **-ою** (**-ею**) и **-ой** (**-ей**).

Любопытно, что Востоков, считая сокращение **-ой** (**-ей**) принадлежащим „просторечию" и допустимым в стихах, рекомендовал избегать его там, где родит. мн. оканчивается на **-ей** (§ 26). Мы теперь с этим не считаемся.

Родит. пад. мн. ч. — обычно без окончаний: *жен, плит, линий, туч, рощ.*

При конечной группе согласных имеет место такая же вставка **о**, **е**, как и в именах среднего рода: *сестер, земель, сосен, сумерек* и *сумерок.* Реже случаи вроде *игл, изб, игр.*

При ***-ст***, ***-зд***, ***-лн***, ***-нт*** вставки нет: *волн, лент* и под.

Слова на **-ня** с согласным перед ним, если перед конечным согласным нет ударения (*деревень*), имеют род. множ. с **н** твердым: *башен, пашен, песен.* Мягкое **н** сохраняется еще в словах *барышень* и *кухонь* (Шахматов допускает и *кухон*).

---

[1] *Подмастерьев.* Слово мужского рода, сохранившее окончание среднего рода (по происхождению — собирательное).

[2] У старых писателей этот тип явно ассимилировался обычному склонению; ср: „Но как ужасно знать до *время* Свою ужасную судьбу!" (Рылеев). „Выше *темя* гор" (Кольцов). „Из *пламя* и света Рожденное слово" (Лерм.). „То к *темю* их прижмет" (Крыл.). Ср. диалектное: „сколько время?" Современный литературный язык подобных форм, безусловно, не допускает.

Заметим еще, что в форме род. падежа мн. ч. от „бойня“ — *боен*, но к „тайна“, „война“ — *тайн, войн.*

Окончание **-ей** принадлежит некоторым основам на мягкие или шипящие согласные: *вожжей, клешней, ноздрей, пашей, саклей, ханжей, юношей, головней, западней* и др., большею частью малоупотребительным во множ. числе или редким в единственном. Заметим еще *свиней, семей*, но *молний, линий.*

Из частностей, относящихся к этому склонению, заслуживают еще внимания, что к слову „курица“ в литературном языке множ. числом служит основа *кур* (собственно от неупотребительного „кура“): *куры, кур* (не „курей“!), *курам* и т. д. Пушкин еще склонял: „курицы“, „куриц“ и т. д.

К „слюна“ мн. числе образуется от мягкой основы — *слюни, слюней* и т. д. К слову *мечта* во мн. число употребительны все падежи, кроме родительного; последний обычно заменяется формою *мечтаний.*

К *мольба* и *борьба* родительный множ. тоже образуется от другой основы — *молений. борений.*

Слово *дыра* образует именит., винит. множ. по правилу *дыры* и, как от-клонение,— *дырья.* Последняя форма уже по значению, ср.: „*Дырья* старого сюртука“. От этой основы могут образовываться и остальные падежи: „Платье все в *дырьях*“.

В склонении на согласный варьирующими формами являются:

Вин. мн.: *мышей, рысей,* но *ветви, ночи.*

Тв. ед. Наряду с **-ью** у старых писателей встречается архаическое **-ию**: „Мне *смертию* кость угрожала“ (Пушк.) „И тайной *скорбию* мечта его полна“ (Фет). „Позволь мне *жизнию* упиться день один“ (Фет).

Тв. мн. При некоторых словах употребительны параллельно формы на **-ьми** и **-ями.** Окончание **-ьми** господствует в *лошадьми, дочерьми, плетьми, дверьми,* а также в слове *людьми*, идущем тоже по этому склонению. *Костьми* употребляется только в речений „лечь костьми“ [1]. При всех данных словах возможно и окончание **-ями.** Остальные относящиеся к данному склонению слова имеют твор. ед. только на **-ями**: *костями, печами.*

Из других частностей отметим:

„Сажень“ имеет род. мн. *сажен* и *саженей, церковь* — дат., твор. и предл. мн. ч. с твердыми окончаниями — *церквам, церквами,* при *церквах.*

В словах „дочь“ и „мать“ начиная с род. ед. появляется вставное **-ер**, проникшее в им. (вин.) ед. только в архаическом варианте слова „мать“: „Клянусь, о матерь наслаждений, Тебе неслыханно служу...“ (Пушк.). Ср. и „праматерь“.

Слово „путь“ (м. р.) отличается от соответственного женского склонения только творительным пад. ед. ч. *путем.*

Склоняя слово „любовь“, поэты, по преимуществу старые, наряду с формою *любви*, нередко употребляют вариант *любови*: „Голос нежный, взгляд *любови*...“ (Пушк.). „*Любови* крылья вознесли В отчизну пламени и слова“ [2]. (Ал. Толстой). Сохранение **о** теперь правило только для собственного имени *Любовь.*

Сравнительно с упомянутыми основными типами склонения особых замечаний требуют немногие колеблющиеся категории:

Украинские фамилии на **(-ен)ко** одни изменяют по мужскому

[1] В первой половине XIX века употреблялось и *цепьми.* Ср. у Рылеева: „Гремя *цепьми*, склонивши выю...“

[2] И тут же „*Любви* покорная закону...“

склонению (из писателей, напр., Чехов и Короленко), другие — по женскому, третьи — вообще избегают склонять, т. е. мы наблюдаем склонение: *Шевченка, Шевченку* и т. д.; *Шевченки, Шевченке* и т. д.; в *произведениях поэта Шевченко, поэту Шевченко* и под.

Избегать склонения подобных слов нет серьезных оснований: кроме вреда для конструкции фразы это ни к чему не ведет[1]. Другое дело, когда фамилия на **-ко** относится к женщине и когда способ изменения на **-ова** угрожал бы в русском языке недоразумением — тем, что фамилия представлялась бы связанной с мужским родом на **-ов**.

Какому из двух существующих типов склонения отдать преимущество для мужского рода? Думаем, что Грот („Русское правопис.", § 29) был вполне прав, рекомендуя предпочесть мужское, как правильное, не отклоняющееся от нормы других склоняемых слов. Там, где неударяемость **о** в **-ко** не „соблазняла" к переводу подобных фамилий в женское склонение, кажется, практика знала только мужское: *Копку, Копком, Головку, Головком*. Фамилий на **-ко** женского рода, разумеется, склонять не следует.

В ряде случаев и литературный письменный язык, и, еще более, разговорный, знает колебания склонения, зависящее от неопределенности или сбивчивости примет грамматического рода. В словах, употребляемых только во множественном числе, так как сочетаемые с ними прилагательные не имеют во множ. числе родовых признаков, колебаниям между разными типами склонений сильно подвержен родительный падеж, которым в известных типах различаются роды: к „очки" (слово по происхождению и по орфографическому употреблению дореволюционного времени — среднего рода) — родительный мн. *очков* (мужского типа), „очек" встречается только как отклонение; к „обои" обычный род. падеж *обоев* (реже — „обой"), к „панталоны", „кальсоны" — *панталонов* и *панталон, кальсонов* и *кальсон*; ср. далее: *помоев* и реже *помой, сумерек, сумерок* и реже *сумерков* и под.

Колебание у слов, употребительных, главным образом, во множ. числе, может распространиться на всю парадигму: *брызг* и *брызга* (ср. с род. мн. „брызг" и „брызгов"), *бацилла* и *бацилл*, „нападок" и „нападков" (род. м.) — ср. *нападка* при более редком *нападок*; *рельс* и реже *рельсов* (род. мн.) — им. ед. *рельс* и реже *рельса, ботинка* и *ботинок, манжет* и *манжета, туфель* и *туфля, бакенбарда* и *бакенбард, ставень* и *ставня, ботфорт* и *ботфорта* и под. Особенно распространено такое колебание у парных (ср. еще нелитературное „калош" при литературном *калоша*).

В некоторых случаях у слов на мягкий согласный возникло колебание между склонением мужского и женского рода: *вуаль* — обычно женского рода, изредка переходит в мужской — „вуаля" и под. (напр. у Чернышевского), *мозоль* — женского и мужского р., *рояль* обычно мужск. р., у писателей XIX века часто в женском и под. (главным образом это бывает при окончании -ль). Ср.: „С пожелтевших клавиш плачущей *рояли*... Поднимались звуки, страстно трепетали" (Надсон). „Ставень", род. ед. *ставня* и т. д., род. ед. *ставни* и т. д. Ср. „Ветхая *ставень*, резьба и кровли узорный конек" (Фет). „Ковыль" в женском роде у Некрасова („Мороз красный нос"), повидимому, диалектизм: „Не ветер гудит по *ковыли*".

Реже случаи, когда влиятельным оказывается какой-либо отдельный падеж, в котором не различен род., ср. в *кобуре* — отсюда при *кобура* неправильное *кобур*

[1] Точно также не следует оставлять без изменения географические наименования вроде *Вильно, Ковно, Гродно*, как это находим, напр., у Некрасова: „Никакие известья из *Вильно*, Никакие статьи из Москвы Нас теперь не волнуют так сильно"... („О погоде").

Ряд заимствованных слов в русском языке не склоняется: *какао, желе, какаду, депо* и под. Склонение *пальто*, обычное в разговорной речи, грамматикой до сих пор не узаконено. В языке классических писателей было в употреблении склонение *кофей*, теперь вытесненное несклоняемым *кофе*.

Не склоняются русские фамилии вроде *Дурново, Веселаго*, представляющие остатки родительного падежа ед. ч. Что касается подобных же фамилий на **-ых** (род. мн.) — *Косых, Пьяных* и под., то их тоже обычно не склоняют; ср.: „А сутулый крестьянин с большой бородой голосом *Горных* продолжал говорить“ (Либединский).

Замечание о произношении окончаний в склонении

Неударяемые **е** и **я** звучат в русском обычном как **и**; как **ъ** произносятся они: в имен. пад. ед. — „воля, злая“ звучат — волъ, злайъ; в имен.-вин. ед. ч. средн. рода — „поле чистое“ — полъ чистъйъ; в род. ед. „поля, моря“ — полъ, моръ (т. е. так же, как в им. ед.); в окончаниях мн. ч. (**-ям, -ями, -ях**) — стулйъм, стулйъми, стулйъх.

В предложном падеже конечное **е** переходит в **и** или близкий к нему звук: в поле (где?), в море (где?) звучат: ф поли, в мори (см. Д. Ушаков, Русская речь, III, стр. 24). В именительном-винительном среднего рода во множ. числе обычно в московском произношении **-ы** (**-и**) „вороты, гнезды, крючьи“ и под. Однако, такое произношение под влиянием письма часто уступает место произношению **ъ**, которое следует считать в данном случае общелитературным.

2. ДВИЖЕНИЕ УДАРЕНИЯ В СКЛОНЕНИИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Русский язык обладает двумя основными типами м у ж с к о г о склонения, сохраняющими ударение родительного падежа ед. числа: 1) типом с ударением корня, префикса или суффикса и 2) типом с ударением флексии.

П р и м е р ы 1: *перевал, огород, мак, взор, звук, запах, разум, выстрел, селянин, гражданин, буян.*

П р и м е р ы 2: *огня* (род. п.), *жука, куска, косаря, соловья.*

Это типы с неподвижным ударением[1].

Очень много слов входит в группы, характеризующиеся п о д в и ж н о с т ь ю ударения:

Группа *а*. Сохраняет ударение основы во всем ед. числе и именительном (у неодушевленных он, разумеется, и вини-

[1] Сюда же следует отнести и „путь“ — род. *пути*, дат. *пути* и т. д.

тельный) множ.: *гость, гостя* и т. д., *гости*; *лапоть, лаптя* и т. д., *лапти*, но переносит ударение на флексию, начиная с род. множ.: *гостей, гостям* и т. д.; *лаптей, лаптям* и т. д.; *воры*, но *воров, ворам* и т. д.

Группа *б*. Ударение неподвижно в ед. числе и лежит не на флексии, но переносится на флексию во множ.: поезд... на поезде, но: *поезда, поездов* и т. д.; город..., в городе, но: *города, городов*; сына (род. п.), на сыне, но *сыновья, сыновей, сыновьям* и т. д.

Группа *в*. Ударение неподвижно в ед. числе, кроме предложного (местного), в котором оно переносится на флексию: *на берегу, на ходу, в ряду, на возу* (ср. берега, берегу, хода, ходу и под.); флексия множ. числа ударяема: *берега, ряды, возы, берегов, рядов, возов* и под.

При некоторых словах русский язык вместе с вариантами окончаний именительного, винительного множ. числа имеет два типа ударения: *дома — домы, года — годы, образа — образы* (с различием в значении).

В подвижной тип группы *а* входят, напр.: *зуб, клуб, вор, мот, чорт, бас, бог, слог, волк, червь, голубь, корень, окунь, перстень, соболь, зверь, лебедь, коготь, ноготь, гусь*.

В эту группу вступают только имена существительные, имеющие в имен. пад. ед. ч. не более двух слогов.

Группа *б* охватывает, напр., слова: *хлеб, рог, зять, дар, сыр, муж* (им. мн. *мужья*), *пай, остров, погреб*.

Эта группа все увеличивается в числе за счет неподвижного типа 1-го. По существу и она состоит из слов односложных и двухсложных в именительном единственного, но в нее вошло небольшое количество имен существительных, главным образом иностранных, трехсложных: учитель — *учителя*, профессор — *профессора*.

К группе *в* относятся слова почти сплошь несуффиксальные и непрефиксальные. Как отметил Я. Грот (ФР[3], стр. 438), сюда „из предложных имен... могут подлежать только такие, которые без предлога (т. е. префикса) не употребительны, напр. *откуп, погреб — на откупу, в погребу*“, но в них теперь предпочитается вместе с другим окончанием ударение на *откупе*, в *погребе*. Чаще других употребляется только в *отпуску* [1].

Из слов с неподвижным ударением на флексии *угол, узел, угорь* в именительном падеже ед. ч. имеют ударение на корне.

У *коня, гвоздя* и т. д. имен. мн. звучит: *кони, гвозди*, но род., дат. и т. д.: *коней, конями* и т. п.

Зубки, зубок, и т. д. при ед. ч. *зубок, зубка* и т. д. — продукт влияния слова „губки“. Ср. еще расхождение в ударении

[1] Следующие слова имеют в литературном языке колеблющееся ударение (относятся одновременно к разным типам): *пруда* и *пруда, пажа* и *пажа, моста* и *моста, плода* и *плода* (в последнем случае со значением „животного плода“), *прута* и *прута, следа* и *следа, сома* и *сома, уса* и *уса, шута* и *шута, червя* и *червя, лоскута* и *лоскута*; ср.: „... И ветер пронзительно свищет Ветвистым своим *лоскутом*“ (А. Белый), *этажа* и *этажа, поста* (служебного и под.) и *поста*. В языке писателей XIX века встречалось *холма*, теперь — *холма*.

между единственным и множественным числом у слов с суффиксом **-ок, -ка**, обозначающих парные предметы: *глазки* (*глазок*), *сапожки* (*сапожок*), *рожки* (*рожок*), к *рога*; но растения, музыкальные инструменты — *рожки*.

При **два, три, четыре, оба** слова *ряд, шаг, час* образуют формы *ряда* (и *ряда*), *шага, часа*; возможно такое ударение еще и при *шар, раз*. Ср. и *полчаса*. У писателей первой половины XIX века нередки *два раза* и под.

Среди слов среднего рода преобладают такие, в которых един. число отличается от множественного своим ударением: слово, слова (ед. ч.) — *слова* (мн. ч.); право, права — *права*; сердце, сердца — *сердца*; вино — *вина* (мн.); весло, весла (ед. ч.) — *вёсла* (мн. ч.); крыло — *крылья* и под. Ср. отражение подобной тенденции в слове, обычно не употребляющемся во множ. числе: „В тумане волн и брызги серебра И стертые эмалевые краски... Я так люблю осенние *утра*“ (И. Анненский)[1]. Это же правило проводится и в тех типах, где во множественном числе, начиная с род. ед., появляется добавочный слог: небо — *небеса*, чудо — *чудеса*, время — *времена*, семя — *семена*[2], а также в трехсложных с ударением на первом слоге, переносящих его обычно на флексию во мн. ч.: кружево — *кружева*, облако — *облака* и в трехсложных с ударением на конце, переносящих его во множ. числе на средний слог: полотно — *полотна*, колесо — *колёса*. Ср. еще ударение плечо — *плечи*.

Отступления от указанной тенденции различать ударением единственное и множественное число немногочисленны; не подчиняются ей слова со срединным ударением — *корыто, полено* и под.; книжные и сделавшиеся бытовыми слова церковнославянского происхождения — *питьё, питие* — мн. ч. *питья, пития*; *торжество* — мн. ч. *торжества*; *пиршество* — *пиршества*; *кушанье* — *кушанья*; *платье* — *платья*; *правило* — *правила*; остатки двойственного числа с окончанием **и**: *уши, очи, плечи*.

В немногих случаях родит. пад. мн. ч. при вставном гласном может получать ударение на нем: *колец, окон* (при обычном *окон*), ср. и *яиц*.

Слова *уши, очи* имеют в остальных падежах ударение *ушей, ушам* и т. д., *очей, очам* и т. д. *Плечи* наряду с *плечам* и т. д. в поэтическом языке допускает ударение на корне („Жизнь Крепким ветром по *плечам* моим Узловатой хлестала веревкой“, Н. Тихонов).

В женском склонении на **-а, -я**, различаются по ударению типы: 1: С устойчивым ударением на основе: *сила, силы* и т. д., *рана, раны* и т. д., *корзина, корзины* и т. д.

2: С устойчивым ударением на флексии: *мечта — мечты* (им.-вин. мн.); *статья — статьи* (им.-вин. мн.).

---

[1] Слова *дерево* и *озеро* имеют теперь обычно множ. число с ударением *деревья* (при архаическом *дерева*) и *озёра*; в грамматике Востокова отмечалось еще только *озера*.

[2] Слово „знамя“ при старом *знамена* (мн. ч.), сохраняющемся еще главным образом в поэзии („Бедой шумели знамена“, Пушк.), имеет новое *знамёна*.

3: С ударением на флексии в единственном числе и с переносом его на предшествующий слог в именительном (винительном) множественного: *сестры, сестру — сёстры; волна, волну — волны.*

4: С ударением на флексии в един. числе, кроме винительного падежа, и с переносом на предшествующий слог (в формах с полногласием на первый) в винительном един. и именительном (винит.) множ.: *зима — зиму, зимы*; *земля — землю, земли*; *доска — доску, доски*; *борода — бороду, бороды*; *борона, борону, бороны*; *сковорода — сковороду, сковороды* [1].

В обоих типах с подвижным ударением дательный, творительный и предложный в одних словах имеют оттянутое ударение; в других — на флексии: *сестрам, женам, играм, зимам,* но *рукам, ногам, свечам.* Немало и таких слов, у которых ударение этих падежей колеблется: *волнам, волнами* и *волнами, скалам, скалами* и *скалам, скалами;* ср. еще на *волнах* и на *волнах,* на *скалах* и на *скалах.*

Ср. у поэтов: „Кто при *звездах* и при луне так поздно едет на коне?“ (Пушк.). „Они крылатыми *стрелами* Пронзают в облаках орлов“ (Пушк.). „Однако, предо мной под мирными *звездами*...“ (Фет). „На небо синее, горевшее *звездами*“ (Фет). „Шлейф, забрызганный *звездами*...“ (А. Блок). „... Стонет он по *тюрьмам*, по острогам“ (Некр.), но: „И над мигом свивая покровы, Вся окутана *звездами* вьюг...“ (А. Блок). „Вы пронзаете *стрелами* горькими, Горькими *стрелами* стами“ (Кузмин) и под.

Тот же перенос во множественном числе наблюдаем у двухсложных основ с ударением на флексии в единственном: *высота — высоты, красота — красоты, седина — седины, простыня — простыни* (и *простыни*). Перенос ударения в этой группе слов — одно из наиболее молодых явлений в истории русской акцентуации: писатели XVIII века и отчасти даже XIX нередко еще сохраняют и во множественном числе ударение единственного, да и само множественное число у ряда подобных слов с абстрактным значением появилось только относительно недавно [2].

Слова на **-ина́** в тех редких случаях, когда от них образуется множественное число, и теперь сохраняют конечное ударение: „И шершавым шагом меря таежные *тишины*, Видят...“ (Н. Тихонов).

В родительном множеств. ч. в подвижных типах обычно ударение переносится на последний слог: *голов, похорон, сковород, сестер, земель, серег*; ср. и при окончании **-ей**: *судьи — судей, свечи — свечей* и под. Реже случаи вроде *сосен — вёсен.* Впрочем, у многих писателей начала XIX века *сосна* вообще имеет ударение на **о**.

---

[1] Из трехсложных (кроме полногласных) характерна подобная подвижность для слова *слобода*: вин. ед. *слободу* (при *слободу*), им. мн.: *слободы.*

[2] Слово *сирота* образует множ. ч. *сироты* и *сироты.* Диалектной формой следует считать *сироты*; ср. у Некрасова „Горькие мы сироты“. Впрочем, Я. Грот высказывался и против ударения „сироты“ (Ф. Р., стр. 335).

Как уже отчасти ясно из сказанного выше, принадлежность слов к тому или другому из типов в русском литературном языке не является в ряде случаев твердо установленной, и колебания, особенно если принять во внимание полностью и язык XIX века, довольно значительны.

Не исчерпывая материала, отметим, напр., колебание в ударении *пору* и *пору* (последнее чаще); ср.: „И, неизменные, ликующей весне *Пору* зимы напоминают" (Фет). „В глуши что делать в эту *пору*?" (Пушкин). „В золотую *пору* малолетства Все живое счастливо живет" (Некр.); *губа* и *губа, слюда* и *слюда, овцу* и *овцу*; ср.: „Из лесу серый волчище выходит. Чью он *овцу* унесет?" (Некр.), или: „Крестьянин позвал в суд *овцу*" (И. Крылов), но у него же: „Из стада серый волк В лес *овцу* утащил"; *избу* и *избу*: „Я вижу полное гумно, *Избу*, покрытую соломой" (Лерм.), но „Прибежали в *избу* дети" (Пушк.); *сосну* и *сосну*: „Забравшись на *сосну* большую По веточкам палицей бьет" (Некр.); *грозу* (обычно) и *грозу*: „Люблю *грозу* в начале мая" (Тютчев). „Грустью тучи не принудить *Грозу* мимо пронести" (И. Крылов). Востоков считал литературным ударение *семью, овцу, свинью* (стр. 20). Последние теперь вовсе не употребляются. В языке Пушкина и Лермонтова и их современников „скала" принадлежит к неподвижному типу с конечным ударением; ср.: „Дробясь о мрачные *скалы*, Шумят и пенятся валы" (Пушк.). „Передо мной *скалы* и лес" (Рылеев), „Уж проходят караваны через те *скалы*" ... (Лерм.) и др.

Женское склонение на согласный

В единственном числе ударение обыкновенно переносится у многих односложных основ на окончание местного падежа (т. е. после предлогов **в** и **на**): в *ночи*, в *пыли, в степи*, в *тени* и под. Таковы из употребительных, кроме упомянутых: *цепь, мель, дверь, грудь, жердь, клеть, сеть, горсть, десть, кость, честь, связь, ось, печь, речь.*

Двухсложные *лошадь, площадь*, раньше в литературном языке имевшие местный падеж с ударением на конце (ср. Востоков, § 184)[1], теперь сохраняют ударение именит. ед.

Распространенные ударения родительного и дательного ед. ч. на окончании не являются образцовыми литературными, хотя относительно нередки они и у крупных писателей: „В пространстве пасмурной *дали*" (Пушк.). „Заржавый от *крови* в сраженьи" (Лерм.). „... К *груди* хозяйки молодой" (Фет). „... Бросается Еще сейчас к *груди* Плетень к ночной красавице" (Б. Пастернак). „Я же, дерзкий, голову старую К мощной прижал *груди*" (А. Безыменский). „Если выйдут из *печи* Пирожки твои душисты" (Щепк.-Купер.).

Литературной норме соответствуют: „Свесив русые головы к *груди*" (Некр.). „Найдет ли он пищу у *груди*?" (Жемчужников). „Трезвее, чем младенец, Еще ни разу *груди* не вкусивший" (Минский). „Мореходец морей небывалых, Все сияние к *груди* прижми" (В. Кириллов). „С *печи* не спрыгнет" (Никитин). „Но вот ни *крови*, ни очам Своей души в соблазн я не дал" (А. Майков) „... Вершины *цепи* снеговой Вдали сверкали предо мной" (Лерм.).

Во множ. числе слова женского склонения на согласный односложные в им. ед. или с ударением на первом слоге двухсложные обыкновенно имеют ударение в родительном, дательном, творительном и предложном множественного числа на флексии: кости, но *костей, костям, костями*, о *костях*; степи, но *степей, степям, степями*, о *степях*; волости, но *волостей, волостями, о волостях*. Отступления относительно редки: „Не люблю богатых *сеней*, Мраморных тех плит..." (А. Толстой). „Но уже не видел духов *Теней* бледных

[1] Ср. у Тютчева: „На роковой стою *очереди*"; „Толпа народа уж кипит на *площади*" (Полежаев) и под.

и печальных Из далеких стран Понима" (И. Бунин). „Увлек незримый в царство *теней*" (Тютчев).

В творительном множ. на **-ми** в словах женского рода и в тех других родов, которые подвергались влиянию этого склонения, ударение падает на **-ми**: *дверьми, дочерьми, детьми, лошадьми, людьми, плетьми, костьми* („речьми", „страстьми", „сетьми", „ушми" следует считать вышедшими в настоящее время из употребления).

Принципиально особенности ударения склонения типа „кость" во множественном числе принадлежат словам „мать" — *матери, матерей* и т. д., „дочь" — *дочери, дочерей* и т. д.

Не имеют подвижности ударения во мн. числе, характерной для односложных в именит. ед. ч. — *грань, дебрь, ель, жизнь, копь* (чаще *копи*), *лань, мысль, нить, песнь, рать, рысь, связь, хлябь, цель* и некоторые другие, редко употребляемые, а также употребляющиеся только во множественном числе — *гусли, козни, перси, ясли*. Из двухсложных с ударением начального слога следует отметить весь тип на **-ость** и почти все префиксальные *завесей* и под. (но *повестей, пристаней*: „Под вечным ветром *пристаней* Бесилась цепь и лодка ныла", Н. Тихонов).

3. СКЛОНЕНИЕ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Склоняться в русском языке могут прежде всего прилагательные членные, исторически образовавшиеся из нечленных, по склонению совпадающих с соответственными группами имен существительных, и местоимения **и, я, е**... — „он", „она", „оно". Они представляют очень небольшое количество типов.

Именительный падеж единств. числа мужского рода оканчивается орфографически на **-ой** или на **-ый** в твердом склонении, на **-ий** после *г, к, х* и на **-ий** же в склонении мягком теперь и мягком исторически (после *ж, ш*; *ч, щ*). Окончание **-ой** выступает только под ударением — *глухой, седой, роковой, чужой, большой*. Окончания **-ый** и **-ий** характерны для случаев неударяемости — *готовый, милый, надежный, рыжий, больший*. В произношении вместо орфографического **ы** у москвичей является звук **ъ**, впрочем под влиянием графики у многих заменяемый несколько редуцированным звуком **ы**: *милъй* (и *милый*), *гатовъй* и под.

После *г, к, х* принято писать **и**, так как литературному русскому языку, как и подавляющему большинству говоров, кроме специфических положений, произношение „гы", „кы", „хы" неизвестно. Фактически, однако, в московском произношении, не отражающем влияния письма, здесь *г, к, х* тверды, и за ними звучит редуцированный звук **ъ**, прямой наследник старого *о*, т. е. пишем *отлогий, горький, тихий*, а читаются эти слова согласно московской норме как *отлогъй, горькъй, тихъй*[1].

[1] Еще в 70-х годах обычной была орфография „большенькой, меньшенькой" (им. п. муж. рода), в этом случае дававшая отражение живому произношению, пренебреженному после Ломоносова.

Заметим еще особенности произношения гор. Москвы — окончания в имен. пад. ед. ч. ж. р. и ср. р. *я* и *е* здесь звучат одинаково: какайъ, раднайъ, такайъ, орфогр. *какая, родная, такая*; раднойъ, такойъ — орф. *родное, такое.*

Родительный падеж ед. ч. мужского и среднего рода имеет своей приметой орфографически окончание **-ого** в твердом склонении и после *ж, ш, ч,* когда флексия ударяема; **-его** — в мягком склонении и после *ж, ш, ч, щ, ц* — когда флексия неударяема[1]: *родного, глухого, великого, сильного, чужого, большого*; *давнего, древнего, свежего, лучшего, горючего, пропащего, кущего.*

Произносятся эти окончания соответственно *овъ, ъвъ* и под.: ь ь ьь ьь радновъ, виликъвъ, давнивъ, свэжывъ и под. Чтение с *г* нормой литературного произношения не допускается.

Творительный падеж ед. ч. женского рода допускает параллельные окончания **-ою** и **-ею**, **-ой**, **-ей**: *тихою* и *тихой* (радостью), *давнею* и *давней* (историей).

Сравнительно с украинским, влияющим в этом отношении на русскую устную речь населения Украины, следует подчеркнуть, что русскому языку неизвестно в мужском и среднем роде ед. ч. предложного падежа влияние дательного: по-русски говорят только: *в родном краю, в родном селе* и под.

Множественное число, как и в украинском, различия родов не имеет: в дореволюционной орфографии существовало искусственное различение — именит. (вин.) мн. мужского рода ***-ые, -ие*** (сильные ветры, яркие огни), женского и среднего ***-ыя, ия*** (сильныя бури, сильныя волнения, яркия краски, яркия пятна). Новой орфографией это различение, как не имеющее оснований в живом языке, отменено.

В типе „лисий, лисья“ именительный (вин.) мн. оканчивается на *и: лисьи, волчьи, охотничьи, третьи* (ср. и *чьи*).

В прилагательных нечленных неместоименных склоняемыми являются только образования с суффиксом **-ин**: *мамин, мамина, мамино*; *дядин, -а, -о.* И в говорах, и в живом литературном употреблении они фактически, кроме именительного (вин.) ед. и множ. числа (*мамины, дядины*), перешли в обычное склонение прилагательных. Большая часть грамматик, однако, до сих пор законными считает только формы старинного склонения — род. п. ед. ч. муж. и среднего рода — *мамина, дядина*, дат. п. ед. ч. м. и ср. р. — *мамину, дядину*, хотя признает фактом предложный падеж — *о мамином, о дядином* вместо старинного „о мамине, дядине“. Примеры из языка писателей[2] убеждают, что живая

---

[1] Орф. е выступает соответственно и в дат., предл. ед. ч. муж. и ср. р., дат., тв. и предл. женского.

[2] „Месяца три спустя после *Маниного* праздника...“ (Лесков, „Островитяне“). „В первые два дня *Петькиного* пребывания на даче богатство и сила новых впечатлений... смяли его маленькую и робкую душонку“ (Л. Андреев). „Левинсон распорядился, чтобы к вечеру собрался для обсуждения *Морозкиного* поступка сельский сход вместе с отрядом“ (Фадеев).

тенденция отказаться от архаичного склонения очень сильна и вряд ли есть нужда этот процесс задерживать.

Остатки архаического склонения слов на **-ов**: *отцов, -а, -о* и под. более естественны: сами эти слова употребляются обычно только[1] в речи, стилизованной под народную или архаическую: *отцова наказа, отцову веленью* и под. Предложный падеж, однако, и у них возможен только с окончанием **-ом, -ой.**

В архаическом слоге у писателей начала XIX века и под. можно встретить формы краткого склонения также от всяких прилагательных: „Вы помните *нежданну* встречу?" (Пушк.). „Под ними *борзы* кони бьются" (Пушк.).

Норма современного литературного языка допускает подобные формы только в окостеневших выражениях: „От *мала* до *велика*" и под.

Из архаизмов склонения, встречающихся у старых поэтов, надо упомянуть род. пад. ед. ч. жен. р. на **-ыя**: „Досталось мне пасти иное стадо на пажитях *кровавыя* войны" (Жуковский). „Иль манит тебя из *земныя* неволи..."

Несклоняемое прилагательное *рад, -а, -о* (ср. и архаическое *горазд, -а -о*) имеет множественное число *рады*. Гоголь употребляет старинную и диалектную форму „ради". „Это кресло у меня уже ассигновано для гостя; *ради* или *не ради*, но должны сесть" („Мертв. души", гл. 2); у арт. Щепкина (Записки крепостн. актера): „Степанов, синенькую и штоф водки — выдержишь тысячу палок? — *Ради* стараться, ваше благородие!" Ср. и у Сухово-Кобылина: „*Ради* стараться, ваше превосходительство" (Расплюев в „Смерти Тарелкина").

Со склонением прилагательных связаны ставшие теперь именами существительными фамилии и названия мест. Фамилии на **-ский** целиком изменяются по нормальному типу прилагательных. В фамилиях на **-ов** и **-ин** специфические окончания прилагательных выступают только в творительном ед. ч.: *Ивановым, Карамзиным* и во всех косвенных падежах множественного числа. Ср. и названия местностей на **-ово, -ино**. Единственное число женского рода совпадает с обычным склонением прилагательных во всех падежах, кроме винительного: *Иванову, Карамзину*.

Ряд бывших прилагательных, при которых имя существительное опускалось как само собою подразумевающееся, перенял на себя роль существительных. Некоторые из подобных прилагательных и вовсе перестали согласоваться с существительными и по смыслу превратились в типичные имена предметов, но сохранили внешние особенности склонения прилагательных определенного рода: *мастеровой, портной, мостовая, насекомое, животное*. Заметим, что *животное, насекомое*, как названия существ, имеют винительный мн. ч., совпадающий с родительным.

---

[1] За редкими исключениями, вроде: „Этот маккиавелический образ действия был совершенно в духе *Августовой* политики" (Тургенев).

4. УДАРЕНИЕ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В нечленной форме прилагательные, мужской род которых односложен, переносят ударение в женском роде на окончание: *слаба, тиха, чиста, права, горда* и т. д., ср. *слабы, тихи, чисты* и т. д. Отступает *рада* (не имеющее при себе членной формы).

Отступления от правила об ударении окончания в женском роде у других употребительных слов немногочисленны и находят свое простое объяснение: *лжива, льстива* представляют образования с суффиксом (**-ив**), с которого ударение не переносится (ср. красива, болтлива); *схожа* — образование префиксальное (ср. похожа); *вечна, дивна* — книжные формы, отражающие церковно-славянское влияние. Перенос ударения в женском роде мы наблюдаем и у двухсложных с беглыми **о, е**: *по*лон — *полна*, крепок — *крепка*, виден — *видна*, а также у трехсложных с беглым **е**: голоден — *голодна*, холоден — *холодна*, короток — *коротка*, и у четырех двухсложных с **е, о** небеглыми: весел — *весела*, дешев — *дешева*, зелен — *зелена*, солон — *солона*.

К прилагательным, имеющим во всех формах, кроме мужского рода, ударение окончания, относятся (ограничиваемся примерами множественного числа): *белы, черны, добры, круглы, смуглы, мокры, пестры, свежи, остры, светлы, темны*. Ср. еще и такие двусложные в мужском роде, как *горяч, тяжел, хорош*, имеющие ударение окончания в остальных формах: *горячи, тяжелы, хороши*. К „болен, должен, ясен“ и под. — мн. ч. *больны, должны, ясны*. Восходящая к форме среднего рода сказуемная безличная форма звучит *должно*, но в сочетании *должно быть* ударение падает на конечное **о**.

Заслуживает внимания, что ударение некоторых нечленных прилагательных мужского рода в литературном языке в настоящее время заметно отличается от ударения классических писателей и свидетельств старых грамматик (Греча, Востокова). Так, напр., Греч и Востоков произносили легок, короток; Востоков — волён [1], грозён, красён (о цвете; но красен — о красоте), ровён, резов. Ср. у классических писателей: „А милый пол, как пух, *легок*“ (Пушк.). „Все также ль *легок* его бег?“ (П.). „Строен, *легок* и могуч и тешится быстрой игрой“ (П.). „Покоен, крепок и *легок* На диво сложенный возок“ (Некр.). „Как-то шумлив и *легок*, Дождь начинается летний“ (Некр.). „Передрассветный сон природы уже стал чуток и *легок*“ (А. Майков). „Ребенок был *резов*, но мил“ (Пушк.). „Рассказ мой будет *короток*“ (И. Крылов).

Нечленные формы употребляются относительно редко, и это является причиной того, что исконное их ударение забывается. Отсюда — многочисленные колебания, особенно в среднем роде единственного числа и во множественном числе.

Ср.: „А кто изобрел поцелуи, *скажи*. Уста его были, наверно, *свежи*“ (П. Вейнберг), но: „Обоняние тонко в мороз, Мысли *свежи*, выносливы ноги“ (Некр.). „Как хороши, как *свежи* были розы В моем саду...“ (Мятлев). „Как эти дни *далеки*!“ (Апухтин). „Пашни родные куда *далеки*!“ (Никитин), но: „Теперь я стара, так *далёки* те красные дни!“ (Некрасов), „Небеса при жизни мне *далёки*“ (Андреевский).

[1] В настоящее время „волён“, „ровён“ (ср. неровён час) и под. ощущаются как диалектные.

Попадаются случаи колебаний у тех же самых авторов в тех же произведениях: „Дома *новы*, но предрассудки стары“ и „Примеры мне не *новы*“ (Грибоедов), „Днепра же *светлы* стремнины“ и „И *светлы*, как заря, Два славные предстали пред ним богатыря“ (А. Толстой)[1]. Как показывает последний пример, особенно благоприятны условия для влияния ударения членной формы, когда нечленная выступает в роли определения при сказуемом.

Дело усложняется тем, что форма среднего рода, могущая иметь особое ударение, во многих случаях совпадает с формой наречия, которое в свою очередь выступает в двух функциях — собственно-наречной и сказуемной. Греч (стр. 490) дает, напр., для среднего рода ударение „мало“, но мы в настоящее время, произнося „мне этого мало“, в фразе „это помещение мало“ употребляем другое ударение; Востоков (стр. 208) в качестве ударения среднего рода приводит „бóльно“, но у нас оно теперь характеризует только наречие[2]. Случаи, однако, вроде лермонтовского „Но окно тюрьмы *высóко*“, где функционально наречие может смешиваться с прилагательным среднего рода (высóко — где? или каково?), в речевой практике довольно часты, и им в значительной мере язык обязан неустойчивостью ударения в данных формах.

Ср. подобное колебание и в наречиях: „Ай, *далекó*, *далёко* ты, Загреб!“ (И. Бунин). „*Глубоко* под гладью водной, *Высоко* над головой“ (Жемчужн.). „Солнце теплое ходит *высоко*“ (Фет). „И *далеко* по вершинам разносится горное эхо“ (Верес.). „Она была уж *далеко*“ (Лерм.). „Нигде так *глубоко* и вольно не дышит усталая грудь“ (Некр.). „Шли мы розно. Прохлада ночная *широко* между нами плыла“ (Фет). „Что звало жить, что силы горячило — *Далёко* за горой“ (Фет).

Заметим отступающие от обычных ударения в сочетаниях: *полным - полнó*, *пьяным - пьянó*.

5. ОСОБЕННОСТИ СКЛОНЕНИЯ НЕКОТОРЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Уже упоминалось о том, что склонение личных местоимений представляет не только изменение флексии, но и самих основ. Даем их таблицу:

	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
И.	*я*	*мы*	*ты*	*вы*
Р.	*меня*	*нас*	*тебя*	*вас*
Д.	*мне*	*нам*	*тебе*	*вам*
В.	*меня*	*нас*	*тебя*	*вас*
Т.	*мною, мной*	*нами*	*тобою, тобой*	*вами*
П.	*обо мне*	*о нас*	*о тебе*	*о вас*

Сходно склоняется не имеющее им. п. — *себя*.

Р. п. — *себя*, д. п. — *себе*, в. п. — *себя*, т. п. — *собою, собой*, п. п. — *о себе*.

---

[1] См. Чернышев, Русское ударение, стр. 68.

[2] Другие примеры см. у Р. Кошутича „Грам. руског језика“, II, § 109.

Иногда встречаются в разговорной речи южнорусские формы род. п. ед. ч.: *мене, тебе, себе* (*миня, тибэ, сибэ* и дат. п. ед. ч.: *миня*). Формы эти, безусловно, нелитературны.

Склонение анафорического местоимения создается также образованиями из нескольких основ:

	Ед. ч.		Мн. ч.
И.	*он, оно*	*она*	*они*
Р.	*его, него*	*ее, нее*	*их, них*
Д.	*ему, нему*	*ей, ней*	*им, ним*
В.	*его, него*	*ее, нее*	*их, них*
Т.	*им, ним*	*ею, нею*	*ими, ними*
П.	*о нем*	*о ней*	*о них*

Примечание: При управляющих этими формами предлогах вместо „его ему" говорят *него, нему*..., т. е.: я вижу *его*, но: *у него* нет денег[1].

Как и у прилагательных, в формах на **-го** литературная норма допускает только произношение с **в**.

Наряду с формой женского рода **неё** (род. пад.) после предлогов **у** и реже — для допускается употребляющаяся, однако, редко форма **ней**; ср. у поэтов: „...У *ней* не плакавшие очи и не болевшая душа". „И не жалела, не щадила Для *ней* ни ласки, ни труда!" (Тютч.). „Он не ступит и шагу для *ней*: В кошельке - то вся жизнь у них" (Апухт.).

Под влиянием старой орфографии, требовавшей писать в род. ед. „ея" (церковное чтение), являлось и соответственное произношение, засвидетельствованное, между прочим, и рифмами у поэтов: „На крик испуганный **ея** Ребят дворовая семья сбежалась..." (Пушк.). Языков рифмует: „Душа веселится моя" и... „ручка и ножка **ея**"; но нередко у тех же самых писателей рифмуется и **ее**: „...Я для **нее** Сгубила счастие мое" (Пушк.) и под.[2].

Творительный падеж женского рода после предлогов допускает параллельные формы: с *нею* и с *ней*, за *нею* и за *ней*. Без предлога форма „ей" литературной нормой не разрешается: „Ах, Софья, Неужли Молчалин избран **ей**?" в „Горе от ума" или: „Одной заветной отдалась любви И **ей** одной дышала и болела" (Тютчев), повидимому, поэтическая вольность или остаток старого разговорного употребления.

Именительный пад. м н. ч. для всех родов *они*.

В дореволюционном письме женский род писался „оне", у многих выступало и подобное произношение, засвидетельствованное рифмами у поэтов: „И две беспредельности были во мне И мной своевольно играли **оне**" (Тютчев). „Не пой, красавица, при мне Ты песен Грузии печальной, Напоминают мне **оне** Другую жизнь и берег дальной" (Пушк.), но рядом же были возможны живые, некнижные: „Отец, отец, оставь угрозы! Свою Тамару не брани! Я ачу... Видишь эти слезы? Уже не первые **они**" (Лерм.).

Другие примеры у Кошутича, § 108.

Из других местоименных форм отметим: **некий, некая, некое,** род. п. *некоего, некоей*, дат. п. *некоему, некоей*, твор. п. *некиим, некоей*, предл. п. *о некоем, о некоей*, мн. ч. — *некие, некиих, -им, -ими, -их;* **сам** — твор. п. ед. ч. *самим*, вин. пад. ед. ч. *саму, самоё*, им. мн. ч. *сами*, род. пад. мн. ч. *самих* и т. д.; **тот** — твор. пад. ед. ч. *тем*, но **этот** — твор. пад. ед. ч. *этим*; им. п. мн. ч. *те*, но *эти*; род. п. мн. ч. *тех*, но *этих* и т. д.; склонение **весь**,

[1] Это употребление — остаток глубокой старины, когда **н** было принадлежностью некоторых предлогов перед гласными: **съ ними**, но: **съ вами**; после **н** стали ощущать как звук, относящийся к форме местоимения, — *с ними*.

[2] Другие примеры см. у Р. Кошутича „Грам. руског језика", II, § 109.

вся, все сходно с косвенными падежами „он, она, оно", но твор. пад. ед. ч. муж. и среднего рода *всем*, род. ед. ж. р. *всей*, вин. п. ед. ч. жен. р. *всю*. **Мой, моя, мое; твой, твоя, твое; наш, наша, наше; ваш, ваша, ваше** склоняются тоже, как косвенные падежи от „он, она, оно"; кроме формы род. п. ж. р. — *моей, нашей* и вин. п. ед. ч. *мою, нашу*. **Сколько, столько, несколько, много** имеют склонение типа *скольких, стольких* и т. д.[1], но после предлога *по* употребляется дательный — *по стольку, по нескольку* и под.; реже родительные после *до* — *до сколька* и *до несколька* („до многа" вовсе неизвестно). **Никто,** *никого* ..., **ничто,** *ничего* ..., но *ни о ком, ни к чему*. **Некого, нечему,** но *не для кого, не к чему*. **Никакой,** но *ни у какого*. **Некто** (— кто-то) и **нечто** (— что-то) не склоняются.

Архаические формы *коего, коей* и т. д. изредка встречаются в канцелярском языке, иногда в научном (устарелом) и у писателей, ср., напр.: „Нужно прекратить печатание ряда журналов, среди *коих* есть такие безграмотные и пошлые, как „Сов. следопыт" (Горький, „Изв." 13/VI — 31). Как относительную редкость можно указать их у поэтов второй половины XIX века: „И храм отцов, от моха чёрный, Над *коим* плавные круги Паря чертит орел нагорный" (Ал. Толстой).

6. ОСОБЕННОСТИ СКЛОНЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Один, одна, одно. Склоняются, как обыкновенные прилагательные, кроме следующих форм: твор. ед. муж. и ср. рода *одним*, вин. ед. ж. рода — *одну*. Множ. число идет по типу „они". До реформы правописания 1917 г. для женского рода во множественном числе употреблялись формы: „одне, однех, однеми, об однех". В произношении они и тогда не были живыми, как показывают рифмы: „Для вас, души моей царицы, Красавицы, для вас *одних* Времен минувших небылицы В часы досугов *золотых* ..." (Пушк.).

Два (м. и ср. р.), **две** (ж. р.) склоняются — р. п. *двум*, в. п. *два, двух, две, двух*; тв. п. *двумя*, предл. п. *о двух*.

Три, четыре — тв. п. *тремя*, но *четырьмя*.

Сорок, девяносто, сто имеют во всех падежах, кроме винительного, окончание **-а**: *сорока работникам, девяноста работницам*. — „Вы пронзаете стрелами горькими, Горькими стрелами *стами*" (М. Кузмин) — любопытный пример архаизма, поддержанного необычным порядком слов (ср. и *двумястами*). Архаические дательные падежи известны и после предлогов *ко* и *по*: *ко сту, по сту* и под.

Пятьдесят и под. Склоняются обе части: *пятидесяти* (род., дат., предл.), *пятьюдесятью* (твор.). Чернышев (стр. 133) в творительном считает „вполне возможными" еще не узаконенные „пятидесятью", „шестидесятью".

[1] По типу *много, многие* изредка появляется не узаконенное литературной нормой „сколькие": „Вспомни, *сколькие* пали в борьбе" (Некрасов, „Не рыдай").

Двести, триста..., пятьсот... Склоняются обе части (склонение *сот* — в этом сочетании — обычное склонение мн. ч. среднего рода): *двухсот, двумстам, двумястами,* о *двухстах.*

Тысяча имеет творительный падеж ед. ч.: *тысячею* и *тысячью.*

Оба (м. р.), **обе** (ж); р. п.: *обоих, обеих*; дат. п.: *обоим, обеим*; тв.: *обоими, обеими*; пр. п.: *об обоих, об обеих.* По широко распространенному недоразумению считают, будто особое женское склонение этого слова отменено орфографией 1917 года („Харьк. Пролетарий", напр., последних форм не употреблял вовсе). Формы *обеих* и под. — факт нашего книжного языка и никогда не отменялись.

Пол в соединении с существительными имеет во всех падежах, кроме винительного, окончание **-у**; существительное сохраняет свое склонение, напр., тв.: *полугодом* (ср. полгода), *полуведром* (ср. полведра).

Полтора, полторы произошли из „пол-втора", „пол-вторы". Во всех падежах всех родов, кроме винительного, только *полутора.*

Двое, трое склоняются как „одни". В винительном *двое* и *двоих.* **Четверо** и под. — по образцу прилагательных твердого склонения.

§ 7. УДАРЕНИЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ И МЕСТОИМЕНИЙ

Здесь можно отметить, имея в виду, главным образом, отличия от украинского и от ударения говоров, относительно немногое: *двоих, двоими, обоих, обеих, обоим, обеим, одиннадцать, четырнадцать, полтора, полутора.* Ударение *меня, тебя, его, того, ему, тому* и под. в русском языке не подвергается влиянию предшествующих предлогов и не переносится на первый слог.

Ударением различаются некоторые косвенные падежи от „сам, сама, само" и „самый, самая, самое": *самого, самой, самому, самой... и самого, самой, самому, самой...* Заметим еще *сами,* но *самих, самим* и т. д.

§ 8. ПЕРЕНОС УДАРЕНИЯ НА ПРЕДЛОГИ

Перенос ударения на предлоги, нечастый в украинском языке, в русском представляет черту еще живую, но обнаруживающую признаки падения: во многих случаях замечается колебание[1], и перенос ударения на предлоги характеризует, главным образом, некоторые постоянные сочетания, приобретающие смысл, близкий к наречиям.

Переносить ударение на предлоги могут только слова с подвижным в парадигме ударением; *за город* (*город* — им.-вин. мн. *города*), *на берег* (*берег* — пред. ед. ч. *на берегу*, им.-вин. мн. *берега*), *на гору* (*гора* — вин. ед. *гору*, им.-вин. мн. *горы*), *на зиму* (*зима* — вин. ед. *зиму*, им.-вин. мн. *зимы*), *по уши* (*уши* — род. мн. *ушей*, дат. *ушам*), *на ночь* (*ночь* — предл. пад. *в ночи*, род. мн. *ночей*, дат. мн. *ночам*), имеющие при этом в соответственной форме существительного ударение начального слога. Отступления, вроде *по двору* (ср. двору), *по столу* (столу), редки.

[1] Ср., напр., в том же стихотворении А. Блока: „Но час настал и ты ушла из дому" и „В сырую ночь ты из дому ушла".

Не при всех предлогах в одинаковой мере наблюдается данный перенос: литературный язык, вне сочетаний, производящих впечатление заимствованных из диалектов, не знает, напр., вообще говоря, ударения предлогов **из, над, от, при, про, у**[1]; **о, об** допускают перенос только при формах винительного падежа: *об руку, о землю, об пол.*

Имя существительное, осложненное согласованным с ним прилагательным или зависящим от него существительным, обыкновенно ударения на предлог не переносит: „на берег", но *на берег пустынный*; „за день", но *за день тяжелого труда* и под. Ср. у Пушкина: „На море синее вечерний пал туман". „Чтоб людям на смех и на зло...", но „Как бы на смех ее супругу". Случаи, вроде „Хоть на вечер один назвав ее своею" (Фет), „И вряд ли до ночи глухой", встречаются редко.

Слова **два (две), три, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, сорок, сто** зачастую переносят ударение на предлоги **за, на, по**: *на пять, за сорок, по сто*; ср. еще *со ста, во сто; по двое, на двое, по трое, на трое.* В отличие от других имен, на числовые имена зависящие от них слова не влияют в смысле оттягивания ударения на корень.

С прилагательных ударение на предлоги не переносится. К редким исключениям относится выражение *на босу ногу*; ср.: „Стать бы снова приморской девчонкой, Туфли *на босу ногу* надеть..." (А. Ахматова).

Если сравнить ударения писателей начала XIX века и даже позже с тем, что мы наблюдаем в языке теперь, то ослабление описываемой особенности выступает довольно заметно. Сейчас уже, напр., не говорят: „Что за люди, mon cher!" „Со сна садился в ванну со льдом" (Пушк.). „И по льду звучному бестрепетно идут" (Пушк.). „Все ходит по цепи кругом" (Пушк.). „Друг на друга словесники идут" (Пушк.). „А из саду в окно вползающие розы..." (А. Толстой).

Впрочем, не следует упускать из виду, что тенденция переносить ударение на предлог не была господствующей уже и в течение XIX века и многие писатели, особенно родившиеся и воспитавшиеся в области южнорусских говоров (Жуковский, Лермонтов, А. Толстой и др.), охотно употребляли формы с ударением имени.

9. ГЛАГОЛЬНАЯ ФЛЕКСИЯ

Глаголом мы называем группу форм, обозначающих действие или состояние и имеющих приметы известного времени: *говорю, говоришь, говорил, говорила*; *принесу, принес, принесла* и под., или наклонения: *говори, принеси, поезжай.*

В качестве характерной приметы глагола выступают еще окончания, обозначающие лицо, напр., *говорю, говорит* и вместе с тем число; ср.: *говорим, говорят*; но признак лица отсутствует в прошедшем времени (см. ниже).

В состав грамматического понятия, которое мы называем глаголом, входят довольно разнообразные формальные признаки:

[1] „Жди да у моря сиди" в „Кто он?" А. Майкова соответствует общему стилю речи старика-рыбака. Ср. у Пушкина: „Город у моря стоит" („Сказ. о царе Салт.") и „Люди из моря выходят". Как редкий случай стоит отметить: „Он у моря часто бродил по ночам" (Некрасов, „Русск. женщ.").

действие или состояние в известном отношении к лицу и времени обозначаем флексией: *говорю, говоришь, говорит*; *прошу, просишь, просит*; время обозначаем суффиксом (**л**), указывая флексией только на отношение к роду или к числу лица (*говори-л, говори-л-а, говори-л-о, говори-л-и*); форму будущего времени образуем двояко: аналитически — при помощи вспомогательного глагола *буду, будешь* и инфинитива (неопределенной глагольной формы) и синтетически — от основ совершенного вида с теми же самыми окончаниями, что и в настоящем времени: *буду, будешь* и т. д. *говорить*, но *попрошу, попросишь* и под. Характерны для глагола и особые суффиксы, уточняющие понятие действия; напр., известные суффиксы указывают, иногда в комбинации с флексией основ, на значения вида, т. е. на то, как действие протекает во времени. В состав глагольных примет могут входить также префиксы, зачастую вносящие значения вида (*принес, занес, набрал, прибрал, набираю, прибираю*) и другие морфологические и синтаксические, т. е. проявляющиеся только в связной речи, признаки (напр., многие глаголы управляют винительным падежом, которым не могут управлять ни имена существительные, ни имена прилагательные). Известными особенностями с глаголами связаны инфинитивы, формы, лишенные примет времени и лица, в предложении употребляющиеся, главным образом, как формы, примыкающие к глаголам, отглагольным существительным, прилагательным и под. (*хочу писать, желание писать*) и под.; глагольные прилагательные — причастия, обладающие признаками времени и синтаксических связей, параллельных глагольным: *приведенный вами факт, строющие наше будущее*; деепричастия, наречия глагольного корня с некоторыми приметами времени и глагольного управления: *видя эту картину, увидя эту картину*.

Мы не будем здесь рассматривать в системе глагола и родственных форм того, что относится к словообразованию, т. е. формам, характеризующим изменения в понятиях независимо от связи слова с другими во фразе. Мы ограничимся здесь описанием изменяемых глагольных окончаний, которым принадлежит известная роль во фразе, и лишь коротко упомянем о тех грамматических образованиях, которым принадлежит то же грамматическое значение, но выраженное при помощи других примет. В виду теснейшей связанности с системой глаголов здесь же рассмотрим и инфинитивы.

Флексия далеко не всегда выступает в наших языках как элемент, четко обособляющийся, и потому рассмотрение ее обязывает уделить внимание и тем частям слова, с которыми она так или иначе связана.

Формы настоящего времени и параллельные им по флексии формы будущего времени совершенного вида имеют окончания **-у** (**-ю**) (1 л. ед. ч.), **-шь** (2 л. ед. ч.), **-т** (3 л. ед. ч.), **-м** (1 л. мн. ч.), **-те** (2 л. мн. ч.), **-ут** (**-ют**), **-ат** (**-ят**) (3 л. мн. ч.).

Окончание 2 л. ед. ч. произносится, естественно, как обыкновенное **-ш**.

В 3 л. ед. ч. литературная норма не допускает южнорусского диалектного окончания **-ть**.

Окончание 2 л. мн. ч., в отличие от украинского языка и севернорусских говоров, никогда не носящее на себе ударения, звучит соответственно законам русской фонетики — **ти**.

В 3 лице множ. ч. в литературном произношении г. Москвы не под ударением возможно только окончание **-ут(-ют)**, т. е. говорят не только *чешут, мажут, знают, кроют,* но и „просют", „ходют", „красют", которым на письме соответствуют — *просят, ходят, красят*; под ударением, однако,— *блестят, гостят* и т. п. Вне Москвы широко распространено произношение „просят", „ходят" и под.

От архаического спряжения сохранилось немногое: *дам, дашь, даст, дадим, дадите, дадут*[1] и *ем, ешь, ест, едим, едите, едят.* Обломками старого спряжения являются и *есть* (3 л. ед. ч.), редкое и книжное в глагольной роли, и архаическое *суть* (3 л. мн ч.).

В формах на **-ся** (1 л. ед. ч. обычно на **-сь**: ленюсь, горжусь) следует заметить произношение 2 лица ед. ч. и 3 л. ед. и множ.: *ленишься, гордишься* звучат — лэнишса, гардишса; леница, гардица (или с долгим *ц*); лэнуца, гардаца (или с долгим *ц*). Произношение 3 л. ед. ч., таким образом, нередко совпадает с произношением инфинитива, хотя пишутся соответственные формы различно: *гордиться,* напр., и *гордится* звучат одинаково „гардица". О том, что в литературном произношени **-ся** и **-сь** в глагольных формах звучат как **-са** и **-с**, уже упоминалось[2].

По главной примете, стоящей перед окончаниями 2 — 3 лица ед. ч. и 1 — 2 множ. различают 2 основных класса русского спряжения: класс — **е** и класс — **и**:

1) *станешь, режешь, можешь, несешь, поешь, стареешь, ласкаешь*;

2) *просишь, ходишь, молчишь, стоишь.*

В первом классе 3 лицо мн. ч. выступает орфографически с приметой **-ут (-ют)** во втором - **ят (-ат)**: *станут, режут, могут, несут, поют, стареют, ласкают,* но *просят, ходят, молчат, стоят.*

По изменению согласных перед окончанием 1 л. ед. ч. и далее или его отсутствию различаются две подгруппы 1 класса: а) согласный не меняется: *стану, могу, несу;* б) согласный меняется: **т** основы переходит в **ч**: *мет-ать — меч-у*; **с** в **ш**: *пи-сать — пиш-у*; **з** в **ж**: *вяз-ать — вяж-у*; губные получают добавочное мягкое л: *сып-ать — сыплю, сыплешь..., дрем-ать —*

---

[1] Ему уподобилось этимологически не родственное с ним образование „создать" (из „съзьдати"; ср. *здание, зодчий* — „строитель"): *создам, создашь* и т. д.

[2] **-сь** — произносится только в деепричастии после ударения: „гонясь" — читается „ганас", „смеясь" — „смийас", но „любуясь" — „лубуйъс" и под.

дремлю, дремлешь, группа **ск** изменяется в **щ**: *плеск-ать — плещ-у*. Формы с переходом **т** в **ш** и **д** в **жд** — церковнославянизмы: *ропт-ать — ропщ-у, страд-ать — стражд-у* и под.

В третью группу могут быть выделены глаголы с **й** перед приметой класса: *пьешь*, т. е. „пйош“; *льешь*, т. е. „лйош“; *знаешь*, т. е. „зна(й)эш“; *стареешь*, т. е. „старэ(й)эш“ (вм. э чаще звучит просто *и*).

Во втором классе в 1 л. ед. ч. согласный основы изменяется — т на **ч, д** на **ж, с** на **ш, ст** на **щ, зд** на **ж**: *лет-ишь — леч-у, ход-ишь — хож-у, прос-ишь — прош-у, свист-ишь — свищ-у, езд-ишь* — „йэжу“ (пишется *езжу*), но сохраняется в отдельных формах.

Губные получают при себе мягкое **л**: *лов-лю, граф-лю, лом-лю*, не переносящееся в 3 л. мн. ч. — *ловят, графят, ломят*.

Частности:

В подгруппе „а“ первого класса во 2 и 3 л. ед. ч. и 1, 2 л. мн. ч. **к, г** основы соответственно изменяются в **ч, ж**: *пеку — печ-ешь, берегу — береж-ешь*. **Ч, ж** такого происхождения не проникают в 1 л. ед. ч. и 3 мн. (ср. укр. „печу, печуть, бережу, бережуть“). Единственное слово, где **к** перед **е** сохранено аналогией, — *ткешь, ткет* и т. д. Рекомендуемая Я. Гротом форма „точешь“ фактически не употребляется.

Особенности обоих классов соединяет в себе спряжение **хочу** и **бегу**: 2 л. ед. ч. *хочешь*, 3 л. ед. ч. *хочет*, 1 л. мн. ч. *хотим*, 2 л. мн. *хотите*, 3 л. мн. *хотят*; 2 л. ед. *бежишь*, 3 л. ед. *бежит*, 1 л. мн. *бежим*, 2 л. мн. *бежите*, 3 л. мн. *бегут*. Заметим еще, что 3 л. мн. у *чту, чтишь, чтим* и т. д. звучит обычно *чтут*, а не „чтят“, которое, однако, считается допустимым, хотя и малоупотребительно.

К *расшибить* будущее время идет по первому классу — *расшибу, расшибешь* и т. д. *Выздороветь* имеет спряжение: *выздоровею, выздоровеешь, выздоровеет... выздоровеют* и *выздоровлю, выздоровишь* и т. д.

О взаимоотношении основ настоящего времени и инфинитива говорилось уже в главе IV. Здесь упомянем только еще несколько подробностей:

К инфинитивной основе *ста-ть* форма будущего времени сов. вида — *стану* и т. д.

От инфинитивной основы *еха-ть* настоящее время не употребляется: в качестве формы настоящего времени употребляется *еду*, не имеющее своего инфинитива („ед-ть“ фонетически изменилось бы в „есть“, которое представляло бы омоним к *есть* от *ем*).

К *сесть, лечь* будущее *сяду, лягу*.

Прошедшее время глагола в качестве флективной приметы обладает только признаками рода и числа в ед. числе: *просил, просил-а, просил-о, лез, лезл-а, лезл-о* и только числа — во множественном.

Формы прошедшего времени глаголов — в прошлом причастия, употреблявшиеся со вспомогательным глаголом *есмь, еси* и т. д. От прежней своей природы они сохранили три рода, но утратили склонение. Примета этих образований — аффикс **-л**, прибавляемый к основе инфинитива: *би-л, ходи-л, скака-л, гляде-л.*

В инфинитивах фонетически изменялись группы **г** и **к** + **ть** (**ти**) в **ч**: мог + ти, пек + ти изменились в *мочь, печь.* Формы прошедшего времени глагола образуются, однако, от старой основы: *могла, пекла.* В мужском роде единственного числа фонетически **-гл, -кл** изменились в **г, к**: *мог, пек.* Те же черты в основном повторяются у основ на губные, **з** и **с**: „скрести" — *скреб*, „грести" — *греб*, „везти" — *вез*, „вырасти" — *вырос.* Уже в восточнославянскую эпоху группы **дл, тл** упростились в **л**, а еще раньше **д, т** перед **т** изменились в **с**. Вот почему в случаях вроде *плет-у, пряд-у* инфинитивы звучат: *плести, прясть*, а формы прошедшего времени: *плел, плела* (без **т**), *прял, пряла* (без **д**) и под.

К инфинитивам на **-ереть** соответствующие формы прошедшего времени образуются особо: *умер, замер, оттер, умерла, заперла* и т. д.

От инфинитивов с суффиксом **-ну**, — если он сам по себе не вносит значение совершенного вида, — во многих случаях образуются формы глаголов прошедшего времени без него. **-ну** может отсутствовать только у глаголов, не имеющих на нем ударения и притом таких, где основа на согласный: *увял, озяб, погиб, погас, мерз, мок* и под. (но ср. *стукнул, лопнул* и под.). Такие глаголы не обозначают мгновенного действия. Иногда употребляются варианты с **-ну**, — большею частью в стихотворном языке: „... и шум ее колес *умолкнул*" (Пушкин).

Впрочем, в формах непрефиксальных нередко отдается предпочтение формам с **-ну** и в прозаическом языке: *гаснул, вянул* и под.

Примечание. При некоторых глаголах со значением мгновенности действия существуют формы совершенного вида без окончаний. Их можно рассматривать как междометия в сказуемной функции: *Мышь шмыг в щелку* (ср. *шмыгнула*). *Собака бух в воду* (ср. *бухнулась*).

Формы повелительного наклонения. Окончанием 2 лица ед. ч. является **-и**, если в инфинитиве, оканчивающемся на **-ить, -и** стоит под ударением: *проси, ходи, хвали, положи* [1] (ср. просить, ходить, хвалить, положить), или если соответствующая форма 1 л. ед. ч. настоящего времени имеет ударение на флексии: *неси, мели, чеши, скажи* (ср. несу, мелю, чешу, скажу). Отступают *пой* (ср. *пои* к „поить"), *стой*, тип *жуй, клюй.*

Далее, окончание **-и** принадлежит основам на два и три согласных: *умолкни, молви, стукни, помысли.*

Если два согласных не представляют группу, оканчивающуюся на **в, л, н**, то **и** может опускаться: *почисть* чаще, чем

[1] Из диалектов заимствовано речение „вынь да положь". Изредка форма ед. ч. 2 лица выполняет функцию 3 л. ед. ч. с резкой эмоциональной окраской (долженствования): „Ах, тот *скажи* любви конец, Кто на три года вдаль уедет" (Гриб.).

почисти; (*не*) *порть* чаще, чем (*не*) *порти*; (*не*) *морщь* чаще, чем (*не*) *морщи*.

Повидимому, при *окончи, няньчи* в живой речи появляются и „окончь", „няньчь" [1]. Не отбрасывается **и** в *езди*. Слова книжного происхождения могут сохранять **и** против правила, ср.: (*не*) *напакости, уведоми* и под.

Флексия **и** всегда лежит под ударением, но образования с носящим на себе ударение префиксом **вы-** от глаголов, где **и** ударяемо, его сохраняют: *вынеси, вычеши, выскажи*.

В остальных случаях окончанием формы является на письме **ь** (на произношение **ж, ш** в смысле их умягчения он, конечно, не влияет) или **й**: *стань, глянь, отрежь, выкинь, (не) смей, налей, (не) тоскуй, строй*.

Особую форму представляет *ляг*.

Заметим еще, что в основах на **к, ч** последние сохраняются в форме повелит. наклонения: *пеки, беги*.

В глаголах типа „лью, бью" и под. имеем фонетическое изменение *лей, бей* и под.

К *еду, поеду* не образуется повелительного наклонения той же основы: вместо этого употребляется форма *поезжай*.

От *ем* повелительное наклонение звучит *ешь*, от *дам — дай*.

Не образуется обычно повелительных форм от „видеть" и „слышать".

Окончание 2 л. мн. ч. повелительного наклонения **-те**: *старай-тесь, коси-те, стань-те, режь-те, ешь-те*.

1 л. мн. ч., обозначающее, собственно, „я, мы + ты, вы", оканчивается или на **-мте** или на **-м**, обычное окончание 1 л. настоящего (будущего) времени: *купимте, сделаемте, выпишемте; купим, сделаем, выпишем* (см. и ниже). Формы на **-мте** воспринимаются как более вежливые.

Формы 3 л. повелительного наклонения аналитические (см. ниже).

За флексией 2 лица ед. и мн. ч. и 1 мн. может выступать частица **-ка**, тесно с ними спаивающаяся (не допускает между собою и глагольною формою никакого другого слова). Обозначает она известную смягченность приказания и вместе с тем бóльшую фамильярность в отношении приказывающего к лицу, к которому он обращается. Пишут ее с черточкой: *пойди-ка, пойдите-ка*.

10. ИНФИНИТИВ (НЕОПРЕДЕЛЕННАЯ ГЛАГОЛЬНАЯ ФОРМА)

Структурно (строением основы) инфинитивы связаны с формами прошедшего времени глагола. Расхождение между ними в существенном исчерпывается образованиями прошедшего времени без **-ну-** и теми чертами, которые вызваны уже упомянутыми фонетическими изменениями: **д, т** перед **т** в **с, -гти, -кти** — в **-чи** (откуда далее **-чь**) и некоторыми другими: „вед-ти" — *вести*, „плет-ти" — *плести*, „мог-ти" — *мочи — мочь*. Особняком стоит

[1] Ср. Чернышев, стр. 168, утверждающий, впрочем, что последние формы вообще в литературном языке встречаются изредка.

инфинитив *итти* (*идти*)[1], прошедшее время к которому образуется от другой основы — ср. *шел, шла* (из древнейшего слав. шьдлъ, шьдла). Примета инфинитива — аффикс **-ть**, под ударением **-ти**: *нести, вести*. Еще в языке начала девятнадцатого века формы с конечным ударением употреблялись чаще, чем теперь: ср. „печи" вм. современного *печь* („Беда, коль пироги начнет *печи* сапожник" Крылов). В формах с префиксом **вы-** окончание **-ти** может сохраняться: *вынести, вывести*.

В инфинитивах с префиксами, где в XIX веке еще часто употреблялись формы на **-ть**: *принесть, заплесть, привесть* (но *привезти*) и под., в письменном языке теперь предпочитаются формы на **-ти**. Реже **-ть** из былого подударного **-ти** встречается в формах непрефиксальных. В письменном языке такие формы встречаются почти исключительно в стихах: ср. в „Полтаве" Пушкина: „Утратить жизнь и с нею честь, Друзей с собой на плаху *весть*".

11. АНАЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ СПРЯЖЕНИЯ

На границе словоизменения и синтаксиса в точном значении слова стоят аналитические формы, различные образования, состоящие из двух или даже трех слов, функционально совпадающие с соответственными или близкими им формами словоизменения. Таковы, напр.:

Формы будущего несовершенного вида: *буду, будешь... изучать*; *буду, будешь... смотреть*. Реже — *стану глядеть* и под., вносящие некоторый колорит народной речи или оттенок особой эмоциональности: *Стану думать, что скучаешь ты в чужом краю* (Лерм.).

Формы условного наклонения. Состоят они внешне из форм прошедшего времени и подвижной частицы **бы, б**, которая может отходить и к другим словам предложения: *Когда б ты знала, Когда бы ты воображала неволю душных городов*! (Пушк.).

Формы 3 лица повелительного наклонения. Образуются сочетанием служебного слова **пусть** (в архаическом стиле **да**) и форм 3 лица настоящего (будущего) времени: *Пусть он скажет об этом Николаю.— Да снидет ангел сна, прекрасен и крылат!* (А. Толстой). *Прости! Да будет мир с тобою!* (Пушк).

---

[1] Основы настоящего (будущего) времени не совпадают с основами инфинитива с точки зрения современных отношений в следующих группах форм

1) бер - е - шь : бра - ть ; дер - е - шь : дра - ть ; вр - е - шь : вра - ть ; тр - е - шь : тере - ть; пь - е - шь : пи - ть ; мо - е - шь : мыть ; бре - е - шь : бри - ть ;

2) ку - е - шь : кова - ть ; клю - е - шь : клева - ть ; толку - е - шь : толкова - ть ; горю - е - шь : горева - ть;

3) плыв - е - щь : плы - ть ; слыв - е - шь : слы - ть ; жм - е - шь — жа - ть ;

4) пиш - е - шь : писа - ть ; чеш - е - шь : чеса - ть ; скаж - е - шь : сказа - ть ;

5) гор - и - шь: горе - ть ; смотри - шь : смотре - ть ; молчи - шь : молча - ть и в нескольких отдельных случаях: кол - е - шь : кол - оть и под., спи - шь : спа - ть и др.

Возможна в поэтическом и архаическом стиле подобная форма 1 и 2 лица: ... *И да почию безмятежно* (Пушкин).

Форма 1 л. мн. ч. повелительного наклонения состоит из **давай** или более вежливого **давайте** и формы 1 л. мн. ч. настоящего (будущего) времени: *давай скажем, давайте скажем.*

Формы страдательного залога, состоящие из соответствующих страдательных причастий в краткой форме и вспомогательных глаголов (в прошедшем и будущем времени): *был разыскан, было разыскано, будет разыскано* (ср. „разыскивался", „разыщется" и под.).

Сочетания с причастиями настоящего времени, точнее, несовершенного вида: *был разыскиваем, будет разыскиваем* и под. — архаичны и малоупотребительны.

12. УДАРЕНИЕ ГЛАГОЛА

Отметим следующие особенности русского ударения в глаголах и инфинитивах: ударение во втором лице множественного числа не переносится на конечный слог: *пьёте, несёте*; *молчите, смешите, спешите*, т. е. в типе с приметой **-и-** формы изъявительн. и повелительн. наклонения могут не различаться. В сев.-русском наречии до сих пор сохраняются формы „говорите" и под. Ряд глаголов с инфинитивами на **-и** (**-ть**) в настоящем (будущем) времени допускает ударение двоякое — на примете **-и** (а также на окончании 1 л. ед. ч. и 3 л. мн.) и на корне (при ударяемости окончания 1 л. ед. числа).

В современном литературном языке колеблющимися в этом отношении являются: *валишь* и *валишь*, *варишь* и *варишь*, *вопишь* и *вопишь*, *гасишь* и *гасишь*, *катишь* и *катишь*, *манишь* и *манишь*, *мутишь* и *мутишь*, *палишь* и *палишь*, *теребишь* и *теребишь*, *травишь* и *травишь*, *трубишь* и *трубишь*, *трудишься* и *трудишься*, *тужишь* и *тужишь*, *цедишь* и *цедишь* и др. В отдельных случаях колебание разрешилось в родственных формах закреплением того или другого ударения; ср. *садишь*, но *садишься*, *положишь*, но *ложишься*, *подаришь*, но *даришь*. В языке писателей, особенно таких, напр., как Некрасов, не свободных от влияния диалектизмов, можно встретить еще *красишь*, *тащишь* и под., при установившихся литературных *красишь*, *тащишь* и под. [1].

Сличение славянских языков показывает, что колебание в этом типе — черта очень давняя [2]. Русские диалекты оказывают предпочтение тому или другому месту ударения: в севернорусском наречии более распространено конечное ударение, в южнорусском — накоренное. Повидимому, южно-

[1] А. Востоков, впрочем, в „Русской грамматике", изд. 12-ое, 1874 г., стр. 211, различает как литературную норму „потащишь", но „тащишь". Думаю, что Чернышев (§ 38) справедливо последнее ударение относит к диалектным вместе с такими, как „исключат, копишь, уморит" и под. Ср и его замеч. на стр. 37.

[2] N. van Wijk. Zur Betonung der Verba mit stammbildendem *i*. Archiv für slav. Philol. XXXVII, 1918, стр. 1 и далее. — Список слов, колеблющихся в русском, у Я. Грота, Филол. раз. I, стр. 280 — 281.

русское влияние оказывается более сильным, и его победе следует приписать установление, напр., литературного произношения „плотиш“ вместо старого „платиш“ (весь этот тип „дориш — дарю, котиш — качу“ возник как раз на почве утраты конечного ударения и осмысления отношений „дариш: дарю“ по аналогии с „водиш: вожу“). В общем сейчас некоторые формы с конечным ударением ощущаются как книжные и более или менее архаичные. В относительно немногочисленных случаях произошла диференциация значений: *катит*, напр., *шар*; *катит — на тройке* и под.; ср. еще у Крылова: „... как зима *катит* в глаза“; *палит*, напр., *дрова*; *палит — из пушки* и под. В русском литературном языке имеем только „держишь, терпишь“, при колеблющемся „вертишь“; ср. у Крылова („Мартышка и очки“) „... *вертит* хвостом, с вороны глаз не сводит“. „Целый день на фабриках колеса Мы *вертим*, *вертим*, *вертим*“ (Некр.), но — „Веретено мое прыгает, *вертится*...“ (Некр. „Мороз красн. нос“).

В настоящем времени слова *плюет, клюет, сует* у поэтов первой половины XIX века нередко встречались с ударением на коренном слоге; теперь оно уже не употребляется. Ср.: „И *плюет* на алтарь, где твой огонь горит“ (Пушк.). „*Дует, плюет* на меня“ (Пушк.). „Ветер точит зерно, Птица *клюет* его“ (Кольцов)[1].

В типе с инфинитивом на **-ну(ть)** лишь несколько глаголов, начиная со 2 л. ед. ч., имеют накоренное ударение (тянешь, тонешь, обманешь, взглянешь). Возможно с таким ударением и *минет* при *минёт*.

Во всех остальных ударение настоящего-будущего времени совпадает с ударением инфинитива. Формы этого класса, однако, допускают известные колебания в месте ударения, ср. такие, напр., ударения у поэтов[2]:

Примеры колебания у Пушкина: „дрогнуть, прыгнуть, черпнуть“ — см. у Будде, Сборн. Ак. Наук XXVII, III, стр. 168.

„Увы, блестящей полосой *Юркнула* в темноту“ (Фет). „Изумлен, что день не *минул*“ (Фет). „*Прыгнул* через поток живой“ (Фет). „На ратуше в одиннадцатый раз *дрогнула* медь уклончиво и туго“ (Фет). „Исчезли все, *юркнув* в одно мгновенье“ (Фет). „И вот под лодкою *вздрогнувшей* быстрина Сверкает сталью вороненой“ (Фет). „Кто — говорю я — *спрыгнёт?*“ (Майков). „Кто, рыцарь ли знатный иль ратник простой, В ту бездну *прыгнёт* с вышины?“ (Жуковский). „Лес, проснувшись сенью, не *дрогнёт* ветвями“ (Надсон). „С печи не *спрыгнёт*“ (Никитин). „Ком снегу она уронила На Дарью, *прыгнув* по сосне“ (Некр.); но: „И *дрогнули* зрители все, возопив“ (Жуковский). „Ты, не *дрогнув*, удар приняла“ (Некр.). „Идет, не *дрогнет* под водой“ (Фет). „Ах, как быстро ночь *минула*!“ (Гриб.). На юге вместо правильного *кашлянуть* ударение обычно ставят на **у**.

В отличие от украинского языка префиксы в образованиях настоящего-будущего времени в русском на себя ударения не перетягивают[3]. Поэтому в литературном русском имеем только *порвёт, заснёт* и под. Отступления очень немногочисленны: это не имеющее при себе в русском языке простого глагола

[1] Из него же Чернышев, § 25, цитирует: „И очи темные к моим очам прикует“.

[2] Приводим и формы, органически связанные с инфинитивом, как свидетельство об его ударении.

[3] Кроме **вы-**, в совершенном виде ударяемого во всей системе глагольных форм.

приму — примешь и заимствованное из старославянского *узрю — узришь*. Сюда можно было бы отнести и встречающиеся у писателей *придешь... придут* и под.; ср. напр.: „Ведь рифмы запросто со мной живут — Две придут сами, третью приведут". (Пушк.) „А все же к презренным твоим алтарям Не придут венчанные жены" (Апухтин). Для колебания характерно: „Придут с песнью на устах Наши дети, А не дети, так придут С песнью внуки" (Фет); но рядом с префиксальными столь же часты у них и простые, рано отвлеченные от префиксальных образований: *„идет"*, *„идут"*; ср.: „... Идут тесно под скалами" (Пушкин), и у него же: „... Друг на друга словесники идут". „Да мимо идет зов мятежный" (Фет). „Мимо идут бригантины" (А. Майков). Не говоря уже о явных церковнославянизмах вроде: „Да снидет ангел сна, прекрасен и крылат" (А. Толстой). Ср. и примеры Чернышева, § 20.

Ударение инфинитивов является обыкновенно вместе с тем и ударением форм прошедшего времени.

Расхождение между ними наблюдается в следующих случаях:

Ряд слов в единственном числе женского рода имеет конечное ударение: *брала, была, взяла, вила, врала, гнала, ждала, жила, звала, лгала, лила, пила, плыла, пряла, рвала, слыла, спала, стлала*. Колеблется *ткала* и *ткала*.

Соответственные префиксальные образования в формах мужского и среднего рода единственного числа и во множественном переносили ударение на префикс[1]. Это же имело место и по отношению к **не**, когда за ним следовала непрефиксальная форма этой же группы: „Я не спал" (Державин) и под.

Теперь в употреблении перенос ударения главным образом у тех, корень которых начинается с одного согласного: *пробыл, продал, нажил, налил, пропил, не было, не дали, не жили, не пил*. Ср. еще *принял* (при-н-я-л), *поднял*. Перенос на **не** част также при *взял* (вз-я-л) — *не взял*. Перенос только на префикс распространен при *со-здал* и при *звал*: *созвал, позвал...* (но обычно — *не звал*).

„Всех порадовал мальчик,— *назвали* мальчика Паном" (Вересаев). „Утром *позвали* судей" (Некр.); но у него же: „Хоть бы раз Иван Мосеич Кто меня *назвал*". Ср. и у Пушкина: „*Позвал* меня, пожал мне руку". У Рылеева: „Он в свой дворец меня *призвал*".— Из языка старых поэтов отметим еще: „Завидную вы *избрали* дорогу" (Пушк.), „призрел" (Лерм. „Мцыри").

Чернышев (§ 33) считает литературным и „не спал", видя в „не спал" у многих поэтов южнорусский диалектизм. Последний, однако, выступает, повидимому, гораздо чаще и представляет собою скорее правило, чем исключение; ср. указанное Чернышевым грибоедовское „Пил мертвую, не *спал* ночей по девяти"; „Я не *спал*,— и звучало за рекой, Трепетало, рыдало надо мной" (Ф. Сологуб).

Под влиянием ударения инфинитива в южнорусском наречии распространены формы с ударением *пропил, прожил, пролил, нажил* и под. Хотя они встречаются иногда и у поэтов (и не только южноруссов по рождению, как Лермонтов, Никитин и др., примеры из которых приводит Чернышев., § 32, но и северян; ср. у Пушкина: *„Подняли* трупы, понесли"),— они всегда ощущаются как погрешность против образцового литературного языка.

[1] Префикс **пере-** имеет при этом ударение на первом **е**: *пережил* и т. д.

С ударением на корне употребляются только *испил, изжил, излил* и некоторые другие (малоупотребительные).

Еще большую погрешность представляют формы женского рода с ударением вроде „была, брала, звала, пробыла, забрала". Это южноруссизмы и в литературной речи не употребляются. Нелитературны также формы женского рода с ударением „пробыла, продала, нажила" (влияние мужского и среднего рода ед. числа и форм множ. числа), почти сплошь господствующие в речи носителей русского языка на Украине, как и: „были, дали, прожили, пролили", вм. „были, дали, прожили, пролили". Несколько обычнее для литературной речи отступления при корне -мер: ср. „Вы видели море такое, Когда *замерли* паруса?" (Н. Асеев).

Из частностей отметим, что в *забыл, забыла,* где корень уже отдельно от префикса не осознается, ударение неподвижно, а при корне *би* ударение переносится на префикс только в выражениях: *пробило пять... часов; часы пробили*; ср.: „Час *пробил*... Чудом очередным Сквозь смерть о мае вспомнил год" (Брюсов).

Новой диалектной чертой, чуждой литературному языку, является ударение инфинитивов вроде „принять", „начать" под влиянием форм прошедшего времени.

Если соответственные формы прошедшего времени оканчиваются на **-сь**, ударение в среднем роде единственного числа и во множественном числе обыкновенно такое же, как в женском роде: пролилась — *пролилось, пролились*, взвилась — *взвилось, взвились.*[1]

В мужском роде, при окончании **-ся**, ударение в словах с подвижным ударением часто лежит на окончании: *пролился, взвился* и под., но правилом для литературного языка такой перенос не является: „За ним бразда Дымилась, прах вился столбом" (Лерм.). „Готова тройка, — порский снег взвился И колокольчик жалко залился" (Фет). „Иным я звукам отдался, Я детонировал немало И с диссонансами сжился" (Апухтин). „И над миром Холодом скован, Пролился звонко-синий час" (А. Блок); но и — ... „Но уж давно весь голосистый лес На злобный лай сократно отозвался" (Фет). „Рабочий народ Тесной гурьбой у конторы собрался" (Некр.). „Чу! Неистовый топот раздался" (Некр.).

Единственное слово с двухсложной непрефиксальной основой, которому известна подвижность ударения, — *родила, родилась... родилось, родились, родился* (но *породила, породили* и под.). Замечание о форме на **-ся** относится и к нему: ср. у Пушкина: „Онегин, ... мой приятель, Родился на брегах Невы"..., „Родился я с любовию к искусству" („Моц. и Сальери"); „...И в груди моей Родился тот ужасный крик" (Лерм). Но у Пушкина же („Домик в Коломне"): „Кто ж родился мужчиною, тому Рядиться в юбку странно и напрасно".

ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ

(Для критического использования).

В. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. Изд. 4-ое. Каз. 1913 г.

Е. Будде. Опыт грамматики языка А. С. Пушкина. Сборник Отдел. русск. языка и слов. Акад. Наук, XXII, 1904 г.

С. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке. Вып. I. Л. 1927 г., вып. II. Л. 1931.

А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. М. 1934 г.

В. Чернышев. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. Изд. 2-ое, вып. 2, П. 1915, сокращенное — 3, С.-П.

Как справочник полезна, хотя небезупречна, книга М. Вольпера — Справочник по этимологии русского языка в таблицах, 13 изд., 1922 г.

---

[1] Ударение „осталась" не соответствует литературному употреблению — *осталась.*

ГЛАВА VI

ПРАВОПИСАНИЕ

Содержание. 1. Из истории русского правописания. 2. Общие правила русского правописания. 3. Правописание словообразовательных элементов. 4. Правописание флексий. 5. Иностранные (заимствованные) слова. 6. Употребление большой (прописной) буквы. 7. Правописание слов слитное и раздельное.— Из литературы.

1. ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО ПРАВОПИСАНИЯ

Русская орфография, как орфография большинства народов с давно возникшей письменностью, заключает в себе очень много традиционного, во многом разошедшегося с живым языком. Не приходится и говорить о том, что сама система обозначений, возникшая в IX веке и приноровленная первоначально к другому языку (древнеболгарскому), не может быть совершенной и полностью удовлетворять требованиям письменной фиксации языка, естественным при современном нам уровне филологической культуры. По существу лишь сила традиции и сложность ломки письменной системы заставляет нас держаться принятых способов обозначения мягкости согласных: мы употребляем наши ***я, ю, е*** после согласных, читая „ла, лу, лэ“, и не удивляемся, что буквы **я, ю** и под. одновременно выполняют у нас функции сочетаний *йа, йу* и под. Традицией объясняется несовершенство нашей графики и в передаче **о** после мягких согласных; мы фактически не пользуемся даже знаком *ё*, который в существенном помогает передать то, что действительно произносится; пишем *еж, вел, зеленый* и не боимся даже омограмм (одинаковых написаний) вроде **все** („*всё*“ и „*все*“), **мел** (*мел* и *мёл*), **осел** (*осел* — глагол и *осёл*) и под.

Существенных попыток порвать с традицией и создать правописание, наиболее удовлетворяющее разумным требованиям передачи языка на письме, история русского письма знает немного или, точнее, знает только одну — реформу 1917 года.

Петровская реформа, при кажущейся ее значительности, по существу была почти исключительно реформой шрифта — церковнославянские написания получили форму латинских печатных букв.

Петр при этом, вопреки преданию, не был, повидимому, даже и изобретателем нового шрифта, а в законодательном

порядке закрепил (1708 г.) с некоторыми, не очень значительными изменениями технические усовершенствования амстердамского типографа Ильи Копьевича в издании его „Поверстаніе круговъ небесныхъ“ 1699 года. Ничего особенно существенного в новое „гражданское“ письмо не внесли изменения ближайшего времени (**ї** вм. **і**, продержавшееся почти весь XVIII век, **з** вм. буквы „зела“, исключение „кси“ и под.); важнейшее усовершенствование коснулось только буквы **и**, получившей разновидность **й** с особым звуковым значением, да заведено было **э**. „Ижица“ и „фита“ то исключались, то снова вводились. По свидетельству Тредьяковского, с 1738 года было урегулировано правописание **и** и **і** (**ї**), подчинившееся правилу, действовавшему до самого 1917 года (**і** перед гласными, **и** — в остальных положениях)[1]. Любопытно, что не везло в истории русского письма как раз букве особенно нужной — знаку для *о* после мягких согласных, отсутствовавшему в церковно-славянском письме. Уже по крайней мере в 1737 г. фигурировавшее **ію** широкого распространения не получило, и сам во многом опередивший свое время Ломоносов в знаменитой „Российской грамматике“ (1755 года) пользуется этим знаком только для случаев точной передачи произношения и не отводит ему особого места в алфавите. Правда, из отдельных его замечаний ясно, что литературное произношение его времени знало соответственный звук реже, чем мы („тріохъ, везіошь, огніомъ“, по его свидетельству, § 94, „выговариваютъ въ просторѣчіи“), но „житье, копье, мое, пьем, елка, еж“ и в его время, как и он сам, произносили так же, как и мы. Потребность в подобной букве после заставила Карамзина завести заимствованное из шведской азбуки **ё**, более удобное как цельный знак, но по существу и это нововведение не привилось.

До самого 1917 года, хотя вопрос о реформе орфографии в печати поднимался не раз и Академия имела в своем составе особую орфографическую комиссию, орфография во всем существенном не порывала ни в области знаков, ни в том, что касалось отдельных правил, с установившимися в начале XIX века написаниями: в целом выдерживался этимологический (исторический) принцип с известными, не очень, впрочем, значительными, уступками произношению.

Слабые пункты исторически сложившегося русского правописания в значительной мере хорошо сознавал уже Ломоносов. Он не включал в алфавит **і** и, повидимому, не очень много значения придавал ему, его право на существование обосновывая тем, что буква эта „только ради того въ употребленіи осталась, что бы частое стеченіе подобныхъ буквъ не пріятнымъ видомъ взору не казалось противно, и въ чтеніи запинаться не принуждало“ (§ 85). Читая **щ** как „шч“, он указывал на ненужность и его в алфавите, думая, что эту букву можно „въ употребленіи развѣ для того оставить, что въ нѣкоторыхъ Россійскихъ про-

[1] См. Я. Грот. Филологические разыскания, II, стр. 600 — 601.

винціяхъ какъ **шш**, въ Сербіи и у другихъ Славенскихъ народовъ, которые Славенороссійскія буквы употребляютъ, как **шт** произносится". Ненужным в существенном ему представлялось **э**, полезное лишь в русских словах „этотъ" и „эхъ"; по поводу же его употребления в словах иностранных Ломоносов справедливо замечал, что „для чужестранныхъ выговоровъ вымышлять новыя буквы весьма негодное дѣло, когда и для своихъ разныхъ произношеній не рѣдко одною пронимаемся" и что „ежели для иностранныхъ выговоровъ вымышлять новыя буквы, то будетъ наша азбука съ Китайскую". Буквы „фита" Ломоносов не употреблял; но ни от „ятя", ни от „твердого знака" отказаться под давлением традиции он не мог[1]. Впрочем, что касается „ятя", кроме силы исторической инерции, роль играли еще и фактические особенности чтения: „... примѣчать должно, — писал Ломоносов, § 100, — что буквы *е* и ѣ въ просторѣчіи едва имѣютъ чувствительную разность, которую въ чтеніи весьма явственно слухъ раздѣляетъ, и требуетъ въ е дебелости, въ ѣ тонкости". В виду он имел произношение *небо, Петр* как „нэбо, Пэтр", но *вера, лето* — „вэ(ь)ра, лэ(ь)то", являвшееся в его время литературным. Если Ломоносов рассуждает о возможности тех или других изменений в письме, то для грамматического авторитета второй четверти XIX века — Николая Греча сложившееся письмо — факт, не подвергающийся критике; его критицизм не идет дальше возможности писать „миро" и через „ижицу" и через **и**.

Пересмотр всей орфографии Отделением русского языка и словесности имел своим результатом в 1888 году так называемое „гротовское" правописание, т. е. правописание, изложенное академиком Я. Гротом в пособии „Русское правописание" и, кроме пунктов, отмененных реформой 1917 года, до сих пор являющееся руководящим, хотя и не во всех деталях практически соблюдаемым. Задача Грота в существенном сводилась только к тому, чтобы „привести русское правописаніе къ желательному единообразію". Покушения на реформу были минимальны. Вот собственные слова Грота по этому поводу: „Во многихъ случаяхъ наше правописаніе установилось давно уже, хотя и не всегда правильно; измѣнять его въ подобныхъ случаяхъ не представилося удобнымъ, потому что такого рода измѣненія могли бы только поколебать существующее соглашеніе и вызвать новыя разнорѣчія въ нашемъ письмѣ. Поэтому принято было за правило по возможности держаться утвердившагося обычая, отступая от него только тогда, когда общеупотребительныя начертанія оказывались положительно невѣрными или слишком непослѣдовательными". Действительный шаг вперед Грот разрешил себе по существу лишь в двух-трех пунктах:

[1] Твердый знак имел чуть ли не с самого петровского времени энергичных противников (Адодуров); но даже таким влиятельным, как директор Академии Наук Домашнев, провести отмену в жизнь не удалось. Памятью об его рвении осталось только упоминание о нем в первом опыте русской литературы: „в словесности русской известен он особенно гонением на букву ъ".

он признал „позволительным“ писать после шипящих под ударением в творительном падеже **о**: *ножом, душою, свечою* и узаконил - *ого* для прилагательных, у которых окончание - *ой* находилось под ударением.

„Гротовское“ правописание в целом ни в научных филологических кругах, ни в широких учительских и общественных не пользовалось большой симпатией, и мысль о необходимости реформы орфографии по поводу него высказывалась не раз. К практическому осуществлению ее приступили, однако, только в 1904 г., когда при Академии Наук была образована специальная комиссия уже с определенной задачей — упростить правописание. Комиссия в единственном своем заседании исключила из русской азбуки **ъ, ять** и **фиту** и до самого конца 1910 года не возобновляла своих работ. Дальнейшее выработанное ею легло в основу реформы 1917 г., предложенной не в категорической форме в мае Временным правительством и в виде общеобязательного постановления с некоторыми изменениями опубликованной Советом народных комиссаров в декабре того же года[1].

Реформа коснулась следующих пунктов:

Исключены были параллельные буквы ѣ, ѳ и *і*[2].

Исключена была буква **ъ** в конце слов и частей сложных слов после согласных (*брат, меч, контрадмирал*), но сохранена в середине в значении отделительного знака: *съемка, разъяснить, адъютант, конъюнктура.*

Примечание. Вопреки этому постановлению широко распространилось в практике, особенно газетной, употребление в этих случаях апострофа: *с'емка, раз'яснить* и под.

Признано было „желательным“, но не обязательным употребление **ё**.

Примечание. Фактически оно не привилось.

Установлено правописание префиксов, оканчивающихся на *з* в соответствии с произношением (*разбить, раздать*, но *распилить, растянуть* и под.).

В род. пад. ед. числа прилагательных установлены окончания - *ого* для твердого склонения и - *его* для мягкого и после шипящих не под ударением (*сильного, крайнего, лучшего, бьющего* и под. вм. прежних: „сильнаго“, „крайняго“, „лучшаго“, „бьющаго“).

---

[1] Оценке реформы и обсуждению дальнейших возможных упрощений русской орфографии посвящены статьи: Р. Теверовской. „Упрощение орфографии“ и замечания по поводу нее Д. Ушакова. „Родной язык в школе“, 1926 г. № 10. Н. Фатова. „О правописании и произношении“ (там же, 1927 г., № 10) и ряд статей в журнале „Русский язык в совет. школе“ за 1929 г. и 1930 г.

[2] Правда, *ѣ* в большом числе случаев выполняло функцию, отличную от *е*: оно равнялось в ударяемых слогах *йэ* или *э* с мягкостью предшествующего согласного, а *е* в этом положении читалось чаще как *йо* или *о* со смягчением предшествующего согласного.

„Фита“ писалась только в иностранных словах в соответствии греч. ѳ и под.: аріѳметика, Ѳеодоръ. Букву *і* в дореформенном письме употребляли перед гласными, *й* и в слове „міръ“ в значении „вселенная“: *лекція, піонеръ, тихій.*

В именительном мн. ч. прилагательных для всех родов введено окончание **ы(и)е**: *сильные, тихие.*

Примечание. В дореволюционном письме различались окончания **ы(и)е** для мужского рода, и **ы(и)я** — для женского и среднего. Восходит это правило к Ломоносову, который сам не придавал ему никакого серьезного значения: „Сїе различїе буквъ **е** и **я**,— писал он (§ 112),— въ родахъ именъ прилагательныхъ никакова раздѣленїя чувствительно не производитъ: слѣдовательно, обоихъ буквъ **е** и **я**, во всѣхъ родахъ употребленїе позволяется: хотя мнѣ кажется, что *е* приличнѣе въ мужскихъ, а *я* въ женскихъ и среднихъ".

Устранено было произвольное окончание им. мн. женского рода — *онѣ, однѣ.*

Была восстановлена вм. „ея" в род. ед. форма „*ее*" в соответствии с живыми фактами русского языка.

Менее строгими были сделаны правила переноса слов: требовалось только не отделять согласный от последующего гласного, **й** не исключать из слога, в состав которого он входит, и не разбивать приставок не по слогам.

Примечание. В старой орфографии не допускалось переноса или оставления на предыдущей строке одной буквы, не разрешалось разделять некоторые суффиксы и под. Однако, в пореволюционном письме строгость и количество ограничительных правил переноса постепенно в практике уменьшались.

Разрешен был, наконец, свободный выбор между слитным и раздельным написанием сочетаний, превращавшихся в наречия: *в течение* и *втечение, с верху* и *сверху* и под.

2. ОБЩИЕ ПРАВИЛА РУССКОГО ПРАВОПИСАНИЯ[1]

Основной принцип русского правописания — оберегание этимологического состава слова, поскольку те или другие в истории языка изменившиеся части находят себе опору в произношении родственных. Это значит, что мы пишем *кажется, делается, казаться, делаться,* потому что рядом существуют (*по*)*кажет, делает, показать, делать*; мн. ч. *моря* пишется через **о**, потому что ед. ч. звучит с **о** в *море* и именно с **о** звучало и „моря", как свидетельствует хотя бы произношение севернорусского наречия; или *шалить* пишется с **а**, а не **ы**, которое фактически слышится,— так как исторически здесь было **а** и родственные слова, вроде *шалость,* сохраняют его и до сих пор. Мы пишем, далее, *братом,* а не „братам" или „братъм", потому что морфологический элемент -*ом,* исторически засвидетельствованный как первичный, поддерживается примерами с ударением флексии: *куском, углом* и под. Произнося „извощик", „закащик", пишем *извозчик, заказчик,* связывая эти слова с *воз*- (возить), *заказ*-, а *чик* — с *ответ*-*чик, донос*-*чик* и под.; и там даже, где такая связь в живом сознании ослабела, считаемся с нею, как с историческим фактом: пишем, напр. *приказчик,* ориентируясь на *приказ*-*ывать,* с которым оно было связано в прошлом. В том или другом случае, когда разрыв былой связи уже вполне совершившийся факт, правописание

[1] Об отношении букв к звукам литературного произношения см. в главе II.

порывает с этимологией и становится на путь закрепления фонетических форм; ср., напр., *свадьба* (а не „сватьба", хотя это слово первоначально связывалось со „сватать"), *клешня*, (а не „клещня"; ср. „клещи"), *плюшка* (а не „плющка"; ср. „плющить") и под.

Само собою разумеется, что нередко может возникнуть колебание, и вопрос решается здесь или простой ссылкой на традицию, или авторитетом законодательствующего в области правописания учреждения (Академии), хотя и то и другое по существу может быть преодолено живым фактическим употреблением: Грот узаконял, напр., написания *хлеснуть* и тем самым *хруснуть*, бывшие в обиходе до него (писали даже, напр. „свиснуть оплеуху" и под.), но связь с *хлестать*, *хрустеть* оказалась очень влиятельной, и фактически сейчас пишут и печатают чаще *хлестнуть*, *хрустнуть*, чем в соответствии с Гротом[1].

Признавая этимологический принцип господствующим, письмо наше, однако, делает многочисленные уступки фонетике — приставки, напр., оканчивающиеся на **з**, мы пишем со времени реформы 1917 г. согласно с их фактическим произношением; разница на письме между *раз* и *роз* — тоже фонетическая; употребление ***ц - ы*** — относительно новая особенность русского правописания, проложившая себе путь под влиянием произношения, и т. д. Эта невыдержанность какого-либо единого принципа сознавалась узаконителями русской орфографии и отражала их общее убеждение, что „... сближать письмо съ произношеніемъ... также вполнѣ законно, когда въ такомъ сближеніи нѣтъ прямого противорѣчія словопроизводству, или когда того требуетъ аналогія съ утвердившимися уступками выговору. Примиреніе обоих началъ и устраненіе разногласій въ письмѣ составляетъ конечную цѣль разумной теоріи правописанія" (Я. Грот, „Русское правописаніе", 13 изд., § 23).

Хотя фонетический принцип рассматривается в русском правописании только как второстепенный, ошибкой было бы думать, что мы чаще пишем не в согласии с произношением, чем в соответствии с ним. Если не обращать внимания на такие черты расхождения языка и письма, как ту, что редуцированный звук **ъ** литературного произношения передают через ***а***, то в целом окажется, что фонетические написания в русском письме преобладают: по исчислениям М. Н. Петерсона, они составляют 63% общего числа[2]. Но и из остающегося числа, опять-таки по подсчетам Петерсона, 17% падает на написания исторические (обозначение мягкости согласных посредством **ь** или **и, е, ю, я**; последние три буквы в роли ***йэ***, ***йо*** и под.), большею частью представляющие условность, преодолеваемую

[1] В указателях, напр., Вольпера и Устинова фигурирует *хлеснуть*, только у Устинова — *хрустнуть*, у Абакумова и Ушакова — *хлестнуть*, *хрустнуть*.

[2] М. Петерсон. К вопросу о рационализации методики обучения орфографии. Вопросы преподавания русского языка в школах взрослых, вып. I, 1928, стр. 46.

уже при обучении чтению, а потому только те 20%, которые остаются на долю „этимологии“, следует считать в русской орфографии настоящей данью традиционности письма и истории языка, оправдываемой частично потребностью иметь более или менее единый образ родственных слов и их частей.

Как общие правила, действующие в русском правописании вне учета этимологического состава слова, можно отметить следующие:

1. После **ж**, **ш** пишется не **ы**, а **и**: *жить, шить.*

2. После **ч**, **щ** не пишутся **я**, **ю**, а только **а**, **у**: *чашка, чугун, щавель, щуриться.*

3. **о**, **е**, **я** не под ударением пишутся там, где родственные слова обнаруживают под ударением звуки, соответствующие таким именно буквам (при **е** — **е** или **ё**) : *роса, хожу, веду, звезда, десять, тяну*; ср. ро́сы, хо́дишь, вёл, звёзды, деся́тый, тя́нешь.

4. На конце слов или перед глухими согласными пишутся звонкие, если они засвидетельствованы в родственных формах перед гласными или сонорными (**р**, **л**, **м**, **н**, **в**, **й**: *боб, год, дорог, зов* и под., *рубка, погодка, дорожка, зевка* (род. ед.), ср. *боба* (род. ед.), *года* (род. ед.), *до́рога* (ж. р.), *зову*; *рубить, погода, дорога, зевок. Обтесать, обстругать, обкусать* и под.; ср. *обломить, обрубить, обновить, объехать, обворовать.*

5. Перед звонкими согласными пишутся глухие, если они засвидетельствованы в родственных формах перед гласными или сонорными: *молотьба, косьба, просьба, отбор, отдача,* ср.: *молотить, косить, просить, отобрать, отрубить, отломить, отъехать.*

6. После **ж**, **ш** в корневых слогах под ударением там, где слышится **о**, пишут **о** обыкновенно тогда, если дальше не следует двух согласных: *жолудь, шорох, жолоб*; перед двумя согласными (всего чаще дело идет о группах **ел**, **ер** + согласный) — **е**: *желтый, шелк, жернов*[1].

7. Знак мягкости (**ь**) не пишется в середине слова после **ч**: *печка, ручка, ручной, почта.*

8. Не пишется он в группах **нч**, **нщ**[2], **нн**: *кончик, нынче, погонщик, ранний, весенний.*

9. Мягкость согласных вообще перед последующими же мягкими не обозначается; для **л**, однако, ее обозначение обязательно: *если* (произносится йэсли^{ьь}), *есть* (йэст^{ьь}), *родня* (радна́^{ьь}), беготня (бигатна́^{ь}), армия (армийъ^{ьь}), но *спальня, дальний.*

Учитывая состав слова, заметим только орфографические факты, относящиеся к группе ***чн***, которая, как и в украинском, изменилась фонетически в *шн*; под влиянием аналогии в книжных словах (а таких в этой группе большинство) произношение ***чн*** восстанавливается (*точный, научный, безличный* и под.); но

---

[1] В „Орфогр. слов.“ Д. Ушакова, 1934 г.— *жорнов.*
[2] Ср. и правило 9.

и в тех случаях, где произносится *шн*, этимологическое *чн* сохраняется на письме: *скучно, конечно*[1].

Исключения из этих общих правил немногочисленны:

К 3-му. „Уплочен“ и под. пишутся *уплачен* и под. „Патрос“ и „запрок, запрэч“ передаются в согласии с этимологией (ср. *встряска, упряжка*) через *потряс, запряг, запрячь*. В нескольких глаголах (и входящих в их систему формах) сохраняются остатки старых чередований: *беру — собираю, тереть — затирать, предложить — предлагать* и под.

К 4-му см. ниже правило о приставках, оканчивающихся на *з*.

К 6-му. Правописание многих слов, относящихся сюда, неустойчиво. Если при слове со слышащимися **жо, шо** есть родственное, имеющее этот слог не под ударением, то нередко пишется **же, ше** и в первом случае, напр.: *жены* (ср. *жена*), *тяжелый* (ср. *тяжесть, тяжелее*). Обычно пишут существительное *поджог, ожог* через **о** в отличие от глаголов *поджег, ожег*. Ср. и *шел* (прошедш. вр. глагола), но *шов* (имя сущ.). Только с **о** пишутся и заимствованные слова *шомпол, шорник*.

Заметим еще частные случаи, относящиеся к **ч, щ**: с **о** под ударением пишутся только: *горячо, плечо, чопорный, чорт*. (О флексии и суффиксах ниже).

К 8-му. Производное от „нянька“ *няньчить* сохраняет *ь*[2].

К 9-му. Сохраняется ***ь***, если в других формах он стоит перед твердыми согласными: *Ваське* (ср. Васька), *борьбе* (ср. „борьба“). Пишем *ь* также в форме *четырьмя* и в твор. мн. ч. *людьми*.

В согласии с историей русского языка пишутся: *богатый, богатырь, гончар, гораздо, горячий, кочан, монастырь, монах, пономарь, хозяин, шаровары* и *можно*; в ряде слов длительного вида русский язык сохраняет **о**: *гонять, ломать, помогать, изнемогать* (но *полагать, предлагать, касаться* и под.). Русск. **а** соответствует украинскому **о** в словах: *атаман, заря* (ср. и русск. *зори*), *казак, камыш, крапива, катить, работа, расти, храпеть*.

3. ПРАВОПИСАНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ

1. Префикс ***с***, независимо от своего произношения в слове, пишется только так: *сбить, сделать, сгибать*.

Примечание. В виду необычного стечения согласных вместо „расссориться“ (ср. ссора) следует писать *рассориться*.

2. Префиксы ***без, вз, воз, из, низ, раз, чрез*** пишутся по слуху, т. е. перед глухими согласными меняют конечное **з** на **с**: *беспокоить, вспотеть, воспитание, источник* и под.

---

[1] В недавно вошедших в литературный обиход словах „двурушный, двурушничество“ обычно не сознается их связь с „двуручный“ (ср. „двуручная пила“ и под.). Принято ***шн*** еще в слове *скворешня*.

[2] Это отступление, узаконенное Гротом, следует считать в самое последнее время отмененным; ср. „Орф. словарь“ Д. Ушакова, стр. 140.

3. После приставок, оканчивающихся на согласный, перед **е, я** пишется **ъ** (или апостроф — см. выше): *отъехать, подъехать, изъять.*

4. После этих же приставок этимологическое **и** переходит в **ы**: *обыграть, отыскать* и под.

5. Префикс ***роз*** пишется не под ударением с *а: рознял, росказни, роспуск, розвальни,* но *расписание, разряд, разбухнуть.*

6. Суффикс ласкательных уменьшительных имен пишется ***-енька***: *маменька, рученька, Васенька, Сашенька, Машенька.*

В *Лизанька* формальным элементом является только ***-нька.***

7. Не под ударением имеем по правилу только ***-ечка***: *Танечка, Санечка, Ванечка.* В среднем роде — ***-ечко***: *времечко, племечко.*

8. В ласкательных среднего рода пишется ***-ышко***, в подобных же мужского и среднего — ***-ушка, -юшка***: *гнездышко, солнышко, стеклышко*; *голубушка, кумушка, лапушка, дедушка.* Ср. *воробышек.*

9. Окончание ***-ище*** выступает в словах среднего рода не под ударением, а ***-ещо*** с ударением на конце: *маслице, платьице, креслице,* но *ружьецо, копьецо.* Эта установившаяся теперь орфография, без нужды порвавшая связь между формами того же самого типа, продиктована мнимо-этимологическими основаниями (изложены у Грота в § 37). История русского языка вполне позволяла бы держаться правописания „платьеце", „именьеце" и под., которого из лингвистов раньше держался и сам Грот, а после узаконения данного правила не переставал держаться, напр., проф. Бодуэн-де-Куртенэ (ср. выпущенный под его редакцией „Толковый словарь" Даля).

10. Суффикс ***-онк(а)*** после шипящих пишется с ***о***: *ручонка, рубашонка, старушонка, ножонка.* После них же имеем по правилу только ***ок*** (с беглым ***о***) под ударением: *рожок, старичок, борщок,* но *горошек, излишек, порожек.* В обоих последних правилах сделана полная или частичная уступка произношению.

11. В образованиях на ***-енка*** к существительным женского рода на *-ня,* имеющим родительный множественного на **н**, мягкого знака не пишется: *вишенка, башенка.*

12. Соответственный суффикс прилагательного, как показывают форма наречия *хорошéнько* и украинские параллельные образования „добрéнький", „гарнéнький", следует писать — ***-енький.***

Через ***е*** пишется и ***-еватый***: *рыжеватый, угреватый.*

13. Суффиксы ***-ин***(*-ый*), ***-ян***(*ый, ой*), после шипящих ***-ан***(*ый*) имеют одно ***н***: *ослиный, орлиный, мышиный*; *полотняный, жестяной, кожаный, песчаный.*

Отступают слова: *деревянный, оловянный, стеклянный, жестянный,* имеющие удвоенное (долгое) **н** в произношении. По аналогии с ними стало появляться в произношении и „песчанный" и под. (См. Д. Ушаков. „Родной язык в школе", 1926 г., № 10, стр. 64).

14. Нередко допускают ошибки, смешивая не под ударением суффикс **-ян** с суффиксом **-ен(н)**. Тут следует заметить, что при окончании на *ой* обычно именно **ян(ан)**: *репяной, водяной, платяной, вощаной, лубяной, шерстяной* и под.

Параллельные формы с *-ян* и *-ен* известны в образованиях: *ветреный* „подверженный действию ветра, имеющий к нему отношение" (день, человек); *ветряная* (мельница)—„то, что состоит из ветра, действует посредством ветра"; первое слово имеет краткую форму, второе — нет; *масленый* —„жирный, сальный, промасленный", *масляный* —„из масла сделанный, содержащий в себе масло".

15. Окончания имен прилагательных, обозначающих принадлежность или происхождение, имеют в существенном соответствующие произношению написания **-ий, -ья, -ье**: *собачий, собачья, собачье*; *охотничий, охотничья, охотничье*; *ь* перед флексией остается приметой всех остальных форм: *собачьего, собачьей* и т. п. Так и *третий, третья, третье* (ср. и *чьего, чьей* и под.).

16. Суффикс **-ск(ий)** сохраняет свою этимологическую обособленность: *рус-ский, париж-ский, историче-ский.*

Узаконено, однако, написание **-цк(ий)** в образованиях от существительных с окончаниями **к, ч**: *казацкий* — казак, *ткацкий* — ткач. Отступает *казакский* от *казаки* (народность в СССР).

17. Соответственно с произношением пишется **ь** в *апрельский, июньский, июльский* и в названиях месяцев, оканчивающихся на *-брь*: *октябрьский, декабрьский,* но *январский*; *конский* и др.

18. Одна из наибольших трудностей русской орфографии — удвоение или неудвоение **н** в суффиксах. Последовательно выдержано правописание **н** в причастиях страдательной формы: *посланный, разысканный, приручeнный, угнетенный, виденный.* В прилагательных в узком смысле можно заметить только, что два **н** пишутся обязательно там, где соответственная краткая форма прилагательного получает в мужском роде суффикс *-ен-* (из древнейшего славянского *ьн*), напр.: *искренний* — искренен, *своевременный* — своевременен, *безнравственный* — безнравственен[1], и что одно ***н*** обычно для некоторых слов, переродившихся из причастий на *-енный* в простые прилагательные (иногда и дальше — в существительные): *ученый, раненый, пиленый, вареный, копченый* (русский *ученый*, в госпиталь привезли *раненых, пиленый* сахар, *вареный* горох, *копченый* язык) и под.

Данный, желанный, образованный, бездыханный, неустанный, окаянный и др., как и существительное *подданный*, пишутся с двумя **н**, хотя и употребляются не в причастной функции[2].

Прилагательные на ***-ионный***, образованные от существительных иностранного происхождения со склонением типа лат.

---

[1] О колебании в нечленных формах между **-енен** и **-ен** см. Чернышев, „Правильность и чистота русской речи", изд 3, стр. 125.

[2] Производные от подобных прилагательных (причастий) существительные, вообще говоря, сохраняют особенности правописания слова, от которого произведены: *посланник, промышленник, хозяйственник* (посланный, промышленный, хозяйственный); *ученик, вареник, ветреник* (ученый, вареный, ветреный).

revolutio, род. revolution-is, пишутся через два **н**: *революционный, эволюционный* и под.

19. В образованиях *пятьдесят, шестьдесят* и далее сохраняется *ь*, принадлежащий словам *пять, шесть* и далее. Что касается *пятнадцать, шестнадцать* и под., то слова эти, как мотивирует Грот (§ 60), „пишутся безъ буквы ь передъ второю частью этихъ числительныхъ на томъ основаніи, что въ нихъ названія единицъ суть первоначально порядковыя: пятъ, шестъ и т. д. (пятый, шестой)“,— мотивировка, фактами не подтверждаемая.

20. В глаголах и формах, входящих в их систему, характерны отношения: *радуюсь — радоваться, пробую — пробовать,* но *отказываюсь — отказываться, покатываюсь — покатываться, расхаживаю — расхаживать* и т. п.; ср. еще: *воюю — воевать, ночую — ночевать* и под.

4. ПРАВОПИСАНИЕ ФЛЕКСИЙ

1. В именительном падеже ед. ч. женского склонения на согласный мягкий знак обязателен на конце и после согласных всегда в русском языке твердых (*ж, ш*) и после всегда мягких (*ч, щ*): *рожь, блажь, тишь, глушь, ночь, печь, дочь, вещь.* Ср. и после губных: *кровь, явь, семь, восемь.*

Правило это отражает, с одной стороны, традицию старославянского письма, с другой — морфологический принцип — сохранение приметы всей данной группы и по отношению к звукам, отвердевшим только в исторической жизни языка.

2. В именительном падеже ед. ч. муж. рода существительных и кратких (нечленных) прилагательных мягкий знак не пишется после букв, обозначающих звуки мягкие (*ч, щ*): *мяч, обруч, борщ, плащ, горяч* и под. Правило представляет узаконение фонетических написаний.

3. В творительном падеже ед. ч. в падежных окончаниях после шипящих (**ш, ж, ч, щ**) и **ц** не под ударением пишется *е*: *выигрышем, околышем, мужем, сторожем, Ивановичем, плачем, товарищем, зайцем, крышею, Сашей, сажею, пряжею, тучею, дачей, пищею, рощей, больницей, птицей*; под ударением пишется **о** и после **ч** и **ш** всегда мягких: *шалашом, малышом, ножом, падежом, палачом, калачом, плащом, плющом, душою, свечою, пращою.* Правило представляет сочетание этимологического принципа с фонетическим: русское произношение под ударением узаконено в написаниях только в этом положении. Впрочем, „узаконенность“ здесь результат живой тенденции, проложившей себе путь благодаря отсутствию в принятой академической орфографии категорического требования держаться старых (этимологических) форм. По Гроту (изд. 13-ое, § 41): „*позволительно*[1] также писать **о** в твор. падеж. ед. ч. имен сущ.: *ножом, палашом, плечом, душою, свечою*“.

[1] Курсив наш.— *Л. Б.*

4. В творительном падеже един. ч. женского склонения на согласный окончание **-ью**: *костью, печью* (ср. укр. переход **о** и **е** здесь в *і* — кістю, піччю, как указание на деление слогов—кость-ю, печь-ю). Окончание **-ию** — архаизм: „Мне *смертию* кость угрожала" (Пушк.) и под.

5. Дательный и предложный падежи ед. ч. женского склонения на **а, я** имеют окончание **е** во всех типах и **и** в типе **ия**: *сестре, засухе, бойне, родне; линии, партии.* В правописании в существенном сохраняется этимологический принцип (е естественно фигурирует вместо „ятя") в сочетании с морфологическим (однобразие формальной приметы).

6. Предложный падеж ед. ч. муж. и среднего рода оканчивается в письме на **е**: *о поваре, о перечне, при рассказе, на поле, при море.* Но в типе мужск. рода на **-ий** имеем последовательно: *о гении, о Василии, о Дмитрии.*

По отношению к среднему роду действует безусловное правило о том, что в случае неударяемости конечного гласного следует писать в форме предложного падежа **и** при окончании имен. ед. **-ние** и **-нье**: *о желании* и *о желаньи, о спасении* и *о спасеньи, при страдании* и под., и в тех случаях, когда вообще выступает в имен. ед. **-ие**: *о веселии, о благополучии* (Грот, § 59).

С реформой орфографии (отменой „ятя") основания писать только так возросли, потому что, употребляя здесь **е**, мы имели бы омограмму с именительным - винительным ед. ч., неудобную при предлогах **на** и **в**.

Для случаев: *в забытьи — в забытье* (единственный пример колебания подударного гласного), *на новосельи — на новоселье, о здоровьи — о здоровье*, где Грот считал возможным правописание и с **и**, и с „ятем", нам лучше по указанному основанию держаться форм на **и**.

7. Предложный падеж женского склонения на согласный допускает только окончание **и**: *в кровати, о добродетели* (ср. „в степи", „на печи").

8. Родительный, дательный и предложный падежи склонения слов на **я** — окончание **и**: *пламени, знамени* (ср. и устарелое *дитяти*).

9. В родительном падеже мн. ч. ж. р. с окончанием на шипящий — знак **ь** не пишется: *туч, кляч, рощ*; хотя произносят зачастую „башень", „вишень" и под., пишется в случаях, где окончанию **ня** предшествует согласный, **н**: *башен, вишен.* Отступают формы: *деревень, кухонь, барышень* (при более редком *барышен*). Ср. и род. мн. *сажен* при „саженей" (к им. ед.— „сажень" ж. р.).

10. В именительном падеже муж. рода не под ударением сохраняются традиционные (старославянские) написания **-ый, -ий**: *старый, новый, древний, волчий.* Пишется **-ий** и после **к, г, х, ж, ш**: *легкий, убогий, тихий, свежий, хороший.*

11. В родительном падеже ед. ч. муж. и сред. р. прилагательных с 1917 года узаконены окончания **-ого** после твердых и **-его** после мягких согласных: *теплого, яркого, дальнего, мо-*

гучего. После **ж, ш** в угоду этимологическому принципу там, где окончание неударяемо, пишем **-его**: *свежего, лучшего, большего.* В остальных формах склонения прилагательных относительно **ж, ш** действует то же правило: род., дат., предл. ед. ч. ж. р.: *свежей, лучшей, большей* (ср. чужой, большой), дат. п. ед. ч. м. и ср. р.: *свежему, лучшему, большему.*

12. Творительный падеж ед. ч. муж. и ср. р.: *тесным, свежим, синим.* Изредка эти окончания недостаточно грамотные русские смешивают на письме с окончаниями предложного: *о тесном, о свежем, о синем.*

13. В имен. п. мн. ч. с 1917 года отменено различение родов. Раньше муж. р. писался через **-ые, -ие**, женский и средний — через **-ыя, -ия**. Теперь установлено единое окончание **-ые, -ие** (см. выше стр. 197).

14. Хотя в произношении окончание творительного падежа женского рода ед. ч. достаточно выразительно различается от винительного ед., на письме возможны случаи смешения. Следует поэтому иметь в виду различие: *светлую полосу, тихую ночь, дальнюю дорогу* (вин. п.), но *светлою* (*светлой*) *полосою*(*ой*), *тихою* (*тихой*) *ночью, дальнею* (*дальней*) *дорогою* (*ой*).

15. Прилагательные местоименные принципиально подчиняются правилам прилагательных вообще; ср. *нашего, нашему* и под. Заметим еще, что пара *те — эти*; *тех — этих* и т. д. правописанием не объединена.

16. Правописание *восемьдесят, пятьдесят* и под. отражает и произношение и этимологию этих слов: „десят“ — древний родительный падеж множественного числа от слова „десять“, засвидетельствованный в памятниках.

17. В окончании 2 лица формы изъявительного наклонения сохранено чисто-историческое правописание **-шь**: *поешь, говоришь, молчишь, встречаешься, ленишься.*

18. Окончания 3 лица множ. числа в классе **е** пишутся: через **-ут, -ют**, в классе **и** — через **-ят, -ат**, хотя в произношении большинства не под ударением и во втором случае звучит **у** (**ю**), т. е. у с предшествующим й или мягким согласным: *колют, борются, мелют*; *валят, строят, стоят* произносятся: ва́лут, стро́йут, сто́йут.

Примечание. В печати очень распространены ошибки: „борятся“ (особенно „борящийся“) и „сто́ют“. Первая явилась потому, что забыты отношения в малочисленной группе, к которой принадлежит данное слово, разделяющее с классом и смягчение согласного; вторая — вызвана тенденцией различить „стоят“ и „стоят“.

19. В повелительном наклонении остается обязательным знак мягкости после всех согласных (разумеется, кроме й): *режь, режьте, ешь, ешьте, оставь, оставьте, умерь, умерьте.*

5. ИНОСТРАННЫЕ (ЗАИМСТВОВАННЫЕ) СЛОВА

Русское письмо, в отличие, напр., от немецкого, не стремится точно сохранять иностранные написания. В общем оно ориенти-

руется на установившееся в языке произношение соответственных заимствованных слов, до некоторой только степени делая уступку графико-этимологическому принципу. Те или другие случаи колебания нередко бывают вызваны уже упоминавшимся фактом, что заимствованные слова приходят в язык не всегда из одного какого-либо основного источника, а часто через языки-посредники, накладывающие на них свой более или менее заметный отпечаток, и само заимствование слова может иметь место в истории языка дважды и более раз. Стремление передать произношение звуков, чуждых русской фонетической системе, отложилось в орфографии в виде следующих написаний.

Различные типы иноязычных **э** в собственных именах часто передаются через **э**, при чем при скоплении слогов с **э** предпочитают другие писать через **е**: *Тэн, Богарнэ, Бэр, Бодуэн де-Куртенэ*. Впрочем, едва ли не чаще после согласных вместо **э** встречаем **е**: *Гейне, Гете, Бер, Богарне* и под. Заметим, что никогда не пишут **э** после **л**: *Ленорман, Лесгафт*.

В именах нарицательных выступает и в произношении и на письме после согласных русская замена **е**, по поводу которой Я. Грот („Русское правописание", стр. 78), справедливо в качестве общего правила выдвигает положение, что „въ нарицательныхъ..., которыя въ каждомъ языкѣ видоизмѣняются по требованіямъ его фонетики, мы не обязаны примѣняться къ тонкостямъ иностраннаго произношенія" [1]: *тема, элемент, регулировать*. В начале слога обычно имеем **э**: *электричество, поэт, экивок* и под.[2], хотя надо заметить, что в ряде очень древних грецизмов, давно вошедших в русский язык, в соответствии с произношением установилось **е**: *епископ, еврей, ересь* (ср. и собственные имена *Европа, Евдокия, Елена* и под.).

Заслуживает внимания еще передача иностранного-**ie** (**je**). Здесь исторически установились написания типа *иезуит, иероглифы* (ср. еще *Иена, Иемен, Иерусалим, Иероним*), хотя произносят обыкновенно это **ие** — как **йэ**, которое могло бы быть передано через **е**. Грот (§ 94) считал правильным, „когда въ иностранныхъ словахъ **і** или **у** (ипсилон) принадлежитъ къ другому слогу, чѣмъ слѣдующее за ним **е**",— писать-**иэ** (**іэ**), т. е. *диэта, пиэтист, гигиэна, гиэна*, и держаться **е** при передаче дифтонгических европейских **ie, je, ye**: *пьедестал, пьеса* и под. Фактически, однако, **е** возобладало и в первой группе, и сейчас обычно пишут и печатают *гигиена, гиена, квиетизм* и под.

Французское **eu** мы передаем буквою **е**, предполагая чтение **ё**: *режиссер, актер, ликер*.

Морфологическая аналогия распространяет такое написание и чтение и на случаи вроде *репортер, боксер, доктринер, партнер* (анг. reporter, boxer, фр. doctrinaire), где Грот, несколько

---

[1] Ср. и цитированное выше замечание Ломоносова.

[2] Характерно, что и в произношении и на письме долго держалось *проэкт* (вопреки правильному *проект*, рекомендованному Гротом), лат. *projectum*, как результат ошибочного истолкования этого правила.

погрешая против цитированного принципа, находил желательным писать **э**, чтобы сохранить соответствующее иностранному источнику произношение.

Передача нем. *ö* и английского редуцированного *и* в собственных именах особой буквой **э** с двумя точками над ним, которая должна была охранять индивидуальность иностранного произношения, хотя и была поддержана авторитетом Грота (§ 86), фактически не привилась, и этому удивляться не приходится, ибо, как вполне основательно думал еще Ломоносов, нет никакого смысла отягощать азбуку знаками, приспособленными к чужим фонетическим системам. Поэтому мы пишем обыкновенно *Гете, Шлецер, Тепфер, Сен-Бев,* изредка допуская *Тэпфер, Сент-Бэв* и под.

Франц. *и*, нем. *ü* последовательно передаются русским **ю**: *Мюрат, брошюра, жюри, Блюхер, Цюрих.* Греческое υ (лат. *y*)— русским **и**: *иероглифы, мистика* и под.

Европейские **i** передаются через **и**. Такое правописание сохраняется и после **ц**, после которого в русских словах пишется только **ы**: *цистерна, цирк, цитадель, революция, резолюция.* Только в нескольких очень старых, сделавшихся широко употребительными заимствованиях — **ы**: *цыган, цымбалы*; ср. еще *цифра* и *цыфра, цирюльник* и *цырюльник*[1].

Русское письмо не может передать разницу европейских **h** и **g**. Неразличение их в графике сказывается и в произношении тем, что русские люди, не знающие иностранных языков, обыкновенно нем. или чеш. **h** в собственных языках произносят как русск. взрывное **г** (т. е. говорят Geine, Gegel, Gumboldt, Galek вм. Heine, Hegel, Humboldt, Hálek). В качестве частичного средства ближе передать иностранное произношение Грот рекомендовал (§ 87): „Въ именахъ, не приобрѣтшихъ себѣ права гражданства историческою древностью, позволительно употреблять **х**, которое къ германскому **h** все-таки ближе, чѣмъ наше **г**, напр. въ фамильныхъ именахъ: Ховенъ (Howen), Хуссъ (Huss) и т. п.“ В произношении и на письме такая передача в нарицательных именах у нас, однако, редка: *хулиган, хокей.*

Английское билабиальное **w** иногда передают буквою **у**, а не **в**: самый распространенный случай—*Уэльс, уэльский* (реже *Вельс, вельский*). Грот предпочитал во всех подобных случаях писать **в**, ссылаясь, между прочим, на многочисленные имена вроде *Вашингтон, Вальтер-Скотт,* в таком написании уже давно установившиеся, и на невозможность писать **у** вместо **u** перед **у**: Woolwich — *Вулич*, а не „Уулич“ (§ 90). В недавно усвоенных именах собственных теперь пишут **у**: *Уайльд, Уэльс,* оставляя **в** только для **woo**: — *Вудхауз* (Woodhouse).

Передача европейских **l** исторически в произношении и соответственно на письме была разной — **л** и **ль**, ср.: *Финляндия, Лифляндия,* но *Голландия, Гренландия; мальтоза, пальма, тальма, тальк, пароль, рельсы,* но *бал, балл, радикал, сигнал, фут-*

[1] Д. Ушаков узаконяет *цифра*, но *цырюльник* (см. „Орфогр. слов.“ 1934 г.).

бол. В новых заимствованиях, особенно в именах собственных, предпочитаются **-ла** (*Ламарк, Лафарг, Лабриола*), **-ло** — *локаут*, но **-лю** (*люмпен-пролетариат, люкс*) и **-ль** — перед следующим согласным (*Тельман, Пальмерстон*).

Наименее урегулированным в русском письме является правописание удвоенных согласных иностранных языков. В качестве общих тенденций (не правил) тут можно отметить лишь следующее:

а) Удвоенные согласные сохраняются в собственных именах: Руссо (фр. *Rousseau*), *Балли* (фр. *Bally*), *Де-Соссюр* (фр. De-Saussure), *Гритти* (ит. Gritti), *Лависс* (фр. Lavisse), *Гримм* (нем. Grimm). Немецкие фамилии на mann принято, однако, писать через одно **н**: *Тельман* (Tählmann), *Бругман* (Brugmann).

б) Сохраняются удвоенные согласные в именах нарицательных после подударного гласного в средине слова: *дискуссия* (лат. *discussio*), *профессия* (лат. *professio*), *масса* (лат. *massa*), *колонна* (фр. colonne), *программа* (гр. programma), *группа* (нем. Gruppe), *дилемма* (гр. dilemma), *труппа* (нем. Truppe).

в) Сохраняются (такова была тенденция старых регуляторов письма) удвоенные согласные и там, где иначе в языке могли бы получиться омограммы (одинаковые написания): *балл* („отметка“)—ср. „бал“, *колосс* („громада“) — ср. „колос“, *металл*—ср. „метал“ (прош. вр. глагола). Поддерживает эта тенденция и написания, где удвоенные согласные сохранились бы и согласно „б“: *вилла* (ср. „вила“ — прош. вр. глагола), *сумма* (ср. „сума“ — сумка), *труппа* (ср. род. пад. ед. ч. от слова „труп“) и под.

г) Удерживаются двойные согласные, образовавшиеся из разных морфологических элементов, четко различимых в языке-источнике: *инновация* (лат. in-novatio), *диссонанс* (фр. dis-sonance), *аккредитив* (фр.-нем. Ak-kreditiv), *комментарий* (лат. com-mentarius), но: *комиссия, комиссар*.

д) Довольно стойка группа в два *л*: *параллель* (гр. parallēlos), *паллиатив* (фр. palliatif), *миллион* (фр. million), *балласт* (англ. ballast) и два **с**: *бассейн* (фр. bassin), *дрессировать* (фр. dresser), *пассажир* (нем. Passagier).

Но если **-лли** перед гласным переходит в „ль“, **л** не удваивается: *бриллиант* (фр. brillant), *бильярд* (фран. billard), *папильотка* (фр. papillote).

е) В старом слое заимствований, за относительно немногими исключениями, давно произошло упрощение двух согласных в один: *помада* (фр. pommade), *десерт* (фр. dessert), *команда* (фр. commande), *атака* (фр. attaque). Отступают: *коллегия, аттестат, грамматика, артиллерия*.

В заимствованиях более поздних упрощение согласных находим обыкновенно: а) перед слогом, где уже имеется удвоение согласного: *апелляция* (лат. appellatio), *комиссия* (лат. commissio). Не мотивировано принятое *терраса* (фр. terrasse): ожидалось бы: „терасса“; б) часто на конце слова: *адрес* (фр. adresse), *паяц* (нем. Pajazzo), *компас* (ново-лат. compassus), *люнет* (фр. lunette), *катар* (гр. katarroos) (ср. Грот. Указ. VIII; теперь нередко пишут „катарр“); хотя в этом случае немало исключений: *класс* (нем.

Klasse, фр. classe), *компресс* (фр. compresse), *конгресс* (лат. congressus), *грамм* (фр. gramme), *кристалл* (гр. krystallos). Исключения эти почти сплошь относятся к **сс, лл, мм**. Случаи вроде: *Филипп, уатт, бритт* редки; вм. *грипп* (фр. grippe) Грот рекомендовал писать „грип".

ж) Упрощаются двойные согласные в заимствованиях из итальянского, не ощущаемых теперь как итальянизмы: *мезанин* (ит. mezzanino), *дилетант* (ит. dilettante).

Практика письма и печатания у нас, однако, в этом отношении далека от единства: нередко пишут и печатают „грипп", „дилеттант" „корридор" и под., не говоря уже о просто неверных — „проблемма" (гр. problema), „каррикатура" (ит. caricatura), „привиллегия" (лат. privilegio) и под.

6. УПОТРЕБЛЕНИЕ БОЛЬШИХ (ПРОПИСНЫХ) БУКВ

Употребление прописных (заглавных) букв, кроме тех не столь уже многочисленных случаев, где оно вполне урегулировано, не представляет стойкой стороны орфографии и связано в большой мере с историей и сменявшимися вкусами. Справедливо акад. Я. Грот относил большие буквы к „роскоши письма" и советовал правилам об их употреблении не придавать слишком много значения, „тем более, что невозможно дать точных указаний на все встречающиеся случаи" (§ 97).

Как вполне стойкие, можно указать такие правила:

1) Большая буква начинает текст. 2) За точкою, вопросительным и восклицательным знаком следует большая буква. Ею же начинается первое слово после двоеточия, когда приводится чужая речь. 3) С большой буквы пишутся личные имена, фамилии, прозвания, названия кораблей и под., географические имена (государства, страны, области, селения, горы, моря, реки, озера), названия улиц, зданий, мостов. 4) Большой буквой в строчном тексте начинаются заглавия. 5) С большой буквы пишутся индивидуальные названия учреждений, т. е. *Харьковский Педагогический Институт, Совет Труда и Обороны, Московский Университет* и под., но *педагогические институты, городские советы, государственные университеты* и под.

Примечание. Если в состав наименования входит несколько слов, то большая буква обязательна только для первого. По отношению к остальным употребление колеблется. Урегулированным следует считать только случай, „если существительное не означает вида, под который подходит именуемый предмет": большая буква тогда признается обязательной и для второго — *Детское Село, Великие Луки* и под. 6) *Вы, Ваш* и под. в письмах принято писать с большой буквы.

Менее урегулировано правописание прилагательных; Грот считал обязательной прописную букву для прилагательных, производных от имен собственных, с окончаниями **ов, ин**: *Петрово время, Гомерова эпопея, Екатеринина политика,* а для оканчивающихся на **-ский, -кий** только тогда, „когда входятъ въ составъ названій и могутъ почитаться собственными именами, напр.: Тульская губернія, Россійская академія". Фактически, однако, этих правил строго не держались и не держатся.

После Октября отпал вопрос о правописании титулов и почетных названий, составлявший предмет известных трудностей для старых законодателей орфографии. Последние „постановляя правила употребленія прописных буквъ, очевидно, желали величину буквъ привести какъ бы в нѣкоторое соотвѣтствіе съ высотой общественнаго положенія лица“ [1]. Поэтому старые грамматики одно время требовали, чтобы с больших букв писались „званія высокихъ особъ и почтенныхъ чиновъ: Митрополитъ, Фельдмаршалъ, Генералъ, Князь и под. Авторы болѣе либеральные въ число почтенных особъ включали и капитана, и титулярнаго совѣтника, и губернскаго секретаря. Только четыре лица навсегда были лишены права писаться большими буквами: солдатъ, матросъ, дьячок и понамарь“ [1]. С 60-х годов подобные тенденции резко пошли на убыль, и большие буквы оставались в употреблении уже в предреволюционное время почти исключительно в непосредственных обращениях (прошениях и под.).

7. ПРАВОПИСАНИЕ СЛОВ СЛИТНОЕ И РАЗДЕЛЬНОЕ

Граница между словами далеко не всегда может быть определена по слуху. Во многих случаях нам приходится колебаться, образует ли то или другое слово с каким-нибудь, обыкновенно маленьким служебным словом единое целое или нет, напр., с **не** или с предлогами. В разные эпохи существования языка чутье могло в этом отношении быть разным. Когда нам приходится на письме выразить, как мы понимаем отношение такого словечка к рядом находящемуся слову, т. е. видим ли мы в нем нечто слитное, образующее с последующим одно понятие или нет,— мы должны бываем наше понимание выявить слитным или раздельным написанием. В этом отношении в нашем письме есть много условного, но существуют и некоторые установившиеся обыкновения.

1. Отрицание **не** при глаголе в любом наклонении, в неопределенной глагольной форме, деепричастии и причастии, не превратившемся по смыслу в прилагательное, т. е. не утратившем значения определенного времени, и управляющем существительными аналогично существующему глаголу, пишется раздельно: „Село *не может* существовать без города и наоборот“. „Раньше беднота, *не имея* рабочего скота и семян, попадала в лапы к кулаку“. „Селения, *не выполнившие* норм хлебосдачи, занесены на черную доску“. Но — „*Неисполненные* обязательства“ и под.

Примечание: Глаголы, не употребляющиеся без отрицания, пишутся с последними слитно: *нездоровится, невзлюбил, негодую, ненавижу, неволит, недолюбливаю, недомогаю.* Слитно же пишутся и переродившиеся в обыкновенные деепричастия наречия: *несмотря, невзирая* во фразах вроде: „Он посещает лекции, *несмотря* на болезнь“, т. е. хотя и болен. Не то во фразе: „*Не смотря* под ноги, оступишься“, где „смотреть“ употребляется в буквальном смысле.

[1] Отчет о деятельности Второго отделения Акад. наук за 1879 г. акад. М. И. Сухомлинова, стр. 15.

2. С существительными, прилагательными и наречиями **не** пишется слитно в тех случаях, когда эти слова с отрицанием составляют одно понятие и во многих случаях могут быть заменены синонимическими (близкими по смыслу) словами без отрицания: *небезызвестный* — известный, *недорогой* — дешевый, *недостаток* — порок, дефект, *неправда* — ложь, *нехорошо* — плохо, *немедленно* — скоро. Сплошь и рядом подобные слова без отрицания не употребляются: *неряшливый, небылица, невинно* и т. п.

3. В случаях противопоставления (данного во фразе или подразумеваемого) слова, которому предшествует отрицание, другому слову — **не** пишется отдельно: „Это *не правда*, а *гнусная ложь*". „Вы поступили *не хорошо*, а *отвратительно*". „*Черствый* хлеб".— „И *вовсе не черствый*" (из разговора). Вообще, после наречий — *вовсе, совсем, отнюдь*... **не** отделяется от последующего слова: *отнюдь не дорого, совсем не кислый* и т. п. Так же (раздельно) пишется **не** и после всех слов, в состав которых входит или при которых стоит **ни**: „Этот человек *никуда не годен*". „*Ни один* из них *не способен* на такой поступок", „Это трусливый человек". „*Ничуть* (*нисколько*) *не трусливый*".

4. **Не** (нет) пишется слитно в словах *нечего, некого, нечему, некому* и т. д. Предлог, появляясь в средине между **не** и *чего, чему, кого, кому* и т. д., разрывает связь: „Об этом *не у кого* было спросить". „*Не о чем* тут и говорить".

5. **Ни** пишется слитно в местоимениях: *никто, ничто, ничей, никакой.* Если эти слова употребляются с предлогами, **ни** отделяется от основной части: *ни у кого, ни за кем* и т. п. Слитно пишутся и наречия: *никуда, ниоткуда, нигде, никогда, никак, нисколько, ничуть, нимало, нипочем.*

6. Союз **итак,** подводящий итоги, пишется слитно: „*Итак,* мы начинаем". Сравн. „И так и этак", где слову „так" соответствует вопрос „как?".

7. **Пол** пишется с черточкой перед гласным и **л**: *пол-яблока, пол-ложки;* в остальных случаях — слитно: *полсотни, полбутылки.* С черточкой же пишется **пол** перед именами собственными: *пол-Европы, пол-Харькова.*

8. Два наречия, составляющие по смыслу одно слово, обыкновенно соединяют между собой черточкой: *мало-мальски, просто-напросто.*

9. Наречия типа — *по-братски, по-человечески, по-птичьи, по-моему, по-нашему, во-первых, во-вторых* и т. д. принято писать с черточкой.

10. С черточкой же пишутся составные предлоги *из-за, из-под, по-над.*

11. Частицы **же (ж), ли (ль), бы (б)** пишутся отдельно от слова, за которым следуют: „В этой роли выступал *он же*". „Уж *я ль* его не любила?" — „Ерема, Ерема, *сидел бы* ты дома".

Отступают *однакоже, однакож.*

12. В зависимости от смысла пишут **также, тоже** или **так же, то же.** Первые написания обозначают цельные понятия — в них *же* не может быть отброшено без искажения смысла; вторые —

соответствуют наречию „так“ и прилагательному „то“ плюс частица „же“.

Если *тоже* без искажения смысла можно заменить через *также* и наоборот, мы пишем его слитно: „Наш совхоз *тоже* (*также*) премирован“. О том же говорит и невозможность отбросить *же* без полного искажения смысла.

Напротив, если *же* выбрасывается, не искажая смысла фразы, это служит признаком, что писать следует раздельно: „Повторилось *то* (*же*), что было в прошлом году“.— „Он смотрел *так* (*же*) равнодушно, как и прежде“.

Одновременное применение обоих приемов гарантирует от ошибок.

13. Союз **чтобы** пишется слитно — **бы** в этом случае нельзя ни отбросить, ни переместить во фразе. *Я хочу, чтобы ты уехал.* Но сравн.: *Что бы они ни говорили,* я буду настаивать на своем. *Что они ни говорили бы... Что бы ты подумал,* если бы не был предупрежден? — *Что подумал бы....* Что здесь местоимение.

14. **Почему, потому, поэтому, отчего, оттого, зачем, притом, зато** пишутся слитно, если выступают в качестве союзов - наречий.

Если вторая часть их „этому“, „чему“ и т. д. играет роль существительного или прилагательного, то, само собою разумеется, ее надо писать отдельно: „*По тому* мосту ездить опасно“. „*По этому распоряжению* отряд должен был выступить вечером“. „*За чем пойдешь,* то и найдешь“.

15. **При** *этом* пишется раздельно; **при чем — причем** колеблется.

16. Сильно колебавшееся правописание сложных прилагательных в последнее время подчиняется правилу: с черточкой пишутся такие, в состав которых входят равноправные, параллельные понятия—*рабоче - крестьянский, торгово-промышленный.* Но такие, где выступают понятия, из которых одно подчинено другому, чаще пишутся слитно: *сельскохозяйственный* (сельское хозяйство), *древнерусский* (древний русский) и под.

ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ

Для критического использования

И. Бодуэн-де-Куртенэ. Об отношении русского письма к русскому языку. Спб. 1912.

А. Гвоздев. О взаимоотношении разных элементов в орфографии. „Русск. яз. в советск. школе“. 1931, № 4.

Я. Грот. Филологические разыскания. II. 4 изд. 1899 — Наиболее ценная история русского правописания.

Я. Грот. Русское правописание. СП. 1885. С 10-го изд. печаталось без перемен.

Д. Ушаков. Русское правописание. Очерк его происхождения, отношения его к языку и вопроса о его реформе. М. 1911 и 2-е изд. 1917.

М. Ушаков. К реформе орфографии. „Русск. яз. в совет. школе“, 1930, 4.

Из многочисленных справочников укажем:

С. Абакумов. Справочник по правописанию. М.—Л. 1928.

М. Вольпер. Новый орфографический словарь. П. 1923.

И. Устинов. Новый орфографический справочник. 1928.

Д. Ушаков. Орфографический словарь. М. 1934.

ГЛАВА VII

СИНТАКСИС

Содержание: 1. Вступительные замечания. 2. Подлежащее и сказуемое. 3. Второстепенные члены предложения (пояснительные слова). 4. Синтаксические особенности местоимений в простом предложении. 5. О типах бесподлежащных и бессказуемых. 6. Сложное предложение. Союзы. 7. Причастные обороты. 8. Деепричастные сочетания. 9. Обособление. 10. Косвенная речь. 11. Частицы. 12. Порядок слов. 13. Замечания о стилистическом отборе синтаксических средств. — Из литературы.

1. ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Синтаксические сочетания выражают характер связи понятий, образуемый в сознании говорящего (пишущего) и передаваемый с тем же значением слушающему (читающему). Эти сочетания в основном бывают двух родов: а) сочетания однотипных единиц и б) сочетания определяющего с определяемым.

Сочетания однотипных единиц иначе называются рядами или незамкнутыми сочетаниями. В этих сочетаниях представления или понятия семантически одинакового порядка (не всегда, однако, выраженные теми самыми формальными средствами) идут одно за другим, не вступая в отношения подчиненности. Количество таких параллельно идущих понятий может быть, теоретически рассуждая, безгранично. Ср.: Налицо была *острая, бесспорная*, глубоко *проникавшая* сила действия (Фурм.). — За время их отсутствия Давыдов *описал* имущество в двух кулацких хозяйствах, *выселил* самих хозяев, потом *вернулся* к Титку во двор и совместно с Любишкиным *перемерил* и *взвесил* хлеб, найденный в кизешнике (Шолохов).— Но вот рука большевика В борьбы невиданном накале Взяла лопату и кирку — И выросли *Магнитострои, Дворцы* рабочим и станку, *Турбины, школы* и *забои, Комбайны, клубы, города, Дома, музеи, парки, ясли*... (Безыменский).

Сочетания определяющего с определяемым, в отличие от первых, представляют собою группы (словосочетания) замкнутые или количественно ограниченные. Характерный для них тип связи понятий есть результат активного познавательного процесса, при котором одно понятие ставится в зависимость от другого. Установление этой зависимости чаще всего совершается бинарно (парами полнозначных слов) как результат одного дви-

жения мысли, осуществляющей каждый раз при этом акт такой, а не иной направленности. Возьмем, напр., предложение: „Глеб до боли в суставах сжимал железные полосы перил" (Гладков).

Ориентируясь в связях при помощи нормального языкового средства логической ориентации — вопросов, мы получаем пары: *Что делал Глеб?* — **сжимал**; *как сжимал?* — **до боли**; *до боли в чем?* — **в суставах**; *что сжимал?* — **полосы**; *полосы чего?* — **перил**; *какие полосы?* — **железные**.

Со стороны синтаксических отношений грамматические пары бывают трех основных типов:

1) определяющий член пары или согласуется с определяемым,

2) или управляется им,

3) или примыкает к нему.

Согласование — это вид связи, при котором формы находятся одна с другой в таком отношении, что с изменением одной (определяемой) соответственно меняется и другая (определяющая). Пример такой связи представляет прилагательное с именем существительным: *Красная армия, Красной армии* и т. д.; *новая фабрика, новые фабрики* и под.

Согласование может быть полным и неполным. Полным мы называем такое согласование, которое совершается при максимальном использовании имеющихся у соединяемых членов морфологических средств. Ср.: *Мы строим новую фабрику. Строим* с *мы* согласовано в числе и лице; других средств согласования формы глагола наст. врем. не имеют — таким образом, согласование здесь полное. Точно так же *новую* согласовано с *фабрику* в роде, числе и падеже, т. е. во всех сторонах, в каких возможно согласование склоняемого прилагательного с существительным, — тут, следовательно, тоже согласование полное. Но, напр., во фразах: *Делегация посетила фабрику, на которой только недавно начали вырабатывать бекон; Советский союз выдвинул первым радикальный проект по вопросу о разоружении,— на которой* по отношению к *фабрику*, *первым* по отношению к *союз* представляют примеры неполного согласования: и в первом и во втором случае имеем тот же самый род и число, но нет согласования в падеже.

Управлением называется такая связь между членами пары, когда определенный косвенный падеж употребляется потому именно, что его для выражения определенного смысла требует то или другое слово в определенной форме (или формах); ср.: *подписать договор, подписал договор* (вин. пад.), но *подписание договора* (род. п.); *благодарить бригаду* (вин. пад.), но *благодарность бригаде; руководить предприятием, руководят предприятием* (твор. пад.), но *водить представителей, водят представителей* и под.

Управление может быть непосредственным — когда в зависимость от управляющего слова вступает косвенный падеж имени существительного (см. приведенные примеры), и предложным — когда косвенный падеж находится еще в зависи-

мости от предлога: *встретиться* с *товарищем, рассказать о съезде* и под.

Важно также различить более и менее тесное управление. Степеней зависимости может быть очень много: начиная от сочетаний, в которых управляемая форма слова выступает обязательно как дополняющая определенное слово или немногие слова, образуя с ними цельные речения: *побить* (*поставить*) *рекорды, чреватый последствиями*, и кончая такими свободными сочетаниями, как *мы с вами, чайник без носка, смотреть при тусклом свете лампы, сидеть всю ночь* и под. В одних случаях управляющее слово может редко употребляться без зависимой от него формы существительного, напр.: *встретиться, хвалиться, предпринимать, утратить*, в других—оно в них может нуждаться мало: *бедный, высокий, стол, соображать, выть*.

Примыкание. Так называется тот тип связи, в который вступают полнозначные формы, лишенные флективной гибкости (наречия, деепричастия, инфинитивы): *сильно ударить, выступить вперед, протекает журча, говорить спеша, желание встретиться, надежда победить*..

Что пары обыкновенно замкнуты, мы видим в тех относительно редких случаях, когда говорящий или пишущий из-за некоторого ослабления своего внимания нарушает контаминацией нормальную для языка направленность известного типа связи. В одном, напр., очень известном учебнике по истории русского языка автор допустил по недосмотру такую ошибку против синтаксиса: „Мы не предлагаем ни на чем не основанных гипотез и не предаемся лингвистическим мечтаниям (вошедшим, увы, в моду в молодую науку о русском языке)". Ясно, что правильно сказать можно было бы только „вошедшим в моду в молодой науке о русском языке", так как, хотя отдельно вполне законны пары „вошедшим в моду" и „вошедшим в науку", такая комбинация, при которой направленность связи нарушает принцип замкнутости пары, тут недопустима, и мы вынуждены, чтоб сообщить предложению правильную форму, заменить направленность одной из пар, переводя ее вопросом *где*? на другой синтаксический путь.

Замкнутость группы не исключает возможности, что тот же тип зависимости будет во фразе дан параллельно, ср., напр., при зависимости дательного падежа: *Она радовалась солнцу, воздуху и снегу яркого зимнего дня*.

Характер связи тут тот же самый — *радовалась солнцу, радовалась воздуху, радовалась снегу;* но будет ли дано одно понятие в таком направлении зависимости или же будет выступать параллельный ряд одинаково зависящих слов — это замкнутости сочетания принципиально не нарушает.

Наиболее замкнутый тип связей управление. Не замкнуты, а только ограничены связи согласования. В примерах, вроде: *Высокое новое казенное здание; большое засохшее фруктовое дерево; Огромные удивительные темносиние махаоны* (Пришвин) — все три определения к именам существительным

имеют одинаковый характер направленности, но не образуют рядов (они не сопровождаются перечислительной интонацией и не могут быть соединены такими союзами параллельности, как **и**). Повидимому, подобная группа определяющих слов практически не выходит числом за три.

Понятие **предложения** употребляется в синтаксисе в двух смыслах: более широком — законченной мысли, выраженной словами (в таком смысле употребляется еще и термин **фраза**), и более узком — синтаксической единицы, характеризующейся наличием сказуемого.

Диалектическую природу суждения в его словесной оболочке В. И. Ленин выясняет следующим образом: „Начать с самого простого, обычного, массовидного etc.,[1] — с *предложения* **любого**: листья дерева зелены; Иван есть человек; Жучка есть собака и т. д. Уже здесь (как гениально заметил Гегель) есть *диалектика*: **отдельное** есть *общее*... Значит, противоположности (отдельное противоположно общему) тождественны: отдельное не существует иначе, как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого **рода** отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д. *Уже здесь* есть элементы, зачатки понятия *необходимости* объективной связи природы etc. Случайное и необходимое, явление и сущность имеются уже здесь, ибо, говоря: Иван есть человек, Жучка есть собака, *это* есть лист дерева и т. д., мы *отбрасываем* ряд признаков, как *случайные*, мы отделяем существенное от являющегося и противополагаем одно другому. Таким образом, в *любом* предложении можно (и должно), как в „ячейке“ („клеточке“), вскрыть зачатки *всех* элементов диалектики, показав таким образом, что всему познанию человека свойственна диалектика...“ (Отрывок из наброска „К вопросу о диалектике“, Ленинск. сб. XII, 1931, 324 — 325 стр.).

Внутренняя сторона того синтаксического построения, которое называется предложением в узком смысле, сводится прежде всего к особенностям главной грамматической пары, вокруг которой группируются все остальные. Ниже на этих особенностях мы остановимся подробнее, а пока заметим только, что наиболее распространенный тип главных грамматических пар — это объединение „носитель постоянного признака“ (предмет) и „приписанная ему во времени деятельность“.

Грамматически этой связи соответствует сочетание „именительный падеж существительного и согласованный с ним глагол в личной форме“. Этот тип является наиболее распространенным. Но имеется и ряд других типов предложения.

---

[1] — и так далее.

Вокруг основных стержней предложения — именительного падежа существительного (или его замены) и глагола в личной форме (или его замены) — группируются остальные словосочетания (пары): „Сотни работников уверенно ходили между машинами“ (А. Богданов). Главная пара — *сотни ходили*. К подлежащему *сотни* относится управляемое слово *работников*, к *ходили* — *между машинами* и *уверенно*.

Предложениям в их морфологических признаках соответствуют выступающие с большей или меньшей выразительностью признаки ритмо-мелодические. Отчетлива тенденция[1] одно предложение от другого отделять паузами той или другой длительности и характерными изменениями тональности (повышением в направлении к границе, за которою начинается новое движение тона, или снижением, за которым далее идет повышение): 1. „Оперов особенно понравился мне теми свободными мнениями| которые он высказывал о профессорах“ (Л. Толст.). 2. „Матвей Дышло говорил всегда мало |но часто думал про себя такое| что никак не мог бы рассказать словами“ (Корол.). 3. „Все заглядывали вперед |где качалось и реяло красное знамя“ (Горьк.). 4. „Таких строений было еще три |и все они были аналогично расположены“ (Богд.).

(Об интонации параллельных предложений — ниже).

Характерно также для предложений выступающее на одном из их членов (но необязательно на главном) доминирующее над остальными логическое ударение: ср. в приведенных примерах: *мнениями, о профессорах* (1); *мало, такое, словами* (или *никак*) — (2); *вперед, красное знамя* — (3), *три, все они* (или *аналогично*) — (4).

Типы предложений

Предложение, взятое со стороны синтаксической, называется **простым**, если имеет одно или несколько сказуемых, согласованных с тем же самым подлежащим или подлежащими: *Нагульнов проскакал по направлению к Тубянскому саженей сто.* (Шолох.). — *Звезды движутся перед нашими глазами постоянно с востока на запад вокруг оси мира.* — *Волны, падая, разбиваются в брызги и спокойно лепечут, плещутся о камни* (Жига).

Объединение предложений при помощи тех или иных синтаксических признаков в развернутое целое, являющееся выражением одной законченной мысли и с внешней стороны характеризующееся интонацией законченности, представляет **сложное предложение**:

Ленин и Сталин, а до них Маркс и Энгельс, не раз доказывали, что социализм создает новую высокую производительность труда (Л. М. Каганович). *Все заглядывали вперед, где качалось и реяло в воздухе красное знамя* (Горьк.). *На синеве белели косым парусом рыбацкие лодки, а у горизонта*

[1] Тенденция эта выступает, однако, среди многочисленных усложнений основного ритмо-мелодического рисунка.

чуть приметно дымил уходивший пароход (Сераф.). *Перед рассветом в степи холодно и строго: сквозь шинели и сквозь рубаху впиваются тонкие ледяные шилья* (Фурм.). *Там, где ветры слизали снег, земля по ночам гулко лопается* (Шолох.).

Одинаково и простое и сложное предложение по выражаемому ими смыслу и соответствующей этому смыслу интонации могут выступать в трех видах: предложения повествовательного, вопросительного и восклицательного.

Повествовательные предложения служат в основном выражению мысли без отчетливой эмоциональной ее окраски. Типический их внешний признак — специфическая падающая интонация, особенно заметная главным образом на логическом центре высказывания (отдельном слове или грамматической паре): *Слушали информацию Витьки Долгунова, что плоты будут готовы через четыре дня* (Иорданский). *Волчиха, испугавшись, схватила, что первое попалось в зубы* (Чехов).

Повествовательные предложения — самый распространенный в языке синтаксический тип.

Вопросительные предложения характеризуются с внутренней стороны тем, что они заключают в себе (по крайней мере, по идее) вопрос и побуждение собеседника к ответу. С внешней — они могут характеризоваться особыми вопросительными частицами *разве, неужели, ли* или специальными полнозначными вопросительными словами — местоимениями (типа существительных, прилагательных и наречий): *кто? что? какой? сколько? где? куда? зачем?* и под.

Типична также для них особая восходящая интонация[1], выступающая тем отчетливей, чем более устранены раньше названные признаки вопросительности: *Разве ты об этом не слышал? Что делать? Вы этого хотели?—Вы слыхали когда-нибудь шум водопада?* (Жига).

Восклицательные предложения с разными степенями восклицательности — от еле заметной, напр., в: *Приходи ко мне завтра* до ярко выраженной, напр., во: *Вставай, проклятьем заклейменный весь мир голодных и рабов!* — имеют специальную восходящую интонацию: музыкальное и силовое (динамическое) ударение сосредоточиваются на ударяемом слоге эмоционального члена или членов предложения; причем за этим слогом происходит сразу ослабление и тона и силы. Со стороны внутренней для восклицательных предложений характерны, хотя и не обязательны, повелительные формы, обращения и междометия.

2. ПОДЛЕЖАЩЕЕ И СКАЗУЕМОЕ

Господствующий тип предложений характеризуется наличием в них подлежащих и сказуемых. Обычное морфологичес-

[1] В простейшем случае с интервалом в квинту на слоге-носителе доминирующего силового ударения.

кое выражение подлежащего — именительный падеж имени существительного или личного местоимения, сказуемого — глагол в личной форме или в форме, сочетающейся с лицом (прошедшее вр.): **Мы вступили** *в период социалистической переделки всего народного хозяйства на основе индустриализации страны и реконструкции хозяйства* (газ.). **Организации** *и комсомола и пионеров* **перестраивались** *достаточно успешно применительно к проблеме „лицом к производству“*. (Л. Каганович, Орготчет ЦК XVI съезду ВКП(б). Это наиболее распространенный тип предложения.

Но наряду с ним возможны иные,— с теми или другими вариациями основных частей (подлежащего и сказуемого). Подлежащим может, напр., являться именительный падеж прилагательного; сказуемым — имя прилагательное в несклоняемой (нечленной) форме или в именительном падеже формы склоняемой и под.:

Сытый *голодного не разумеет. Только* **трудящиеся** *могут быть членами профсоюзов.*

В такого рода предложениях отсутствие имени существительного ведет к тому, что роль его исполняет прежде согласовывавшееся с ним прилагательное (ср. *сытый человек, трудящийся человек*).

Роль подлежащего может принять на себя и всякая другая часть речи или даже целое предложение, если они мыслятся как известная замена имени существительного в именительном падеже и определяются, как и оно, при помощи сказуемого.

Согласование глаголов с именительным падежом существительных требует лишь нескольких замечаний о частных случаях.

Именительный падеж + предлог **с** с творительным согласуют с собою множественное число глагола: „В это время *Дыма с чехом усаживались* где-нибудь в уголке“ (Корол.). „В кухню *вошли дед с матерью*“ (Горьк.); но при иной расстановке слов: — „*А Истомин* как-то случайно *выдвинулся* вперед *с Манею*“ (Леск.). Здесь *с Манею* уже связано со сказуемым *выдвинулся*.

Глагол часто согласуется только с одним из подлежащих, ближайшим: „И с берега, сквозь шум машины, *неслось рокотание и гул*“ (В. Короленко). „И теперь, как память о странном сне,... *рисовалась* эта *старина и* какой-то *простор, и* какая-то дикая *воля*...“ (Кор.). „Но недолго *разливался* в траве густой переливчатый *храп* мужиков и *подхрапывание баб*“ (Сейф.).

Литературный язык при „Вы“ вежливости не допускает встречающегося иногда в неправильной речи согласования с единственным числом прошедшего времени: *Вы просили, Вы сказали*, но не „Вы просил, Вы сказала“.

Для форм повелительного наклонения 2-го лица ед. и мн. и 1 множ. правилом является отсутствие слов, с которыми они согласуются (*ты, вы, мы*), и формы эти обыкновенно заключают в себе, таким образом, скрытую двучленность. Лицо называется

обыкновенно лишь тогда, когда на него падает логическое ударение: „Он стал одеваться, говоря: — „Я на минуту выйду... *Ставь самовар ты*“ (Горьк.).

Выступая в роли аффективно окрашенных форм условия (в значении „если только“, чаще с отрицанием в значении утраченной возможности), повелительная форма 2 лица ед. ч. допускает сочетаемость со всеми тремя лицами: „Да *накупи я* всех этих, которые вымерли... *приобрети* их, положим, тысячу... вот уже двести тысяч капиталу“ (Гоголь). „Щепотки волосков *лиса не пожалей*, остался б хвост у ней“ (Крылов). „Ему (штыку) *кто подвернись*, хотя бы мать - отец, Приказано — конец: Знай — колет“ (Д. Бедный).

Данная функция осуществляется в сложном предложении.

Другая функция 2 л. ед. числа — обозначать внезапное прошедшее — осуществляется только образованиями совершенного вида: *А он вдруг и скажи...*

Распространено повелительное наклонение 2 л. ед. ч. (реже — множественного) и со значением безличности; оттенки — „нужно“ и под.; при отрицании — „нельзя“ и под.; „Ты не поверишь, как я измучился с ним: спорит, грубиянит, а дела не *спрашивай*“ (Гонч.).

Употребляется, наконец, форма 2 лица ед. ч. при подлежащих со значением 3 лица: „Измывается надо мной барин... *пес его возьми!..*“ (Горьк.). „Что ты говоришь? *Отсохни твой язык!* — сердилась бабушка“ (Горьк.). „*Минуй* нас пуще всех печалей И барский *гнев*, и барская *любовь!*“ (Гриб.). Такое употребление известно исключительно в аффективной речи.

Сказуемое при сочетаниях с **два, три... пять...** может выступать и в единственном и во множественном числе: **Необходимо** *два важных условия* и **Необходимы** *два важных условия*, *„Пришло пять человек* и *Пришли пять человек*. При **сколько, много** обязательно единственное число: **Сколько** *человек* **пришло? Сколько** *разных чувств* **проходит** *во мне*, **сколько** *мыслей туманом* **проносится...** (Пришвин). **Пришло много** *людей*[1].

Это влияет и на предшествующие сочетания в том отношении, что единственному числу отдается решительное предпочтение, когда в центр внимания говорящего попадает именно определение количества: **Пришло** *человек* **пять. Горело** *уже* **четыре** *избы* (Горьк.). *Здесь и без того уже* **навалило тысяч двадцать**, *а колонны все идут без конца* (Гладков).

Если сказуемое отодвинуто от подлежащной группы, оно обычно стоит во множественном числе: **Три огонька** — *два под водою и один высоко над ними* — **провожают** *его* (Горьк.). **Двое рабочих** *в белых фартуках* **копались** *около дома* (Чехов).

---

[1] При **несколько** преобладает единственное число, но возможно, обыкновенно при названии лиц, и множественное; ср: *Замок бани сломали,* **несколько** *человек* **втиснулось** *в двери и почти тотчас же* **вылезли** *оттуда* (Горьк.). **Заговорили** *сначала* **несколько человек** *туманно и нетвердо, путаясь в мелочах, потом ввязались другие,— сход постепенно расходился* (Фадеев).

Впрочем, при названиях людей вообще множественное число решительно предпочитается:

...**Сидели** *за водкою* **два дворника** (Верес.).

В предложении *„Ближе ко мне, под тучами* **плывут**, *точно золотые караси, еще* **четыре**“... (Горьк.) на выбор формы множественного числа повлияло, вероятно, следующее „караси“.

Сочетание числительных-существительных с **„лет“** допускает сказуемое только в единственном числе и собственно стоит на границе безличности: *Когда Ванюшке* **исполнилось двенадцать лет** *и он окончил школу, мать сшила ему синюю блузу, а отец отвел его на завод* (Плетнев).

Тысяча, миллион и под. являются теперь обыкновенными существительными, управляющими родительным падежом множественного числа: *тысячью человек* и под. и согласующими с собой сказуемое в единственном числе: *Явилась тысяча человек.* Впрочем, по аналогии с другими числовыми названиями, возможно также: *Явились тысяча человек, Явилось тысяча человек, с тысячью рублями* и под.

— В сочетаниях типа „В тысяча девятьсот семнадцатом году“ *тысяча,* как и наименования меньших чисел, остается в форме именительного падежа.—

Если имя существительное — по основному своему значению не числовое — приобретает значение количества, то оно может тоже сочетаться со средним родом сказуемых: *Работы у нас* **в это время было пропасть.** *Народу* **собралось уйма.**

Количественные понятия допускают нередко уклонение от грамматического согласования в сторону смыслового, ср.: **Большая часть** *моих прежних привычек и вкусов* **не нравились** *ему*... (Л. Толст.).

Если числовые слова **трое, четверо** и т. д. согласованы с **все,** то сказуемое выступает во множественном числе: **Все четверо стояли,** *страшно приготовившись“* (Горьк.).

Это же относится и к **тысяча (вся тысяча, целая тысяча), сотня** и под., но с согласованием единственного числа.

Принадлежащие морфологически очерченным глагольным формам (включая аналитические) грамматические значения времен и наклонений в связной речи получают относительно немногочисленные изменения.

Формы настоящего времени некратных глаголов (не обозначающих повторяющегося действия) получают значение будущего при наличии контекста или ситуации, указывающих на такой смысл предложения: „Баринов тихо спрашивал: *Едем, а?* Завтра?“ (Горьк.). „Пароход *отходит* завтра в 10 часов“.

Формы настоящего времени получают значение оживленного прошедшего в контексте, дающем на это указание; ср.: в „Моих университетах“ Горького рассказ ведется в прошедшем времени, что соответствует общему характеру воспоминаний автора, но повествование изредка переводится в настоящее с целью оживить картину событий: „Кратко, толково Ромась *внушает,* что́ и как я должен делать без него, и мне *кажется,* что он уже

забыл о попытке попугать взрывом, как забывают об укусе мухи".

Синтетическая форма будущего (будущее совершенного вида) может, особенно при слове *бывало*, в контексте, указывающем на то, что рассказ относится к прошлому, обозначать прошлое время (со значением быстрой смены или, наоборот, большой длительности): „*Бывало*, прежде-то... из-за уголка *посмотрит* на тебя, на сестер,— и счастлива..." (Шелл.-Мих.). „А матушка-то, *бывало, прикроет* мне глаза да *как заведет* песню на великую высоту... а все кругом будто *задремлет, не шелохнется*, слушает ее" (Горьк.). „Казаки вламывались в квартиры, брали все, что *приглянется*" (Верес.). „Ребята,— крикнул он,— два целковых жалует нам господин проезжий". Те все вдруг *как загогочут*..." (Тург.).

Форма будущего совершенного вида может иметь значение быстро сменяющегося настоящего: „(Луна) *Заглянет* в облако любое, Его так пышно *озарит* — И вот уж перешла в другое..." (Пушк.).

„Бабушка, качая головою, молчит минуту и вдруг снова точно *вспыхнет* вся" (Горьк.). „*Ляжет* на постель, *зароет* голову в подушку и лежит долго, молча и неподвижно, а потом как *поднимет* голову, видно лицо его красное, как будто он плакал, но глаза сухие..." (Либединский). Тип этот очень тесно соприкасается с только что упомянутым.

Синтетическая форма будущего с отрицанием имеет значение настоящего (общего, постоянного): ... *Ни защелохнет, ни прогремит* (Гог.).

Ср. с этим значение результата действия вне отношения ко времени: „Как *аукнется*, так и *откликнется*".

Может, наконец, эта форма с **не** обозначать оттенки наклонений: *Не придумаю... не скажу. Тут ничего не добьешься* (ср. *не добиться* и под.).

Форма прошедшего времени совершенного вида может получать, впрочем, при относительно немногочисленных словах, значение побудительное: *Пошел! Пошли! Поехал! Поехали!*

В придаточных предложениях содержания (изъяснительных) настоящим временем обозначается одновременность с главным:

Передавали, что по занятии города им три дня *разрешается* грабить (Верес.). — Несколько секунд мы оторопело *смотрели*, как деловито желтые языки огня... *лижут* стену, *загибаются* на крышу (Гор.). — Если бы кто смотрел на него в это время с площади, то *мог бы видеть*, как белая одежда то *теряется* в тени деревьев, то *мелькает* опять на месячном свете (Кор.).

При „что" и „будто" в таких случаях употребляется только настоящее, при других наречиях-союзах возможно сохранение времени главного.

Роль глагола — указывать признак, приписываемый лицу в определенном времени — могут взять на себя прилагательные, одни или вместе со вспомогательным глаголом: *Отчего она так*

весела? Сравн.: *Отчего она* **была так весела?** *Отчего она* **будет так весела?** „Была", „будет" не имеют тут своего особого значения, кроме значения времени; ср. „Я был у тебя", „Я буду у тебя", где „был", „буду" равняются „приходил, приду" и под. и являются полнозначными глаголами. Сличая *Она* **была весела**, *Она* **будет весела** и *Она* **весела**, мы сознаем последнюю форму как выражающую приписываемый признак („весела") в настоящем времени. Но подобно тому как формы глаголов настоящего времени могут означать не только данный момент: *Он хорошо* **учится** — учится не только теперь, но и вообще, всегда (т. е. признак, заключенный в слове „учится", приобрел значение постоянного),— точно так же *Он* **красив**, напр., может обозначать не только „красив теперь", но и вообще, всегда.

Формы вроде *принят, отправлен* сравнительно с *был принят, будет принят, был отправлен, будет отправлен* осознаются как формы со своеобразным отношением к настоящему времени. Хотя *принят, отправлен* образованы от основы совершенного вида и обозначают, таким образом, действия законченные, но фразы вроде „Это письмо отправлено" сравнительно с „Это письмо было отправлено" мы понимаем в том смысле, что в первом случае указывается и на прошедшее время и на завершенность действия в настоящем, а во втором — только на факт, имевший место в прошедшем.

Выступающее в качестве сказуемого прилагательное имеет обычно к р а т к у ю форму, там, разумеется, где такая существует: *Э, всякая работа* **трудна** *до времени, пока ее не полюбишь...* (Горьк.). *Наша песня трудовая и* **могуча**, *и* **сильна** (Ерошин). *Лица* **потны** *и* **пыльны** ... *Ладони* **мозольны** *от грубо струганных палок* (Либед.). *Мы идем — революционной лавой. Над рядами флаг пожаров* **ал** (Маяковский). *Звона звонче сундуки Алтая, Реки* **полны** *рыбы и воды,* **Хороша** *пушнина горностая, Рыси* **рыжи**, *Лоси* **молоды** (Н. Тихонов). *Строки доклада* **просты** *и* **бодры** (Безыменский).

Живое творчество языка иногда, однако, создает и новые формы подобных прилагательных; ср., напр.: *Но* **зорок** *глаз диктатуры пролетариата и рука его* **железна** („Извест." 9 авг. 1932 г.). В таких случаях обычно материальные прилагательные употребляются в переносных значениях.

Относительно нередки в литературном языке и случаи употребления формы полной: *Около груды щебня сидит черный, как жук, рабочий... Лицо* **серьезное**, **смелое** *и* **ласковое** (Горьк.). *А правда,* **несмелый** *я совсем,— думал Мечик потом* (Фадеев). *Он* (Петька) *боялся леса, который покойно шумел над его головой и* **был темный**, **задумчивый** *и такой* **страшный** *в своей бесконечности* (Л. Андреев).

В старых школьных грамматиках узаконялся только первый тип; однако, второй все более заявляет свои права на существование в литературном языке, правда, в общем с некоторыми функциональными отличиями. В целом факты распределяются так:

Там, где по смыслу требуется в сказуемое внести элементы управления, господствуют несклоняемые прилагательные: *Возродившийся народ* **был горд своими достижениями** („гордый" здесь невозможно). *Эти амбары* **полны хлеба** („полные" было бы неуместно), и под.

В меньшей мере это относится и к сказуемым с примыкающими членами: *Говоря правду, он* **был даже довольно комичен** (Тург.).

Краткая форма определенно предпочитается при прямом или косвенном указании на отрезок времени,— ср.: **Посмотрит** *на тебя... и* **счастлива** (Шелл.-Мих.). *Голос Пальмерстона немного глух, как у старика, но* **все еще силен и внятен** (Тург.). *Лицо Дымы* **было красно**, *потому что его сильно подпирал тугой воротник не снятой на ночь крахмальной сорочки* (Кор.). *Обоняние* **тонко в мороз**, *Мысли* **свежи, выносливы** *ноги* (Некр.).

Краткая форма может иметь значение и постоянного признака, и относящегося к данному отрезку времени: ср. *Я вижу — ты счастлив,* — имеется в виду или данный отрезок времени, или счастье, удачливость, как черта постоянная у данного лица, но *Ты счастливый* может иметь значение только „ты счастливец". При этом надо заметить, что последнее употребление носит главным образом разговорный характер и менее других узаконено в книжном языке. Любопытно также, что из разговорного языка перенесено при множественном вежливости согласование только в фактическом роде, но не в числе: „Вы счастливые" произвело бы впечатление нелитературной речи, тогда как *Вы счастливы* — обязательное по требованиям нормы согласование.

Выбор полной формы вместо краткой диктуется зачастую редкостью для данного слова сказуемной функции вообще: *Когда Петька оделся, то* **был синий** *от холода, как мертвец* (Л. Андреев). *Варя говорит ему хорошие слова, а он гладит ее волосы, и косы у нее* **будут** *совсем* **золотые**, *как полдень* (Фад.); переводя, напр., фразу немецкого учебника „Der Mantel ist warm", мы скорее, поколебавшись, скажем: „Это пальто теплое", чем „тепло";—или редкостью сказуемной функции по отношению к определенным подлежащим: мы скажем: *Это время* **было** *для нас* **веселое**, но не „...весело"; свободно говоря: *Платье на нем было* **мокро**, в мужском и женском роде предпочтем полные формы, ср.: *Он весь* **мокрый**... (Корол.). Причина такого именно выбора заключается в том, что формы краткие относительно редки в разговорной речи, и когда мы стоим перед новыми, живыми потребностями языка, не обеспеченными уже закрепленными книжными образцами, наружу пробивается разговорная речь. Это последнее обстоятельство проливает свет и на то, почему полные формы мы найдем по преимуществу в языке беллетристики — в речи непринужденной, незакругленной, заставляющей как будто ожидать еще чего-то дополняющего: *Помещение это* **тесное**, *старого типа и нуждается в перестройке.* Характерно здесь „помещение это"; при переста-

новке „это помещение“, меняющей разговорный, свободный характер фразы, мы скорее бы предпочли „тесно“; вторая сказуемная часть „старого типа“, более обычная в роли приименного сочетания, поддерживает выбор членного прилагательного и в первой части фразы, и притом представляет продолжение, следовательно, первая часть должна была быть дана незакругленной. Стоит внимания и то, что наиболее часты членные формы там, где фраза допускает легкую перестановку частей и сказуемое попадает при этом в определение. Сравн.: *Матвей, у которого* **глаза были острые,** *увидел первый*... (Кор.) и „у которого были острые глаза“; **Губы** *у него были толстые и мясистые* (Писем.) и „У него были толстые и мясистые губы“. В цитированной из Тургенева фразе „Голос Пальмерстона немного глух...“ легко допустима замена „Голос у Пальмерстона немного глухой“ (ср. „у П. немного глухой голос“).

Заметим, что природа страдательных причастий, если они почему-либо не лишились своих специфических функций, исключает возможность употребления их в сказуемом не в краткой форме: причастия предполагают способность управления и, что еще важнее, образуют с *был, будет* аналитические формы: *Надо сделать все для того, чтобы в ряды партии вместо вычищенных* **были втянуты** *наилучшие элементы из рабочих и колхозников.* „Были втянуты“ предполагает возможность управления — „кем“ и образует аналитическую форму, параллельную, напр., форме „втягивались“.

Причастия нестрадательные вообще в роли сказуемых не употребляются, и естественно, что нечленных форм не имеют. Примеры нестрадательных причастий в сказуемых сплошь относятся к случаям перерождения их в обычные прилагательные.

Труднее анализ предложения в случаях более глубокого морфологического и вместе с этим синтаксического усложнения основных частей. Констатировано, что предложение обычно распадается на две части, из которых одна представляет связи, прямые или косвенные, с подлежащим, другая — со сказуемым: *Массовая* **работа должна** *в системе профсоюзной работы занять видное место* (газ.). Основная грамматическая пара (синтагма) — „работа должна“. Остальные полнозначные слова группируются в пары вокруг каждого из членов этой основной: а) „массовая работа“, б) „должна занять“, „занять в системе“, „в системе работы“, „профсоюзной работы“, „занять место“, „видное место“.

Этого со всей настойчивостью **требует** *переживаемый нами* **период** *хозяйственного развития*: а) „переживаемый период“, „переживаемый нами“, „период развития“, „хозяйственного развития“, б) „требует этого“, „требует с настойчивостью“, „со всей настойчивостью“.

Производя, однако, разбивку на пары, мы нередко стоим перед фактом, что сказуемое, т. е. часть, заключающая в себе смысловой признак, приписанный в известном времени подлежащему, особенно часто представляет собою сумму по существу нерас-

торжимых или с трудом поддающихся расцеплению слов. Простейший случай — *был, -а, -о, будет* с прилагательным нечленным или членным в имен. падеже, образующим грамматическое единство, в котором вспомогательный глагол является грамматической приметой сказуемости, а прилагательное — выразителем смысла высказывания. Сложнее связь вспомогательного глагола с так называемым творительным предикативным (сказуемным): при *был, будет, становится стал, станет* и т. п. для обозначения главным образом не постоянного состояния, а временного употребляется творительный падеж имени существительного:

Ему казалось, что Дыма **становится чужим** (Кор.).

Такое употребление творительного падежа мы имеем и при инфинитивах, деепричастиях и существительных, образованных от соответственных глагольных корней. Со всеми основаниями видя в этом творительном управляемый падеж, естественно, затрудняются воспринимать его просто как сказуемое, так как в природе последнего способность согласоваться с подлежащим, т. е. с падежом именительным. Удобнее поэтому в подобных случаях говорить о сказуемной части, в состав которой входят вспомогательный глагол и управляемый падеж.

Нередко русский язык допускает параллельно с оборотами с творительным предикативным, особенно при *оказался, сделался, стал, бывал, остался* и под., именительный склоняемых прилагательных или их несклоняемые формы (первые предпочитаются при значении временности признака): параллельно *Она во второй раз* **оказалась виноватою** (Салт.) возможно: *виновата* Ср.: ... *Мне решительно не понравилась эта манера, да и прочие слушатели* **остались холодны** (Тург.). ... *И тут он* **оказался плох** (Тург.). *Молодой человек* **оказался негордый** (Кор.). *Сене от того прибыток* **вышел мал** (Крыл.)[1].

Характерно, однако, что при *был, была ... будет ...* творительный прилагательных относительно редок и считается некоторыми даже признаком дурного слога (ср. Чернышев, „Прав. и чист." § 427) — *Избы вторая половина* **была таинственно-чужой** (В. Кириллов). Чем ближе „был ..." к „являлся, оказывался", тем более прав имеет творительный падеж и здесь: *И каждый звук был вам намеком И* **несказанным** *каждый стих* (Блок).

Имена существительные в роли сказуемых в настоящем времени употребляются обыкновенно только в именительном падеже: *Вы* **здешний судья?** — *спросил незнакомец поклонившись* (Корол.). *Маленький человек, когда он хочет работать,* — **непобедимая сила** (Горьк.).

Гораздо реже случаи особой подчеркнутости того, что дан-

---

[1] Характерно, однако, что при инфинитивах, причастиях и деепричастиях ни именительный падеж полных прилагательных, ни несклоняемая форма обычно не употребляются. В сочетаниях, вроде: *он мог оставаться глух и нем, оставаясь глух и нем, бывая пьян* и под. несклоняемые формы изредка встречаются. У причастий — они при „могло быть", „должно быть" и под.: „Редкое его добродушие не могло быть надлежащим образом оценено мною" (Тург.).

ное состояние лица временное,—как постоянное, для него не характерное: *Он* **учителем** *в нашем селе. Она на этом съезде* **делегаткой**. Ср. еще: *Она у них* **нянькою** и „... *в няньках*“ и под.

Наоборот, для прошедшего и будущего времени, включая и повелительное наклонение, творительный падеж — форма значительно более употребительная (особенно в значении временного состояния): *Старик умер, когда Матвей еще* **был ребенком** (Кор.). *Незабываемым* **уроком стал** *день девятый января* (Д. Бедн.). Хотя относительно нередко встречается и именительный падеж: *И Василий Иванович и Павел Матвеевич* **были люди** *вполне* **утробистые** (Салт.-Щедр.). *Как-то скоро* **стали** *они с чехом* **приятели** (Корол.). *Мне так хотелось самой заслужить его любовь, которая уже была приобретена мною только за то, что я* **была дочь** *моего отца* (Л. Толст.)[1].

Если сказуемое или сказуемная часть — имя существительное не того рода или числа, которые принадлежат подлежащему, то известное затруднение возникает при выборе формы рода или числа вспомогательного глагола. Правилом здесь следует считать согласование с родом и числом подлежащего: **Она была** *в глазах его только* **прелестный, подающий** *большие надежды* **ребенок** (Гончар.). *А* **пристань оказалась — огромный сарай,** *каких много было на берегу* (Корол.). *Человек, для которого все,* **что не было Кавказ,** *было достойно презрения, все же,* **что было Кавказ,** *разделялось на две половины...* (Л. Толст.).

Чернышев не прав, мне кажется, утверждая: „Некогда Писарев жестоко осмеивал одного автора, употребившего предложение, в основе которого стояла фраза: „Белинский была замечательная личность“. Критик указывал на нелепость сочетания: „Белинский была“. Но если бы автор употребил для слова *быть* форму мужеского рода, его можно было бы упрекать за соединение *был личность*. Вообще у нас допускается согласование связки *был, была, было* как с подлежащим, так и со сказуемым существительным“. Два, однако, примера согласований с последним неубедительны: первый (из В. Майкова) относится к XVIII веку, второй (из Пушкина: „... и первый предмет, поразивший меня, была северная береза“) допускает понимание слова „предмет“ как сказуемого (на необычном месте), а „береза“—как подлежащего („береза была первый предмет, поразивший меня“). Вообще, повидимому, свобода в употреблении формы вспомогательного глагола зависит главным образом от возможности или невозможности переменить места подлежащего и сказуемого; ср. еще у Л. Толстого: **Одна радость** и *даже* **страсть** *Жданова* **были песни. — Слова,** *так подействовавшие на Бенигсена,* **было** *спокойным и тихим голосом выраженное Кутузовым* **мнение** *о выгоде и невыгоде предложения Бенигсена о переводе в ночи*

[1] Подробности и исторические справки см. О. Патокова: „К истории развития творительного предикативного в русск. литер. языке“ „Slavia“, VII; автореферат. — „Наук. зап. Харк. каф. мовозн.“ I. 1927.

войск с правого на левый фланг для атаки правого крыла французов (Л. Толст.).

Обычно, однако, ощущаемая неполная увязанность частей фразы при подобной конструкции приводит к тому, что в сказуемной части предпочитаются формы творительного падежа: *Я знал, что* **такие забавы** *у них* **были делом весьма обыкновенным** (Леск.).

Заметим еще, что **это (то)** в роли своеобразного подлежащего не согласует с собою **был, будет** и под., и правилом здесь является только согласование с именем существительным - сказуемым: *В темноте опять замигала знакомая сигара:* **это был Истомин** (Леск.).

Чем конкретнее глагол, к которому тяготеет прилагательное, входящее в состав сказуемной части, тем более заметно последнее из сложного сказуемого выделяется в более или менее самостоятельный член (присказуемный). Переходные явления представляют, напр.: *И несколько дней все* **ходил** *он* **смирнехонек** (Леск.). *А она* **сидит такая смирненькая, такая тихонькая** (Леск.).

Разговорному языку чужды, а в письменном — употребляются главным образом в поэзии, сочетания с глаголами прилагательных (включая страдательные причастия), которые могут тяготеть к полнозначным глаголам всех времен. Такие прилагательные характеризуют предметы во время осуществления действия. Причастия — чаще выступают со значением действия, осуществленного перед временем сказуемого:... *И смотрит — она* (слеза) *Жемчужиной крупной* **застынет, Бела и кругла и плотна** (Некр.). *За мглой ветвей* **синеют** *неба своды, Как дымкою* **подернуты** *слегка, И, как мечты почиющей природы, Волнистые проходят облака* (Фет). *Друзья,* **шумят** *знамена* **легки и горячи** (И. Молчанов). **Окаймлена** *шумящей рожью, Через всю степь тебе к подножью Ковер душистый* **стелет** *гречь* (Фет). Преимущественно в этой роли встречаем краткие формы, но относительно нередки случаи и форм полных: *Клячонка* **стояла, полосатая** *вся от кнута...* (Некр.).

В состав сказуемной части могут входить самые различные зависимые от глаголов формы — примыкающие слова и под., обходящиеся теперь в речи без глаголов (в прошедшем и будущем времени при них появляются **был, будет** и под.): *Путь степной, без конца, без исхода, Степь да ветер* — **и вдруг** *Многоярусный корпус завода* (Блок). „И вдруг" предполагает опущенное или, точнее, возможное „стоит, находится" и под. (ср. и паузу после него). **Повсюду** *шум и грохот вечный Могучей жизни трудовой* (А. Гуцевич); ср. паузу после „повсюду". *Но если так,— ум* **с сердцем не в ладу** (Гриб.). *Этот маккиавелический образ действий* **был совершенно в духе Августовой политики** (Тург.). (Истомин) *безумствовал, свирепея, что она* **не его сейчас, сию минуту** (Леск.). **Нынче** *все* **с полным спокойствием** (Дост.).

Распространенные в европейских языках в качестве приметы глагольности сказуемого в настоящем времени глаголы - связки

(нем. ist, sind, фр. est, sont) в русском языке почти вовсе не употребляются в разговорной речи. *Суть* книжно и архаично, *есть* книжно: *Мысль для меня* **есть** *вечный и единственно неложный* **маяк** *во мраке жизни,* **огонь** *во тьме ее позорных заблуждений...* (Горьк.); но в последнее время **есть** возрождается в функции связки для сказуемых-имен существительных, особенно когда они представляют то же слово, что и подлежащее. Из языка В. И. Ленина, у которого оно особенно часто, *есть* определенно переходит в язык советской прессы и под. Ср.: *Лозунг национальной культуры* **есть** *буржуазный (а часто и черносотенно-клерикальный)* **обман**. *Наш лозунг* **есть** *интернациональная* **культура** *демократизма и всемирного рабочего движения* (Ленин, XVII т., 3-е изд., стр. 136). *Язык* **есть важнейшее средство** *человеческого общения* (Ленин, т. XVII, стр. 428). *Для нас, для большевиков, пятилетний план не* **есть нечто законченное и раз навсегда данное.** *Для нас пятилетний план, как и всякий план,* **есть** *лишь* **план,** *принятый в порядке первого приближения, который надо уточнять, изменять и совершенствовать на основании опыта мест, на основании опыта исполнения плана* (Сталин, Доклад на XVI партсъезде).

Обычное в языке *есть* в смысле „имеется" утратило признак согласования в числе (не имеет особой формы множественного): *В стране* **есть** *неограниченные* **возможности** *развития.*

О связке *это* (*то*) см. стр. 253.

Единство природы сказуемых, независимо от их морфологического состава, сказывается в возможности употребить одновременно по отношению к тому же подлежащему самые различные их виды; ср.: **Река — как зеркало** *и вся* **блестит** *звездами* (Фет). *Он* **был бос, без шапки, в одной рубахе и портах** (Горьк.). *Он* **был плечист, высокого роста и сложен на славу** (Тург.). *Потом* **печатает** *и в Лету* — **бух!** (Пушк.). Ср. и при однотипных подлежащих: *И зимою и летом он видел все те же зеркала, из которых одно* **было с трещиной,** *а другое* **было кривое и потешное** (Л. Андреев).

Но сказуемые типа несклоняемой и склоняемой формы друг с другом, вообще говоря, не сочетаются: во фразе, напр.: *А в океане мысли* **были все особенные и необычные** (Корол.), второе прилагательное не может быть дано в краткой форме. Точно также во фразе: *Дом* **был небольшой,** *но* **каменный, старый, двухэтажный, окрашенный грязно-желтой краской** (Достоевский) вм. „небольшой" нехорошо сказать „невелик" (краткая форма другого корня) ввиду того, что дальше идут членные формы.

Не сочетаются также сказуемые-инфинитивы и существительные (отглагольные): во фразе, напр., *Наша цель* — **организовать** *литературу как единую культурно-революционную силу* (Горьк.) при „организовать..." рядом не может стоять существительное вроде „создание"... „выработка" и под.

Специальный вид синтаксических отношений глагола пред-

ставляют тесные сочетания двух глаголов, сочетания, исключающие теперь истолкование их как сопровождающихся повторительной интонацией: **Пойди принеси** *поесть. Мы* **сели отдохнули.** Один из глаголов является в этих сочетаниях семантически неполновесным (обыкновенно это „пойду", „сел", „лег" и под.) и превращается в служебный. Тип этот следует рассматривать как своеобразное перерождение раньше равноправных глаголов, соединенных только интонационно и отделявшихся друг от друга паузой, ослабившейся в дальнейшем [1].

3. ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ (ПОЯСНИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА)

Связи имен существительных

Имя существительное в целом обладает такими синтаксическими признаками: а) косвенные падежи его зависят от имен же существительных, от прилагательных, от глаголов и форм, синтаксически соприкасающихся с системой глагола (инфинитивов, причастий, деепричастий), от наречий, от предлогов; б) вся система падежей, включая и именительный, обладает способностью согласовать с собой прилагательные в склоняемых формах; в) вся система падежей может согласовываться с теми же самыми падежами других имен существительных (функция приложения); г) ряд имен существительных, по преимуществу отглагольных, допускает примыкание к себе инфинитивов; д) редкие — примыкание наречий; е) все — синтаксическое функционирование при себе предлогов с определенными падежами.

Зависимость косвенных падежей (кроме винительного) от имен существительных представлена большим количеством фактов, из которых мы коснемся лишь относительно немногих, останавливаясь главным образом на представляющих известный теоретический интерес.

Родительный владетеля в русском языке употребляется весьма широко: *рассказы А. Неверова; семья брата; приказ начальника.* Прилагательные на *-ов, -а, -о* и *-ин, -а, -о* все больше выходят из употребления и в настоящее время не могут считаться серьезными соперниками этой функции родительного [1]. (Ограничительные замечания об *-ин* см. в главе IV).

Родительный определительный. Для него характерна частая тесная связанность с другими словами, без которых он обычно не вступает в связь (грамматическую пару)

[1] Об этом типе писали **Н. Милов** в „Русск. филол. вестнике",— LXXI, **Шахматов** „Синт. русск. языка", § 219 и в последнее время **А. Гвоздев** в статье „Согласование глагола с глаголом", „Русский язык в советской школе", 1930, № 2.

с управляющим словом: Люблю я *немятого луга* К окну подползающий *пар* И *тесного, тихого круга* Не раз *долитой самовар* (Фет). Куются где-то *топоры иной закалки* (Д. Бедный). Неужели... теперь я буду работать *с людьми настоящего дела?* (Горьк.). Нам в Ленине каждая мелочь люба: И скулы, и рот *неуступного склада*... (Н. Асеев). Трубка, выжженная махоркой, И *глаза стальной синевы* (Н. Тихонов).

Родительный определительный служит более совершенным и полным средством характеристики, чем прилагательные, дающие, когда они с ним конкурируют в этой роли, только общие групповые черты; ср.: *круговая порука, луговой пар, дельные люди.*

Родительный объекта. Выступает он как падеж, параллельный приглагольному винительному, при ряде отглагольных существительных, очень тесно связанных с соответствующими глаголами: *искание* новых *путей* (ср. *искать* новые *пути*), *опрос учеников* (ср. *опросить учеников*), *изгнание врагов* (ср. *изгнать врагов*), *воспитание юношества* (ср. *воспитать юношество*); но: любовь к матери, ненависть к врагу, стремление к победе. — Иногда он заключает в себе опасность недоразумения; ср. *обман жрецов* (жрецы ли обманывают или обманывают их?) и под. „Удачен корректив Потебни“... („Родн. яз. в школе № 5, 130 стр.) — оказывается, что в виду имеется корректив к Потебне, а не корректив, сделанный Потебнею.

Родительный целого при различных точных или неточных названиях меры: *кусок сахару, понюшка табаку.* О его морфологических особенностях см. главу V.

С ним сродни родительный существительных и прилагательных среднего рода при *что* (ср. много): *Что пользы? Что нужды?* и под. *Что хорошего? Что нового?*.... „...Теперь многое из того, *что было фантастического*, даже *романтического*, даже *пошлого* в мечтаниях старых кооператоров, становится самой неподкрашенной действительностью“ (Ленин, XXVII т., стр. 391).

Дательный и творительный лишь изредка выступают как падежи, зависимые от существительных. Все их функции этого рода в бо́льшей или меньшей мере перенесены из соответственных конструкций прилагательных у глаголов: *пенсия инвалиду, верность принципам, угроза врагу* (выдать пенсию кому, верен чему, угрожать кому и под.).

Ср. еще: *Он мне друг. Горе побежденным!*

Отсюда, отнюдь не в соответствии с современным русским языком, у Грибоедова:... „Вот-с, Чацкого, *мне друга*, Андрея Ильича покойного сынок“.

Торговля хлебом, питание овощами, увлечение наукой и под. (ср.: торговать хлебом, питаться овощами, увлекать(ся) наукой и под.).

Падежная зависимость от глаголов исключительно многообразна:

Винительным падежом объекта управляют многие глаголы, не имеющие залогового признака **ся**, одинаково в функции личной и безличной (ср. главу IV).

Как отмечено впервые проф. Некрасовым, префиксальные образования гораздо более способны управлять винительным падежом, чем непрефиксальные; ср. „верить", но *уверить кого-нибудь*, „сидеть", но *просидеть стул* и под.[1]. Ср. отрывок из „Затишья" Тургенева: „Полноте — промолвила она — Вы все смеетесь да шутите, и прошутите так всю вашу жизнь! — Новое выражение! Ведь... вы употребили глагол „шутить" — в смысле действительном"[2].

Винительный падеж обстоятельственный возможен при всяком глаголе: „Разве не *спят* они *всю жизнь* сидя?" (Гонч.). „*Третью уж ночь* вот на этом холме за оврагом Конь мой по звонкой дороге *пускается* шагом" (Фет).

Винительный падеж внутреннего объекта несет с собой обыкновенно впечатление разговорной речи: „Там будешь *горе горевать*..." (Гриб.). „*Горе горевать* — не пир пировать" (посл.). „Не *шутки шутим* мы и не играем в прятки" (Д. Бедный). — Особое положение занимает „делать дело": Он говорил прекрасно, горячо, убедительно — о позоре малодушия и лени, о необходимости *делать дело* (Тург.). Чисто-литературным является у Достоевского: „Решиться на это, *шагнуть этот шаг*, — нет, нет, это не мог бы сделать человек без особенной силы".

Родительный падеж при переходных глаголах с отрицанием довольно употребителен (см. стр. 238).

Родительный частичный (неопределенного количества) особенно употребителен при глаголах со значением: *хотеть, искать, ждать, просить, требовать, нехватать, домогаться* и под.

В разговорной речи он вообще встречается чаще, чем в книжной: *Денег* я ему *дал*, но учиться на скрипке бросил (Горьк.). Отметив красным карандашом разрушения фасада, он *дал* мне еще *бумаги* (Горьк.). *Изведав крови благородной*, нашла я (шпага) после вкус в крови простонародной (Д. Бедный).

Разница между ним и винительным объекта отчетливо выступает в таких, напр., параллельных выражениях: *Ищу деньги* — смысл: „потерянные"; *ищу денег* — смысл: „занять у кого-нибудь" и под. *Жду жену* (которая должна приехать и под.), но *жду неприятностей* („каких-то") и под.

---

[1] Как префиксы, утратившие влияние на переходность глаголов и родственных им форм, выступают **за-** (со значением начала действия), **по-** и **раз-**: *зашуметь, посидеть, расшуметься* и под.

[2] Не будь ответной фразы, „всю вашу жизнь" можно было бы, однако, понять как винительный обстоятельственный.

Близко родствен родительному неопределенному количества родительный временного пользования, но он в русском очень редок и, вообще говоря, литературной нормой не узаконен: *Дай-ка* мне *перышка.*

Родительный времени (когда?) ограничен датами месяцев с числами дней и следующей за ним датой года: *Двадцать второго августа* и выражением: *третьего дня* (ср. сегодня из „сего дня"). Но только — *в четверг, в тысяча девятьсот первом году* и под.

Дательный — в широком смысле падеж косвенного объекта. С ним конкурируют сочетания с предлогом **у, для** в значении лица, в пользу или во вред которому что-либо делается, и под.: *У кого* что *болит,* тот о том и говорит. *У злодея отобрали* оружие. *Для меня* это *ново.*

Творительный. Русский литературный язык широко употребляет творительный действующего лица, не ограниченный в своем употреблении при страдательных оборотах: *Это сделано инициативной группой, Это было сделано инициативной группой, Это будет сделано инициативной группой.*

Творительный причины все более сужается в своей роли, уступая место предложным и под. сочетаниям; ср.: Не правда ли, что *нами* дерево так пышно и кудряво?.. Не *нами* ль царствует корабль наш на морях? (И. Крыл.).— Теперь мы сказали бы только „благодаря нам". Не их ли ты *мужеством* славен? (А. Толстой) — „не благодаря ли их мужеству?"

Творительный объекта (содержания). Это относительно небольшая группа случаев, заключающая, напр., глаголы со значением болезни: *болею сердцем, страдает неврастенией.*

Творительный времени (когда?): *позднею осенью, ранним летом.* Значение такого творительного — обозначать известный отрезок времени, лишь часть которого заполнена называемым действием.

Творительный пути. Он соприкасается по употреблению с предлогом **по** с дательным падежом. Разница между ними, впрочем, далеко не резкая, заключается в том, что при творительном — место обычно рассматривается как преодолеваемое препятствие или, наоборот, средство достижения цели, а при обороте с **по** такого оттенка, в большинстве, нет: ср.: „В полночь „Успеньева дня" я *шагал Арским полем,* следя сквозь тьму за фигурой Лаврова... Молча перелезаем через забор, *идем густо заросшим садом,* задевая ветви деревьев..." (Горьк.). Поэтому при „гулять" скажем только „по саду", при „бродить" только — „по полям" и под., хотя и: „итти **по** улице", „ехать **по** дороге".

Творительный функциональный (в качестве кого, чего и под.): Его *выбрали председателем,* Он *назначен учителем.*

Довольно близко соприкасается с ним творительный сравнения: *лететь стрелой, выступать павою* и под.

Творительный пространственной ориентации:

шириною, длиною, глубиною, вышиною: длиною пять верст и под.

В некоторых случаях синтаксическое целое, ввиду многообразия возможных значений творительных падежей, оказывается не сразу понятным: ср.: „Еще в полях белеет снег, А воды уж весной шумят" (Тютчев) — „весной" мы связываем с „шумят" как творительный содержания, но при первом впечатлении форму эту можно принять за творительный времени, или: „На зло жестоким испытаньям И злобе гаснущего дня Ты очертаньем и дыханьем Весною веешь на меня" (Фет) — „весною" творительный содержания, но чисто-синтаксически его можно понять как падеж времени. Ср. еще: „... И все, что движется и дышит, Задышит новою весной" (Фет). „Я назначен боцманом „вахтить" на руле в помощь этому зверю" (Гор.); грамматически неясно — боцман ли назначен или лицо говорящее получило назначение боцманом.

Основная синтаксическая функция **предлогов** — служить добавочным средством управления при всяких полнозначных словах. Есть, как известно, в русском языке даже такой падеж, который вообще возможен только в сочетании с предлогами — предложный (*в городе, о городе*)). Управляют им предлоги **о (об), при, на, в.**

Функции этого падежа в русском языке довольно широки и не покрываются функцией местной.

Как местный падеж, он отчасти (в склонении мужского рода) приобрел даже особые морфологические приметы. Выбор при нем предлогов **в** или **на** в существенном зависит от самого значения сочетания — идет ли речь о чем-либо находящемся внутри или же на поверхности: *в ящике, в тюрьме — на горе, на площади* (ср. различные смыслы *в столе* и *на столе*), но есть отдельные отложившиеся сочетания более или менее условные: **на** употребляется при названиях определенно-горных областей (гор) СССР — *на Кавказе, на Урале*, но *в Поволжьи, в Сибири* (ср. и *в Крыму*, ибо горы „Крым" нет); когда речь идет об иностранных горных областях или государствах, обычно остается **в**: *в Альпах, в Тироле*. Если называются реки в смысле областей при них, употребляется **на**: *на Дону, на Волге*. Этот же предлог имеем при названиях островов и полуостровов: *на Филиппинах, на Корсике, на Камчатке. На Украине, на Харьковщине* — украинизмы, проникшие в русский язык при этих именах; параллели такому употреблению многочисленны в древнерусском: *на Москве* и под.

Употребление **в** и **на** различается, далее, в зависимости от того, имеется ли в виду помещение или акт, в нем происходящий: *сидеть в библиотеке,* но *сидеть на лекции; быть в театре,* но *на концерте, на представлении*; *работать на заводе, фабрике,* но *собрание происходит в фабрике, в заводе,* а не *на площади*[1]. К фразеологическим условностям относятся: *рабо-*

[1]) Ср. у Горького („Мои университеты") приглашение старика-городового: „Заходи ко мне **на** будку чайку попить". **На**, а не **в**, потому что „будка" в этом

тать в мастерской (а не „на“...); *учиться на курсах*, но: *в институте, в университете; на улице*, но: *в переулке* и под. Отметим, что целиком параллельны указанным различия между **в** и **на** с винительным падежом — *в Сибирь, на Кавказ, пойти в библиотеку, пойти на лекцию* и под. и **из** — **с** с родительным: *из Сибири*, но *с Кавказа, из библиотеки*, но *с лекции* и под.

Некоторое нарушение данного параллелизма представляют отношения: „где?“ — *на поле* и более редкое — *в поле*: „Колхозники работают *в поле*“. „Еще *в полях* белеет снег, А воды уж весной шумят“ (Тютч.). Наоборот, в значении „куда?“ чаще *в поле*, чем *на поле*; при „откуда?“ имеем только *с поля*. Ср. еще архаизм *на Руси*, но *в России*.

Временно́е значение предлогов **в** и **на** с предложным падежом не всегда совпадает с украинским („у травні“ и под.). Ср., напр.: *в пять часов*, но *в пятом часу; в апреле*, но *в эту минуту; в четверг*, но *в этом году; в двадцатом веке* и — реже: *в этот год*; ср. еще только *в эпоху, в праздник*.

Употребляется предложный падеж также в выражениях: устарелом — *в ночи* и *в детстве, в юности, в молодости, в старости*.

На употребляется сплошь фразеологически: *на днях, на этих днях, на этой декаде, на каникулах, на праздниках, на заре* (ср. укр. „на весні“).

О сохраняет временно́е значение лишь в разговорно-архаизированной речи: *приехали о полуночи, о святках отдыхали* и под.

По употребляется во временной функции лишь в отдельных выражениях: *по окончании, по прибытии, по приезде, по рассмотрении, по ознакомлении* и в общем несет с собой книжный оттенок.

Как падеж содержания речи и мысли, предложный употребляется при **о** (**об**) после глаголов типа „говорю, спрашиваю, вспоминаю, думаю, помню, рассуждаю“ и под.

Возможно здесь и **про** с винительным, но представляет конструкцию разговорного языка, в литературном отмирающую. Сравнительно с **о** оно вносит оттенок чего-то относящегося к предмету, но не направленного на него непосредственно; ср. „говорить об изобретении“ и „... про изобретение“, „спрашивать об условиях приема“ и „... про условия“.

Выходят из употребления: *квартира о трех комнатах, теленок о двух головах, быть при деньгах* и под.

Винительный падеж выступает при предлогах **в, на, за, по, под, через, сквозь, про**, изредка — при **перед**.

О значении направления (куда?), вносимом предлогами **в, на** уже упоминалось.

контексте не помещение, а „учреждение“. Как необычное останавливает на себе внимание некрасовское „*В* нашей *улице* люди так мрут“... Часто „в улице“ употребляет и Гл. Успенский („Нравы Растеряевой улицы“). Ср. современное *в переулке*.

В с временным значением употребляется широко.

Функция, соответствующая вопросу — „за сколько времени?", разделяется предлогом **в** с **за**: *сделать работу в декаду* (*за декаду*), *прочесть отдел курса в час* (*за час*). Повидимому, *за* получает преобладание; ср.: *поправиться за лето, утомиться за зиму, наработаться за год, написать отчет за день* (преобладанию **за** здесь могут способствовать случаи совпадения функций, которые язык стремится различить; ср.— *в среду* — когда?).

На во временной функции имеет значение всего срока по отношению к понятию существительного: *На лето мы едем в Крым; запасти дров на зиму*, что, впрочем, не исключает потребности время от времени слабеющий оттенок полного срока, существующий как тенденция, усиливать определением „весь...": *на все лето, на всю зиму*. Фразеологичны: *на другой день, на следующий год* и под. **За** с винительным значения, параллельного *через* (по истечении) — *через час, через год*,— не имеет.

В значении „перед", „раньше" выступает **за** в сопровождении предлога **до** с родительным падежом слова, обозначающего границу времени или, с другой приметой,— предшествования: „перед", „раньше" и под.: *за день до отпуска, за месяц перед смертью*.

Ср. противоположное значение без „до": „Беседа затянулась *за полночь*", „Ему *за сорок*".

Винительный цели (назначения) выступает при предлоге **в**: *сказать в шутку, вменить в вину, поставить в заслугу, сказать в назидание;* ср.: „Я назначен боцманом *„вахтить"* на руле *в помощь* этому зверю" (Горьк.). Широкое употребление тут имеет и **на**, но в выражениях, которые большею частью не соприкасаются, как при предлоге **в**, с оттенком „в качестве чего": *„пригласить в гости"*, но...: *на обед; в память чего-либо* (в качестве памяти), но: *оставить на память*; ср. еще: *поступить на службу*.

Частности фразеологичны: *ехать в отпуск, выйти в отставку*. Нелитературен и архаичен с винительным цели предлог **про**: *Есть, да не про вашу честь* (= для), *Не про нас писано* (не для нас...[1]).

Винительный способа действия с предлогом **в** встречается довольно часто: *кричать во все горло, разорвать в клочки, колотить во всю мочь, построиться в ряды*.

Винительный **через** в значении причины только иногда прорывается в литературный язык и считается там приметой нечистого или неряшливого слога: Какими чудесами, *через какое колдовство* Нелепость обо мне все в голос повторяют? (Гриб.).

Винительный сходства и приблизительной меры: при предлоге **в** означает большую точность соответствия, чем при **с**: *весь в мать, характером в отца, толщиной с палец*.

[1] Винительный цели при предлоге **по** в русском литературном языке не употребляется. Встречаем его только в устаревших выражениях, вроде: „Повадился кувшин **по** воду ходить". Ср. в „Снегурочке" Островского: „С подружками **по** алую малину, По черную смородину ходить..."

Но нередко разница теряется; ср.: Около колена была *в кулак* большая шишка (Л. Толстой).

Предлог **сквозь** теперь употребляется только с винительным. Приблизительно до середины XIX века его часто можно встретить с родительным: „*Сквозь яблони,* цветами *убеленной,* Как сладко светит месяц золотой!“ (Тютч.). „Пойду любезничать *сквозь слез*...“ (Гриб.). Скорее, как поэтическая вольность, такая конструкция попадается, напр., у Демьяна Бедного („сквозь слез“)[1].

Родительным управляют предлоги: **из, из-за, из-под, от, с, до, у, для, между (меж).**

Отметим в значении причинном **из, из-за, от, с.**

Из употребляется главным образом в сочетаниях типа: *из желания помочь, из соображений политических* и под. Оно по происхождению определенно-книжно.

Еще более книжно ***из-за***, получающее все более широкое употребление в той же функции и сообщающее выражениям наибольшую точность. Параллельны — *по причине, вследствие* с род. пад. и *благодаря* с дательным.

Менее других употребительно **с**, обычно ограниченное определенными разговорными выражениями: *с горя, с тоски, со скуки, с печали, с радости, с пьяных глаз, с голоду.* Ср.: Тем не менее, мне все нравилось *с долгой отвычки* (Дост.).

У употребляется широко: *У кого что болит, тот о том и говорит. Отобрать у него книгу.*

Предлог **до** вносит обычно только значение предела (пространственного, временного и под.). :... *До большой дороги оставалось всего верст пять* (Тург.); *дойти до конца, быть верным до смерти.* Фразеологичны: *ему не до нас.— Пьяному не до сострадания к животным* (Дост.); *что касается до...* (теперь обыкновенно здесь **до** опускается).

Дательным управляют предлоги **к** и **по.**

К выполняет ряд функций. Большинство этих функций охватываются основной — выражать достигательное направление (в пространстве, во времени и под.): *Ну, люди в здешней стороне! Она* **к** *нему, а он* **ко** *мне* (Гриб.).

Предлог **по** исключительно богат разнообразными функциями. Сюда входят: значение пространственно-распределительное: *Я ударил вожжой по лошади...* (Тург.); пространственное со значением „вдоль чего-либо“: *Моя бодрая рысистая кобыла бодро бежала по пыльной дороге* (Тург.), *плыть по реке* и под.

Значение причины действия, заложенной в его субъекте: *по халатности, по своей гуманности*; реже — причины вообще: *по поводу, по случаю, по несчастью, по при-*

---

[1] Нельзя согласиться с Чернышевым, „Правильность и чистота“, стр. 222. „Мы говорим: *сквозь слезы* и *сквозь слез, сквозь сон* и *сквозь сна* и т. п. Первое словосочетание, кажется, наблюдается несколько чаще второго, но и последнее считается общепринятым и правильным“.

нуждению: „Долго спустя я понял, что, *по нищете и скудости жизни своей*, (они) вообще любят забавляться горем“ (Горьк.).

Значение „в согласии с чем“: *по совету, по своему обыкновению*; значение ограничительно-характеризующее („в каком отношении“?): *врач по нервным болезням, видно по глазам, узнать по когтям, по нашему мнению, субботник по посадке деревьев.*

Временно̀е (с дательным множеств. числа) в смысле правильной повторности известных отрезков времени: *по выходным дням, по утрам, по зимам.*

Временные значения предлога **по** с дательным ед. числа существуют только в разговорном языке, откуда лишь изредка попадают в язык писателей: *по весне* — весною; *По лету едем, по зиме опять воротимся* — ... летом... зимою (Даль).

Из частностей стоит отметить: *стрелять по воробьям; плакать, тосковать, тужить, скучать по близким;* параллельны обороты с **о** и предложным: *плакать о близких, тосковать о сыне* и под.

Ввиду особенностей управления местоимениями при **по** в единственном числе является при последней группе глагольных форм **по** с предложным падежом: *плакать по отцу* и *по отце, тосковать по брату* и *по брате.*

Предлоги, управляющие творительным падежом — **за, под, с, между.** Отметим из них только книжно-канцелярское **за** со значением причины — *за неимением, за старостью* (ср. у Достоевского — *за двухсотлетней отвычкой*)... и **с** в функции времени: *с каждым мгновением, со временем* и под.; *С рассветом дня мы снова в путь Помчались по степи унылой* (Рылеев). *Желал бы умереть, как утром лунный луч, Или как солнечный с закатом* (Фет).

Между управляет творительным падежом и, реже, родительным:.. *А он осторожно, между измученных, грязных тел ставит свои лакированные сапожки*... (Либед.)[1].

Отрицательная частица **не** часто влияет на изменение управления глаголов: вместо винительного объекта обычно выступает при глаголах (и формах, входящих в систему глагола) с отрицанием — падеж родительный: В пылу перестрелки мы *не обращали внимания* на состояние нашего дощаника... (Тург.). Но глуп был тогда: *патента* на изобретение *не взял* (Либед.). Как полон был смертельным ядом вражды, *не знающей конца*... (Лерм.). Он *не чувствовал жалости* ни к ней, ни к себе. (Гонч.).

Сохранение винительного падежа при отрицании (возможное, но не обязательное) зависит от специальных моментов повидимому, особенно часто винительный падеж выступает при понятиях конкретных по сути или употреблению; ср. в соответствии с этим: *Я не люблю Машу; не люблю это*

---

[1] При местоимениях родительный после *между* обычно не употребляется.

кушанье, но: *не люблю таких кушаний; не люблю упреков*; *Он не нашел свой нож на месте,* но: *Он не купил себе ножа*; *Книг он себе не покупал,* но: *Он не купил эту книгу.* Ср. особенно винительный при **не** вопроса: „За кем он теперь следит?—На Рыбнорядской, в номерах за каким-то.—*Не знаешь фамилию?*“ (Горьк.).—*Я не люблю луну*... (Горьк.). Я боюсь, чтоб она *не сломила Старый дуб,* что посажен отцом, *и* ту иву, что мать посадила (Некр.). Пусть он *не бьет бабушку,* а то я ему еще бороду остригу (Горьк.).

Тенденция сопровождать отрицание при глагольных формах родительным падежом настолько сильна, что передается иногда конструкциям, где сама управляющая часть (инфинитив) отрицания не имеет и примыкает только к слову с **не**: *Не успеют* с полей *убрать снопов,* а я вернусь (Остр.). Его *мнения* вам *сообщить не могу.—Не желай* дерзновенно *знать тайны,* Им мудро от нас сокровенной (Жуковский). Можно было бы найти подходящий перевод, да *не стоит времени тратить* (Боборык.). Все так ярко рисуется взору, Что не верится мне в эту пору, Чтоб *не мог я увидеть и той,* Чья душа здесь незримо витает (Некр.).

Относительно *ничто* такая передача составляет правило: Суждены вам благие порывы, Но *свершить ничего не дано* (Некр.).

Родительный, вообще говоря, обязателен при отрицательных предложениях безличных: *Не сказано лишнего слова,* Наружу *не выдано слез* (Некр.). От человека *не осталось и следа* (Кор.). Но *описания* этого, впрочем, никогда *не происходило* (Леск.). Исключение представляют только речения со словами *столько, сколько, несколько,* чаще совпадающие с соответствующими утвердительными оборотами: И никогда еще в голове *не было столько мыслей* (Кор.).

Из типов наречного управления отметим родительный падеж при сравнительной степени во всех ее функциях: *сильнее нас, быстрей коня.*

Об употреблении наречий, переродившихся в предлоги, см. стр. 244.

Сказуемые безличные (неглагольные) иногда имеют специфические особенности управления; ср.: Скучно мне да *жалко сторону родную* (Н. Огарев). А ведь *жалко бабу,* Что и говорить! (Никит.).—Проф. Д. Ушаков узаконяет в своем учебнике „Русский язык“, изд. 2-е, 1927, стр. 130, в качестве литературного оборот: *Мне больно палец,* где „палец“, очевидно, винительный падеж. Ср.: Так костылем отвозил, что и сейчас *загорбок больно* (Лесков, „Мелочи архиер. жизни“), у Вересаева („Два конца“) из мещанской речи: „Как *ноги больно*“—тоскливо сказала она“—или у М. Горького („Детство“): „В комнату вползла бабушка и... тихо, по-детски жалобно сказала: „*Рученьки, мои, рученьки больно...*“. „*Видно сокола* по полету, а *молодца* по кудрям“. „Сквозь кружево занавески мне *видно квадратную яму*“ (Горьк.).

Как формы согласования, имена существительные, согласующиеся в падеже, лишены гибкости прилагательных, и употребление их в этой синтаксической роли представляет зачастую серьезные неудобства. Если сочетания, вроде: „... Я принес рано утром булки знакомому *доценту — холостяку, пьянице*...“ (Горький), „Проводил труп ветеринара его *квартирохозяин, портной Медников*, тощенький благочестивый *человечек*...“ (Горьк.),— не связаны ни с какими затруднениями, то другие, где приложение расходится в роде или по одушевленности — неодушевленности, не всегда дают ясный смысл или могут смущать своей синтаксической неурегулированностью. Стих Пушкина („Цыганы“): (старик просил) „...чтобы на юг перенесли Его тоскующие кости, И смертью чуждой сей земли Не успокоенные гости“ невразумителен из-за того, что „гости“, понятие о предмете одушевленном, дано в форме согласования, пригнанной к понятию предмета неодушевленного — „кости“.

Употребляя свободно сочетания: „*Город Киев* стоит на Днепре“, „*Река Волга* впадает в Каспийское море“ и под., мы испытываем известное колебание, сказать ли — „в городе Ромнах“, или „в городе Ромны“, „в селе Валках“ или „в селе Валки“, т.-е. можем обнаруживать склонность отказываться от согласования ввиду неполного грамматического соответствия сочетающихся форм, и совсем нормальны теперь только: *на станции Харьков, на планете Марс, в романе „Обломов“* и под.

Носителем грамматических функций при сочетании существительных с существительными является обычно общее понятие, выдвигаемое вперед, приложение же воспринимается грамматически ослабленным: *Река Днепр... протекала* (а не „протекал“); *Село Валки... лежит* (а не „лежат“) *на пути к Полтаве.*

Специальный случай представляют старинные сочетания вроде *князь-Григорию* (вм. „князю Григорию“)— ср. у Грибоедова: „Я князь-Григорию и вам Фельдфебеля в Вольтеры дам“, разговорные обороты с несклоняемым именем мужского рода и склоняемым отчеством: „Я посетил вчера *Даниил* Михайловича“ и сочетания, закрепившиеся с порядком слов, отличным от нормального литературного; ср. современное *на Москва-реке*, вместо бывшего раньше в употреблении „на Москве-реке“.

Количество приложений теоретически не ограничено, но практически число их не превышает обыкновенно трех: *профессор Александр Афанасьевич Потебня* и под. В народной словесности или стилизованной под нее возможно изредка большое стечение приложений с преобладанием нарицательных: „Затуманилася *Волга, мать-красавица-река*“ (Садовников).

Имена существительные, допускающие примыкание инфинитивов, как уже отмечено, почти сплошь отглагольны: *желание администрировать, стремление учиться, умение стрелять, приказ отступать*; реже случаи вроде: *охота путешествовать, возможность усвоить, способности петь, искусство плавать*, сохраняющие большую или меньшую смысловую

близость к глаголам и прилагательным со значением устремления, потребности и под.

Примыкание наречий к именам существительным ограничено случаями, когда соответственные существительные происходят от глаголов, к которым обычно примыкают известные наречия: *бег кругом, езда туда и обратно, удар плашмя.*

Связи имен прилагательных

Имена прилагательные склоняемые в типичных для них функциях зависимых согласуются с именами существительными в роли признаков приписанных (**определения**) и в роли признаков приписываемых (**сказуемые**). Как промежуточная функция, принадлежит им — согласовываться с именами существительными, тяготея по смыслу к глаголу.

В роли определений прилагательные согласуются с существительными в падеже, роде и числе: *весенний день, весеннего дня, весеннему дню, весенние дни; зимняя пора, зимнюю пору; хорошему веслу, хорошие весла* и под.

Склоняемыми прилагательными являются только членные и нечленные с суффиксами **-ин** и **-ов**: *мамин, а, о; дядин, а, о* и под. В старинном языке, откуда они попадают в стилизованную речь, склоняемыми могут быть и нечленные: *на добра коня, из синя моря.*

Ср. отдельные установившиеся сочетания вроде: *на босу ногу, среди бела дня, не до жиру — быть бы живу, мал мала меньше* и под.

Как формы управляющие, прилагательные могут управлять непосредственно всеми косвенными падежами, кроме винительного; управление при помощи предлогов у них возможно, но в разговорной речи применяется сравнительно редко: *полный чего-нибудь, страшный кому-нибудь, желанный кому-нибудь, довольный чем-нибудь, обильный чем-нибудь* и под.; *пьяный от водки, падкий на лакомства, готовый к борьбе, склонный к музыке, благодарный за услугу* и др.

Причастия действительного залога, в отличие от обыкновенных прилагательных, управляют, как и соответственные глаголы, винительным падежом: „И улыбаясь спокойной улыбкой титана, *сознавшего* свою *мощь*, море овевало своим живительным дыханием титана, еще духовно слепого, порабощенного и жалко *ковыряющего землю*“ (М. Горьк.).

Система управления при помощи предлогов вообще у причастий та же, что и у глаголов; сравнительно с обыкновенными прилагательными она развита поэтому значительно больше. Беднея относительно управления, причастие перерождается в простое прилагательное: „*Ученый* А. занимается исследовательской работой“. Мы не спрашиваем: „ученый — кем или чему?“, и поэтому слово „ученый“ не воспринимается нами как причастие. Заметим, что и пишем мы в ряде подобных случаев уже не два **нн**, как в причастиях, а только одно; ср.: *На поле битвы*

лежали раненые и: *В лазарет поступили раненные разрывными пулями.*

Как формы управляемые непосредственно прилагательные выступают редко, и в большинстве подобных случаев речь может итти об опущении существительного, с которым прилалагательное согласовано.

Наиболее „опредмеченными“ и тем самым функционально близкими к именам существительным могут являться формы среднего рода ед. числа. Ср. в роли подлежащего: „Во хмелю нынешней радости было *новое*“ (Л. Сейф.), и их же мы встретим как формы управляемые: „Здесь у людей *темным и старым*, как земля, задавлена творящая сила человеческого ума“ (Сейф.).

Специальными формами зависимости прилагательных (где они могут выступать без соответственных существительных) являются только падежи в конструкциях с творительным при формах глагола и входящих в его систему: *Потом опять прикинулся влюбленным, Взыскательным и огорченным* (Гриб.). *Я чувствую себя опьяненным словами...* (Горьк). *Я чувствовал себя ничтожным, виноватым перед кем-то* (Горьк.)... *Прильнуть последней, опьяненной К груди хозяйки молодой* (Фет). *Явиться первым. — Первыми двинулись машины* (Сейф.). Согласование с подлежащим ограничивается числом и родом.

В относительно немногих случаях творительный заменяется согласуемым падежом: *Выступать пришлось ему первому* (ср. *первым*). *Первые двинулись машины.*

Примыкают к прилагательным наречия и инфинитивы (см. ниже).

Инфинитивы (неопределенные глагольные формы)

Инфинитив в качестве второстепенного члена наиболее часто употребляется как форма, примыкающая к глаголу и формам, входящим в его систему, к отглагольным и родственным им именам существительным [1], реже — к прилагательным: *стремлюсь узнать, стремиться узнать, стремящийся узнать, стремясь узнать, стремление узнать, надежда узнать* и под.; *склонный узнавать, способный изучить* и под.

Как формы управляющие, они во всем совпадают синтаксически с глаголом. Индивидуальным для них является только управление дательным падежом: „*Не нагнать тебе* бешеной тройки “ (Некр.). „*Вам не видать* таких сражений“ (Лерм.). „Нет, ваше величество, *вам уж не смыть* Той крови невинной во веки“ (Тург.),— в значении лица, на которое распространяется обязательное, или, при отрицании, неосуществимое действие, и архаическое употребление с дательным же падежом при „быть“ в значении качества: „Зачем же *быть*... Так *невоздержну* на язык, В презреньи к людям так *нескрыту?*“ (Гриб.).

[1] Значительно реже к другим: „Они *мастера поддерживать* раз начатое дело“ (Тург.). *Право строить.— Час ехать спать ложиться* (Гриб.).

Синтаксические связи наречий

Основная роль наречий — примыкать к словам, обозначающим признак, приписанный или приписываемый имени существительному (предметному представлению). Так называемые грамматические наречия (образования от прилагательных с обособляющейся формальной приметой) обычно примыкают к глаголам и входящим в его систему образованиям — инфинитивам, причастиям и деепричастиям:

Он ушел, не оглядываясь, *твердо ставя* ноги, *легко неся* тяжелое *богатырски литое* тело (Горьк.). Штольц *смотрел* на любовь и на женитьбу, может быть *оригинально, преувеличенно*, но, во всяком случае, *самостоятельно* (Гонч.). Ромась, должно быть, понимал это и, *человечно-просто открыв* передо мною дверь в свою жизнь,— выпрямил меня (Горьк.). „Ага!"— сказал он, *внимательно выслушав* меня (Горьк.).

В качестве форм, примыкающих к обычным склоняемым прилагательным или к наречиям же, они почти сплошь лишились подвижности и образовали с ними более или менее цельные понятия [1]. Внешне ощущение этой их связанности на письме иногда передается черточкой (дефисом) между соответственной наречной частью и прилагательным; нередко, однако, обе части пишутся слитно: „...Ослепительно сверкает солнце, отражаясь *ярко-белыми* пучками от *синевато-стеклянных* боков льдин" (Горьк.). „За кормой шелково струится, тихо плещет вода, *смолисто-густая*, безбрежная" (Горьк.). „Гаснет запад в дали *бледно-розовой*" (А. Толстой). „Это было так *ярко-хорошо*, что я закричал от радости" (Горьк.). Ясно, что сказать ни „розовой бледно", ни „стеклянный синевато" и под. мы не можем. Лишь изредка сочетания в роде „зверски-жестокий" могут быть разорваны перестановкой, напр.: *жестокий зверски, не по-людскому; классово-близкий, классово-враждебный, близкий нам классово, враждебный нам классово.*

Наиболее свободно примыкают только наречия *чрезвычайно, ужасно, исключительно* и под.

Сфера примыкания наречий других типов (производных от сочетаний существительных с предлогами, застывших отдельных падежей и под.) несколько иная: они относительно часты и при прилагательных, и при некоторых типах существительных: *заметный издали, вполне годный, издавна знакомый, взгляд вдаль, выстрел вверх, хождение вокруг да около.*

Наибольший охват примыкания при прилагательных и производных от них наречиях принадлежит наречию *очень.*

Черты своеобразия имеет синтаксис сравнительной степени. Наряду с типичным примыканием к глаголу и родственным с ним формам: *бежать быстрее, бегу быстрее, говорю*

[1] Как стилистически свежие мы воспринимаем поэтому сочетания вроде: „Впервые мне было так *серьезно хорошо* с человеком". (Горьк.). „Мне страшно и тебя,— говорил он шопотом. — Но как-то *хорошо страшно*: сердце замирает". (Гонч.).

громче, говоря громче и под., лишь в некоторых случаях типично для нее примыкание к прилагательным и грамматическим наречиям (*более яркий, более ярко, менее жаркий, менее жарко*).

Разделяя с грамматическими наречиями на **о, е** возможность выступать в роли сказуемого: „*Земля* здесь *хуже*, чем у нас на Украине...“ (Горьк.). „Страданья *песнь* едва-ль не всех *прелестней*“ (С. Андреевский),— она обнаруживает черты употребления, сходного с прилагательными в функции определения, но обыкновенно в сопровождении особого порядка слов и известных ритмо-мелодических особенностей: „Джон Келли стал искать *тени подлиннее* и *погуще*, чтобы пристроить к ней свою долговязую фигуру“ (Корол.). „*Сила, сильнее его воли*, сбросила его оттуда“ (Тург.). „Штабс-капитан бессильно и густо покраснел перед мальчишкой, *младше его чином*“ (Л. Соболев). „*Рукою острее ножа*,— Видели все егеря,— Он каждому руку пожал...“ (Н. Тихонов); ср.: „более густой тени“, „более сильная, чем его воля“ и под.[1].

Как формы, управляющие падежами непосредственно или при помощи предлогов, выступают главным образом наречия, представляющие продукт перерождения сочетаний предлогов с именами существительными (прилагательными) или известных падежей существительных. Так как наиболее распространенный тип именного управления — родительный падеж, то особенно часто при наречиях мы встречаем именно его: *около дома, кроме помощи, вокруг нас, поверх платья, вдали от родины, ввиду этого.*

Реже управление дательным вроде *навстречу*[2] *солнцу* (ср. более архаичное управление родительным падежом — „Через минуту двери домов в Дэбльтоуне раскрывались, и жители выходили *навстречу своих приезжих*“ (Кор.); *согласно уговору* (при канцелярском „согласно уговора“).

Наиболее редкий тип управления, когда управляющее слово — грамматическое наречие и притом не в сказуемной роли: „жить *близко к кому-нибудь*“, „находиться *далеко от кого-нибудь*“.

Только родительным падежом управляют наречные формы сравнительной степени: *сильнее желаний, острее стали, краснее крови* и под. В качестве параллельного к ним оборота существуют в языке только сочетания типа: *сильнее, чем желания*; *острее, чем сталь* или более архаического типа: *сильнее, нежели желания*; *острее, нежели сталь*[3]. Выше уже упо-

---

[1] Необычен для русского языка порядок слов в таком, напр., месте у Гоголя („Сороч. ярмарка“): „Но *еще страннее, еще неразгаданнее чувство* пробудилось бы... при взгляде на старушек“. Впечатление некоторой необычности производит и фраза у Писемского („Русские лгуны“): „Признаюсь, и по самой наружности я не видывал *величественнее, громаднее и могучее этой дамы* или, так сказать, девицы“.

[2] Архаично „встречу“, форма, кстати сказать, встречающаяся без архаизирующей установки у М. Горького.

[3] „*Как*“ после сравнительной степени теперь уже не допускается. У старых писателей оно иногда встречалось: „Умнее, *как* родить детей, ничего до сих пор на свете еще не придумано“ (Дост.).

миналось, что в современном литературном языке параллелизма управления между наречною сравнительной степенью и немногочисленными формами сравнительной степени у прилагательных нет („лучше брата", „хуже болезни", но только: „лучший, чем брат", „худшее, чем болезнь").

Многие наречия представляют морфологически и синтаксически переходную категорию. Чем реже, напр., согласует с собою имя существительное в определенной роли прилагательные, чем меньше подходит для него в известных случаях один из вопросов падежей, тем скорее оно теряет свой характер и может одно или в сочетании с предлогами переродиться в наречие. „Утром", напр., во фразе „Они выехали из города ранним *утром*" остается существительным, поскольку с ним согласуется прилагательное, но согласование это мало свободное, так как далеко не все возможные по отношению к „утро" определения допускают сочетание с творительным падежом (ср. необычное „свежим утром"); вопросом служит в данном случае наречная форма („когда?", а не „чем?"); в сочетании с предлогами: *с утра́, поутру́* появляются другие ударения (ср. *свежесть у́тра, радоваться у́тру*), и только в закрепившемся выражении „с раннего утра́ и до поздней ночи" имеем такое же ударение в случае сочетания существительного с прилагательным. Иначе говоря — мы стоим перед фактом перерождения в наречие известных падежей слова со значением времени. Ср. еще *сегодня* из „сего дня" (ср. *третьего дня*), *бего́м* (ср. *быстрым бе́гом*) и под.

Синтаксически стоят на пути к превращению в наречия слова вроде *много, сколько.*

Зачастую очень мало выразительна грань, отделяющая наречия от предлогов. Существеннейший признак отличия тот, что наречие может употребляться самостоятельно, служа само по себе ответом на вопрос, а предлог не может. С этим признаком параллельно идет обыкновенно другой — что наречие может стоять на конце фразы, тогда как предлоги (за исключением „ради") представляют собою имена „пред-логи". Ср.: „Он стоял *около*" и „Он стоял *около окна*"; „Это я сделаю *после*" и „Это я сделаю *после обеда*" („около", „после" сохраняют свое значение наречий, подкрепляемое возможностью ответов: Где он стоял — около или вдали? — Около; Когда вы это сделаете? — После). Но в живом речевом процессе и признак возможности самостоятельного употребления слова нередко стирается; так, можно слышать, напр., на вопрос: „Вам с сахаром или без?" ответ — „Без". Предлоги, не образующие слога, напр., как в данном случае, **с**, в самостоятельном употреблении пока что — раритет. Стилистическую установку в стихотворной речи может получить употребление вроде: *Отец, ты стар коленями, Слезят глаза. Любуйся поколеньями, Шагающими за* (С. Третьяков).

Синтаксическое сближение наречий с предлогами находит свое выражение в одной внешней, звуковой примете. В формах

слова „он, она“..., выступающих после предлогов, управляющих ими, появляется, как известно, наставное **н** (**н** эпентетическое). Эта особенность начинает шириться и при многих управляющих наречиях: *около него, кроме него* и под.

О функциях деепричастий см. ниже, стр. 285 — 288.

Цельные синтаксические группы

Некоторые слова образуют в нашей речи такие тесные группы, что входят в связи с другими не по одному, а только вместе: *Они идут* **друг с другом**. — *Вот бы, описать* **черту за чертой** *одну правду истинную* (Дост.). **Шаг за шагом** *путники приближались к цели.* — *По волнам* **то и дело** *неслись лодки* (Кор.). *Они защищали* **один другого** (о женщинах — **одна другую**; если речь идет о мужчине и женщине, — сохраняется: *один другого*). *Я на одном повороте* **нос к носу** *столкнулся с какой-то молоденькой фигуркой* (Леск.). **На первых порах** *после его отъезда он прислал несколько писем Мане* (Леск.). *Биться* **рога в рога, лоб в лоб** *можно сколько угодно, лишь бы не ослабеть, лишь бы не упасть!* (Пришвин).

При расчленении фразы на части такие группы, разумеется, следует брать целиком, указывая только их зависимость от той или иной формы.

Известную связанность обнаруживают и такие сочетания, как, напр.: *Я просидел за работой* **три часа**. — **Третьего дня** *шел дождь.* — *Мой дядя* — **самых честных правил** (Пушкин). *Человек* **небольшого роста** *подошел и вежливо снял шляпу.* — **На седьмой день** *пал на море страшный туман* (Кор.) Я ту **же секунду** *узнал... знакомый маленький голос* (Леск.).

Нельзя было бы указать на связь „просидел — часа“, „шел — дня“ и т. п.; но возможность, подставить, напр., вместо „три часа“ — „четыре часа“ или вместо „третьего дня“ — „четвертого дня“ и т. п. делает эти связи несколько более свободными, чем первые.

Ср. еще: „Хороший ситец стоит *три рубля метр*“.

Особенности употребления числительных и родственных им категорий

В результате утраты двойственного числа, сначала при *два, две, оба, обе*, а затем и при числах *три, четыре*, в русском создались очень прихотливые синтаксические отношения. В школе нередко сочетания, вроде *два охотника, две женщины, три сына, три подруги*, разбирают без оговорок как именительный числа с родительным, от него зависящим. Что при таком разборе допускается ошибка, ясно из сочетаний с прилагательными: *два опытные охотника, два опытных охотника*; *две старые женщины, две старых женщины*: простой родительный единственного не мог бы согласовать с собой именительный или родительный множественного имени прилагательного[1]. В падежах родительном (винительном

[1] Старые грамматики учили, что в подобных случаях именительный пад. мн. ч. прилагательного употребляется при именах неодушевленных, а родительный — при одушевленных. — Ср., напр., „Опыт общесравнительной грамматики русского языка“ академика И. Давыдова, 3 изд., 1854 г., § 454. Характерно, что Андр. Белый как ошибки в языке Гоголя указывает: *четыре пламенные года, два сахарные зуба* („Мастерство Гоголя“. 1934, стр. 279).

у одушевленых), дательном, творительном и предложном *два* и т. д. согласуются, как и прилагательные, определяющие существительное, с этим последним: *двух опытных охотников, двумя опытными охотниками, о двух опытных охотниках, трех опытных охотников* и т. д.

Числа **пять**... а также **сорок, девяносто, сто**... **двести**... **пятьсот** в именительном (винительном) управляют родительным падежом множественного: *пять опытных охотников.* В остальных падежах согласуются с именем существительным: *пяти опытным охотникам, пятью опытными охотниками* и т. д.

Нынешние синтаксические отношения при количественных числительных представляют собою результат своеобразного преобразования системы, существовавшей в древнерусском. *Два, две* искони являлись прилагательными, согласовывавшимися с именем существительным в двойственном числе. *Три, четыре*— тоже прилагательными, рано утратившими различие по родам и согласовывавшимися с существительными во множественном числе — *три кони* и под. *Пять, шесть... десять... двадцать...* представляли собою старинные имена существительные со склонением типа *честь, чести* и т. д. Как имена существительные, они управляли родительным падежом (множ. ч.) существительных: *пять домов* и под. С утратой двойственного числа как морфологической категории, сочетания вроде *два дуба, два коня* стали восприниматься как сочетания *два* с родительным падежом един. числа, и под влиянием такого понимания и старые сочетания „двѣ сестрѣ", „двѣ горѣ", „двѣ селѣ", „двѣ поли" изменились в *две сестры, две горы, два села, два поля.* Ближайшие числа *три* и *четыре* утратили свои прежние синтаксические особенности и уподобились своими сочетаниями отношениям при *два, две.* Этим было достигнуто известное приближение к конструкции при *пять* и т. д., где тоже имело место управление родительным падежом (хотя и множественного числа). В косвенных падежах сочетания *двух, двум* и т. д., как и *трех, трем... четырех, четырем,* с именем существительным сохранили прежний характер согласования. Установление сходства *два дуба, три дуба* с конструкциями *пять дубов... десять дубов* явилось отправною точкой для дальнейшего уподобления — вместо *пяти дубов, пятью дубов* и под., по образцу *двум дубам, трем дубам, двумя дубами* и под. стали говорить *пяти дубам, пятью дубами* и под.

Употребление прилагательных при подобных сочетаниях в древнерусском представляло такие особенности.

Прилагательное стояло не впереди существительного, как в других случаях, а за ним, причем возможен был при именительном падеже числительного двоякий тип связи: более тесной — с согласованием прилагательного с именем существительным в родительном падеже, но, после утраты категории двойственного числа, только в виде множественного числа—и менее тесной—с именительным множественного (так, как если б после существительного стояла запятая — знак паузы).

Ср., напр., а) „двѣ пуговицы хрустальныхъ" (Мат. Раз. I, 19). „Три ложки оловянныхъ, Четыре тарелки оловянныхъ, Три кувшина стеклянныхъ" (Дело Ник., № 105) и б) „Четыре пуговицы серебряные, золочены, Два колпака ветхи червчатые стегоны по дорогамъ" (Мат. Раз. I, 19), „Два замка прибойные с ключами, Два щипца железные." Ср.: „Пара пистолей попорчены" (Дело Ник., 105).

При наличии двух прилагательных, не соединенных союзом *и*, с XVI века в памятниках входит в употребление как распространенный оборот родительный множественного у первого и именительный мн. у второго: „три однорядки лунскихъ черлены, четыре паникадила мѣдныхъ малые, восемь лапок лисьихъ красные".

Естественно, что исконное управление родительным множественного числа имени существительного при *пять... десять...* более способствовало установлению согласования с родительным множественного, поэтому в настоящее время, когда прилагательное заняло обычное вообще в русском языке место прилагательных (перед существительным), в данных конструкциях в употреблении остался только родительный падеж множественного числа прилагательного: *пять высоких дубов, десять зеленых тополей.* При *два, три, четыре,* сочетания которых с существительными были более своеобразны, причем согласование с последними прилагательных во множественном числе представляло тоже необычный факт, именительный множ. ч. прилагательного сохранялся дольше, и теперь, с изменением места прилагательного, мы имеем рядом: *два высоких дуба* и *два вы-*

сокие дуба, три зеленых тополя и *три зеленые тополя*. При этом можно констатировать, что сочетания с „два" типа — *два высоких дуба, три зеленых тополя* употребляются чаще, и, повидимому, в языке проявляется тенденция установить в конце-концов большее единообразие соответствующих конструкций, освободившись от не укладывающихся в общие рамки.

Один, два, одно представляют синтаксически обыкновенные прилагательные. **Двое, трое** и под. в именительном управляют родительным множественного; в остальных падежах согласуются с существительными: *двоим студентам* и под.

В сказуемом, сочетающемся с **оба** и под., сказуемная часть „прилагательное + существительное" не обнаруживает ничего отличающегося от обычных сочетаний: *Оба они — давние товарищи.*

Полтора (из „пол втора" — половина второго) в именительном (винительном) управляет так же, как и „два", а в других падежах (**полутора**) опять-таки, как и „два", согласуется с именами существительными; употребление прилагательных при нем вполне параллельно тому, что наблюдается при „два".

Заметим еще родит. падеж при слове, не имеющем единств. числа: *полторы суток.*

Из других синтаксических особенностей числовых и подобных наименований отметим еще:

При предлоге **по** управление дательным падежом мы имеем у чисел **один, пять**...: *по одному, по одной, по пяти.* У чисел **два, три, четыре** и собирательных **двое, трое, четверо** и т. д. при предлоге **по** выступают формы **два, двое**: *по два, по три, по двое, по трое.* Под их влиянием все чаще вместо **по пяти** и под. начинают употреблять **по пять** и под. Чернышев („Прав. и чист...." 225 стр.) такие конструкции считает, вряд-ли справедливо, принадлежащими только разговорному языку.

При числах **два (оба), три, четыре** винительный падеж слов, обозначающих животных, может совпадать с именительным. Пешковский („Русск. синт.", стр. 504) цитирует грибоедовское: *На них он выменял* **борзые три собаки**. Ср. еще: *А три утки подстрелил* (Лейкин).

Слова **много, сколько несколько, столько** синтаксически колеблются между особенностями прилагательных и наречий. Склоняясь, как прилагательные, они в косвенных падежах ничем синтаксически от них не отличаются, но именительный падеж обслуживается формой, управляющей родительным падежом существительного — *много фабрик, сколько заводов.*

Винительный у имен существительных может совпадать и с конструкцией именительного и с конструкцией родительного: *Я знал* **много художников** и *Я знал* **многих художников**, но между этими двумя конструкциями ощущается такая же разница, как между: *много художников* и *многие художники.*

Близость **много** к наречиям ощущается в сочетаниях типа *Мы разговаривали* **много и долго**, при сравнительной степени — **много лучше**. Ср.: *Но не будет она веселей — Будет* **много печальнее** *прежней* (Некр.).

Заслуживают внимания еще лексические изменения при числовых названиях: *пять, шесть* и т. д. *человек* или *душ*, но *много людей; пять лет* и под. (при *один год, два года* и под.), причем в косвенных падежах (дат., тв., предл.) выступает опять-таки „год".

4. СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕСТОИМЕНИЙ В ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Местоимения — слова, так или иначе отсылающие к знаменательным словам или намекающие на них, а также могущие непосредственно связываться с фактической ситуацией во время процесса речи[1].

В синтаксическом формировании нашей речи местоименности, синтаксичной, как видим, по самой ее природе, принадлежат многообразные и важные функции. Укажем из особенностей синтаксического употребления местоимений важнейшие или характернейшие.

Личные формы глагола (**я, ты, мы, вы**) представляют собой немногие формы, с которыми согласуются специальные формы глагола. Опущение их составляет правило для повелительного наклонения в его основной функции, но в изъявительном наклонении — в прошедшем времени они почти обязательны и ассимилируют себе род и число, а в настоящем (будущем), где на лицо указывает сама флексия, обычны.

Опущение личных местоимений при прошедшем времени сообщает речи некоторую сухость или нарочитую сжатость: **Пришел, увидел, победил.** — **Нарвался** *на засаду в Грузинах.* **Ел** *блокнот* (Маяковский).

Местоименные формы 2-го лица настоящего (будущего) времени, главным образом единственного числа, могут приобретать значение обобщенности. В их природе своеобразное привлечение будто бы непосредственно присутствующего собеседника: „*Ну что* **ты будешь делать!**" — говорим мы в огорчении. „*Неужто это Уста так разлилась, ребята?*" **спрашиваете вы** *мужичков, которые, должно быть, уже много часов греются на солнышке, выжидая дощаника* (Салт.). *Наконец* **вы решаетесь** *лечь на бок и притулиться к одной стороне,— тррах!— через минуту вы на другом боку* (Салт.).

Дальнейший шаг — использование этого свойства языка уже как определенного стилистического эффекта — находим у Тютчева: описание грозы он заключает словами — **Ты скажешь**: *Ветреная Геба, Кормя Зевесова орла, Громокипящий кубок с неба Смеясь на землю пролила* (*Ты скажешь* равняется здесь „можно было бы сказать"). Возможно, что подобное употребление — стилистический галлицизм.

[1] Теоретически местоимения могут принадлежать к любой части речи (*я, кто* — имена существительные; *который, чей* — прилагательные; *куда, там* — наречия), но местоимений-глаголов наши языки имеют мало; ср. *усвоить,* (в прошлом) *уничтожить* и под. Отсутствие их для некоторых важных функций возмещают *да, нет* (ср. еще *некогда* и под.). Эти местоимения относятся обыкновенно к целым предложениям.

Возвратное местоимение **себя** употребляется (как и **свой, своя, свое**) по отношению ко всем трем лицам; строго обязательно оно, однако, только для 3-го.

Как отмечает Пешковский („Русский синтаксис в научном освещении", 3 изд., стр. 189—190), возвратное местоимение „может относиться только к тому лицу, которое сознается субъектом действия или состояния, выраженных в слове, подчиняющем (прямо или косвенно) данное местоимение" (ср. Шахм. II, стр. 87). Поэтому соответствуют русскому синтаксису фразы вроде: *Желание* **товарища** *видеть* **свою** *работу в печати наконец осуществилось.*

Заметим, что при пассивных оборотах субъектом действия применительно к этой черте можно считать и именительный падеж, и творительный действующего лица: ср.: „Он был приглашен на эту работу **своими** знакомыми" и „Он был приглашен на эту работу знакомыми, заявившими собранию **свое** мнение о нем". Ср.: „Он был выдвинут на эту работу **своими** товарищами" и „Он был выдвинут на эту работу товарищами, настаивающими на справедливости **своего** выбора".

И в других случаях условность понятия субъекта действия позволяет употреблять **свой** применительно к разным лицам фразы, что иногда может приводить даже к недоразумениям: *Мы твердо уверены, что XVI партконференция сумеет заставить признать* **свои** *ошибки зарвавшихся лидеров правой оппозиции и подчиниться воле партии* („Хар. Пролет." 23/IV—29). Ясно, что речь идет об ошибках правых лидеров, а не об ошибках партконференции, как можно было бы понять текст. *Отец посылает сына на вокзал встретить* **своего** *знакомого,*— только по смыслу фразы „своего" относим к „отцу", а не к „сыну".

Дательный падеж **себе** при глаголах и инфинитивах обозначает течение действия, не перебиваемого другими: *А он* **себе идет** *Вперед И лая твоего совсем не примечает* (Крыл.).

Местоимение **он, она, оно** имеет анафорический характер, т. е. отсылает к уже названному понятию. Поэтому возможны в русском языке фразы, вроде: **Мы** *вот* **они** (Л. Толстой).

Анафорический характер **он, она** может утрачиваться и, как при *я, ты,* местоимение это получает свое значение из ситуации; ср.: *Кто он? Кто она?*

Они вежливости по отношению к одному лицу в литературном языке не принято.

Ввиду того, что третьи лица во фразе возможны в большом числе и в винительном падеже не различается средний род от мужского и одушевленность от неодушевленности, употребление этого местоимения зачастую может угрожать неясностью: ср.: *И он с ненавистью слушал басистый глупый хохот Ермолаева на шутку Ляхова и вспоминал, что этому самому, когда* **он** *в прошлом году лежал в больнице с воспалением легких,* **он,** *Андрей Иванович, собрал по подписке двенадцать рублей* (Верес., „Два конца").

Разговорный язык знает в роли формы, сопровождающей безличные предложения, как части диалога, как продолжение какой-то другой мысли и под., словцо **оно**. Возможно, что это украинизм, перенятый рядом русских писателей от Гоголя, хотя более вероятно, что это факт, существующий независимо на русской диалектной почве, попал к ним непосредственно: *Тому по секрету, другому по секрету — ан* **оно и выходит**, *словно в газетах напечатано* (Салт.). **Оно кажется** *страшно жить в таких условиях, а им было ничего,—жить можно было* (Л. Толстой).

Значение указательной частицы, по существу утратившей связь с формами склоняемого местоимения, представляет **его** при вопросительных словах во фразах: **Что его** *делать*? **Куда его** *деваться*? **Кто его** *знает, зачем он это делает*?

Для славянских языков характерны конструкции вроде — **мы с ним, мы с тобой, они с ним** в значении „я и он", „я и мы", „он и другой". Ср.: *Прежде всего, в этой программе мы встречаем идею, которая потом реализовалась* (**нам с вами** — *большевикам,—нет надобности об этом напоминать и объяснять, как она реализовалась*), *идею самостоятельной революционной рабочей партии* (М. Покровский).

Как-то скоро стали **они с чехом** *приятели* (Кор., „Без языка"). Речь идет только об украинце Дыме и старике-чехе.

Выражение лица или предмета владетеля („**чей?**") в русском языке морфологически различно для 1-го и 2-го лица (**мой, твой, наш, ваш**) и вопросительного местоимения — **чей?**, с одной стороны, и 3-го лица и существительных — с другой (**его, ее, их** *сына, товарища* и под.): **Чье** *место?* — **Мое..., ваше...**, но:... **его... товарища Н**[1]. Поэтому русский синтаксис вполне допускает сочетания: *И* **его и мое** *смущение в сарае, когда я спрыгнула к нему, вспомнилось мне* (Л. Толст.); *труд* **ее и ваш**; *работа* **моя и товарища М**; *Перестрелка за холмами. Смотрит лагерь* **их и наш**. *На холме пред казаками Вьется красный делибаш* (Пушк.).

Употребление родительного падежа личных местоимений сравнительно с именами существительными ограничено случаями глагольного управления (непосредственно-глагольного, или с отрицанием): *Я не знаю вас, боюсь его*; при именах же (отглагольных) мы его находим, и то не часто, исключительно как родительный объекта: **Вызов меня** *к больному*. **Воспитание вас** в *духе коллективизма*.

Личные и анафорическое местоимения не допускают при себе согласования с прилагательными, помимо сказуемых и отдельных местоименных слов (*сам, весь, оба*), иначе, как с более или менее выразительными чертами ритмо-мелодического обособления: ... *Чтоб все, чего желал так жадно И так напрасно* **я, жи-**

[1] „Ихний" в литерат. языке, вообще говоря, не допускается. „Ихний" можно встретить теперь только у писателей, „играющих" языком, напр.: „Это их суровые колонны, Это **ихней** кровью распаленной Пышет бантом красная кора" (Асеев).

вой, *Не улыбнулось мне отрадно Над гробовой моей доской* (Н. Добролюбов). **Он, весь обвеянный степным ветром,** *с ружьем на изготовке, говорил всем существом о том, что перед ним уже въявь встало новое* (Н. Степной).

Очень своеобразный синтаксический продукт представляют винительные падежи **его, ее, их** при **пусть,** как частице в составе повелительной формы 3-го лица: *Пусть его делает, что хочет* = „пусть он делает...“: *А что до птичьих потрохов — Пусть их хранят вповалку* (Н. Тихонов). Ср. происхождение *пусть* из „пусти“.

Вопросительные **кто?** и **что?** допускают с собой необособленное несказуемое согласование только слов *такой, другой, иной.* В косвенных падежах у **что** сочетаемость возможна и с другими прилагательными, но и она представляет собою явление малораспространенное: **Чему хорошему** *он научил тебя?*

Природа вопросительных местоимений заключает ряд черт, особенно любопытных по своему синтаксическому влиянию. Отметим прежде всего морфологическую несоотносительность многих форм спрашиванья с формами высказыванья: *Рабочие отправились* **на завод** (*куда?*) — предлог и косвенный падеж существительного имеют своим соответствием вопросительную форму только наречную. **На заводе** *шла усиленная работа* (не „на чем?“, а „*где?*“). *Человек* **строгих правил** (не „чего?“, а „*какой?*“). Ср. и сказанное выше относительно „чей“.

Далее, очень часты случаи, когда, хотя и возможны морфологически одинаковые с формами высказыванья формы спрашиванья, но фактически наречные формы спрашиванья преобладают над именными: **Как** *вы выкачали отсюда воду?* — **Насосом. Откуда** *вы это узнали?* — **Из самых надежных источников.**

Большое синтаксическое значение имеет факт дефективности форм спрашиванья по сравнению с формами высказыванья. Не говоря уже о том, что русский, как и большинство языков, не имеет соответствующих местоимений-глаголов, развитие именных форм высказыванья явно опережает в языке местоименные отложения — формы спрашиванья, ему принадлежащие: *Институт* **имени В. И. Ленина** (нет формы спрашиванья, на которую прямым ответом было бы „имени“; „какой?“ оставляет синтаксический момент достаточно неопределенным). **Человек строгих правил** („чего?“ несоотносительно с формой родительного падежа этого значения).

Некоторое синтаксическое значение имеет, далее, ограниченность **кто?** названиями лиц (по отношению, напр., к животным употребляется обыкновенно *что?*) и сочетаемость его с мужским родом ед. числа и относительно понятий женского рода, и относительно множественного числа: **Кто** *это* **сделал?**

Из форм спрашиванья все более выходит из употребления в русском языке специфическая форма прилагательных-сказуемых **каков, а, -о?**, уступая место форме, обычной теперь и для определений и для сказуемых — **какой, -ая, -ое?**, — лишний

момент, способствующий введению в сказуемые членных форм знаменательных прилагательных. Параллельна судьба указательного **таков, - а, - о,** вытесняемого все больше формами **такой, - ая, - ое.** Ср. у старых писателей: **Таков** и *ты, поэт*! (Пушк.). *Как все московские, ваш батюшка* **таков**... (Гриб.). *Зачем же они сходятся, если они* **таковы**? (Гонч.).

Какой и **такой** в русском языке (наряду с *самый и весь,* см. ниже) — единственные прилагательные, выполняющие функции согласуемых с прилагательными знаменательными: *какой умный, такой хороший* и под. При прилагательных несклоняемых сказуемых выступают обычные наречные формы: *как умен, как хорош, как рада*; но если в роли сказуемых оказываются членные формы, конструкции с **такой** не изменяются: *Вы* **такой добрый, ласковый** (ср.: *Вы* **так добры, ласковы**...).

Определительное **самый, - ая, - ое** употребительно как подчеркивающее слово (— „именно“) при *этот, тот* (стоит после них) и согласуется с ними. Аналитическую форму в смысле превосходной степени оно образует с знаменательными прилагательными положительной формы: *самый счастливый, самый трудолюбивый* (ср. *счастливейший, трудолюбивейший,* однако, обычно со значением несколько отличным: *счастливейший* значит „очень счастливый“; *самый счастливый* — „наиболее счастливый“). С формами на - *ший - ая, - ее* **самый**... сочетается тогда только, если этим формам принадлежит одновременно значение сравнительной степени: *самый лучший, самый меньший* (но невозможно сочетание „самый красивейший“).

Весь, вся, все, наряду с типичными для прилагательных синтаксическими отношениями, выступают как тяготеющие к прилагательным, более или менее предикативно (сказуемно) подчеркнутым, или глаголам (и формам, входящим в систему глагола): *Комната эта была* **вся освещена** *и глядела олицетворением девственного праздника Мани* (Лесков). *Он опять смотрел, как такой же кораблик,* **весь наклонившись** *на бок, летел, как птица* (Корол.). *Уж верба,* **вся пушистая**, *раскинулась кругом* (Фет).

Продукты синтаксического перерождения, получившие значение примыкающих членов, представляют **все, что** („почему“?) и **что - то** в таких, напр., фразах: **Все шире, все шире, все шире** *Развертывается прибой* (М. Волошин). *С этих пор* (он) **все думал** *об этой девушке* (Кор.). *Опять появились далекие огни над рекой, но теперь они взбирались* **все выше**, *подбегали* **все ближе**, *заглядывая в вагон вплотную* (Кор.). **Что**, *дремучий лес, Призадумался, Грустью темною затуманился?* (Кольцов). *Матвей Дышло заметил прежде всего, что волна*... **что - то слишком бела** *в темноте, павшей давно на небо и на море* (Кор.). *Только улыбка его была* **что - то уж слишком тонка,** *зубы выставлялись* **что - то уж слишком жемчужно - ровно,** *взгляд был* **что - то уж слишком пристален** (Дост.).

Своеобразную функцию выполняет указательная частица **это (то)** как своего рода подлежащее, с внутренним значением не-

расчлененного впечатления, по отношению к которому сказуемым является или имя существительное, или даже целое предложение: *Что это (такое)?* — **Это человек,** или: **Это летит аэроплан.** *Сначала ему показалось, что* **это маленький игрушечный кораблик запутался между снастями того парохода,** *на котором они сами плыли* (Кор.). *А Лозинский думал про себя, что* **это,** *должно быть,* **уже американцы** (Кор.). *А потом у старого чеха Дыма тоже спросил, что такое свобода. „***Это,** говорит,* **сделана у них** (у американцев) **на острове такая медная фигура"** (Кор.). *В темноте опять замигала знакомая сигара:* **это был Истомин** (Леск.). Ср. подобное употребление **то**: *Слышишь ржанье по долинам?* **То табун несется рысью** (Фет).

Распространена форма **это** также в роли частицы, связывающей подлежащее со сказуемым — именем существительным: **Социализм — это** прежде всего **учет** (Ленин). **Пушкин — это возрожденье,** *Русской музы* **воплощенье** (Полонский). **Бетон — это замысел** *нашей рабочей постройки, работою, подвигом, смертью вскормленный* (Гастев). **Сталь — это воля** *труда, вознесенного снизу к чуть видным верхам* (Гастев). *Надо помнить, что* **учитель — это центральная фигура** *в борьбе за всеобуч и политехнизм* („Изв.").

Специальную функцию неизменяемого сказуемого приобрела в вопросительных и восклицательных предложениях форма **что за?.. (что это за?).** „За" здесь частица, а не предлог, так как не управляет косвенными падежами; за нею следует обыкновенный именительный падеж, как часть сказуемного состава: **Что** *он* **за человек?** Подлежащее — *он; что за человек* — сказуемое. **Что за радость** *подняться на верх этой кованой башни!* (Гаст.). **Что это за прелесть** *эта крошка Вероника!* (Леск.)[1].

С точки зрения синтаксической заслуживает внимания формальная особенность местоимений-существительных при предлоге **по**: в отличие от имен существительных знаменательных **по** управляет этими местоимениями в предложном падеже. Востоков, как отмечено Чернышевым („Правильность и чистота...", стр. 223—224), считал в этом случае дательный падеж вовсе неупотребительным. „Однако,— как замечает Чернышев,— обороты с дательным при местоимениях тоже встречаются, особенно во множественном числе..."

Примеры управления **по** предложным падежом: ... *Когда всякую секунду мог быть* **по нас** *залп подкравшихся татар...* (Л. Толстой). *И путь* **по нем** *широкий шел...* (Пушк. „Обвал"). **По чем** *узнается присутствие грамматической формы в данном слове* (Потебня). *Сынки тоже пошли* **по нем** (Писем.).

За последнее время, однако, все более в случаях с местоимениями **он, что** распространяется дат. падеж: *по нему, по ним.*

---

[1] Оборот этот многие считают заимствованием из немецкого — was für ein (ср., напр., **Шахматов,** „Синтаксис русского языка", § 153). Обоснованные сомнения относительно справедливости такой догадки даже для чешского высказаны **Эртлем** (Ср. Indogerm. Jahrbuch X, 375).

При **мы, вы** такое употребление грамматикой не допускается: *Аул шумел погоней, Пальба* **по ним, по нам** у Н. Тихонова („Тишина“) следует считать погрешностью, вызванною влиянием предшествующего „по ним“.

5. О ТИПАХ БЕСПОДЛЕЖАЩНЫХ И БЕССКАЗУЕМНЫХ

Минуя случаи опущения подлежащего, ясного из контекста или ситуации[1] (синтаксически наиболее характерны из них формы повелительного наклонения 1 и 2 лица в их основной функции), мы вступаем в относительно богато представленную область так называемых безличных (бессубъектных) предложений.

Безличные глагольные предложения с формами 3 лица ед. числа и с признаком среднего рода в прошедшем времени представлены: 1) малочисленной группой слов, употребляющихся только по отношению к явлениям природы и чувствований: *Вечереет* („Уж поздно. Вечереет день“ (Тютчев), „Глядит — и день светает“ (Крыл.) — необычные сочетания), *теплеет, смеркается, захолонуло;* 2) многочисленными личными глаголами, вносящими с большей или меньшей яркостью значение стихийности действия; 3) образованиями на **-ся** от любого глагола, у которого личные формы не оканчиваются на **-ся**. Логический субъект действия таких глаголов, если назван, стоит в дательном падеже: *хочется, дремлется.* К этой категории относятся, однако, и такие, которые не имеют рядом с собою глаголов без **-ся**: *неможется, нездоровится* и под. Оттенок, характеризующий большинство подобных образований, как отмечает Пешковский, „легкость действия“, или, вернее, „наплывность“ его.

Стоит внимания, что некоторые из глаголов данной группы

---

[1] Не останавливаемся и над теми типами, которые Овсянико-Куликовский „Синт. русск. яз.“, 2 изд., стр. 193, называет „относительно-бессубъектными“, — такими, при которых вопрос *кто? что?* (как имен. падеж) „возможен, но ненужен, неуместен“. Пешковский „Русск. синт.“ гл. XV называет их „неопределенно-личными“ и „обобщенно-личными“. В их состав входят конструкции: 1) *В городе* **говорят**..., **Распустили** *слух*... 2) *На всех* **не угодишь**. *Что тут* **будешь делать?** *Когда* **не пишешь** *месяц-два, Стиха* **не ахнешь** *в два присеста* (Д. Бедн.), тип, при котором появляется **ты** в значении неопределенного лица; возможно здесь и множественное число. 3) *„Ребят, наших бояться не нужно — это они на вид злые, палец в рот* **положи** — *откусят* (Фадеев). *Спорит, грубиянит, а дела* **не спрашивай** (Гонч.)... Появление формы мн. ч. здесь тоже возможно.

К этим же конструкциям можно причислить при желании те случаи, упоминаемые далее, где инфинитивы отвечают на вопрос *что?*, как подлежащее: **Трудно**, *мне кажется,* **придумать** *более унизительное положение, чем то, когда работник вынужден часами, а иногда и днями, выстаивать у ворот фабрики или завода в ожидании, когда угодно будет капиталу принять его труд“* (Свирск.). *Мне* **было** *и* **смешно** *и* **противно видеть** *все эти дедовы фокусы, а бабушке — только* **смешно**. (Горьк.). Синтаксически сродни им и тип с числовыми и под. „подлежащими“ — см. выше.

колеблются между ролью безличных и личных; таковы, напр.: *кажется, мерещется, видится* и др.

Примеры первого типа: *Но* **смерклось** — *над стеною черной Горят извивы облаков* (Фет). *Слегка* **приморозило**, *но холодно не было*: *где-то выше крыши дул ветер, и в воздухе растворена была весенняя свежая сладость* (Либед.).

Примеры второго типа: *Из поля и из саду* **тянет** *восхитительной свежестью* (Писемск.). *Дохнул сентябрь — и георгины Дыханьем ночи* **обожгло** (Фет). *С грохотом упала вниз дверца сварочной печи. Из нее* **брызнуло** *нестерпимо горячим, ослепительным светом* (В. Плетнев). *Я и думать забыл про холодную ночь — До костей и до сердца* **прогрело** (Фет). *Михейку по сердцу* **резнуло** *словно серпом* (Чапыгин). *Берег позади быстро исчез, как* **слизнуло** (М. Кольцов).

Примеры третьего: *Странное спокойствие было в груди, сердце билось ровно и* **думалось** *о простых вещах* (Горьк.). *В приемной мне* **пришлось** *долго ждать, пока пришел мастер механической мастерской* (Свир.). *Ей страстно* **захотелось** *сада, темноты, чистого неба, звезд* (Чех.).

Ясно, что группа личных глаголов, употребляемых безлично, по степени утраты подлежащности занимает собственно промежуточное место между типами с относительной субъектностью и типами с бессубъектностью полною: нельзя сказать, чтобы вопрос о лице, производящем действие, не имел бы по отношению к ним смысла, но даже такое подлежащее, как *что-то*, было бы при них неестественно. Изредка только встречаем случаи, которые уже не приходится причислять к примерам безличности, а только неопределенности — где неизвестное подлежащее и щ е т с я. Прекрасный пример такой граничащей с безличностью конструкции приводит Овсянико-Куликовский (стр. 197): *И представьте вы себе... только что я задул свечу,* — **завозилось** *у меня под кроватью. Думаю: крыса. Нет, не крыса:* **скребет, возится, чешется**... *Наконец ушами* **захлопало** (Тург. „Собака"). Ср. еще у Фета, едва ли не лучшего мастера оттенков безличности и родственных ей стилистических эффектов: **Прозвучало** *над ясной рекою,* **Прозвенело** *в померкшем лугу.* **Прокатилось** *над рощей немою,* **Засветилось** *на том берегу* („Вечер").

Другие типы безличных предложений имеют сказуемые с морфологически не выраженною глагольностью, выступающею определенно в прошедшем и будущем времени (если вспомогательный глагол не от „быть" и „стать", то глагол имеем и в настоящем времени). Сюда относятся:

1. Н а р е ч н ы е с к а з у е м ы е (с возможным дательным падежом логического субъекта). Такими сказуемыми бывают только формы на **о** и образования сравнительной степени: *Черной живой рекой двигались люди в желтобуром тумане наступающего утра.* **Было холодно и мокро** (Свирс.). *Ветер. В лесу одному* **Шумно, и жутко, и грустно, и весело** (Фет). *На воде все* **больше** *серебряных пятен от лунных лучей*... (Горьк.)

2. Неизменяемые сказуемые слова: **можно, жаль** и под. Сюда ж входят отрицательные местоимения-сказуемые: **некогда, неотчего, незачем, нечего** и под.: *Много* **надо** *рук упорных, Чтоб из глыб слепых и черных В наших домнах, в наших горнах Полосой сверкнул металл* (Е. Тарасов). *Мести, мести! Но мстить* **было некому** (Либед.). *Этот крик длился страшно долго, и ничего* **нельзя было** *понять в нем...* (Горьк.) *Все* **должно** *делать хорошо, и хвалить при этом* **не за что** (Плетн.).

Среди подобных сказуемных слов интересна категория синтаксически переродившихся имен существительных, согласуемых не в соответствии со своим первоначальным грамматическим родом, а с формой среднего рода вспомогательного глагола в прошедшем времени. Сюда относятся такие слова, как **пора, охота, лень, недосуг, смех, грех** и др.: *С Зиманом работать —* **мука**: *его никак не раскачаешь* (Либед.)... (ср.: было мука...).

Тип с формами, совпадающими с краткими прилагательными среднего рода, естественно, менее четок как безличный из-за возможности при нем подлежащего **что?** Безличность тем выразительнее, чем меньше такие совпадения; ср. *возможно* (при „возможен" и под.), но *можно*, не имеющее при себе прилагательного. Примеры: *Мне* **нужно было** *сделать предохранительный клапан с передаточной трубкой для локомотива* (Свирс.). **Нужно** *знать, что даром не дается Над темной жизнью власть...* (Самобытник).

3. Личные непереходные глаголы с **не**, управляющие родительным падежом: *В смущеньи он побрел по берегу, но нигде* **не было ни души, не слышалось ни единого звука** (Телешов).

Сродни им конструкция с **нет**. Ср. и 2.

4. Страдательные формы на **-но,-то** с отрицанием и возможным при них родительным падежом объекта: **Не сказано лишнего слова**, *наружу* **не выдано слез** (Некрас.).

5. Эти же формы на **-но,-то** в конструкциях, где в качестве непосредственного объекта возможен только родительный падеж, зависимый от количественного понятия: ... **Так много отдано поклонов, Так много жадных взоров кинуто** *В пустынные глаза вагонов* (Блок). *Прибилися старые ноги. Ох,* **сколько исхожено мест!** (Д. Бедн.).

Ближе к личным сочетания с инфинитивом вроде: *Сохранится ли обаяние всех этих дней молодой революции в веках? Или только нам, смертным современникам,* **дано увидеть и унести** *с собой неповторимые чувства Красной площади?* (М. Кольцов). Ср.: *Охватить эпохи нельзя. Нам, современникам,* **это** *никак* **не дано.** *Только* **почувствовать** *— если можете* (М. Кольцов).

Винительный падеж объекта при формах на **-но,-то** в рус-

ском невозможен[1], и это сочетание со средним родом ед. числа заставляет понимать только как личные обороты: *Да что?—давно уж* **сердце вынуто** (Блок) вполне параллельно тому, как если бы стояло „сердца вынуты“ и под.— *Обаяние,* **которое придано было** *этой новой силе — золотому мешку, начинало зарождать даже страх в иных сердцах...* (Дост.),— *которое* — здесь именительный падеж.

Безличные конструкции на **-но, -то** с творительным действующего лица, повидимому, вовсе не свойственны разговорному языку. В литературном языке они, однако, встречаются:... *Но* **признано всем светом**, *Особенно в последние года, Что стали умны хоть куда* (Гриб.). Впрочем, в этом случае они заметно приближаются к личным.

В словах **нет, некогда, некуда, незачем, некого** (*некому...*) мы имеем своеобразные сказуемые. *Нет* (устарелое *нету*) — „не имеется“ связывается с прошедшим временем — *не было* и будущим — *не будет;* употребляется только безлично и управляет, как вообще различные глаголы с отрицанием,— родительным падежом:

У них **не было определенных часов** *работы.— Ладить с Романом Прокофьевичем* **не было никакого средства** (Леск.)[2].

В функции не входящего в синтаксические связи отрицания *нет* образует смысловую антитезу к эквиваленту предложения „да“: **Нет** *не дана мне власть над вами, Вы звуки милые поэзии святой!* (В. Гаршин).

Некогда в смысле „нет времени“ равняется „не (старинное нѣ) + когда“. Ср. и *некуда, негде* и т. д. Сказуемная роль этого „не“ особенно ясна в параллельных выражениях, вроде: ...*но выпить было не на что* (Корол.), иначе — „не было на что выпить“; *не у кого спросить* = „нет, у кого спросить“; ср.: *не у кого было спросить* (= не было у кого спросить) и под.

Специальная особенность безличных оборотов в разговорной речи — местоименное словечко **оно** (о нем см. выше стр. 350).

— В функции, эквивалентной сказуемым, для выражения ярких оттенков наклонений, т. е. личного отношения к действию, о котором идет речь, напр., для выражения долженствования, решительности, обязательности действия, выступают инфинитивы: *Быть ему битым* = „он обязательно будет бит“. „*Пить*! Прежде всего *пить* студеную, оживляющую влагу“ (Сейф.); категорического приказания: „*Прекратить* раз-

---

[1] Как исключительный случай, Пешковский приводит (420 стр.) пример из И. Крылова: „Советов *тысячу надавано* полезных“, но вес даже этого примера ослабляет то, что в винительном падеже здесь поставлено название числа, а синтаксис именно числовых названий, что касается различения именительного-винительного, наименее устойчив (ср. и морфологическую невыразительность *сколько?*). Интересно сравнить:... *Под дворовым участком...*, *наверное,* **отыщется сажен тысячу** (Салтыков, „Губ. очерки“).

[2] Не книжным в русском языке при отрицании является только оборот *нет*: „не имею“ и под., хотя и вошло в литературный язык как продукт иностранного влияния (латинского, немецкого), носит на себе черты определенной книжности.

говоры!". „*Не плевать* на пол!" и под.— Ср. и эмоционально окрашенное: „*слыхать ... не слыхал, видать ... не видал*".

Форма эта господствует у нас в случаях вопроса, относящегося к первому лицу будущего времени: *Сказать?* (но „Ты скажешь?", „Он скажет?"), т. е. опять таки для выражения наиболее субъективного оттенка в отношении к действию — оттенка нерешительности (=„могу я сказать?" „должен я сказать?" и под.), и в вопросительных предложениях вообще с четко выраженными чертами сомнения, большего, чем вообще характерно для них: *Быть или не быть? Пробиваться или отступать?*, или, наоборот, сознания бесцельности действия: ... *К чему лукавить?* (Пушк.). *Что же делать,* если обманула нас мечта, как всякая мечта? (Блок). Все это страшно тяжело, но *как же иначе быть?* (Верес.). Пошли и они,— *не оставаться же* на корабле вечно! (Корол.).

Мы употребляем, далее, инфинитивы (в связи с личными формами тех же самых глаголов) также в случае, когда хотим сказать о каком-нибудь действии как уже знакомом и выдвинуть в противоположность ему другое действие, которое не осуществляется: *Говорить — он говорит, а делать — не делает. Учиться — он учится* — ждете: *а ... но ... да ...*

Оттенок наклонения, осуществляемый инфинитивом, может поддерживаться еще частицей **бы**: *Почему не поехать бы ей вперед?* (Чехов). *Почему бы не послушать, не внести самому предложения* (Газета).

Синтаксически и морфологически своеобразный тип представляют сочетания инфинитивов с ***чтобы***, выступающие в случаях, когда лицо в главном предложении то же самое, какое должно было бы мыслиться, если бы можно было инфинитив заменить глаголом в придаточном: „*Я* никак *не мог побороть себя, чтоб не попытаться* преодолеть препятствия силою" (Верес.). „... *Он пользовался* каждым удобным случаем, *чтобы втиснуть* в мой мозг что-нибудь необходимое" (Горьк.). Но ср.: „*Чтобы он мог работать,* ему *нужно было успокоиться*" (грамматическая безличность главного предложения позволяет в придаточном восстановиться подлежащему и сказуемому). Возможен, однако, и даже господствует и при этом условии параллельный тип: „*Чтобы работать,* ему нужно было успокоиться". Ср.: „... Внимательному *читателю не стоит большого труда, чтобы убедиться* в том, что Гамлет — человек чувственный" (Тург.).

Параллельно употребление инфинитивов в сочетании с **прежде чем**: *Прежде чем лечь, он послал* еще телеграмму, вызывавшую назавтра мастера Евгения Нилова (Кор.).

Характерен и инфинитив после ***чтобы*** при смысловой безличности упоминаемого действия: „*Нужен большой навык, чтобы* легко и без зацепки *ввести трубочку* в больную гортань кричащего и испуганного ребенка" (Верес.).

В условных предложениях безличных инфинитивы выражают оттенки наклонений („можно", „должно" и под.): *А если ска-*

зать правду, то Матвею приходило в голову, что на корабле было лучше (Корол.)[1].

К инфинитиву нередко прибегаем мы в речи там, где определенное лицо, совершающее действие, может не быть упомянуто; в зависимой роли инфинитив по смыслу близок к отглагольным именам существительным,— естественна поэтому его пригодность сжимать в себе целые предложения: *Шутить и век шутить*,— как вас на это станет? (Гриб.). Кто не борясь и не состязаясь, Одну лишь робость усвоил, Тот не игрок, а досадный заяц: *Загнать его* — дело пустое (Н. Тихонов). *Издеваться над беззащитным человеком* — что может быть гнуснее?

Упомянем еще о роли инфинитива, как усилителя глагола в случаях решительного отрицания: *знать не знаю, ведать не ведаю*.

С добавочным признаком времени, даваемым вспомогательным глаголом ***было***, инфинитив выступает в предложениях вроде: *С какой стати* мне *было лгать и заискивать* в них, когда они сами мне протягивали руки и верили мне? (Тург.). *Что же* еще *было добиваться*, что это за деница? (Леск.).

Как своеобразный эллипсис (опущение). можно понимать случаи употребления в экспрессивной речи инфинитивов несовершенного вида в значении начавшегося и очень долго продолжающегося действия: Я знаю эти капризные натуры: вдохновения нет, сейчас и *беситься* (Леск.).

Специальный вопрос в теории русского синтаксиса представляют сочетания вроде: Лишь *стоит завести* очки... (Крыл.). И с чего вдруг *угораздило* тебя *сказать*? (Гог.). Зубастой щуке в *мысль пришло* За кошачье *приняться* ремесло (Крыл.). *Главною задачею* его в эту пору *было оставлять* в своем кармане по возможности самую большую часть той красненькой, которая получалась за проданный револьвер... (Гл. Успенский).

Функционально здесь инфинитивы напоминают существительные в роли подлежащих. Ср., напр., „пришло в мысль“ — что именно? что „было задачею“? Но не все подобные предложения допускают все-таки полное отождествление инфинитивов с подлежащими, так как их сказуемые в ряде случаев определенно безличные. Инфинитивы в таких конструкциях следует вернее всего рассматривать как осуществляющие своеобразную функцию — выступать носителями особого смыслового содержания, открываемого мыслью (параллель с отношениями подлежащих и сказуемых) — именно при таких глаголах, которые обыкновенно употребляются безлично, в основе — одночленно.

Безличные предложения представляют собою особенно широко распространенную форму перерождения двучленности предло-

[1] Возможно здесь и опущение „если“: „На погосте жить — всех не оплачешь“. „Поглядеть — так картина, а послушать — животина“ (пословица).

жения. Другая форма — устранение сказуемых, вплоть до таких типов фразы, где они становятся вовсе невозможными.

Типы эти мы имеем в назывных словах и словосочетаниях[1]. На первый взгляд, приближаются к ним фразы, в которых остатки сказуемной части, планирующиеся вокруг именительного падежа, не особенно четко воспринимаются как зависимые от отсутствующего сказуемного слова: *Шофер этот возил Смирнова в бытность его комиссаром дивизии, и* **с тех пор у них дружба**, *скрепленная совместно испытанной опасностью* (Либед.). **За полем снежным — поле снежное... Везде молчанье неизбежное.** *Снега, снега, снега, снега!* (Брюсов).

Нетрудно, однако, вскрыть, что именительный падеж существительного принадлежит к другой части предложения и что сказуемое, и отсутствуя, дает о себе знать типичными зависимыми от него отношениями.

В первом примере, напр., после „с тех пор“ или „у них“ необходима пауза — указание на отталкиванье от имени существительного; а с другой стороны — именно глаголы и формы, входящие в систему глаголов, обычно сочетаются с предлогами и управляемыми ими падежами такого типа.

Во втором примере „за полем снежным“ — группа, отделенная ритмически (ср. иную ритмомелодику, напр., во фразе „Мы проезжаем за полем поле“); в подавляющем большинстве случаев предлог „за“ тяготеет к глагольным формам, и поэтому и тут он укрепляет нас в ощущении, что управляемая им группа относится не к существительному, а к глаголу, который мог бы быть назван. Еще резче эта направленность в сторону глагола выступает при „везде“.

На границе с настоящими случаями бессказуемости стоят еще такие типы, как указательный со словами **вот, вон: Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек** (И. Крыл.). *Ведь* **вот же она** *та самая дорога, по которой они пришли сюда из „Расеи!“* (Телешов)[2], и тип с именем существительным в именительном падеже, в контексте, приобретающем значение или оттенок сказуемого: *Так они говорили* — **странноватый разговор для первого разговора между женихом и невестой!** — *и пожали друг другу руки* (Чернышевский). *Нечего сказать,* **славная задача жизни. отличный пример для ищущего движения ума!** (Гонч.). *Ромась, должно быть, понимал это, и человечно-просто открыв предо мною дверь в свою жизнь, выпрямил меня.* **Незабвенный день!** (Горьк.).

---

[1] Пешковский. „Русский синт. в научн. осв.“ называет их „номинативными предложениями“. Я предпочитаю термина „предложение“ в таких случаях не употреблять; ср. об этом „До поняття речення“, Наук. зб. Хар. наук.-досл. каф. іст. укр. культ. 1926, № 2 — 3, стр. 126 — 133.

[2] Правда, вот, вон могут сочетаться с целыми предложениями: **Вот изумрудный луг, вот желтые пески Горят в сияньи золотистом. Вот утка крадется в тростник, вон кулики Беспечно бегают со свистом...** (Фет),— но здесь мы имеем только параллель к развитию сказуемых в целые предложения при *это, то* — см. выше, стр. 253 — 254.

Полную бессказуемость мы находим в таких типах: а) Называются соответствующие представления или понятия. Со стороны смысловой важно различить типы с именами существительными предметными и с существительными отглагольными или обозначающими действия, хотя нередки фразы, где оба типа могут довольно сильно сближаться один с другим: 1) **Тысяча девятьсот шестнадцатый год. Октябрь. Ночь. Дождь и ветер. Полесье. Окопы по болотам, поросшим ольхой.** *Впереди проволочные заграждения. В окопах холодная слякоть. Меркло блестит мокрый щит наблюдателя. В землянках редкие огни.* (Шолохов. „Тихий Дон", кн. 2). **Сережа Суриков! Толстый нос, голубые глаза, мягкий улыбчивый рот, золотистые волосы на щеках, на верхней губе и на подбородке** (Либед.). **Знамена... знамена... знамена... Дети... Цветы... И победные песни** (Дорогойченко).

2) **И голос женщины влюбленный, И хруст песка, и храп коня** (Блок). **Взлет И взмах, Поворот И разбег.** *Ходит кран, Как живой человек* (Безымен.). **Дорога, тряска, толчки,** *и я открываю глаза* (Панферов). **Пробный удар ручника... Низкая песня мотора... Говор железной машины...** (Гаст.).

С начала XIX века тип этот, особенно в поэзии, получил чрезвычайно большое распространение. В беллетристике он особенно усилился с начала XX-го (напр., в прозе символистов — Л. Андреева и др.).

Разновидность этого типа мы находим также в случаях, когда речь отражает синтаксическую неоформленность впечатлений; ср. передачу примитивного сообщения:

Поручик... *„Неизвестно какой, из Рязани,* **гнедые лошади"** (Гоголь), и с другой стороны — нарочитое нарушение обычной синтаксической связанности — в поэтическом языке: *А над ней, прекрасен, светел,* — **свежий хмель меж кудрей,** — *юный Дионис* (Брюс.).

Если, не имея в виду собственно-синтаксических особенностей, считаться с особой мелодикой и тембрами, характерными для подобных сочетаний, то отдельно можно упомянуть именные сочетания в заглавиях, на вывесках и под.: „Начертательная геометрия", „Курс биологии", „Четвертая поликлиника" и под.

б) Обращения: *И в этом соленом волненьи, Которое рвет якоря, Я вновь узнаю твои звенья,* **Моя золотая заря!** (И. Оксенов). **Маленькие дети,** *В этот летний час Вся судьба столетий Зиждется на вас!* (Брюс.). *Ты бросил в мир мятежно-страстный зов:* „*Восстаньте,* **угнетенные всех стран!"** (В. Кириллов). *Пробивай своим шпилем высоты Ты,* **наш дерзостный башенный мир!** (Гастев).

6. СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Синтаксическое целое, представляющее сочетание двух или нескольких предложений, объединенных ритмо-мелодически, носит название **сложного предложения.** Связывание отдельных

предложений между собою совершается при помощи **относительных слов, союзов** или только **средствами ритмомелодики.**

Относительными словами являются те самые имена существительные, прилагательные и наречия, которые служат в других случаях вопросительными словами: *кто, что, какой, который, чей, сколько, куда, откуда, где, когда, зачем, почему, как* и др. Предложения, вводимые таким образом, называются **придаточными** (зависимыми); те, с которыми они связываются,— **главными**[1].

Связывающее (относительное) слово выполняет в придаточном предложении роль в зависимости от других слов, соединенных с ним: оно может быть подлежащим, как, напр., в случаях: **Кто брошен** в *дальние снега За дело чести и отчизны, Тому сноснее укоризны, Чем сожаление врага* (Рылеев). *Те данные,* **которые есть** у *тов. Н. Сидорова, являются удобным исходным пунктом для того, чтобы подойти к занимающему нас сейчас вопросу* (М. Покр.), или управляемой формой (косвенным падежом) с предлогом или без него: *Следующим руслом,* **по которому** *должна* **пойти** *организованная помощь со стороны деревни социалистической промышленности, является снабжение шахт, фабрик, заводов и лесозаготовок рабочей силой* („Правда"). Если связывающим словом является наречие („осоюзившееся"), то оно, конечно, примыкает: *Уповающий молча бросил в огонь горсточку мелко изломанных сучьев и стал смотреть,* **как** *искры* **летели** *кверху и* **гасли** *в сыром воздухе* (Горьк.).

Часто относительным словам в главном соответствуют слова указательные. Здесь нужно различить два основных случая: 1) обязательное соответствие относительному указательного слова и 2) соответствие только возможное: 1. **Чем сильнее** *звонкий молот будет бить, дробить, ковать,* **Тем светлее** *будет радость в мире сумрачном сиять* (В. Кириллов).

2) Подымали снова правды знамя, Сея в души **те лучи-слова, От которых** *жизни ярче пламя, Даль светлей и выше голова* (П. Я).

В качестве указательного элемента при этом обыкновенно фигурируют слова корня **то.**

Формально относительные слова, вводящие соподчиненные придаточные предложения, могут нередко принадлежать к различным категориям; важна только их смысловая родственность: *Город, в* **который** *я ехал и* **где** *мне приходилось уже бывать не раз раньше, не сулил мне ничего привлекательного.*

Напомним также общеизвестные факты, что формально могут принадлежать к различным частям речи слова относительные и указательные: *Теперь нет уже здесь* **дома, где** *он родился и*

---

[1] Только для полноты упоминаем, что предложение, придаточное к главному, может оказаться главным по отношению к другому придаточному, и что зависеть придаточное предложение может от причастий, деепричастий и под.

провел свое детство. Окрыляя ум и сердце, книги помогли мне подняться **над гнилым болотом, где** *я утонул бы без них, захлебнувшись глупостью и пошлостью* (Горьк.) (менее гибкая часть — наречия — приходится на придаточные предложения), и что форма вопроса, которая может подсказать нам, что мы имеем дело с развернутым членом главного в предложении придаточном, далеко не всегда совпадает и даже чаще не совпадает с формой вводящего его относительного слова: *Вы видите* (**что?**), **насколько** *политическая стачка сильнее экономической, вы видите,* **насколько** *политическая забастовка сильнее вздымается вверх сравнительно с экономической* (М. Покр.).

Продуктами спайки указательной и относительной частей предложений являются сложные наречия-союзы вроде **потому что, благодаря тому что, оттого что.** Сравн. подвижность границы между соответственными главными и придаточными предложениями, зависящую от распределения логического ударения и паузы (на письме этому соответствует возможная передвижка запятой): *Сережа внимательно посмотрел на учителя... и задумался* **так, что** *уже ничего не слыхал из того, что объяснял учитель* (Л. Толст.), ср.: *... задумался,* **так что** ...

Плачь, русская земля, но и гордись — **С тех пор как** *ты стоишь под небесами, Такого сына не рождала ты И в недра не брала свои обратно* (Некрас.). *Он... стал ей резать стрелку до крови,* **несмотря на то, что** *лошадь билась и даже визжала...* (Л. Толст.). *Акулина же,* **несмотря на то, что** *часто ругала и даже бивала своего мужа, считала его, несомненно, первым коновалом и первым человеком в свете* (Л. Толст.).

Там, где на указательной части невозможно логическое ударение, она решительно отходит к придаточному предложению: *Должно быть, раньше он служил в механиках,* **потому что** *каждый раз, прежде чем остановиться, кричал себе: „Стоп, машина!"...* (Чехов).

Стоит еще внимания возможность разрыва частей союза иным каким-либо словом: *Хозяйственная часть в доме Пшеницыной процветала* **не потому только, что** *Агафья Матвеевна была образцовая хозяйка... но и* **потому еще, что** *Иван Матвеевич Мухояров был в гастрономическом отношении великий эпикуреец* (Гонч.).

Полный отход указательной части к придаточному предложению являет теперь союз **так как,** утративший совершенно возможность выступать с ударением на своей первой части. Кстати сказать, и раздельное его написание теперь не больше, как дань традиции.

Местоименную природу и происхождение легко заметить в таких неразделимых теперь пояснительных союзах, как **то есть, как-то, не то что, не то чтобы.** Функционально приблизилось во многих случаях и совпало с ними **именно.**

Согласование относительного слова с именем существительным или указательным словом главного бывает далеко не всегда, как отчасти ясно из уже сказанного, полным: прежде всего

и главным образом, зависимость относительного слова от управляющего слова в придаточном предложении или его роль подлежащего в придаточном сравнительно с управляемым словом главного лишает его падежного согласования; а затем, относительное слово **что** в этой своей функции шире, чем в вопросительной, и не дает признака неодушевленности, который, теоретически говоря, оно могло бы иметь в противопоставлении *кто*. Правда, в русском языке **что** употребляется как относительное слово довольно редко и играет, кроме сочетаний типа *то, что, все, что, про то..., что*, вообще определенно стилистическую роль: место его — поэтический язык и стилизация под речь разговорную; но благодаря тому, что русский язык не допускает его сочетания с формами местоимения „он“ [1], оно менее „синтаксично“, менее способно давать вполне недвусмысленные указания на согласованность:

1. *Важнее обещаний* **то, что** *уже выразилось в творчестве автора* (Брюсов). **Ничего** *не было видно,* **что** *делалось там* (Гастев).

2. *Другой* **будочник, что** *поближе к станции, был человек молодой, из себя худой и жилистый* (Гаршин)... *Целые армии строят из знаков свинцовых, Целые армии звуков и песен,* **Что** *сбежались из всех городов и селений По звенящим в далеких просторах проводам телеграфным* (К. Хохлов). *От больших очертаний картины Дб тончайших* **сетей** *паутины,* **Что**, *как иней, к земле прилегли, Все отчетливо видно...* (Некр.). *Пусть тот осенний* **ветр** *мои погасит страсти,* **Что** *каждый день с чела роняет седину* (Фет). *Чтоб и я в этом мире исчез, Потонул в той душистой* **тени, Что** *раскинул твой пышный навес* (Фет)... **Тот** *ли это,* **что** *мешает Вдалеке лесному сну...* (Фет). *Ямою* **грудь, что** *на заступ старательно Изо дня в день налегала весь век* (Некр)... **Певцов-итальянцев** *здесь слышала я,* **Что** *были тогда знамениты* (Некр.).

В относительных предложениях, где *который* употребляется одинаково и по отношению к названиям существ и предметов, **кто** в своем употреблении ограничено лицами:... А **та, кому** *страшней, чем сто переворотов, Что непослушный сын не выпил молока...* (Безыменский). *Все так ярко рисуется взору, что не верится мне в эту пору, Чтоб не мог увидать я и* **той... Кто** *под этим крестом почивает...* (Некр). *Я* **для тех** *пою, чьи души юны,* **кто**, *как за себя,* **болел** *за брата...* (П. Я.). **Вы, кто любите** *природу... Вам принес я... Эту песнь о Гайавате* (Бунин). В последнем примере вместо „любите“ могло бы стоять и „любит“. *Не первый он был и не последний* **из тех, кто... взяли**, *как говорится, нож за пояс и* **пошли** *искать долю, работать, биться с лихой нуждой и есть горький хлеб из чу-*

[1] Другое дело при **такой... что...**, где *что* превращается в союз, или в случаях вроде: *В своей работе по регулированию роста партии ЦК все время исходил из* того, **что** *наряду с количественным ростом необходимо серьезнейшим образом развернуть работу по повышению идейно-теоретического уровня членов партии* (Л. Каганович. Доклад на XVI партсъезде).

жих печей на чужбине. (Кор.). Вместо „взяли“ и „пошли“ могло бы быть здесь „взял“ и „пошел“.

Придаточность определительных предложений заметно обнаруживается благодаря легкости, с которой их можно рассматривать, подставляя вопросные слова, как развернутый член главного. Есть, однако, среди них особый тип, представляющий относительно новый продукт развития — определительное предложение не определяет один какой-либо член главного, а главное предложение в целом: *Введение зимних работ не только усилило темпы строительства, но и дало возможность сохранить основной кадр рабочих,* **что** *в условиях недостатка рабочей силы* **имеет чрезвычайно важное значение** („Изв“). *Эту игру я наблюдал и в самом себе,* **что было еще хуже.** (Горьк.). *Он много переменился: постарел, почернел и оброс бакенбардами,* **что очень не шло к нему** (Л. Толстой). *Я... говорила ей, что я совершенно счастлива;* **чего,** *как теперь я вспоминаю,* **совсем не нужно было говорить ей,**— *она сама могла видеть это* (Л. Толстой). *Ни пьянства, ни драк не заметно,* **почему даже самый откупщик,** *обыкновенно душа и украшение уездного общества,* **угрюмо и озлобленно выглядывает из окон каменных палат своих** (Салт.).

Стилистически изощреннее постановка таких определительных предложений впереди: **Что также сначала не нравилось мне, а потом, напротив, сделалось приятно,** *было его совершенное равнодушие и как бы презрение к моей наружности* (Л. Толстой). *Лицо у него сделалось масляное, глаза покрылись неистощимой слезой, и,* **что всего замечательнее,** *когда кто-нибудь у него спрашивал, как дела, то он благодарил, видимо, стараясь взглянуть вопрошающему как можно прямее в глаза* (Салт.).

Специальное перерождение предложений такого рода представляет — **что касается..., то..**[1] и, может быть, продукт его упрощения — **что до..., то...** Перед фактом нарождения нового союза мы стоим в случае с **причем**: *В его годы Левинсон также подражал людям, учившим его,* **причем** *они казались ему такими же правильными, каким он — Бакланову* (Фадеев).

Дальнейший шаг в смысле утраты согласования представляют многочисленные сочетания указательной части с относительной — *что,* в котором уже нельзя более вскрыть его прежней именной природы: **потому что** (из *по тому, что*), **таким образом, что...,** и наконец случаи, где *что* определяет указательные части, не именные даже по происхождению — **так..., что..., столь..., что...**

Заканчивая обзор местоименных функций, ограничимся простым напоминанием, что вопросные слова могут сохранять свой характер в придаточном предложении, если они входят в состав зависимых, косвенных вопросительных предложений. О признаках мены лица в таких случаях см. стр. 290—292.

---

[1] У писателей старшего поколения **что касается до...**

Относительные слова неизменяемые, но употребляющиеся одновременно в качестве вопросных, мы рассматриваем в разделе, посвященном союзам.

Говоря о них, упомянем и некоторые (немногочисленные) особенности неизменяемых относительных слов, параллельных по синтаксическим особенностям их употребления союзам.

Союзы

Союзы (простые и сложные) русского языка можно подразделить: 1) на такие, которые соединяют и предложения и отдельные члены предложения; 2) на парные (групповые), соединяющие или предложения, или отдельные члены предложений с однотипными, произносящимися с однотипной (перечислительной) или с однотипно-противительной интонацией членами; 3) на союзы, связывающие главным образом предложения и их эквиваленты, и 4) на союзы, употребляющиеся главным образом или исключительно на границе фраз.

Первая группа союзов (соединяющих отдельные члены предложения) вместе с тем может, как замечено, выполнять и функцию связывания предложений. Таковы союзы **и, а, но, или.**

Среди значений, принадлежащих союзу **и**, соединяющему предложения, важно различить: **и** собственно-соединительное и **и** со значением заключения, вывода. Примеры первого: *Ты небо недавно кругом облегала* **И молния грозно тебя обвивала; И ты издавала таинственный гром И алчную землю поила дождем** (Пушкин). *Помню, большие белые тучи плыли мимо тихо и высоко* **и жаркий летний день лежал недвижно на безмолвной земле** (Тургенев.). Примеры второго: *Взобрались еще на одну гору, последнюю,* **и сразу перед ними засветился кучей огней большой, веселый город** (Н. Никандров). *Новым чувствам всем сердцем отдался, Как ребенок душою я стал,* **И я сжег все, чему поклонялся, Поклонился всему, что сжигал** (Тург.). Перед **и** первого типа запятая может быть опущена; перед **и** второго типа она обязательна (ср. ритмомелодику обоих типов).

Союз **да**, принадлежащий к этой же группе, в русском языке имеет определенную стилистическую окраску и служит обыкновенно признаком разговорного уклона говорящего или эмоциональности его речи: *Я не пьянствовал..., все химией занимался* **да** *книжки читал* (Либед). *Опять темнота, в которой виден неясный синий призрак подвального этажа* **да** *стук удаляющихся по лестнице шагов* (Либед.) *Нечего думать* да *затылок чесать* (Гонч.). *Здравствуй, солнце* да *утро веселое!* (Ник.).

Ср. **да** в значении „но“: *Он рад бы в первые тут шмыгнуть ворота,* **Да** *то лишь горе, Что все ворота на запоре* (Крыл.). *Их всегда здесь много,— отвечал Павел,—* **да** *они беспокойны только зимой.* (Тург.). *Быть может, вам хочется дальше читать,* **Да** *просится слово из груди!* (Некр.).

Специальный тип эмоциональности имеем во фразах вроде:.. *Ты с ума сошел!* **Да** *я сейчас велю тебя зарезать Моим слугам, хоть ты испанский гранд!* (Пушк.).

Эмоциональное усиление имеем в сочетании **да и**: оттенки значения „да вдруг", „кроме того" и др.:

Удодов поглядит-поглядит, **да и** *заграбит все сам* (Салт.). *Не щемит ни в ком сердце по ней,* **да и** *все тут* (Салт).

Значение „а вдруг", „но вдруг" имеет несколько архаическое, эмоционально-разговорное **ан**: *Вы вот смеетесь, и я думал, что посмеются только;* **ан** *вышло не то-с! — слегка воскликнул Рухнев* (Писемск.)[1].

Среди союзов, способных связывать и отдельные члены и целые предложения, особое место принадлежит пояснительным союзам: **то есть, или, именно, как-то.**

Для них характерно, что вводят они части с определенным смысловым параллелизмом и в соответствии с этим стремящиеся интонационно совпасть с теми, которые ими поясняются: **Так же вот жилось** *в родных Лозищах и некоему Осипу Лозинскому,* **т. е. жилось,** *правду сказать,* **неважно** (Корол.). **Согласные, или консонанты,** *характеризуются преобладанием шумов.— Но мне захотелось действовать* **самому, т. е. самому** *манить перепелов* (С. Аксак.). *Сухими болотами называют места, носящие все признаки некогда существовавших топких болот,* **как-то: кочки, следы родниковых ям и разные породы болотных трав,** *уже перемешанных с полевыми* (Аксак.).

Примечание. Пешковский, напр. („Русск. синт", 3 изд., 555 стр.), относит эти союзы к подчинительным, очевидно, по основному признаку различения подчинительных и сочинительных союзов, которым он пользуется, т. е. необратимостью или обратимостью связываемых частей. Я тоже склонен рассматривать этот тип соединений как подчинение, однако, вне зависимости от судьбы теории Пешковского, которую признаю, впрочем, верной для ряда случаев (на главную трудность указал сам Пешковский — „Родн. яз. в школе", 1926 г. № 11-12, стр., 136). Исхожу я из соображения о развернутости соответственного члена главного в целое предложение (разумеется, в тех случаях, где мы имеем именно предложение); но подчеркиваю, что данные союзы среди всех остальных занимают особое место, так как все подчинительные служат обыкновенно для связывания предложений и не могут связывать отдельных членов (ограничительные замечания см. ниже.).

Заметим, что **именно** нередко выступает не как союз, а как подчеркивающее слово: **Именно тебя** *хотелось мне видеть сегодня.*

Вторую группу союзов составляют употребляющиеся только вместе **то... то...** и **как... так и** (в значении *и... и...*) *Видя, что его не боятся и даже не обращают на него внимания, он стал несмело* **то** *приседая,* **то** *подскакивая, подходить к волчатам* (Чех.). **То** *стояли с фитилями поляки в своих пестрых куртушах, а казаки и „голота" подымали кругом пыль, облегая город,* **то,** *наоборот, из пушек палили казаки, а польские отряды кидались на окопы* (Кор.). *Участившиеся за последнее время всякие международные конференции стали особым видом „расточительности" в капиталистической экономике и политике, причем* **как** *по количеству,* **так и** по *бесплодности первое место*

[1] Подробности о союзах **ан, да, и** и др. см. в соответствующих выпусках „Словаря русск. яз. Акад. наук".

по праву принадлежит так называемым аграрным конференциям („Изв.“).

Среднее место между первой и второй группой принадлежит союзам, более других обычным в сопровождении повторительной и однотипно-противительной интонации — **и, ни**[1], **или (иль)** со стилистическим архаически-народным оттенком, **либо**. Ср.: **Иль** *чума меня подцепит,* **Иль** *мороз окостенит,* **Иль** *мне в лоб шлагбаум влепит, Непроворный инвалид* (Пушк.).

Заметим еще, что употребление в качестве второго подчеркнутого *ни* (= ни даже) — **ниже** прекратилось приблизительно к середине XIX века, захватывая еще кое-у кого ближайшие десятилетия: *Нет, никогда я зависти не знал! О, никогда* — **ниже** *когда Пиччини Пленить умел слух диких парижан,* **Ниже** *когда услышал в первый раз Я „Ифигении“ начальны звуки* (Пушкин). *Ничего не дам,* ***ниже*** *одной крошки* (Даль).

Из них **либо**, повидимому, обнаруживает тенденцию к исчезновению из литературного языка. Чаще оно встречается при стилизациях под народную речь: **Либо** *он,* **либо** *мы — кому-нибудь придется* (Верес.).

Еще реже встречаются несколько по-разговорному окрашенные **то ли... то ли**:

...Какой-то господин, читавший газету и все время зевавший **то ли** *от чрезмерной усталости,* **то ли** *от скуки, раза два неприятно покосился на мальчика* (Андреев).

Неопределенность впечатления обозначают тоже нечастые **не то... не то**: *В телеге перед нами* **не то** *сидело,* **не то** *лежало человек шесть в рубахах, в армяках на распашку* (Тург.). *В это время у крыльца послышались звуки колокольчика и бубенчиков:* **не то** *кому подали лошадей,* **не то** *кто новый приехал* (Данилевский)..... *Громоздятся постройки, и звонкая степь оглашается человеческим говором, гулом, треском машин, рожками автомобилей и лязгом* **не то** *пил,* **не то** *электрических сверл* (Панферов).

Своеобразное соединение представляют, наряду с **ли... ли** после первого или первых членов, **или, ль** — перед вторым: **Гуж ли, седелка ли, замок ли, шкворень ли, или подороже что** — *все у Поликея Ильича место себе находило* (Л. Толст.). Ср.: *Еду ли ночью по улице темной, Бури* **ль** *заслушаюсь в сумрачный день...* (Некрас.). Такое соединение несет за собой впечатление разговорной или вообще оживленной речи. Конструкция эта (чаще всего с условным значением) всегда предполагает наличие другого, соединенного с данным, предложения или подводящих итоги слов.

Союзами, связывающими только предложения и их эквиваленты, являются: **так как, потому что, оттого**

[1] **Ни** не повторенное — скорее, усиленное отрицание, чем союз в точном смысле слова (см. § 7). Изредка у старых писателей встречается опущение одного **ни** в союзной функции: *И нет извне опоры* ни *предела* (Тютч.). *Ты знаешь ведь, как дерево высоко: тебе* ни *мне туда не взлезть* (Крыл). Теперь такое опущение невозможно.

что, благодаря тому что, вследствие того что... (причинные); **чтобы** (цели); **что, будто, будто бы** (изъяснительные); сюда же относится и **чтобы**; **если, если бы, раз** (условные); **хотя (хоть), несмотря на то что** (уступительные); **как только, между (меж) тем как, после того как, пока, покамест, едва, едва только, чуть, чуть только, лишь только, только что, прежде чем** (временные) и др.

Среди этих союзов, как видим, очень много речений с вполне ясными следами относительности (**вследствие того что, несмотря на то что** и под.). Речения, составившие союз, еще легко поддаются разбивке на соответственные части, и чтение „с запятой" перед „что" возвращает им их первоначальный вид, вполне обычный и теперь.

Другие уже утратили ритмическую обособленность частей, но относительное слово в их составе еще отчетливо говорит об их недавней истории,— таковы **так как, так что.** Утрата ритмической обособленности идет в них параллельно переходу значений, уже не совпадающих с теми, которые принадлежат отдельным частям.

В третьих обособленность сохранена (**после того, как** и **после того как**; **между тем, как** и **между тем как**), но относительная часть уже семантически перешла в союз.

Союзы, специально связывающие предложения, в отличие от тех, которые связывают и предложения и их члены, вносят обыкновенно характер подчинения, т. е., иначе говоря, вводимые ими предложения могут рассматриваться как синтаксически развернутый член главного.

Особое место в этом отношении принадлежит постпозитивному союзу **же**, соединяющему только предложения, но на правах сочинения.

Примеры союзов, соединяющих предложения (или их эквиваленты), ограничим относительно немногими, более других заслуживающими внимания со стороны стилистической.

Союзы причинные.

Так как свойственно по преимуществу книжной прозаической речи:

Не вскрыв обусловленность слова, данную образной структурой произведения, мы не можем понять самого этого слова, **так как** *в художественном произведении мы имеем дело не со словом, как таковым, а со словом, так сказать, в снятом виде данным в образе* (Л. Тимофеев).

В произведениях стихотворной формы **так как** — редкость:

А **так как** *человек медведя послабее, То и пустынник наш скорее, Чем Мишенька устал* (Крыл.).

Ибо характерно почти исключительно для книжной речи. Фактически перед Октябрем оно старело и выходило из употребления, но позже оно обновлено советской научной книгой и публицистикой; ср.:

Поскольку поэт работает при помощи определенного метода, он соответственно подбирает материал (**ибо** *он никогда не*

может охватить всего в точном смысле слова, он всегда все же „отбирает" и „выбирает") (Бухарин).

Мы должны относиться к литературе и прошлого и настоящего, как естествоиспытатели, **ибо** *и социолог есть естествоиспытатель* (Луначарский).

Особенно полезным становится **ибо** в случаях подчинения придаточному, введенному другим причинным союзом; напр.: **Потому** *наше кино идет вперед,* **потому** *оно сейчас находится на большом творческом подъеме,* **что** *оно своими особыми методами служит великому делу освобождения трудящихся,* **ибо** *на знамени работников кино-фронта, на знамени работников кино горит лозунг социалистического реализма* (Стецкий).

Затем что и **как** в этом значении теперь, за редкими отступлениями с чертами архаизации, не употребляется; у писателей XIX века их можно встретить (особенно первый): *Мы это басней поясним,* **Затем что** *истина сноснее впол открыта* (Крыл.).

Как в этом случае сообщает слогу оттенок народной речи: ... *Пристойнее стеречь им было дом, Но* **как** *они уж понаелись ... Так рассуждать они пустилися вдвоем О всякой всячине ...* (Крыл.).

Уже для начала XIX века архаизмом было **зане**:

Почил безмятежно, **зане** *совершил В пределе земном все земное* (Боратынский).

Характерная особенность употребления изъяснительного **чтобы** после отрицательных главных перешла и в предложения причинные; ср.: *Она хвалила Ричардсона* **Не потому, чтобы** *прочла,* **Не потому, чтоб** *Грандисона она Ловласу предпочла* (Пушк.). *Я никогда не забуду нашего первого собрания* **не потому, чтобы** *оно ознаменовалось чем-либо особенным, но потому, что тут мы в первый раз встретились с купцами, попами и мужиками, как с равными* (Терпигорев).

Союзы цели. Из них господствует **чтобы** (**чтоб**). Почти вовсе вышло из употребления **дабы**, производящее впечатление устарелости: *И еще — мне было рекомендовано не очень „высовываться в люди"*, **дабы** *не привлекать к булочной излишнего внимания* (Горьк.) *Она* (неверная картина) *объясняется всей позицией буржуазных историков русского революционного движения, которые, как я уже упоминал, всеми мерами старались представить это движение возможно более наивным и даже смешным,* **дабы** *показать, что революция в России вообще осуждена на неудачу ...* (Покр.).

Специальный случай — значение „отвергнутой цели" имеем во фразах вроде: **Вместо того чтобы** *подойти к нему, я стала к столу, у которого он писал ...* (Л. Толст.).

Деградацию союзной роли **чтобы** имеем в случаях его употребления в аффективной речи с формами прошедшего времени в значении повелительного наклонения: **Чтоб** *в доме здесь заря вас* **не застала, Чтоб** *никогда бы вас я больше* **не слыхала!**" (Гриб.). **„Чтоб ты лопнул!"** — *Прошептал он задрожав* (Пушк.).

Относительность союза **чтобы** дает о себе знать возмож-

ностью в главном указательной части **с тем, затем**. Ритмически она может отходить и в придаточное предложение.

Об употреблении при **чтобы (дабы)** инфинитивов — выше, стр. 259.

Союзы изъяснительные: **что, чтобы, будто, будто бы.** Можно различить две группы вводимых ими предложений: одну — передающих содержание сказанного, подуманного, известного, случившегося и под. (обыкновенно не нуждающихся в указательных словах в главном): **Я видел, что** *работа моя теряет смысл. Все чаще* **случалось, что** *люди, не считаясь с ходом дела, выбирали из кассы деньги так неосторожно, что иногда нечем было платить за муку* (Горьк.) и другую — изъясняющих указательные слова: *Обломов мешал Захару жить* **тем, что** *требовал поминутно его услуг* (Гонч.). *Мы комбайн вводим для освобождения человека от непосильного труда... и перестроим* **так, что** *и солому в поле не оставит* (Панферов).

Будто (бы) вводит предложение, достоверность которого подвергается сомнению: *И показалось ей, что в комнате запахло полынью и* **будто** *в окно ударила ветка* (Чехов). *Ей* (волчице) *послышалось,* **будто бы** *в лесу блеяли ягнята* (Чехов).

Черту разговорной речи следует видеть в плеонастическом **что будто** и. под.: *Здесь снова пугали меня Трубецкой,* **что будто** *ее воротили* (Некр.). *Выходит,* **что как-будто** *рабочий класс ведет за собой только самого себя...* (М. Покровский).

Чтобы может употребляться после отрицательного по форме или по смыслу подчиняющего предложения: *Разве все это* **не стоит того, чтобы** *все несметные толпы народа пришли сюда и порадовались общей победе?* (Гладк.). *Он щедро дарил сыну свой огромный опыт, но Ванюшка* **не находил** *в своих воспоминаниях,* **чтобы** *отец когда-либо похвалил его* (Плетнев). **Не верю, чтоб** *дочери бедной своей Ты сам не одобрил решенья* (Некр.).

После подчиняющего с положительным смыслом изъяснительное **чтобы** возможно только с вполне ясным оттенком устремления, будущего времени, т. е. с оттенком, близким к целевому: *И как же ты* **хочешь, чтоб** *я теперь наказала его, когда он исправился?* (Л. Толстой). **Я боюсь, чтоб** *она* (буря) *не сломила Старый дуб, что посажен отцом* (Некр.). *Левинсон* **распорядился, чтобы** *к вечеру собрался для обсуждения Морозкиного поступка сельский сход вместе с отрядом* (Фадеев). **Важно,** *прежде всего,* **чтобы** *план подготовки кадров был выполнен не только количественно, но и качественно* („Изв.").

Чтобы, одинаково — целевое и изъяснительное,— исторически получило свое **бы** от аналитических форм условного наклонения. Связь этих союзов с формами условного наклонения сказывается и до сих пор в том, что в речи свободной, грамматически не отделанной, при них в качестве вторых сказуемых могут появляться формы с **бы**. Ср.: *Ямщикам скажи, что я буду давать по целковому,* **чтобы** *так, как фельдъегеря, катили и песни* **бы пели** (слова Хлестакова, в „Ревизоре"). *Не хочу я,* **чтоб** *ты*

притворялася И к улыбке себя **принуждала бы** (А. Толстой). *Мы должны развернуть по округу широкую агитационную кампанию, и не на один день, неделю, месяц, а на весь период поступления налога,* **чтобы** *бедняцкие и середняцкие слои деревни, каждое крестьянское хозяйство в отдельности* **усвоили бы** *значение советского законодательства в этой области и охотно* **выполнили бы** *постановление о своевременной сдаче единого сельхозналога* („Хар. Пролет.", 1929 г., № 189).

В относительно нередких случаях, утрачивая свой прямой смысл, значение изъяснительного союза приобретает **как**: *Она приносит дрова, топит печь и чувствует,* **как** *расправляется одеревяневшее лицо и* **как** *проясняются мысли* (Чехов). *Глеб помнил, будто сквозь сон,* **как** *схватил красный флаг и взмахнул им над толпою три раза* (Гладк.). Здесь **как** по существу равняется „что". Ср. еще: *На примере Плеханова мы видели,* **как** *в основе всякого миросозерцания лежит дело, лежит факт, а не книжка* (М. Покр.).

Союзы времени: **как только, лишь только, как вдруг, с тех пор как, после того как, едва, едва только, пока** и др. Ср. и относительное наречие-союз **когда**.

Как во временно́м значении (помимо соединений **едва... как, еще не... как** и под.) устарело и теперь, вообще говоря, не употребляется. У писателей XIX века еще нередко можно встретить: *Под ним,* **как** *начинает капать Весенний дождь на злак полей, Пастух, плетя свой пестрый лапоть, Поет про волжских рыбарей* (Пушк.). **Как** *я вспоминаю теперь, то вижу, что многое — и этот связывающий неизменный порядок, и эта бездна праздных и любопытных людей в нашем доме — было неудобно и тяжело* (Л. Толстой). *В полночь,* **как** *соловей восточный Свистал, а я бродил, незримый, за стеной, Я видел...* (Фет).

Теперь в тех относительно редких случаях, когда оно может употребляться, стилистически его воспринимаем как черту разговорной речи: *А Тарантьеву скажи,* **как** *придет, — прибавил он, обращаясь к Захару: что мы дома не обедали...* (Гонч.). *Бывало начнет ругать его жена, даже бить,* **как** *он пьяный придет, а он плачет* (Л. Толст.). *Народ на него как на вора смотрел, и,* **как** *пришло время набора, все стали на него указывать* (Л. Толст.). *По будням не любит безделья. Зато вам ее не узнать,* **Как** *сгонит улыбка веселья С лица трудовую печать.* (Некр.). *Да в детстве, бывало, сердечко вздрогнет,* **Как** *грянет нечаянно пушка* (Некр.). Особенно часто **как** во фразах последнего типа — с оттенком значения „как только".

Вполне обычны в литературном языке **как вдруг** и **как** в смысле „как вдруг" после главных со словами **едва, еще не** и родственных им по значению предложений с отрицанием: *Мишка, помахивая хвостом, смотрел на хозяина хитрым, понимающим взглядом,* **как вдруг**, *заслышав шорох, поднял лохматые уши и быстро повернул к реке кудлатую голову* (Фадеев). *Не прошло пяти минут,* **как** *со всех сторон затрещали и задымились*

костры, рассыпались солдаты, раздувая огни, руками и ногами таская сучья и бревна, и в лесу неумолкаемо зазвучали сотни топоров и падающих деревьев (Л. Толст.).

Обязательно **как** после предложений с указанием времени **(после того как, с тех пор как)**: *Вот пятый годочек пошел,* **как** *взнес, а* **как** *взнес — в кабалу меня и забрал, батюшка!..* (Тург.). **Еще не прошло тридцати лет, как** *ему дали волю,— каждый сорокалетний крестьянин родился рабом и помнит это* (Горьк.).

Примеры временных союзов, употребляющихся реже других:

Покуда *мы, артиллеристы, хлопотали около орудий..., пехота уже составила ружья, разложила костры, построила из сучьев и кукурузной соломы балаганчики и варила кашицу* (Л. Толст.). *Каждое слово, каждый лесной шорох как-то чутко отдается в воздухе и долго еще слышатся потом, повторяемые лесным эхом,* **покуда** *не замрут наконец бог весть в какой дали* (Салт.).

Но **только** *Обломов ожил,* **только** *появилась у него добрая улыбка,* **только** *он начал смотреть на нее, попрежнему ласково заглядывать к ней в дверь и шутить — она опять пополнела, опять ее хозяйство пошло живо, бодро, весело...* (Гонч.). *Иди неуклонно за плугом, Рассчитывай взмахи косы, Клонись к лошадиным подпругам,* **Доколь** *не заблещут над лугом Алмазы вечерней росы* (Брюсов). **Чуть** *колыхнулось болото стоячее, Ты ни минуты не спал* (Некр.). *Сенюша, знаешь ли,* **покамест**, *как баранов, Опять нас не погнали в класс, Пойдем-ка да нарвем в саду себе каштанов!* (Крыл.). **Едва** *огласилось решенье суда, Всем было неловко и жутко* (Некр.).

Примеры сложных временных союзов:

Еще *Герасим не договорил,* **как** *мрачно начал желтый и длинный Федор Мельничный, выступая вперед...* (Л. Толст.). *И* **только что** *он хотел толкнуть закладку и вылезть,* **как** *снаружи кто-то стал по ней шарить рукой* (Данилевск.). **В то время как** *в странах капитализма, находящихся в состоянии жесточайшего хозяйственного кризиса, безработица приняла чудовищные размеры, наша страна уже изжила безработицу* („Изв".) *До самой до синевы вечера, сменяя друг друга, говорили ораторы, и по* **мере того как** *они рассказывали, у всех нарастало ощущение неохватимого счастья неразрывности с той громадой, которую они знают и не знают и которая зовется Советской Россией* (Сераф.).

В придаточных предложениях с **пока** и глаголами совершенного вида в литературном языке преобладает конструкция с **не**:

А **пока** *у нас* **не явятся** *такие люди, мы не перестанем указывать на те великие имена...* (Тург.). *Э, всякая работа трудна до времени,* **пока ее не полюбишь!** (Горьк.).

Реже **не** опускается: *Украинская осень удержала меня до тех пор,* **пока** *белые туманы совсем* **перестали** *с полуночи* **спу-**

скаться *облачною завесою и затем взмывать волнами к голубому небу* (Леск.).

Сочетание сразу обоих способов имеем, напр., во фразе: ... *И только Матвей просидел всю теплую ночь,* **пока** *свет на лбу статуи* **не померк и заиграли** *отблески зари на волнах, оставляемых бороздами возвращающихся с долгой ночной работы пароходов* (Корол.).

Союзы сравнительные: **будто, как бы, словно, точно, подобно тому как, чем, нежели** и др.

Из них **будто, точно, словно, что** также, как относительное наречие **как**, очень часто выступают при словах, которые с известной условностью можно рассматривать как остаток утратившего совпадающее с главным сказуемое придаточного предложения. **Как** относительно редко вводит целые предложения: *А вы на земле проживете,* **Как** *черви слепые живут...* (Горьк.). *Песню наладим,* **как** *ладят шхуну* (Н. Тихонов). Обычно при нем сказуемое, если оно по значению то же, что и в главном, опускается: *Земля тряслась,* ***как наши груди*** (Лерм.).

Словно и в особенности **что** имеют специфическую окраску разговорно-народного стиля: *Мне было приятно, что бедный зверек так доверчиво утихал и прислонялся ко мне,* **словно** *к родному* (Тург.).

Людская молва — **что** *морская волна* (пословица). *Все ворожит,* **что** *красная невеста* (Пушк., „Бор. Год."). Ср. еще плеонастическое **словно как**: *Лед неокрепший на речке студеной,* **Словно как** *тающий сахар, лежит* (Некр.).

Точно не обычно, напр., в научном слоге; оно скорее сообщает слогу черты разговорной или поэтической речи: *А сойдутся между собой — перепьются и подерутся,* **точно** *дикие* (Гонч.). *А в туче дыма все еще летали,* **точно** *голуби, страницы наших книг* (Горьк.). *Я заметался по селу,* **точно** *кутенок, потерявший хозяина.* (Горьк.). *Странное дело — все были чем-то довольны,* **точно** *сами они получили свободу* (Дост.).

Чем и **нежели** лишь редко соединяют предложения: *Он лучше,* **чем** *о нем говорят.— Он умнее,* **чем** *ты о нем думаешь.*

Что буржуазия относилась совершенно иначе к революционному движению, **нежели** *крестьянство, на этот счет Фигнер в своих воспоминаниях дает ряд примеров...* (М. Покр.) *Соцсоревнование является в деревне не менее мощным орудием производственного подъема,* **нежели** *в городе — на фабриках и заводах* („Правда", 1930, № 255).

Обычно при них, как видим, сказуемная часть придаточного предложения отсутствует.

Там, где сказуемое главного предложения — сравнительная степень, сказуемое-прилагательное в придаточном при том же самом подлежащем и вовсе невозможно. Ср.: *Иногда потрескивали сучья в огне... точно вздыхали, как бы сочувствуя жизни, более медленной,* **чем** *смерть их на огне, и потому более мучительной* (Горьк.).

Временные сложные союзы: **прежде чем** (возможно и **прежде, чем**); **раньше, чем**..., **нежели**, как уже отмечено выше, при одинаковом подлежащем в главном и придаточном, употребляются с инфинитивом. Грот („Филол. разыск." I, 3 изд. 17 стр.) считал такие конструкции галлицизмами. Чернышев („Прав. и чист.", стр. 236) признает это только для случаев, когда придаточное идет за главным. Ср. и конструкции типа: **Чем** *кумушек* **считать трудиться,** *Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?* (И. Крыл.). **Чем** *на мост нам* **итти**, *поищем лучше броду* (И. Крыл.).

В специальных выражениях с отрицанием, наряду с **чем** или даже преимущественно перед ним, употребляется **как**; ср.: **не далее, как**;... **не иначе, как**...; **не более, как** и под. Ср. и **не что иное, как**; **кроме как**, представляющие дальнейшее преобразование оттенков сравнения: *Жизнь есть* **не что** иное, **как** *постоянно побеждаемое противоречие* (Тург.).

К сравнительным союзам можно отнести и **чтобы** в, вероятно, заимствованном из французского обороте **слишком**... **чтобы**:.. Он был **слишком смирен и невиден, чтобы** *быть произведенным в фейрверкеры, хотя уже был пятнадцать лет бомбардиром* (Л. Толст.)[1].

В рассмотренных типах союзных соединений подчиненность в общем резко выделена. Поддерживает ощущение ее в нашем грамматическом сознании особенно четко возможность получить придаточное предложение как ответ на вопросное слово-член главного. Усложнение представляют, однако, те случаи, где синтаксическое объединение достигается употреблением соотносительных союзов, т. е. таких, отдельные части которых служат выражению определенного синтаксического значения, но заключены в разных предложениях: **лишь только**... **как**; **едва**... **как**..., или где наряду с союзами такого типа, выступающими в одной части фразы, влиятельная роль принадлежит ритмомелодике; ср.: *Большая часть моих прежних привычек и вкусов не нравились ему,* **и стоило движением брови, взглядом показать,** *что ему не нравится то, что я хочу сказать,* **сделать свою, особенную, жалкую, чуть-чуть презрительную мину,— как мне уже казалось,** *что я не люблю того, что любила прежде* (Л. Толст.). *Не успела высохнуть типографская краска на страницах „Таймса", устами своего собственного корреспондента успокоившего лондонский Сити насчет царящего де в Египте спокойствия,* **как** *в Каире и целом ряде провинциальных городов* **начались серьезные революционные события,** *активным участником которых выступает египетский пролетариат* („Изв.").

Условные и уступительные союзы в общем близки по употреблению к последней группе, разделяя, кстати сказать, с нею в ряде случаев возможность опущения части соотносительного союза, приходящейся на главное предложение.

У условных предложений эта соотносительная часть явно указательного происхождения, но настолько семантически по-

[1] Но сравн. и родственные данным оттенки изъяснительности.

бледневшая, что ее трудно поставить в прямую параллель к указательным элементам, нередко выступающим в случаях, где придаточное предложение вводится относительным словом.

Сравнительно с описанными типами подчиненных предложений условные и уступительные в своей подчиненности опознаются применением вопросов относительно труднее; но никакого серьезного значения этот факт не имеет: язык просто не выработал на ранних стадиях параллельных вопросительных местоимений, и функции их теперь для нас выполняют сочетания типа — *при каком условии? несмотря на что?*

Разница в природе подчиненного и сочиненного предложения заметно выступает, напр., в придаточных предложениях относительных, когда союз равноправности может сочетаться с относительностью, а близкий по смыслу подчинительный этого не допускает. Ср., напр.: „Данилов тогда обиделся и пошел в первую роту искать своего приятеля Спицына, которого уважал за сознательность, *хотя* порой и посмеивался над ним, чтобы с ним поделиться своей обидой“ (Либединский). Если вместо *хотя* ввести *но*, фраза могла бы принять вид: „... Спицына, *которого* уважал за сознательность, *но над которым* порой и посмеивался“.

Условные союзы: **если (бы), ежели, кабы, когда (бы), коль скоро, коли, ли, раз** и др.

Ежели у некоторых классических писателей XIX века соперничало, иногда даже преобладало над *если*. Ср., напр., у Л. Толстого: **Ежели** *я и замечала иногда его внимательно-серьезный взгляд, вопросительно устремленный на меня, я не понимала его значения;* у Некрасова: *И* **ежели** *жить нам довольно, Нам слаще нигде не уснуть* и под.

У позднейших писателей **ежели** становится приметой народной речи и фигурирует наряду с другими средствами оттенить ее.

Характерно, что в предложениях желания теперь употребляется только **если б**: *О* **если** *б им* (путям) *сойтись не довелось*! (А. Толст.).

Кабы (каб) и **коли (коль)** вносят колорит народной речи, причем последний может легко сочетаться с поэтическим стилем. **Кабы** чаще употребляется со значением желания или (при „не“) со значением сожаления: **Кабы** *дно морское достать да измерить Да* **каб** *можно, братцы, красным девкам верить...* (А. Толст.). **Кабы** *мы любили да не разлюбляли* (А. Толст.). **Кабы** *коновалы были, ну так; а то только пользу свою опускаешь* (Гл. Усп.).

Но сердце глупое, как ветхие часы, **Коль** *и забьет порой, так все в свой час заветный* (Фет). *Иди,* **коли** *тащат из грязи — Не будешь горой из щебня* (Безыменский).

Жить бы можно было, **коли бы** *душевного горя не было* (Л. Толст.).

Ближе к „средней“ линии литературного слова несколько устаревшее **коль скоро** — „если уж“...; оно эмоциональнее обыч-

ного *если*, но прямого впечатления народной речи, как, напр., **коли**, не вносит: *Как известно, тряпка самая обыкновенная,* **коль скоро** *ею завяжут рану или вообще больное место, уже сама по себе представляет как бы лекарство, медикамент...* (Гл. Усп.).

Ли — энклитически (как прилегающая) употребляемая частица, обыкновенно сопровождающая повторяемые члены условной фразы: *Все заносили десятники в книжку* — **Брал ли** на *баню,* **лежал ли** *больной...* (Некр.). **Взгляну ли** *вдаль,* **взгляну ли** *на тебя,* — *И в сердце свет какой-то загорится* (Фет).

Ср. еще **ли... или (иль): На море ли** *синем поют рыбаки,* ***Иль*** *нимфы серебряным смехом Тревожат пугливое ухо зари— Стена им ответствует эхом* (Фет).

Раз. По значению к нему ближе всего „если уж", „а если". Союз этот характеризуется усилением логического ударения и известной эмоциональностью, но, несмотря на то, что он фактически проложил себе дорогу и в „академический" язык, эмоциональность его ощущается чаще как снижение.

Раз в литературном языке — калька, по всей вероятности — с французского: **Раз** *он взялся — непременно сделает* (une fois qu'il s'en est chargé)[1], и эмоциональный налет, сопровождающий этот союз, имеет свои корни в снижении разговорных галлицизмов: *„Практика давно уже выработала такой образ действия: кондукторы зорко следят на станциях за приближающимся косарем и энергично отражают его попытки проникнуть в поезд, но* **раз** *он уже очутился в вагоне, на него машут рукой и, без всяких тасканий к начальству, просто высаживают на следующей станции: все равно, взятки с него гладки* (Вересаев). *... Сотни гор совсем снесем. Если надо — взрежем глубь их,* — **Раз** *пошли мы — мы пройдем* (Безым.). **Раз** *мы не хотим чужой земли, то мы не можем хотеть войны* (М. Литвинов).

Канцелярскому языку долгое время был свойствен архаизм **буде**, теперь окончательно вышедший из употребления.

Когда в определенно-условном значении малоупотребительно и скорее относится к разговорному языку: *Так лучше ж ты их сам продай,* **когда** *уверен, что выиграешь втрое* (Гоголь). *Что его жизнь,* **когда** *она пылинка в этом океане человеческих жизней?* (Гладк.). *И это — не заслуга наша, товарищи,* **когда** *мы бьемся над созданием нашего пролетарского хозяйства... Это — наша воля* (Гладк.).

Когда бы сохранилось лучше и до сих пор ощущается как естественное в поэтическом языке: *И за руку крепко меня он держал: „Что б было,* **когда б** *вы упали?"* (Некр.). *Природа-мать,* **когда б** *таких людей Ты иногда не посылала миру, Заглохла б нива жизни...* (Некр.).

Встречается оно и в стиле, близком к народному: *... Было бы гораздо лучше для обывателей,* **когда бы** *совсем не существовало у них мощеного проспекта* (Помял.).

---

[1] Ср. Я. Грот. „Филологические разыскания", I, стр. 17.

Условно-ограничительную функцию осуществляет союз **только бы (лишь бы только)**: *Она способна была начать кусать себе язык,* **только бы** *ей не выдать себя* (Бобор.). *Слушаешь* (мотор) *и слушать хочется,* — **только бы** *пел он немного потише* (Жига). *Биться рога в рога, лоб в лоб можно сколько угодно,* **лишь бы** *не ослабеть,* **лишь бы** *не упасть!* (Пришвин).

Специальный оборот представляет в русском языке сочетание **стоит (стоил)... как...** Смысл его условный. Союзом является **как**, но условность заключена в **стоит.** Ср.: ... **Стоило** (ему) *движением брови, взглядом показать, что ему не нравится то, что я хочу сказать...* **как** *мне уже казалось, что я не люблю того, что любила прежде* (Л. Толст.). Возможны в подобных случаях и сочетания **стоило..., и...**; **стоило..., чтобы**: **Стоит** *ему только придти,* **чтобы** *все то же заговорило и наперерыв запросилось в душу, наполняя ее счастием* (Л. Толст.).

Со стороны синтаксической заслуживает быть подчеркнутым еще, что условные союзы, в состав которых входит **бы**[1], в главном предложении сопровождаются формами условного наклонения.

Вряд ли приходится доказывать, что условные предложения в ряде случаев сохраняют еще заметную связь с временными: ср., напр., такие фразы, где они тесно соприкасаются друг с другом: **Когда** *кто-нибудь заслонял лампочку и большая тень падала на окно, то виден был яркий лунный свет* (Чехов).

Реже переход временных в оттенок уступительности: *„Что же делать? С кем это не случалось?"* — *сказал сын развязным, смелым тоном,* **тогда как** *в душе своей он считал себя негодяем, подлецом, который целой жизнью не мог искупить своего преступления* (Л. Толст.).

Уступительные союзы: **хотя (хоть), несмотря на то что, даром что, пусть, пускай** и др.

Хотя может иметь в главном предложении соотносительное с собой **но (однако)**: **Хоть** *все попрежнему певец Далеких жизни песен странных Несет лирический венец В стихах безвестных и туманных,* — **Но** *к цели близится поэт, Стремится, истиной влекомый...* (Блок). **Хотя** *они* (народовольцы) *и вели... пропаганду между солдатами,* **но** *настолько в микроскопических размерах, что, конечно, главной опорой для них была не эта пропаганда* (М. Покровский).

Пусть (пусть бы), пускай (пускай бы), правда также обычно сопровождаются в главном союзами **но** и **однако**. Но предложения, вводимые ими, ощущаются как менее зависимые сравнительно с **хотя**. В сознании еще не утрачена связь их с самостоятельными предложениями, продуктом перерождения которых они являются и от которых их собственно отличает только ритмомелодика: **Правда** *день выдался прескверный, но неожиданного ничего, собственно говоря, не случилось* (Сейф.). *Что ж,* **пусть** *весна у нас позднее и короче,* — **Но** *вот дождались нако-*

[1] Собственно, остаток условного наклонения глагола. Это **бы**, как известно, может отходить и к другим словам соответственного предложения.

нец!.. (Фет). **Пусть** *я не был бойцом без упрека,* **Но** *я силы в себе сознавал, Я во многое верил глубоко...* (Некр.). **Пускай** *ханжи глядят с презреньем На беззаконный наш союз,* **Пускай** *людским предубежденьем Ты лишена семейных уз,* **Но** *перед идолами света Не гну колена я мои...* (Лерм.). *Груз тяжел,* **но** *и силы же много.* **Пусть** *всемирная темь глубока,* **Но** *зато будет эта дорога Отражать вашу поступь в века!* (Александровский).

Ср. примеры с опущенным **но**: **Пусть** *воля моя неизменно одна,* **Пусть** *всякая дума бесплодна, Я честно исполнить отцовский приказ Решилась, мои дорогие!* (Некр.).

Даром что: *Он* (мужичок) *весь был ясно виден до заплаты на плече,* **даром что** *ехал в тени* (Тург.).

Уступительные предложения по выражаемому ими смыслу близки к условным. Особенно заметно это в переходных случаях, вроде: *Говорить серьезно о „реформах" первых лет царствования Александра I можно было лишь при очень большой предвзятости в пользу всяких реформ,* **хотя бы** *они ограничивались переобмундированием русских чиновников на английский лад* (М. Покровский); ср.: *если бы даже...*, или: *...Все... болезненно чего-то ищут. И* **добро бы** *— истины, блага себе и другим, — нет, они бледнеют от успеха товарища* (Гонч.); ср.: *и если б хоть...*

С условными и уступительными оттенками одновременно соприкасаются ограничительные — **только бы, лишь бы только** и под.: *Царь Иван Васильевич Грозный потребовал от них, чтоб переносили, буде надо, и побои,* **лишь бы мир выпросили** (Дост.).

Никаких особых замечаний, кроме сделанных выше, не требуют союзы следствия: **так что, настолько что** и под. Упомянем только, что **так что** образует случай, переходной к последней группе союзов: перед ним снижение тона наблюдается едва ли не столь же часто, как повышение.

Рассмотренная группа союзов, как отмечено при начале их обзора, обыкновенно соединяет предложения.

В языке создались, однако, уже такие типы, в которых мы наблюдаем перенесение союзов этого рода (не исключая некоторых парных) на сочетания членов предложения. Сочетания эти семантически тесно связаны еще с недавней организацией предложений и обыкновенно носят на себе выразительные черты ритмо-мелодической выделенности; ср.: *Я высунул нос из-под одеяла... и* **хотя заспанными, но сердитыми** *глазами окинул Карла Ивановича* (Л. Толст.). *Кавказское солнце,* **даром что запоздалое,** *горячо* (Сераф.). *Местечко похоже более на село, чем на город, но когда-то оно знало* **если не лучшие, то во всяком случае менее дремотные дни** (Корол.). *И Фадеев значителен тем, что он является первой ласточкой этой весны, что в нем,* **пусть** ***еще робко и слабо,*** *она выступает на самостоятельный большой путь* („Русский язык в школе" 1929, № 4, стр. 148).

Четвертую (последнюю) группу союзов представляют, наконец, как упоминалось, такие, которые употребляются обыкновенно на грани более или менее выразительных интонационных понижений, т. е. после членений, близких к фразным. Такое употребление возможно и для всех других, но не составляет характерной их особенности и предполагает особые причины (напр., большой объем вводимой ими части). Среди союзов последней группы мы находим такие, как **тем не менее, между тем, таким образом, к тому же, зато**; **а то, не то** и др. Некоторые сохраняют отчетливые следы своего происхождения из сочетаний предлогов и указательных местоименных имен, иногда союзов и таких же имен и допускают сочетание с другими союзами: **но тем не менее, а между тем, но зато** и под. Нередки, особенно в разговорной речи, стилистически отвергаемые как смешные — нагромождения вроде: „Но тем не менее однако все-таки“...

Близки функционально и семантически к союзам последней группы многие так называемые вводные слова, ритмо-мелодически более или менее обособленные выражения отношения говорящего к предмету его мысли: **значит, однако, иначе, следовательно, стало-быть, итак** и под.

Там, где, как в случае с **ведь**, моменты ритмо-мелодического обособления отпадают, можно говорить об особой подгруппе союзов.

Из моментов стилистических отметим по поводу союзов изучаемой группы, что **не то** и **стало быть** более, чем другие, несут с собой впечатление народной речи:

„*Сиди смирно,* **не то** *отдам тебя серому волку*“ — *говорила мать своей маленькой дочери.— Он был стар — они были молоды, он был худ — они были сыты, он был скучен — они были веселы.* **Стало быть,** *он был совсем чужой, посторонний, совсем другое существо, и нельзя было жалеть его* (Л. Толстой, „Холстомер“).

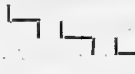
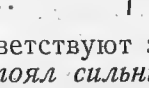
Из обзора союзов легко было убедиться, что значительная часть их одновременно известна в функции наречной, иначе говоря, как примыкающие в пределах одного предложения слова; ср. такие, как **только, едва, лишь, пока.**

Хорошо известен отчетливый параллелизм между вопросительными наречиями и наречиями относительными, которые выполняют союзные функции: **когда, как.**

Характеризуя союзы, стоит еще обратить внимание на те виды спайки их в сложных синтаксических целых, которые делают сочетания предложений иногда неразложимыми на отдельные составные элементы, ср.: **Но если** *кто, хотя случайно, Пред ним Мазепу называл,* **То** *он бледнел, терзаясь тайно, И взоры в землю опускал* (Пушк.). *Был он уже женат, но детей у него еще не было, и не раз он думал о том,* **что когда** *будут дети,* **то** *им придется так же плохо, а то и похуже* (Кор.) Ср. несочетаемость „но... то“, „что... то“.

Ритмо-мелодические средства объединения предложений

Чем слабее выражены синтаксические связи признаками грамматическими, тем сильнее выступают в их значении моменты ритмо-мелодические (силовые ударения, интонации, паузы). Отсутствие союзных слов и союзов, при наличии в замысле фразы обединения предложений, компенсируется четкими ритмо-мелодическими приметами. Эти приметы, вообще говоря, не составляют специальных особенностей русского языка, а потому мы ограничиваемся только общими указаниями на них.

1. Наиболее легко различается интонация **перечисления**, параллельная такой же при отдельных членах предложения. Суть ее заключается в однотипности движений тона на соединяемых друг с другом членах, т. е., иначе говоря, тон каждого последующего члена может повышаться или спадать, но тональный рисунок каждого отдельного члена остается похожим на тональный рисунок другого, напр.:  или  . На письме такой интонации соответствуют запятые или точки с запятой. *В душном воздухе стоял сильный стонущий ропот и гул: раздавались удары кирок о камень; заунывно пели колеса тачек; падала чугунная баба на дерево сваи...* (Горьк.). *Но с каждой минутой ближе и ближе красноармейцы, все точней падают, рвутся снаряды; дух мрет от мысли, что смерть так близка; что близок враг, что надо снять его, у него на плечах ворваться в станицу...* (Фурм.).

2. Интонация **пояснения, мотивирования, причины.** Интонирование соответственных предложений, объединяемых в сложное целое, тонко описано Пешковским: „Существует в сложном предложении,— говорит он,— еще одна характерная интонация, которую можно кратко определить как неспокойное понижение голоса. В то время, как понижение вообще имеет в языке заключительное значение... это понижение, напротив, ясно говорит слушателю, что дальше что-то ожидается, без чего речь будет неполной. Достигается это тем, что понижение соединяется здесь с особой ритмической формой предложения, которая заключается в следующем: 1) темп речи несколько ускоряется, 2) все ударения приобретают какой-то беспокойный, предупреждающий характер (говоря научно, такты речи из трохеических и дактилических делаются ямбическими и анапестическими), 3) на понижаемом слове... делается резкое и сильное ударение, резкость которого стоит в прямом отношении со степенью понижения: чем ниже, тем резче, 4) после предложения обязательно выдерживается, каков бы ни был темп речи, значительная пауза (пауза ожидания)...“ („Школьная и научная грамматика“, изд. 3-е, стр. 99). *Мы немедленно двинулись по направлению этого лая: мы знали, что, когда Пегас не в состоянии был принести добычу, он лаял над нею* (Тург.). *Илья уже привык себя считать величиной, работником: с ним даже кузнец Савел говорил благосклонно* (Гор.).

3. **Предупредительная интонация.** Она выступает чаще всего в конце предложения на слове, обещающем дальнейшее развертывание (перечисление и под.), и сопровождается длительной паузой. Ее отмечают чаще всего двоеточием или тире.

Передо мною развернулась широкая картина труда людей: весь каменистый берег перед бухтой был изрыт, всюду ямы и кучи камня, тачки, бревна, полосы железа... (Горьк.).

Иногда он (сторож) *пел и при этом сильно шатался и часто падал... и кричал: „Сошел с рельсов!“* (Чехов).

4. Ритмомелодика **противопоставления и условия.**

Противопоставляемые члены на слогах, сосредоточивающих на себе интонационную игру, имеют точно соответствующий обратный рисунок движений тона; пауза выдерживается долго. Обозначают эту интонацию на письме чаще всего тире.

Ты богат — я очень беден, Ты прозаик — я поэт (Пушкин).

Помещик ширился — мужик в хлеву теснился (Д. Бедный). *Семь раз отмерь — один раз отрежь* (пословица). *Лес рубят — щепки летят* (пословица).

5. Специальный случай представляет ритмомелодика, характерная для **вставки предложений одного в другое,** когда вставляемое сохраняет свою синтаксическую независимость. Здесь самое характерное — специфический для „скобок“ ускоренный темп произношения заключенного в них содержания:

Были выданы только казацкие предводители (Лободу перед этим убили сторонники Наливайки), и за это Жолкевский уступил по отдельным пунктам (М. Покровский). *Воробей упал из гнезда (ветер сильно качал березы аллей) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва проставшие крылышки.* (Тургенев).

7. ПРИЧАСТНЫЕ ОБОРОТЫ

Выше (см. главу IV) уже указывалось, что причастия, кроме страдательных на **-нный** и **-тый,** представляют специально явление литературного языка. Причастия активные на **-щий, -щая, -щее,** прошедшего времени на **-ший** (**-вший**), **-шая** (**-вшая**), **-шее** (**-вшее**), пассивные (страдательные) на **-мый, -мая, -мое** вошли в русский литературный язык из старославянского и остались в нем, хотя не имели поддержки в разговорном языке, оказавшись полезным средством сгущенной передачи определенных видов зависимости глагольных понятий. В литературном языке они почти всегда служат более экономной передаче содержания развернутой мысли, и с характерными для них конструкциями связано всегда впечатление речи, охватывающей большое количество подчиненных одно другому высказываний. Причастия, вне типичных для них связей управления (*знающий об этом, ведущий поезд, трудящийся над исследованием, погибший в борьбе, любимый нами, раненный в бою*), утрачивают свою специальную природу и переходят и в литературном языке, как это уже имело место в истории языка бесписьменного, в обыкновенные прилагатель-

ные (ср. *горячий, зрячий, летучий, зыбучий*, разговорно-народные пережитки русских причастий), т. е. выразители приписанных предметам постоянных признаков: *сгущенное молоко, знающий врач* — сведущий, *ведущий класс* — класс-руководитель, *погибший человек, раненый красноармеец, любимый вождь.* Некорые из них оказываются в дальнейшей истории развития, в результате относительно частого опущения подразумевающегося при них имени существительного, утрачивающими даже свои свойства согласуемого слова и могут превращаться таким образом в имена существительные; ср.: *обращение ко всем трудящимся, будущее человечества, госпиталь для раненых, молодой ученый.* Но, представляя средство сжимать в себе содержание главных членов определительных придаточных предложений со сказуемым в изъявительном наклонении, причастные обороты в речевой практике применяются всего чаще именно как их сжатие: так, придаточное предложение, вводимое относительными словами *который, которая* и т. д. или *какой, какая* и т. д. в именительном или винительном падеже без предлога[1], можно превратить в обособленный член с причастиями действительного или страдательного залога. Сравн.:

„Итоги соревнования — наглядный показатель трудового героизма и творческого энтузиазма масс, *которые добились* выполнения плановых заданий".

„Итоги соревнования — наглядный показатель трудового героизма и творческого энтузиазма масс, *добившихся* выполнения плановых заданий".

„Общие итоги, *которые были подведены* к октябрьским дням, должны быть уточнены" и:

„Общие итоги, *подведенные* к октябрьским дням, должны быть уточнены".

„В предприятиях, *которые переходят* на непрерывную производственную пятидневку, оживилась организационная работа" и:

„В предприятиях, *переходящих* на непрерывную производственную пятидневку, оживилась организационная работа".

„Посылка, *которую вы отправили* по почте, получена" и:

„Посылка, *отправленная вами* по почте, получена".

При этом нужно, конечно, иметь в виду, что формы страдательных причастий, особенно настоящего времени, образуются

[1] В отдельных редких случаях возможна замена причастным оборотом сказуемого, управляющего творительным или другим падежом. Это бывает только тогда, когда к соответствующему глаголу, управляющему творительным (или другим падежом), в отступление от общего правила, образуется страдательное причастие. Ср.: „Школа, *которою руководит товарищ* Т., добилась заметных успехов" — „Школа, *руководимая товарищем* Т., добилась заметных успехов"; „Отряд, *которым предводительствует товарищ* Ш., занял намеченные позиции", — „Отряд, *предводительствуемый товарищем* Ш., занял намеченные позиции"; „Машина, *которою управляет опытный мастер,* работает с полной нагрузкой" — „Машина, *управляемая опытным мастером,* работает с полной нагрузкой".

Во всех подобных случаях в прошлом глагол управлял не творительным, а винительным падежом, и образование соответствующих страдательных причастий относится ко времени до появления нового управления.

далеко не от всех глаголов: так, нет причастия на -*мый* от глаголов *писать, бить, колоть* и многих других.

Такое построение фразы, кроме целей большей краткости, может иногда вызываться желанием избегнуть нагромождения одинаковой зависимости при помощи местоимения *который*. Напр.: „Отряд, который был послан по направлению к лесу, который находился в версте от лагеря"... заменяется или фразой: „Отряд, *посланный* по направлению к лесу, который находился в версте от лагеря..." или же: „Отряд, который был послан по направлению к лесу, *находившемуся* в версте от лагеря"...

Специальный вопрос синтаксиса причастий представляет употребление времен причастных форм. Из важнейшего здесь можно отметить следующее: причастия несовершенного вида (нестрадательные), согласованные, как с подлежащими, так и с управляемыми формами, зависящими от глаголов прошедшего времени или форм, так или иначе с ними сочетающихся, могут выступать без заметной разницы в значении в формах настоящего и прошедшего времени: „Перепуганная стрельбой хилая, больная хозяюшка... заботливо помогала *толпившимся* тут же красноармейцам..." (Д. Фурманов). Возможна замена: *толпящимся*... „Прекрасный мальчик!" — сказал Нехлюдов, рассматривая *спящего* на животе пузана". (Л. Толстой). Могло бы быть и *спавшего*. Ср. еще: „Все почти арестанты оглядывались, косясь на *обгонявшую* их пролетку и *вглядывавшегося* в них господина, *сидевшего* в ней" (Л. Толстой) и: „Прогремел последний ломовой с мешками и *сидящими* на них арестантками" (Л. Толстой). „Вороные рысаки, звеня подковами по мостовой, понесли мягко *подрагивающую* на резиновых шинах коляску" (Л. Толстой).

Предпочтение настоящего времени имеет за себя тем больше шансов, чем больше по характеру фразы предполагается постоянство признака, выражаемого в данном случае причастием, иначе говоря, чем больше оснований видеть в нем приближение к обыкновенным прилагательным: „Лицо сияло рвущеюся из души *торжествующею* радостью ..." (Верес.). „Толстозадый кучер... с трудом удерживал *лоснящихся*, взмыленных под оголовками и шеей вороных жеребцов..." (Л. Толст.).

Подчеркнутость или хотя бы подразумевание, что действие причастия предшествовало времени сказуемого, делает обязательным сохранение в причастии прошедшего времени: Иссякли все, до сих пор не *прерывавшиеся* его доводы (Дост.)[1].

8. ДЕЕПРИЧАСТНЫЕ СОЧЕТАНИЯ

Деепричастия примыкают к глаголам, инфинитивам, причастиям и формам, выступающим в роли сказуемых: „За ними

[1] Большой материал по вопросу о временных функциях причастий собран в статье Н. Кагановича в „Науков. зап. Харк. наук.-досл. каф. мовозн." № 2, 1929.

стояла его двоюродная сестра Грунюшка, *отирая* слезы" (Шелл.-Мих.). „Что за человек?" — *спрашивал* я самого себя, *возвращаясь* домой" (Тург.). „*Размахивая* руками и широко *шагая*, *шел* он посреди толпы" (Тург.). „Неизъяснимо хорошо *плыть* по Волге осенней ночью, *сидя* на корме баржи у руля" (Горьк.). „*Судя* хоть только по письмам, которые я один получаю, *можно бы сделать заключение* об одном чрезвычайно замечательном явлении нашей русской жизни" (Дост.).

Правило о том, что лицо, мыслящееся как носитель действия при деепричастии, должно быть тем же, что и лицо сказуемого (т. е. подлежащим), объясняется происхождением деепричастий из так называемых аппозитивных причастий, т. е. глагольных прилагательных, согласовывавшихся с подлежащими, но тяготевших одновременно к сказуемым. Наши деепричастия соответствуют таким, напр., старославянским (древнерусским) причастиям: „Якуна яша на Плисѣ... обнаживъше, яко мати родила..." (Синод. спис. I Новгород. лет.) = „Якуна захватили на Плисе... обнажившие...", что по мысли равняется нашему „обнажив", т. е. в соответствии современному способу выражения, сообщающему, какое действие сопровождает или сопровождало основное, старинный язык передавал, какой активный признак характеризует или характеризовал подлежащее при осуществлении им действия. Или: „Иде паки Изяславлю... водя с собою и Брячислава зятя своего" (Лавр. спис. лет.) — Собственно: „Снова пошел к Изяславлю... ведущий с собой и Брячислава, зятя своего".

Нарушение указанного правила допускается в современном литературном языке только в изолировавшихся привычных словосочетаниях вроде „не говоря уже...", „начиная... и кончая", „исключая"... и под. Ср.: „В оружейной зале между знаменами и выделанными мордами хищных зверей висели оружия всех времен и народов, *начиная* с праща амалекитян и дротика гармантийцев — и *кончая* короткой, широкой шпагой сарацин и кольчугою норманов" (Тург.), и в случаях безличности: „Степанида, несмотря на пожилые годы, еще рожала, и теперь, *глядя* на кучу детей, *трудно было разобрать*, где Родионовы и где Володькины" (А. Чехов). „*Опираясь* на результаты проверки... отношения к политехнизму, *надо организовать* борьбу с искажениями в практике политехнизма, массовое распространение лучшего опыта и создание всех необходимых материально-технических предпосылок для дальнейшего продвижения по пути к политехнизму". („Изв."). „*Размышляя* по-своему над событиями, Владимиру *стало ясно*". („Звезда" 1926 г., 9, 141). „*Выдвигая* на учебу ударников и ударниц, участников соцсоревнования в производстве, *нужно*, чтобы и все обучение было пронизано сверху донизу ударничеством и соцсоревнованием". („Изв."). См. и приведенный выше пример из Достоевского.

Уже Ломоносову было известно, что примыкание деепричастий к глаголу требует, чтобы носителем действия сознавалось при обоих то же самое лицо, и что отступления от этого пра-

вила — результат иностранного влияния (впрочем, прямо на французское он не указывал). „Весьма погрешают те, — писал он в „Росс. грамм." § 467, — которые по свойству чужих языков деепричастия от глаголов личных лицами разделяют. Ибо деепричастие должно в лице согласоваться с главным лицом личным, на котором всей речи состоит сила: *идучи в школу, встретился я с приятелем*... Но многие в противоположность сему пишут: *идучи я в школу, встретился со мною приятель*..., что весьма неправильно и досадно слуху, чувствующему правое Российское сочинение". Правда, знакомство с диалектами показало, что им тоже нечуждо самостоятельное употребление, напоминающее французский язык: *И только видели молодца сядаючи, и не видели его поедучи.— Сгарели,— сгаремши, карова пала"* (ср. и укр. *не сіявши, не оравши, не буде жито родити; козака не чарувавши, не буде ходити).* Но нет никакого сомнения, что у названных писателей и у ряда других отступление от ломоносовского правила, в общем, действительно соответствующего преобладающему употреблению, отнюдь не результат влияния разговорной народной речи, а именно французского языка — оборотов, вроде: En disant ces mots, les larmes lui vinrent aux yeux (Фенелон) — буквально: „Говоря эти слова, слезы у него навернулись на глаза" и под. Сравн.: *Вы согласитесь, что, имея право выбрать оружие, жизнь его была в моих руках* (Пушкин, „Выстрел"). *Проходя через залу, ей встретился лакей* (Лермонт.). *Накурившись, между солдатами завязался разговор* (Л. Толстой, „Хаджи-Мурат"). *Читая письмо, ни одна темная мысль о тебе не посетит души моей* (Герц.). *Прощаясь со мной в саду, у него были слезы на глазах* (Герц.). По отношению к таким писателям, как Крылов, Кольцов и под., у которых тоже находим подобные обороты, разумеется, в первую очередь приходится считаться с влиянием разговорной речи.

Связь деепричастий с глаголами, изображающими активный признак, значительно теснее во временно́м и причинном значении, чем, напр., в уступительном, когда деепричастие обозначает действие, по смыслу не сопровождающее действия глагола: поэтому фразу, вроде пушкинской „Так тяжкий млат, *Дробя* стекло, *кует* булат" (значение „хотя дробит стекло"...), понять сразу нелегко.

Так называемые деепричастия „настоящего времени" (на **-а, -я**) примыкают к глагольным формам всех времен, обозначая действие, одновременное с действием глагольной формы. Формы от основ совершенного вида на **-в, -вши** и на **-я** обозначают действие, предшествующее названному в глаголе. Ср.: *Скрестив* руки, *вцепившись* пальцами в плечи себе, он *стоял* спокойно, *прижимая* ногой к палубе какой-то узел (Горьк.). *Скользя* по утреннему снегу, Друг милый, *предадимся* бегу Нетерпеливого коня... (Пушк.). *Отдохнув* от злой погони, *Чуя* родину свою, *Пьют* уже донские кони Арпачайскую струю (Пушк.).

Формы на **-в, -вши** вида несовершенного раньше употреблялись в значении действия, одновременного с прошедшим: „Но Ленский, *не имев*, конечно, Охоты узы брака несть, С Онегиным *желал* сердечно Знакомство покороче свесть". (Пушк.).

Изредка встречались они в смысле одновременности вообще: „Волк, *евши*, никогда костей не разбирает" (Крылов), т. е. в функции, и теперь известной украинскому. В настоящее время и в той и в другой роли они фактически вышли из употребления и изредка только встречаются в сочетании с **не**: *„Не учившись*, этого не усвоишь" и под.

Утрачивая типические для деепричастий синтаксические связи, деепричастные (по происхождению) формы могут приближаться к обыкновенным наречиям. Таковы, напр., случаи (впрочем, немногочисленные), как: *читать лежа, дремать сидя* и под.; ср.: *читать, лежа в постели*; *дремать, сидя в кресле*; *играючи*; — ср.: „Стремясь... к веселости, игривости такой формы, которая бы *играючи* переходила от пафоса в шутку, наши молодые мастера натыкаются на Пушкина и восхищаются им" (Лунач.).

Стилистическое значение деепричастных сочетаний, как способа сжато передавать смысл временных, причинных, условных и, реже, уступительных предложений и вносить во фразу разнообразие, заменяя параллельные по смыслу типы придаточных предложений, в русском языке велико, ср., напр., хотя бы такие „замены" как: „*Когда, узнав* об этом, он принял меры"... вм. невозможного: *„когда, когда* узнал об этом..." *„Если,* даже *признавая* свою ошибку, вы фактически не делаете необходимых выводов..." вм. *„если, если* даже признаете..."

9. ОБОСОБЛЕНИЕ.

Ударением, паузами и характерной интонацией нередко в речи выделяется тот или другой второстепенный член предложения с относящимися к нему словами, так что мы его чувствуем как будто несколько оторванным от того члена, с которым он грамматически связан. Наиболее часто обособляются деепричастия со связанными с ними словами, а также причастия и прилагательные с относящимися к ним объяснительными словами. Нередко, однако, и обособление имен существительных и наречий.

Важнейшими условиями, от которых зависит обособление, являются: 1) нарушение обычного порядка слов, 2) нагруженность обособляющегося члена зависящими от него словами, 3) синтаксическая несочетаемость тяготеющих по смыслу членов, 4) необязательность слова, дополнительный, зачастую объясняющий его характер по отношению к другим словам высказывания. В последнем случае ритмомелодика фразы подчеркивает как бы нецельность отливки мысли, включение в нее „на ходу" нового дополнительного обстоятельства. При этом надо заметить, что в речевой практике чаще всего сочетается несколько из этих условий.

Примеры п е р в о г о: Обособленные прилагательные и причастия в русском языке обычно следуют за именами существи-

тельными, с которыми согласуются. Их употребление за ними, установившееся главным образом в книжном языке, привело к ритмо-мелодическому обособлению: „В голосе его, *странно-глубоком,* было что-то потрясающее“ (Горьк.). Ср. „В странно-глубоком голосе...“ „Деревья, *белые от инея,* стояли по обеим сторонам“ (Короленко). Ср.: „Белые от инея деревья стояли по обеим сторонам“. „Жили они на окраине города, в слободке, *странно разметавшейся по оврагу*“ (Горьк.). Ср.: „Жили они в странно разметавшейся по оврагу слободке“. „Деревья бульвара, *серые от пыли,* неподвижно млели под горячим безжалостным солнцем“ (Л. Андр.). „За истекший год были введены в строй новые заводы и фабрики, *значительно подымающие мощность производительных сил страны*“ („Правда“).

Примеры второго: *„Журча протекает ручей“* и *„Тихо журча,* протекает ручей“. *„Красновато колеблясь,* дымились костры из щепок, тряпок и сухой травы“ (Сераф.). „В небе неподвижно стояли ястребы, *распластав свои крылья и неподвижно устремив глаза свои в траву*“ (Гоголь). „Однажды, в больничном халате, *все еще слабый после болезни,* Семка стоял у окна и задумчиво глядел на пустынную улицу“ (Телешов). Ср. и примеры на обособление, связанное с нарушением обычного порядка слов.

Примеры третьего. Прилагательные и страдательные причастия, тяготеющие к полнозначному глаголу,— явление чисто литературное, книжное, в значительной мере развитое влияниями иностранных языков. Понятно, поэтому, обособление таких прилагательных и причастий, наблюдаемое нами в случаях вроде: „И, *самодельной пулей сбит,* Качнулся бомбомет“ (Н. Тихонов). *„Движимый этим желанием,* я протиснулся вперед“ (Свирс.). *„Безмерною силою спаян,* Огнем загорается взор“ (Поморский). *„Никем не вспоминаемая, никем не сторожимая,* Растеряева улица покорно несет свое бремя — нужду“ (Гл. Успен.). „У бортов парохода по черной воде желтыми масляными пятнами плывут отсветы огней и тают, *бессильные осветить что-либо*“ (Горьк.).

Образования сравнительной степени наречного типа настоящих пар с существительными образовывать не могут. Поэтому искусственные сочетания этого рода обыкновенно сопровождаются ритмо-мелодическим обособлением: „И холстина, *уже тоньше, прозрачней и еще пушистей и мягче,* свертывается в толстую макарону, падающую в железную банку“ (Жига). „Сила, *сильнее его воли,* сбросила его оттуда“ (Тургенев). „Ведь здесь уставшая молчать, В обложке из тисненной кожи, Лежит высокая тетрадь, *Всех лордов Лондона дороже*“ (Н. Тихонов).

К тому же типу относятся такие обособления, как: *„Ровная, чистая,* она образует хлопковый холст“ (Жига). „А он, *мятежный,* ищет бури...“ (Лерм.). Личные местоимения обычно не сочетаются с прилагательными в роли определений. В первом примере, к тому же, *„ровная, чистая“* тянет к сказуемому (ср. „будучи ровной, чистой...“).

Примеры четвертого: Кажется, там, *внутри*, шумит водопад (Жига). Внизу, *в приготовительном отделе*, красиво, сочно поет мотор (Жига). А ветер, *мягкий и сырой*, глаза тихонько закрывает (Бунин). Мне нравится его спокойствие и ровная речь, *простая, веская* (Горьк.). Осторожно, с трудом продираясь сквозь тучи, подкрался рассвет без солнца, *немощный и серый* (Горьк.).

10. КОСВЕННАЯ РЕЧЬ

Приблизительная передача того, что кто-либо сказал или подумал, принимает вид так называемой косвенной речи. Типические ее особенности — форма придаточного предложения (изъяснительного или целевого), изменение сравнительно с прямой в ряде случаев лиц и возможность употребления в стилизованно-разговорной речи вводных слов (частиц): **мол, де, дескать.**

Ср.: Прямая речь: „*Товарищи!*—сказал он,— *вы собрались сюда для обсуждения важного вопроса советского строительства*".

„Представитель правления говорил: „*Я давно уже уделяю серьезное внимание этому вопросу*".

Косвенная речь: „Он сказал товарищам, *что они собрались для обсуждения важного вопроса советского строительства*".

„Представитель правления говорил, *что он давно уже уделяет серьезное внимание этому вопросу*".

Правила изменения лиц сводятся к следующему:

Второе лицо, к которому обращалась прямая речь, в косвенной превращается в третье:

„*Товарищи,— сказал он,—* **вы** *собрались сюда для обсуждения важного вопроса советского строительства*" (прямая) — „*Он сказал товарищам, что* **они** *собрались для обсуждения важного вопроса советского строительства*" (косв.). Ср. еще: *А когда Чин, осмелевший от страха, спросил однажды, почему* **он** *ничего не* **предпринимает**, *Левинсон вежливо щелкнул его по лбу и ответил, что „это не птичьего ума дело"* (Фад.).

Первое лицо прямой речи (независимо от падежа), если в главном предложении лицо говорящее названо в третьем, изменяется в третье: *И чаще под грохот машин Отец, улыбаясь, мечтает, Что вот* **он** *теперь не один, Что рядом сынок помогает* (Ф. Гаврилов). *Он отвечал, что земля теперь* **его** *и что прежде принадлежала она Дубровскому* (Пушк.). *Она* (волчица) *подошла к нему, и он лизнул ее в морду и заскулил, думая, что она хочет играть с* **ним** (Чехов). *Андрей Иванович равнодушно объявил ей, что у* **него** *чахотка, и* **он** *скоро умрет* (Верес.).

Первое лицо прямой речи (независимо от падежа), если в главном предложении лицо говорящее названо во втором, изменяется во второе: **Вы** *сказали*: „**Я** *об этом уже слышал*" (прямая) — **Вы** *сказали, что* **вы** *об этом уже слышали* (косв.).

Первое лицо множественного числа прямой речи, независимо от падежа, в котором оно стоит, если оно по смыслу включает и того, кто ведет речь, при изменении прямой речи в косвенную сохраняется: *В конце второго года пятилетки, на XVI партийном съезде, т. Сталин констатировал, что* **мы** *уже вступили в период социализма* (Н. Попов).

Второе лицо прямой речи изменяется в косвенной в первое, если автор по смыслу — объект обращения: **Мне** *сказали:* „**Вы** *завтра же должны отправиться в командировку*“ (прямая) — **Мне** *сказали, что* **я** *завтра же должен отправиться в командировку* (косв.).

Не допускаются в косвенной речи повелительные наклонения и обращения: при переводе их содержания из прямой речи в косвенную обращение становится подлежащим, повелительное наклонение принимает форму прошедшего времени и предложение вводится союзом **чтобы**: *Он просил:* „*Приходите, товарищи, ко мне сегодня*“. Косвенная речь: *Он просил, чтоб товарищи сегодня пришли к нему*. Отпадают в косвенной речи (не включаются в нее) также междометия и вводные слова оценочного характера.

Для разговорного языка очень типичны нарушения правил косвенной речи; ср. у Чернышевского („Что делать“): *Пришел Лопухов и начал в том слоге, что* **мы** *с Верочкой просим вас, Марья Алексеевна и Павел Константинович, извинить* **нас**, *что без вашего согласия...*

Специальную форму косвенной речи представляет так называемая свободная косвенная речь (иначе — несобственная прямая). Союзы подчинения в ней устраняются, а косвенность передается соответственным употреблением лиц. Стоит она на границе прямой, и связь с последней в произношении обнаруживают многие особенности мелодики читаемого текста. Ряд писателей широко пользуется свободной косвенной речью как прекрасным стилистическим приемом избегнуть точной передачи сказанного действующими лицами и вместе с тем обойтись без органической для косвенной речи сухости. Ср., напр. всю защитительную речь бессловесного Макара в „Сне Макара“ Короленка или целые партии размышлений героев в „Что делать?“ Чернышевского. Вот отдельные примеры такого применения ее: *Вдруг вспомнил то, о чем просил его Горных, и энергия ненависти сразу нашла себе выход. Да,* **он** *отыщет Климина и убедит его быть бдительным. И завтра же будет просить партком о том, чтобы ему дали отряд, и тогда* **он** *пойдет громить бандитов. А пока, во что бы то ни стало, отыскать Климина. — С этой мыслью он вышел из квартиры.* (Либед.). *Вера говорила, и все жадно слушали. Вера говорила:* **они** *гибнут* (мы гибнем) *за то, чтоб была новая, никогда еще в мире не бывавшая жизнь, где не будет рабов и голодных, повелителей и угнетенных. В борьбе за великую эту цель* **они** *гибнут, потому что не хотели думать об одних себе, не хотели терпеть и сидеть сложа руки.* **Они** *умрут, но кровь* **их**

прольется за хорошее дело; **они** *умрут, но дело это не умрет, а пойдет все дальше и дальше* (Верес.)[1].

Особый случай косвенной речи представляет косвенный вопрос. Он вводится при помощи вопросительных местоимений и местоименных наречий (*кто? что? который? куда?* и под.), не теряющих своего вопросительного значения. Кроме того, в русском языке употребительна еще особая частица — **ли**; напр.: *Скажи, придешь* ***ли*** *ты завтра. — Мы интересуемся, долго* ***ли*** *придется ждать поезда.— Он подумал, не заблудился* ***ли*** *мальчик и не живет ли он на той стороне реки* (Телешов).

11. ЧАСТИЦЫ

Здесь рассмотрим только такие служебные слова, которые не могут быть отнесены к категориям уже описанным (предлогам, отрицаниям и союзам).

Частицы **ка, было, пусть, да, бы** входят в состав соответственных форм глагола.

Ка придает повелительному наклонению оттенок известной фамильярности, бесцеремонности и под., иногда — нерешительности: **А расскажи-ка,** *Чикин, как ты в отпуску тон задавал себе,— сказал Михайлов...* (Л. Толст.) *И, Александр Андреич,— с ним О прежних днях, о тех проказах* **Поразвернитесь-ка** в *рассказах* (Гриб.).

При формах 1 л. мн. ч. будущего времени оно вносит значение попытки: **Подзовем-ка** *ее да расспросим: „Как дошла ты до жизни такой?“* (Некр.).

Частица эта почти вовсе не допускает отрыва ее от соответственного глагола другим словом. Кажется, единственное отклонение, и то относительное,— возможность употребить ее после частицы **бы** в форме условного наклонения.

Пусть (пускай), да (архаическое) — части аналитической формы повелительного наклонения. Между **пусть** и соответствующей формой глагола возможна вставка какого-либо слова; между **да** и глаголом такой вставки не делается.

Было образует в сочетании с прошедшим временем видовую форму со значением начатого и не оконченного действия: *Веленчук полуоборотился к нему,* **поднял было** *руку к шапке, но потом опустил ее* (Л. Толст.).

Частица эта, употребляющаяся обыкновенно постпозитивно[2], может и предшествовать глаголу: ...*Позавтракать* **было** *совсем уже* **собралась,** *Да призадумалась* (Крыл.).

Для ее синтаксической роли характерно, что почти всегда после предложений, где глагол выступает с нею, следует предложение с другим глаголом.

---

[1] Интересные примеры стилистических разновидностей косвенной речи см. в книге В. Волошинова — „Марксизм и философия языка“ 1929, часть III, стр. 136 и след.

[2] В таких случаях ее пишут иногда с черточкой (дефисом).

Бы — частица условной формы, легко передвигающаяся к другим членам предложения, особенно к первому (ср. **если бы**) или к слову, подчеркнутому логическим ударением: *Если* **ваша бы** *бригада за это* **взялась**, *результаты могли бы быть лучшими.*

К частицам приглагольным следует отнести и **ну**, функционирующее и в чисто-междометной роли. Употребляется эта частица при формах повелительного наклонения и ему эквивалентных: **Ну скушай** *же еще тарелочку, мой милый!* (Крыл.).

В значении длительного действия она выступает при инфинитивах: *Мишка протискался на сцену, выбежал на середину и* **ну плясать** (Акульшин). *Лягушка...* **ну топорщиться, пыхтеть и надуваться** (Крылов).

Вопросительная частица **ли** (после гласных возможно **ль**) употребляется постпозитивно, обыкновенно после соответствующего глагола: *Вспоминая эти свинцовые мерзости дикой жизни, я минутами спрашиваю себя: „Да* **стоит ли** *говорить об этом?“* (Горьк.). *Жила она в дрянной, полуразвалившейся избенке, перебивалась кое-как и кое-чем, никогда не знала накануне,* **будет ли** *сыта завтра...“* (Тург.).

Другие вопросительные частицы — **разве, неужели. Разве** употребляется иногда со значением „пожалуй“, особенно в сочетании **разве только, разве что.**

Постпозитивная частица **же**, выступающая и в качестве союза, примыкает обыкновенно к первому или первым словам подчеркиваемой синтаксической группы: *Решение об этом было вынесено* **тогда же.** *„Да“ — улетая дрозд сказал,— То ясно мне, Что ты бежишь, а все* **на том же** *ты окне“* (Крыл.).

Для разговорно-бытовой речи характерна местоименная частица **то**, относительно редко употребляемая не в разговорном стиле. Она, при противопоставлении, подчеркивает понятие уже известное и часто соответствует слову „именно“: *Ты знаешь, ты знаешь. Но я не могла удержаться, слишком больно было за папу... Господи! и ты,—* **ты-то** *уходишь* (Верес.). **У невестки-то,** *у Насти, Время близится рожать...* (Д. Бедн.). *А* **там-то,** *голову закинь-ка да взгляни: Какая глубина и чистота над нами!* (Фет).

Частица **таки** подчеркивает, что действие глагола осуществляется несмотря на какие-то препятствовавшие условия. Реже **таки** с тем же оттенком значения подчеркивает слова, принадлежащие к другим частям речи. Частица эта нередко стоит не за глаголом, к которому относится, а за первым или первыми словами синтаксического отрезка: *Он* **успел-таки** *добиться своего. Я это напоминаю* **опять-таки** *только для тех, которые эту внешнюю историю неясно вспоминают* (М. Покр.). Выдвинутое вперед **таки** довольно редко: *Я увидел перед туалетом какое-то голубое существо,—* **таки** *все, все сплошь голубое* (Лесков).

Упомянем еще подчеркивающую частицу **даже.**

Чужую речь вводят частицы **де, дескать, мол.** Из них начинать фразу может только **дескать. Де** и **мол** употребляются только постпозитивно. Все частицы эти вносят с собой налет разговорной

народной речи и употребляются свободно как при точной передаче, так и при изменении передаваемых слов в косвенную речь: *И воображают, несчастные, что еще они выше толпы: „Мы - де служим, где кроме нас никто не служит; мы в первом ряду кресел, мы на бале... куда только нас пускают“* (Гонч.). *Однажды был даже такой случай, что по центру города мужичок с возом мерзлой рыбы ездил, спрашивая, где живет патриарх: оковский,* **мол,** *исправник в презент ему рыбки прислал* (Салтыков).

Частица **ни** („не и“ или „и не“), как и в других славянских языках, усиливает отрицание, имеющееся в предложении в виде *не*: „Не сказал ни слова“. Повторяемое **ни** выполняет уже функции союза: Больше *не нужно ни песен, ни слез* (Никит.). А о Норках *ни* я его *ничего не спросил, ни он* мне *не сказал ни слова* (Леск.). Право, *ни Леля я, ни солнца не боюсь* (Остр.).

В ряде местоименных образований частица **ни** образует часть слова: *никто, никогда, нигде, никуда* (впрочем, не следует выпускать из виду, что предлоги отделяют ее от корневой части — *ни у кого, ни о ком)* и употребляется с *не* при сказуемом и тут как отдельное *ни*: **Он никогда не вникал** *ясно в то, как много весит слово добра* (Гонч.). *О, страшно знать, что детей* **не ждать Никогда Ниоткуда**... (Безым.). Особый случай представляет „остаться *ни с чем... ни при чем*“.

Примечание. В сочетаниях *кто ни..., что ни..., когда ни...* и под., равняющихся по смыслу „всякий, кто...“, „все, что...“, „всегда, когда...“ и под., **ни** утратило значение отрицания и, наоборот, усиливает положительное значение сказуемого данного предложения, придавая ему вместе с тем обобщительно-условное значение: *„Куда ни оглянусь,* повсюду рожь густая“ (А. Майков)=„Всюду, куда оглянусь...“ Опущение **ни** (с заменой „только“ или даже без него) возможно в подобных сочетаниях в литературном языке, но встречается значительно реже: „Я видывал, как она косит: *Что взмах* — то готова копна“ (Некр.).

12. ПОРЯДОК СЛОВ

В русском языке, при его богатой системе флексийных признаков, порядку слов принадлежит не столько собственно-синтаксическая, сколько стилистическая роль: в порядке слов русского языка относительно мало обязательного, и он может заметно меняться в зависимости от тех или других художественных, логических, ритмических (чередований более ударяемых и менее ударяемых частей фразы) и подобных устремлений. В качестве общих тенденций в нем по отношению к простому предложению можно отметить следующее:

Управляемые падежи, одни или с предлогами, обыкновенно следуют за словами управляющими: *выстрел охотника, угроза врагу, торговля фруктами, просим помощи, видит ниву, побег на месте, встреча с противником, стремиться к цели, способный к учению.* Но при безличных сказуемых правило составляет выдвижение вперед управляемого слова: **Собранию нужно было** *принять по этому вопросу окончательное решение. Тут* **писателя,** *что называется,* **осенило.**

Инверсия (отклонение от нормального порядка слов) подчеркивает передвинутое слово: **Помощи** *он* **просит**, *а не сочувственных слов.* **К цели стремиться** *надо, а не к случайным впечатлениям дня.* **Не спится Тане. Убило громом.**

К старинному синтаксису восходят немногочисленные сочетания: *часовых дел мастер, такого рода сообщение* и под.

Инверсия может встретить препятствие в недостаточной четкости флексийных признаков: средний род, напр., в своем склонении не дает возможности различить именительный и винительный падеж; поэтому отклонение от обычного порядка слов, при наличии в предложении подлежащего в форме среднего рода, не дает грамматической возможности решить, где подлежащее, а где падеж управляемый. Скорее даже наоборот — мы обычно в таких случаях воспринимаем смысл собственно нормального порядка слов и за управляемый падеж принимаем форму, следующую за глаголом: **Бытие** *определяет* **сознание.** Инверсию „Сознание определяет бытие" мы поняли бы в значении, противоположном действительному. Ср. еще: **Терпение** *дает* **умение**, **Ядро** *потопило* **судно** и под.

Это же самое имеем, конечно, и при именах мужского рода неодушевленных, в случае „мать... дочь" и под. Поэтому инверсии вроде: „*В одно мгновенье верный бой решит удар его могучий*" (Пушкин), „*Болящий дух врачует песнопенье*" (Боратынск.), „*Но в это время толкнул бронепоезд лес — гулким ружейным залпом*" (смысл — „выстрелили из лесу") (Вс. Иванов, „Бронепоезд № 14,69") — являются в отношении легкости понимания бесспорно рискованными.

Отдельные падежи, зависимые от того же самого слова, выступают обыкновенно так, что дательный выдвигается впереди винительного или родительного объекта: *Докладчик изложил* **собранию свое мнение** *по этому вопросу. Председатель не дал* **оппоненту слова** *во второй раз.* Это же относится и к объекту в предложном падеже: *Товарищ сообщил* **месткому о поступившем предложении.**

Повидимому, тут суть дела заключается в том, что дательный падеж—обыкновенно падеж существа, а винительный и др.— предмета. Поэтому во фразах вроде: „*Столяр обучил* **отца своему мастерству**" порядок падежей меняется. Дательный может быть выдвинут, когда винительный должен быть подчеркнут.

Дательный предшествует обыкновенно и зависимым от того же существительного непосредственно или при посредстве предлога падежам со значением обстоятельственным (*откуда? как?* и под.): „*Библиотекарь снял* **товарищу книгу с четвертой полки**" — „*Секретарь давал* **собранию объяснения четким и ровным голосом**". Негладко построенной представляется поэтому фраза: „Следующим руслом, по которому должна пойти организованная помощь со стороны деревни социалистической промышленности, является снабжение шахт, фабрик, заводов и лесозаготовок рабочей силой" (Газ.). Следовало бы: „*...помощь социалистической промышленности со стороны деревни...*"

Усложнение в эти отношения вносит ритмическая тенденция относить отягощенные относящимися к ним словами зависимые падежи к концу предложения.

Личные и анафорические местоименные существительные обыкновенно предшествуют глаголу (а также инфинитиву) и как подлежащие и как управляемые формы: **Ты** *хорошо это* **знаешь. Он** *не раз* **упоминал** *об этом. Вчера* **ему передали** *пакет с деловыми бумагами. Отец* **мне рассказал** *о встрече с В. Хочу* **тебя предупредить** *об этом.*

Но отклонение от нормального порядка слов,— что касается управляемых форм в этой категории случаев,— не производит впечатления такого резкого почеркивания, как у знаменательных имен существительных: „*Он* **меня видел** *на улице*“ и „*Он* **видел меня** *на улице*“.

При причастиях и деепричастиях местоименные существительные в винительном падеже следуют за ними: *И есть другая, более положительная причина,* **понуждающая меня** *рисовать эти мерзости* (Горьк.). Ср. „понуждая меня“ и под. Нормальным следует считать такой порядок и для дательного и творительного (при причастиях страдательных).

В вопросительных предложениях личные и анафорические местоимения нередко идут за глаголом: **Видишь ты** *это облачко?* **Может он** *быть нам полезен?*

Единственный случай, где инверсия воспринимается как определенное логическое подчеркивание,— положение при повелительном наклонении. Нормальный порядок: **спроси его, скажи ей** и под.

Родительный падеж **его, ее, их** обыкновенно предшествует управляющему слогу: **его** *желания,* **их** *увлечения;* инверсия подчеркивает управляющее слово или просто стилизует сочетание в архаизирующем направлении: *желания его, увлечения их.*

Вопросительные местоимения всех частей речи стремятся занять в предложении первое место: **Что** *она сказала?* **Как** *отнеслись вы к этому сообщению?* **Каковы** *результаты социалистического соревнования на вашем заводе?*

Стилистическая роль принадлежит в русском языке выдвиганию анафорического местоимения впереди ритмомелодически обособляющегося существительного или существительных, с которым оно согласовано: *Смотрите — я стою* **среди них — станков, молотков, вагранок и горнов** *и среди сотни товарищей* (Гастев). *И пускай* **они** *мимо прошли, Надо мною ходившие* **грозы**... (Некр.). **Их** *слишком много нахлынуло сразу,* **этих телеграфных адресов** *вместо слов*... (Горнфельд). *Сколько крови в этой великой рабочей армии!* **Ее, этой крови,** *хватит надолго* (Гладк.). Фраза получает своеобразную окраску, намекая на знакомство (конечно, мнимое) читателя или слушателя с тем, какое имя существительное последует далее. Если анафорическое местоимение истолковывается из предшествующей фразы, то поясняющее его далее слово вносит оттенок разговорности.

Прилагательные в роли определений предшествуют именам существительным, с которыми согласуются: *яркие краски, пятилетний план, народное хозяйство.* Стилистическая роль принадлежит инверсиям вроде: *За кормой шелково струится, тихо плещет вода,* **смолистогустая, безбрежная** (Горьк.). *И посетим* **поля пустые, Леса, недавно столь густые, И берег, милый для меня** (Пушк.). *Родник между ними* **из почвы бесплодной** *Журча пробивался* **волною холодной** (Лермонтов). *Как известно,* **тряпка самая обыкновенная,** *коль скоро ею завяжут рану или вообще больное место, уже сама по себе представляет как бы лекарство, медикамент...* (Гл. Успенский).

При прилагательных и причастиях обычно не допускается отрыв управляемых слов и выдвигание впереди последних существительных, с которыми они согласованы. Поэтому фразы, вроде: „*Или разыгранный „Фрейшиц" Перстами робких учениц*" (Пушк.), „*Давно закравшийся недуг В младую грудь подруги милой*" (Рылеев), воспринимаются теперь как погрешность. Законный порядок слов требовал бы: „Фрейшиц", разыгранный перстами..." или „разыгранный перстами... „Фрейшиц"; „недуг, давно закравшийся в младую грудь..." и под.

Инверсия наименований чисел (*два... тысяча... третий...*) создает значение приблизительности:... *Какой-то господин...* **раза два** *неприятно покосился на мальчика* (Л. Андр.). ...*Идет ему* **годок четвертый** (Дост.). *Вообразите себе человека* **лет сорока пяти...** (Тург.).

Наречия на **о(е)** обычно предшествуют глаголам, к которым примыкают: *Охотник, возвращавшийся домой с двумя борзыми собаками,* **случайно съехался** *со мной* (С. Аксаков). *Две русые головки, прислонясь друг к дружке,* **бойко смотрят** *на меня своими светлыми глазками* (Тург.). При обратном порядке наречие подчеркивается, ср.: „**съехался** *со мной* **случайно**; „**смотрят** *на меня* **бойко**". *На охоте он...* **глядел** *на меня* **напряженно** *и* **тупо,** *как бы спрашивая меня, что же надо делать* (Тург.).

Сравнительная степень идет за глаголом, если далее следует **чем, нежели.**

Глаголы, кроме отношений, уже отмеченных выше, обнаруживают такие тенденции:

Относительно подлежащего глагол (сказуемое) может занимать первое место тогда, когда предложением явно продолжается повествование[1]: *Лодку бросает назад,— думал Лаевский,—* **дедает она** *два шага вперед и шаг назад* (Чехов). *К утру подали поезд ташкентский.* **Поднялись мужики** *с сундуками,* **поднялись бабы** *с ребятами.* **Вскинулись мешки** *на плечи,* **загремели ведра, чайники, самовары** (Неверов). ...*Вот*

[1] Для слов автора, вставленных в речь говорящего лица или сопровождающих ее, такой порядок слов — правило: „Ты опять тут? — *спрашивает он...*" (Горьк.). „Почему? — *спросил я,* и сердце защемило в груди" (Свирс.). „Не печальтесь,— *обратился* ко мне *Павел Васильевич*" (Свирс.).

налетел *круговой* **вихрь**... *Вот* **звякнул** *вдали и порывами* **доносится** *до слуха* **звон** *колокольчика обратной тройки*... *Вот* **залаяла** *у деревенской околицы ледащая* **собачонка**, *зачуяв волка*... (Салтыков).

При форме повелительного наклонения в функции условного или уступительного подлежащее стоит обыкновенно за ним: **Пробудь я** *здесь еще хоть год, Он* (дом) *догниет и упадет* (Лерм.). *Ну* **возьми он**! *Ну, если уж так надобно... ну возьми!* (Салтыков).

Зависимые инфинитивы следуют за словом, к которому примыкают: *спешим сообщить, способный организовать, стремление учиться.*

В языке стихотворений возможен порядок слов—„предлог—слово, зависящее от управляемого предлогом—управляемое": *Под неба чужеземной аркой* (Н. Тихонов). *В молчанием сжатой толпе* (Н. Тихон.). В начале XIX века допускалось в подобных случаях выносить родительный падеж зависимого слова в положение перед предлогом: *Но всем ли, милый друг, быть* **счастья в упоеньи?** (Пушк.) *Но был уж* **смерти под косою** (Пушк.). **Гарема в дальнем отделеньи** *Позволено ей жить одной* (Пушк.).

Из особенностей порядка слов, характеризующих связывание предложений, отметим такие:

Определяющее слово придаточного предложения придвигается как можно ближе в определяемому, т. е. стремится занять первое место в предложении: *Человек—одно звено в бесконечной цепи жизней,* **которая тянется** *через него из глубины прошедшего к бесконечному будущему* (Корол.).

Но зависящие от существительных или инфинитивов косвенные падежи слова „который" („каковой") по правилу стоят за соответственными существительными:... *Среди работы вдруг кто-нибудь запевал тихонько одну из тех протяжных песен,* **жалобно-ласковый мотив которых** *всегда обличает тяжесть на душе поющего* (Горьк.). *Но Репин решил вмешаться в разговор,* **последние слова которого** *он застал* (Либед.). *Вы видите, что появление группы „Освобождение труда", первой русской марксистской с.-д. организации 80-х годов, вовсе не было каким-то внезапным фактом,* **появление которого** *объясняется исключительно литературными занятиями Плеханова и его друзей* (М. Покр.).

Фразы вроде: *„Он дрался и буянил не столько для собственного удовольствия, сколько для поддержания духа всего солдатства,* **которого** *он чувствовал себя* **представителем"** (Л. Толст.); *„Все, что забыто, недопето, Не возвратится до звезды, До той звезды,* **которой близость** *Познав, сторицей отплачу За все величие и низость,* **Которых тяжкий груз** *влачу"* (А. Блок); *„Все небольшое пространство пестрело цветами,* **которых запах** *смешивался с запахом дыма из кузницы"* (Кор.) — следует считать относительно редкими отклонениями.

В отличие от разговорно-народной и старинной речи прида-

точные предложения с „который“ в современном литературном языке не могут предшествовать главному.

Союзы, вводящие только предложения, следующие за главным — **ибо, так что**. Ср. и союзы на границе фразных членений.

13. ЗАМЕЧАНИЯ О СТИЛИСТИЧЕСКОМ ОТБОРЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Неряшливое употребление синтаксических структур вряде случаев угрожает ясности мысли, понятности ее для слушающего и читающего. Синтаксическая правильность иногда оказывается недостаточной сама по себе, и потребности мысли заявляют свои права на повышенное к себе внимание.

В многочисленных особенностях синтаксической системы нетрудно заметить оберегание интересов мысли; ср., напр., такие особенности, как *у* с родительным падежом у названий существ без значения „около“, но и с этим значением и со значением владетеля — у имен неодушевленных, выступающих с функцией обладания относительно редко и потому мало подверженных опасности смешения двух возможных значений; различение объекта и субъекта действия синтаксическими средствами в оборотах вроде „служение музам“, но „служенье муз“ в смысле, что служат они, а не им (ср. у Пушкина погрешность против русского синтаксиса, приводящую к неясности: „Служенье муз не терпит суеты“) и др.

Но есть среди особенностей системы довольно и такого, что требует более или менее внимательного регулирования со стороны говорящего и пишущего. Фразы вроде: „Увеличатся размеры недостатка угля и повысятся цены, которые *придется уплатить потребителям*“ („Комм.“, № 122, 30/V 1926); „*Не придумать им казни* мучительней Той, которую в сердце ношу!“ (Некр.). Кто придумает казнь и кому?.. „Хотел бы я тебе представить *залог, достойнее тебя*“ (Пушк.). Ср. „залог, более достойный тебя“ и „достойнее тебя“ в смысле „... достойнее, чем ты“; „*Вам нельзя этого говорить* (при инфинитиве законен дательный действующего лица) — двусмысленны, хотя, по сути, удовлетворяют правилам синтаксиса. *Тоже собралось дворянство, в том числе два брата Брыкины* (Писемск.). Сказано *Брыкины*, а не *Брыкина*, так как последняя форма давала бы повод думать, что есть еще третий Брыкин.

Не только, однако, оберегание смысла требует отбора определенных синтаксических конструкций, — это диктуется и мотивами собственно-стилистическими — задачей сообщить речи ту, а не другую смысловую установку и окраску. Со стороны стилистической не безразлично, напр., построить ли фразу с условным союзом *если бы* или прибегнуть к конструкции с формой повелительного наклонения в функции условной; ср. разговорный тон фразы: „... **Не отвори ты** *так не во время дверей*, **не войди** *в мой кабинет в то мгновение, как меня терзали и пытали, жил бы ты еще долго*“ (Данилев.) и спадание ее эмо-

циональности при замене повелительных условных форм „нейтральной“ конструкцией с „если бы“. Не безразлично для производимого впечатления — пользуется ли автор косвенной речью с изъяснительными союзами или переходит на свободную косвенную речь, в которой главным образом особенности употребления лиц и ритмомелодика дают указание на „косвенный“ характер передачи сказанного, но уже тембральная окраска читаемого текста обязательно приближает его к действительно сказанному.

Ограниченность места не позволяет нам остановиться даже на главнейших моментах такого стилистического отбора, выходящих за пределы того, что сказано в предшествующих параграфах[1]. Ограничимся лишь короткими замечаниями по поводу тех исключительно важных в синтаксисе явлений, которые можно подвести под общее название эллиптических.

Каждый язык переполнен так называемыми скрытыми синтагмами, экономными средствами передачи известного содержания, и русский, конечно, в этом отношении не представляет исключения. Мы говорим: „Я читаю Короленка“ (ср. „произведения Короленка“); „Еду на извозчике“; „Билет туда и обратно“; „Вот это — действительно, в пользу бедных! — *расхохотался* Николай“ (Соболев).

Таких примеров в языке очень много. Укажем несколько категорий более или менее широкого характера, более других свободных от моментов узколексических.

При союзах (наречиях) сравнительных **как, чем, нежели**, как уже отмечено выше, установились в качестве типических, теоретически говоря, эллиптические способы выражения. Избегая повторения тех же слов, мы обыкновенно говорим: „*Конь* **пронесся, как стрела**“, и под. и лишь изредка, подчеркивая, создаем фразы вроде: „... **Льетесь, как льются струи дождевые** *В осень глухую, порою ночной*“ (Тютчев).

Нет однако надобности толковать как эллиптические типы, которые имеем теперь в характерной для научного и родственных ему стилей прозы конструкции с **как** в значении нем. „als“: *Она* **выступала как представительница женотдела.** — *Это подчеркнуто, но именно потому подчеркнуто, что раньше программа „Освобождения труда“, несомненно, игнорировала крестьянство* **как активную силу** (М. Покр.).

Очень распространены сокращенные способы выражения при вопросительных словах, когда основная часть спрашивания, заключенная в них, фактически дополняется тем, что другой участник диалога сказал раньше. Дополнять вопрос, конечно, может и ситуация: „*Ты видел вчера Михаила Павловича?*“ — „*Видел*“. „*Чей доклад был вчера в клубе?*“ — „*Товарища Н*“.

Опущение (или замена анафорическим местоимением) стилистически не только разрешается, но и диктуется необходимостью

[1] О синтаксических вариантах, имеющих стилистическое значение см. Пешковский, „Принципы и приемы стилистического анализа художественной прозы“, Ars poetica, 1927, I, стр. 56 и сл.

опускать слово, которое должно было бы повторяться в соседних синтаксических группах, не служа целям нагнетания эмоции или подчеркивания смысла: **без них** *все прошлое — один жестокий бред,* **Без них** — *один укор,* **Без них** — *одно терзанье...* (Фет).

Гораздо более терпим язык к повторению предлогов. Они могут опускаться (не исключая и предложного падежа), но нередко и сохраняются. Примеры эллиптической конструкции: *Третий солдат,* **с серьгой** *в ухе,* **щетинистыми усиками, птичьей рожицею и фарфоровою трубочкой** *в зубах, на корточках сидевший около костра, был ездовой Чикин* (Л. Толст.).

Средства ритмомелодики открывают широкие возможности опускать союзы. На фоне развитой системы союзов мы ощущаем часто как эллиптические выражения вроде: *Илья уже привык считать себя величиной, работником: с ним даже кузнец Савелий говорил благосклонно* (Гор.). *Я не пойду туда: там вечный плеск и шум* (Фет).

Сфера господства эллипсисов — эмоциональная речь: *А кругом: Смеяться. Флаги. Стоцветное. Мимо. Вздыбились. Тысячи. Насквозь. Бегом.* (Маяковск.). *Мне — другая жизнь и другая дорога, И душе — не до сна* (Блок). *Со мною — ты, и мне — беречь* (Н. Тихонов).

Стоит отметить исключительную эллиптичность современной беллетристической прозы, эллиптичность, сообщающую ей особую насыщенность эмоциями и делающую ее вместе с тем зачастую трудной для понимания сразу. Типичны с этой стороны, напр., В. Иванов, Л. Сейфуллина.

Широчайшее использование эллипсиса как стилистического средства в поэзии связывается после А. Блока и других символистов с именем В. Маяковского и его школой[1].

В противоположность эллипсису, чрезвычайно распространенному в языке и определяющему многое в синтаксисе, плеонастическим способам выражения принадлежит в их синтаксической роли очень скромное место.

Самый характерный случай — увязывание частей разросшейся фразы путем повторения какого-либо члена, уже упомянутого в первой части и грамматически достаточного для оформления конструкции, но нуждающегося в том, чтобы о нем „напомнить“: **Мужик,** *брюхом навалившись на голову своей единственной кобылы, составляющей не только его богатство, но почти часть его семейства, и с верой и ужасом глядящий на значительно нахмуренное лицо Поликея и его тонкие засученные руки, которыми он нарочно жмет именно то место, которое болит, и смело режет живое тело, с затаенной мыслью: „Куда кривая не вынесет“ — и показывая вид, что он знает, где кровь,*

---

[1] Из специальных исследований назову: Б. Арватов, „Синтаксис Маяковского“. „Печать и револ.“ 1923, № 1 (перепечатано в его „Социологической поэтике“), Л. Курилова, „Из наблюдений над синтаксисом А. Блока“. „Наук. зап. Хар. наук.-досл. каф. мовознавства“. II, X. 1929.

где материя, где сухая, где мокрая жила, а в зубах держит целительную тряпку или склянку с купоросом, — **мужик** *этот не может представить себе, чтоб у Поликея поднялась рука резать не зная* (Л. Толст.). *Хотя людей было много лишних, но* **все эти люди**, *носившие мягкие, без каблуков, сапоги* (*Татьяна Семеновна считала скрип подошв и топот каблуков самою неприятною вещью на свете*),— **все эти люди** *казались горды своим званием, трепетали перед старою барынею, на нас с мужем смотрели с покровительственною лаской и, казалось, с особенным удовольствием делали свое дело* (Л. Толстой).

Ср. и плеоназм, возможный, благодаря скоплению ритмо-мелодических членений: *И* **я**, *забыв о несомненной Зиме, хозяйке льдов и тьмы,* **Я** *жил всем пафосом измены Для человеческой зимы* (Н. Тихонов).

В отдельных эллиптических конструкциях опущение совершается по мотиву возможности опустить часть как уже названную (ср. сказанное о **как** и под.). Эта тенденция поддерживается здесь, как отмечалось, параллельной тенденцией иного порядка — в языковом сознании существует известное отталкивание от скоплений одинаковых элементов (если скопление это не вызывается специальными мотивами). Правда, не все синтаксические явления языка в этом отношении одинаково подвергаются контролю: с рядом прочно установившихся в истории языка черт мы миримся, их вовсе не замечая. Как несовершенство, они привлекают внимание обыкновенно только того, кто сталкивается с ними впервые (напр., изучающего язык иностранца). Но в ряде других случаев, там, где еще возможен стилистический отбор, регулируемый чувством „плохого“ и „хорошего“ в языке, говорящий и, особенно, пишущий уклоняется от набегающих скоплений и ищет приемлемых для них замен. Так, если мы спокойно допускаем конструкции типа „*для* **оборудования завода имени т. Калинина**“ с большим скоплением зависимых друг от друга родительных падежей, то уже два дательных или творительных нам не всегда кажутся приемлемыми; ср. напр.: „*Мы хотим придать* **обучению языку** *производственный характер*“ или „*Перед* **торговлею фруктами** *остановилось несколько покупателей*“. Мы с известной снисходительностью готовы, пожалуй, отнестить к сочетаниям вроде „*час* **ехать спать ложиться**“ (Гриб.) или „*Какое счастье* **уметь** *все* **делать**!“ (Горьк.), но, напр., деепричастие, примыкающее к деепричастию, отвергается нашей языковой эстетикой: „Идя разговаривая, мы незаметно оказались у своего дома“ — фраза, которая может проскользнуть только в неряшливом слоге.

Особенно влияют в смысле выбора вместо них других возможных конструкций „подвертывающиеся“, но без перечислительной интонации, повторные относительные слова и союзы: *который, что* и под. Так, скорее всего авторским недосмотром объясняются фразы: „Тихая, уединенная жизнь в нашей деревенской глуши с возможностью делать добро людям, *которым* так легко делать добро, *к которому* они не привыкли ...“ (Л. Толст.).

„Все в батарее считали его капиталистом, потому что он имел рублей двадцать пять, *которыми* охотно ссужал солдата, *который* действительно нуждался“ (Л. Толст.). „Смотря на искусство с уважением, приказал Кокошкину, директору театра, *чтоб* он передал Писареву, *чтоб* он умел обращаться с дамами и не позволял бы себе неприличного тона“ (арт. Щепкин).

В устной речи делает более приемлемыми некоторые подобные скопления разный характер тонирования отдельных частей. Ср. у Фета: „Рассказать, *что* отовсюду На меня весельем веет, *Что* не знаю сам, *что* буду Петь,— но только песня зреет“.

Говоря о стилистических установках в синтаксисе, нельзя оставить без замечаний очень существенного общего различия.

Подчиняясь в основе тем же правилам сочетания форм и использования служебных слов (т. е. осуществляя те же виды согласования, управления и примыкания, нуждаясь в основному в тех же предлогах, союзах и под.), устная и письменная речь, как всем хорошо известно, стилистически друг от друга отличаются. Первая по своей природе рассчитана на слушателя, вторая — на читателя; первая произносится, вторая пишется. Произносящий и слушающий в большинстве случаев не могут по самим условиям осуществления устной речи и восприятия ее иметь дело с очень большими синтаксическими целыми: темп речи предъявляет требование, чтобы материал „подавался“ на данном отрезке времени без заметной задержки, чтобы он был дан сразу, вообще говоря, без поправок.

Наоборот, пишущий и читающий не нуждаются обязательно в том, чтоб мысль разбивалась в своем грамматическом оформлении на небольшие части: в процессе сложения на письме длинной фразы автор всегда имеет возможность дать оформление сначала одному звену мысли и связать с ним другие иногда значительно позже, когда они уже „подоспеют“; система, напр., союзов, отражающих основное устремление к дальнейшему (причинность, цель и под.), позволяет наметить, что нужно выразить, и сосредоточиться на отделке подлежащего оформлению. Пишущий всегда может и должен перечитывать написанное; перечитывая, он исправляет не удовлетворяющее его и предлагает читателю текст, обязательно отделанный (или предполагающий требовательность к отделке); наличие условий для медленной отделки позволяет оперировать бóльшими целыми, чем при речи устной, когда обычно отделка — выбор из навертывающихся возможностей, (если речь не выучена напамять) — должна совершаться быстро.

Письменная речь значительно более „литературна“, в ней значительно более отборочного, чем в речи устной. Говорят все, не проходя обязательно соответственной выучки; тот, кто пишет, обязательно учился. Устная речь в громадном числе случаев — на службе повседневных бытовых потребностей говорящих; письменная — обслуживает важное, а предназначенная для печати — особенно важное. На устную речь в смысле ее характера и синтаксических особенностей постоянно оказывает

поэтому громадное влияние язык непретенциозного общения. Таким образом синтаксис устной русской речи, как и ее лексика, свободнее от влияния старославянского языка и языков, которые влияли на русский главным образом или исключительно через книгу.

Наоборот, письменный язык, продукт книги и школы, сохраняет в себе многое, что сложилось в старинных стилях на почве уже отживших и отживающих идеологий.

Наблюдая отличия синтаксиса устной разговорной речи от речи письменной (причем та и другая у того же самого лица, при всей разнице, связаны тысячами переходов друг в друга), для значительной части словосочетаний нужно констатировать их теснейшую зависимость от специфической для каждого из видов речи лексики. Многочисленные старославянизмы письменной речи сообщают ей одновременно и синтаксическую физиономию: главным образом в письменной, напр., речи употребляемое *предшествовать* ведет за собой типическое для него управление (дательным), *возглавлять* — винительным, *внушать* кому-нибудь что-нибудь, *внедрять* в кого-нибудь что-нибудь; *льстить себя надеждой, исполненный решимости* и т. д., и т. д.

Это же нужно сказать и о словах, заимствованных из немецкого, французского и т. д.: *импонировать* (с дат.), *дирижировать* (с твор.), *претендовать* (на что-либо), *симпатизировать* (с дат.), *интересоваться* (чем-нибудь), *интерес* (к чему-нибудь), или о кальках, вроде *влиять* на кого-нибудь, *развивать* что-нибудь, и под.

Книжны и типичны для определенных литературных жанров (научно-философского, публицистического, канцелярского) синтаксические связи многих отглагольных существительных: *истолкование* (с род.), *забвение* (с род.), но *омерзение* (к чему-либо), *отвращение* (от чего-либо).

Ср. и типические канцеляризмы, как: *согласно чего-нибудь* (*приказа, распоряжения* и под.), *отправлено января пятого дня* и т. п.

Значительно реже в устной речи почти неотъемлемые в письменной причастные и деепричастные сочетания; они попадают в нее из речи книжной и в ряде случаев несут за собой впечатление литературной нарочитости. Также чужды разговорному языку обособленные прилагательные. Проходит различие между устной и письменной речью и по линии формы сказуемости: устная склонна, напр., значительно больше к формам полным (на **-ый, -ой, -ая -ое, -ий, -яя, -ее**); в ней необычны предикативные прилагательные, тяготеющие к полнозначным глаголам; лишь как редкое исключение можно в ней встретить связку *есть* и под.

Меньшая развернутость фразы устной сравнительно с письменной сказывается в ограниченности числа членов, входящих в состав ряда с перечислительной интонацией, и относительной редкости сложных предложений с несколькими степенями зависимости придаточных.

Хотя служебные слова (особенно предлоги) в большинстве

одинаково составляют необходимый фонд и устного и письменного языка, но, как мы видели, и тут возможны довольно большие различия в выборе: союзы, напр., *ибо, вследствие того что, нежели,* вообще говоря, чужды разговорному языку; из предлогов в нем решительно предпочитаются формы с русской огласовкой: *перед, через* (ср. книжные *пред, чрез*).

Для правильного представления о фактах нужно, однако, принять во внимание обусловленность выбора синтаксических средств еще и характером того жанра, для которого они избираются. Язык ораторский зачастую бывает значительно ближе по своим установкам к письменному (книжному) языку, чем к собственно устному — разговорному. Язык поэзии, напр., в определенных ее видах пользуется многими синтаксическими средствами, типичными как раз для языка разговорного, в других, наоборот, специфически отборочными и под.

ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ

Для критического использования:

А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Вып. 1-й. Л. 1925 г.
" " " " " 2-й Л. 1927 г.
Важнейшее собрание материала по русскому синтаксису. Не закончено обработкой, но и в сыром виде представляет исключительную ценность. Ср.: *С. Бернштейн.* Основные вопросы синтаксиса в освещении А. А. Шахматова, Извест. Отд. русск. яз. и слов. Рос. Акад. Наук, т. XXV, 1922 г.

А. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. 3-е изд. М. П. 1928 г. и 4-ое. М. 1934 г.

— Лучшее в русской литературе научно-популярное изложение русского синтаксиса. Ср. рец. „Шлях освіти". 1929 г. № 4.

См. также *Р. Н. Грацианская.* Синтаксическая система А. М. Пешковского в кратком изложении. 1930.

Д. Н. Овсянико-Куликовский. Синтаксис русского языка. Изд. 2-ое. С.-П. 1912.

— Изложение русского синтаксиса в историческом освещении с уклоном в сторону психологизма.

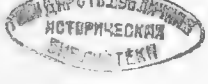
М. Петерсон. Очерк синтаксиса русского языка, М. П. 1923 г. Ср. рец. „Путь просвещения". 1924 г. № 1.

Его же. Русский язык. М. 1925 г.

В. Чернышев. Правильность и чистота русской речи. 3-е изд. С.-П. 1914 г.

П. Дудель. Грамматика русского языка. Синтаксис. М. 1923 г. Ср. рец. „Родной язык в школе" № 10 (1926 г.).

К ритмомелодике — ср. *Л. Булаховский.* К реформе русской пунктуации. „Русский язык в совет. школе". 1930 г. № 4.



СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От автора 3

1. Состав русского литературного языка . . . . . 5 — 22

1. Литературный язык. 2. Древнеболгарские элементы. 3. Русские наречия. — Из литературы.— Приложения.

2. Фонетика

ные. 9. Об ударении префиксов. 10. Бессуффиксные образования существительных. 11. Причастия (глагольные прилагательные). 12. Ударение причастий. 13. Залоговые формы на -ся (сь). 14. Приметы видов. 15. Наречия. 16. Деепричастия. 17. Сложные слова. 18. Сокращенные слова.— Из литературы.

5. Формы словоизменения . . . . . 157 — 192

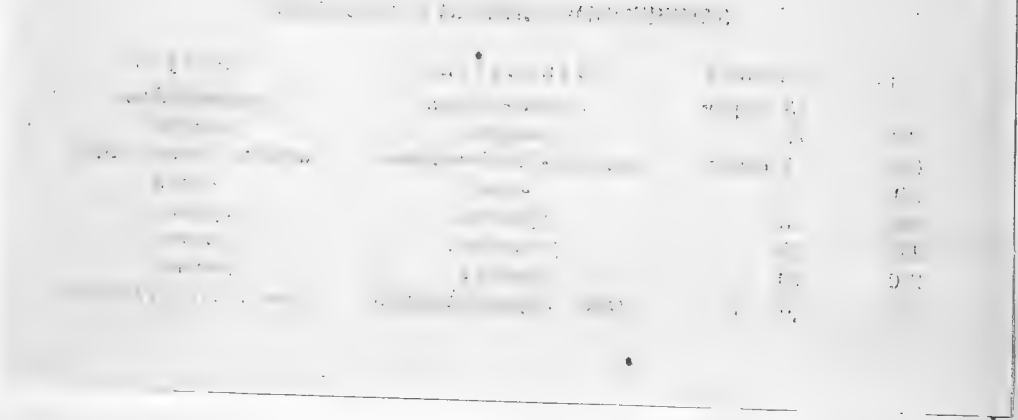
1. Склонение имен существительных. 2. Движение ударения в склонении имен существительных. 3. Склонение имен прилагательных. 4. Ударение имен прилагательных. 5. Особенности склонения некоторых местоимений. 6. Особенности склонения некоторых числительных. 7. Ударение числительных и местоимений. 8. Перенос ударения на предлоги. 9. Глагольная флексия. 10. Инфинитив (неопределенная глагольная форма). 11. Аналитические формы спряжения. 12. Ударение глагола.— Из литературы.

6. Правописание . . . . . 193 — 212

1. Из истории русского правописания. 2. Общие правила русского правописания. 3. Правописание словообразовательных эле-

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОШИБКИ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует
75	13 сверху	*круто - бедрая*	*крутобедрая*
77	17 „	*изозрей*	*изогрей*
142	7 снизу	активно - безобъективное	активно - безобъектное
151	2 „	**- кий**	**- окий**
166	23 „	существ.	существ
231	10 „	у глаголов	и глаголов
260	20 „	деница ?	девица ?
292	8 „	*уже . . . призадумалась*	*уж . . . позадумалась*



СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От автора 3

1. Состав русского литературного языка . . . . . 5 — 22

1. Литературный язык. 2. Древнеболгарские элементы. 3. Русские наречия. — Из литературы.— Приложения.

2. Фонетика . . . . . 23 — 45

1. Фонемы и их звуковые варпации. 2. Чередования гласных. 3. Чередования согласных. 4. Деление на слоги. 5 Общие замечания об ударении. — Из литературы.— Приложения.

3. Лексика и фразеология . . . . . 46 — 99

1. Вводные замечания. 2. Состав русской лексики в стилистическом отношении. 3. Областная и социальнодиалектная лексика. 4. Архаизирующая лексика. 5. Неологизмы. 6. Борьба с варваризмами. Замечания об абревиатурах. 7. Об источниках литературной фразеологии. 8. Замечания о супплетивных формах и омонимах. 9. Лексикография.— Из литературы.

4. Словообразование . . . . . 100 — 156

1. Части речи. 2. Вводные замечания о словообразовании. 3. Суффиксы имен существительных. 4. Ударение суффиксальных имен существительных. 5. Суффиксы имен прилагательных. 6. Ударение суффиксальных прилагательных. 7. Глагольные суффиксы. 8. Префиксальные имена существительные и прилагательные. 9. Об ударении префиксов. 10. Бессуффиксные образования существительных. 11. Причастия (глагольные прилагательные). 12. Ударение причастий. 13. Залоговые формы на -ся (сь). 14. Приметы видов. 15. Наречия. 16. Деепричастия. 17. Сложные слова. 18. Сокращенные слова.— Из литературы.

5. Формы словоизменения . . . . . 157 — 192

1. Склонение имен существительных. 2. Движение ударения в склонении имен существительных. 3. Склонение имен прилагательных. 4. Ударение имен прилагательных. 5. Особенности склонения некоторых местоимений. 6. Особенности склонения некоторых числительных. 7. Ударение числительных и местоимений. 8. Перенос ударения на предлоги. 9. Глагольная флексия. 10. Инфинитив (неопределенная глагольная форма). 11. Аналитические формы спряжения. 12. Ударение глагола.— Из литературы.

6. Правописание . . . . . 193 — 212

1. Из истории русского правописания. 2. Общие правила русского правописания. 3. Правописание словообразовательных эле-

Стр.

ментов. 4. Правописание флексий. 5. Иностранные (заимствованные) слова. 6. Употребление больших (прописных) букв. 7. Правописание слов слитное и раздельное.— Из литературы.

7. Синтаксис . . . . . 213 — 305

1. Вступительные замечания. 2. Подлежащее и сказуемое. 3. Второстепенные члены предложения (пояснительные слова). 4. Синтаксические особенности местоимений в простом предложении. 5. О типах бесподлежащных и бессказуемых. 6. Сложное предложение. 7. Причастные обороты. 8. Деепричастные сочетания. 9. Обособление. 10. Косвенная речь. 11. Частицы. 12. Порядок слов. 13. Замечания о стилистическом отборе синтаксических средств. — Из литературы

15–